

А. М. СЕЛИЩЕВ

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ ФОНЕТИКА

Допущено

*Министерством высшего образования СССР
в качестве учебного пособия для студентов
и аспирантов филологических факультетов
университетов и факультетов русского языка
и литературы педагогических институтов*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА ~ 1951

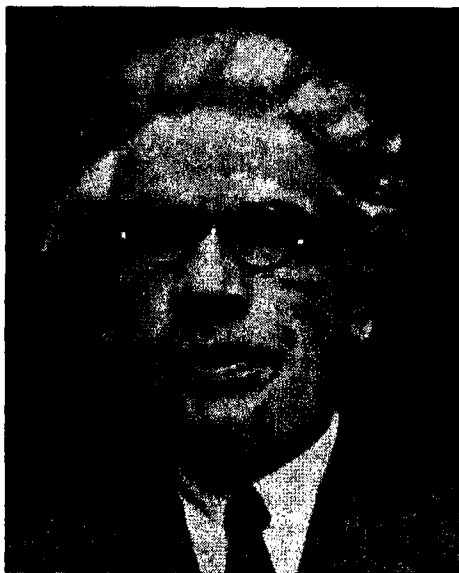

ОТ АВТОРА

Задача курса старославянского языка заключается в том, чтобы представить необходимые лингвистические сведения, которыми должен располагать каждый приступающий к изучению истории русского и других славянских языков. По мере своих сил, я выполнял эту задачу в своих курсах, которые читал в течение многих лет в университетах и педагогических институтах. В своем изложении я не останавливаюсь на истории решения того или иного лингвистического вопроса. Дать подробное критическое обозрение мнений по излагаемому вопросу невозможно в таком вводном курсе, а ограничиться сводкой мнений, по меньшей мере, бесполезно. Поэтому я даю изучаемым фактам такие объяснения, какие считаю ближе соответствующими истине. Усвоив предлагаемый курс, студент или аспирант будет иметь возможность критически отнестись к разным мнениям по изучаемым вопросам.

Издаваемая часть моего курса старославянского языка включает в себе филологическое введение и фонетику. Острая нужда ощущается в старославянских текстах, необходимых при прохождении этого курса. Поэтому одновременно с фонетикой издается сборник текстов со словарем, а также с краткими замечаниями о словообразовании и о формах.

А. М. Селищев.

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 1. Старославянский язык — это язык славянских переводов греческих книг, — переводов, выполненных Константином и Мефодием и их учениками во второй половине IX в. До нас не дошли рукописи на этом языке, которые относились бы ко времени деятельности первых переводчиков. Древнейшие старославянские рукописи принадлежат X—XI вв. Одни из них писаны азбукой, называемой „глаголица“, другие — „кириллицей“.

Такое общее определение старославянского языка не отвечает на следующие два вопроса: 1) элементы какой славянской языковой группы второй половины IX в. были положены в основу языка первых славянских переводов; 2) какой азбукой, глаголицей или кириллицей, пользовались первые славянские переводчики.

Данные, на основании которых можно ответить на эти вопросы, извлекаются из указаний: 1) исторических, 2) лингвистических и 3) палеографических.

§ 2. Необходимо представить главные моменты и обстоятельства, относящиеся к начальному периоду славянской письменности. Источниками служат произведения на славянском, греческом и латинском языках. Это — легенды (жития) и исторические документы.

и характером), в письме архиепископа Теотмара Зальцбургского, в легенде о папе Клименте (*Vita cum translatione s. Clementis*), в полемической „Истории обращения хорутан“ (*„Historia conversionis Carantanorum“* или *„Libellus de conversione Bagoariorum et Carantanorum“*), отстаивающей интересы немецкого духовенства. См. в названной выше книге проф. Пастрнека (*„Dějiny...“*, стр. 239—278).

§ 3. В 862 или 863 г. в Константинополь прибыло посольство от моравского князя Ростислава. Цель посольства, по сообщению жития Константина, заключалась в желании Ростислава получить проповедников, которые пользовались бы славянским языком. Повидимому, это желание было вызвано тем, что Ростислав хотел парализовать деятельность латино-немецкого духовенства, распространявшего христианство в Моравии: это духовенство было проводником влияния немецкого императора. Возможно полагать, что политическая цель посольства заключалась и в другом: в желании заключить союз с Византией в противоположность союзу Болгарии с государством Людовика Немецкого. Область государства Моравского граничила на западе с государством немецким, на юге, у Дуная, с княжеством Паннонским, а на востоке — с Болгарией (на севере и северо-западе границы Болгарии простирались до Днестра и Тиссы). В борьбе против моравского князя Людовик Немецкий хотел воспользоваться помощью болгарского князя Бориса. Папа Николай I, благословляя Людовика на войну с Моравией, получил в начале 864 г. сведение, что Людовик „намерен отправиться в Тулну и там укрепить мир с болгарским королем и заставить Ростислава волей или неволей подчиниться“. Союз же Бориса с Людовиком был, видимо, заключен ранее, в 861—862 гг. Несомненно, в Константинополе придавали большое значение отношению с Моравией. Открывалась перспектива распространить и укрепить влияние Византии на западе, в областях государства моравского. В пределы этого государства входили области нынешней Словакии, — в областях реки Моравы и далее на восток к Грону, Ипелю и северной Тиссе. В зависимости от моравского княжества находились и края чехов и далее на северо-запад — некоторые племена славян, живших в бассейне средней Эльбы (Лабы).

Где был центр Моравского государства? Определенного указания по этому вопросу исторические документы не дают. Историки полагали, что таким центром был или высокий Девин

у Дуная, недалеко от Братиславы, или Нитра. В последнее время получили некоторое подтверждение средневековые упоминания о Велеграде, у Угорского Градишта, как о центре Великой Моравии. Такое упоминание идет от XIII в. Недавние раскопки обнаружили недалеко от Угорского Градишта, в его предместье (Staré Město — „Старый Город“), следы крепости и многочисленного населения, которое вело оживленную торговлю с Византией. Может быть, тут-то и была *urbs antiqua Rastici* („старый город Растица“ — Ростислава), упоминаемая в фульдских анналах под 871 г. Византия отправила в Моравию миссию, во главе которой были поставлены два брата-грека Константин и Мефодий. Руководящая роль в этой миссии принадлежала младшему брату, высокообразованному Константину-философу. Константин и Мефодий были уроженцы города Солуня (Фессалоники). Они хорошо знали язык славян, живших в самом городе и в окрестностях его. „Вы оба солуняне, а солуняне все говорят хорошо по-славянски“ („вы же есте солонянина, да солоняне вси усто словъныкы вьсѣдоууть“; жит. Меф.). Мефодий был некоторое время правителем какой-то славянской области („княжение словѣньско“; жит. Меф.) в Византии, — на юго-востоке в Македонии или в областях побережья Эгейского моря (прочие области Македонии и восточной части Балканского полуострова входили в состав болгарского государства). Константин получил блестящее по тому времени образование. Как человек больших знаний, он был назначен хартофилаксом (библиотекарем) при патриаршей библиотеке. Но это занятие не соответствовало настроению Константина. Он предпочел удалиться в уединенное место, „на узкое море“ (жит. Konst.) — у Босфора. Спустя некоторое время он получил назначение „утити философи свои зъмца (тѣзъмца) и страници“ („своих и приходящих со стороны“), „и по то сѣмъ“ („и он принялся за это дело“). С эпитетом „философ“ обычно представляется в источниках его имя. Еще ранее моравской миссии на Константина была возложена миссия к сарацинам в Малую Азию и затем миссия к хозарам. В последней принимал участие и Мефодий, живший до этого в монастыре Олимп, в Малой Азии. Там некоторое время перед хозарской миссией провел и Константин, сосредоточившись на книжных занятиях („токмо книгами вьсѣдоу“; жит. Konst.). Византия нередко в политических целях пользовалась религиозными миссиями. Повидимому, хозарская миссия находилась в какой-то связи с походом русских на Константи-

нополь в 860 г. В хозарской миссии обнаружилось многостороннее способности Константина. По пути к хозарам, в Херсонесе, он находит евангелие и псалтырь, „рушкым писменем“ писанные, и человека, знающего этот язык,— и быстро научился читать эти книги. Он изучает древнееврейский язык. Состязался он и с самарянином, жившим в Херсонесе, и самарянские книги, принесенные им, Константин за несколько дней выучился читать, „бес порока“ (жит. Конст.). Свое знание древнееврейской, в частности самаритянской, письменности Константин обнаружил вскоре после возвращения из хозарской миссии, прочтя в Константинополе загадочную самаритянскую надпись на одной древней чаше. С древнееврейской письменностью Константин мог познакомиться и раньше, в Олимпе (в Малой Азии). Там он мог узнать и письмо коптское.

На Константина и Мефодия и была возложена миссия в Моравию. По сообщению житий и Константина и Мефодия, Константин еще до отъезда в Моравию составил азбуку для славянского языка и приступил к переводам на этом языке: „сложи писмена и ната въсѣдоу писати вугравьскую“ (жит. Конст.); „и азбуку оустрои въ писмена и въсѣдоу съставля, поутн сѧ шть моравьскаго“ (жит. Меф.). Это — важное указание. Возможно полагать, что Константин не впервые только теперь, в связи с моравской миссией, занялся делом славянской азбуки. В такой непродолжительный период времени, который оставался до отбытия в Моравию, едва ли можно было составить цельную, хорошо приспособленную к славянской фонетической системе азбуку, какой является алфавит Константина. Требовал значительной подготовительной работы и перевод, приспособление славянского языка и его элементов к новой функции — к передаче книжного языка литургических текстов. Ввиду всего этого можно полагать, что вопрос о славянской письменности для славян Византии и для соседней с нею Болгарии давно уже занимал Константина и вызвал некоторую подготовительную работу. По каким-то обстоятельствам введение славянской письменности для этих славян замедлилось. Моравская миссия побудила Константина продолжить работу по формированию книжного языка для славян. Он не изменил прежней языковой основы этого языка — основы языка, какой он знал, славян солунских: по справкам, какие он мог навести у членов моравского посольства, язык солунских славян был вполне доступен пониманию мораван.

Миссия отправилась в Моравию не позднее 864 г. Константин, Мефодий и несколько лиц, знавших славянский язык и помогавших братьям в деле славянской письменности, отправились вместе с другими членами миссии в Моравию. Первые годы пребывания в Моравии прошли в подготовке кадров славянских книжных людей и в изготовлении дальнейших славянских переводов с греческого. С первых же дней славянский язык в письменности и в церковном ритуале встречен был враждебным ропотом со стороны латинского духовенства в Моравии, утверждавшего латинский язык в письменности и ритуале. К Константину и Мефодию это духовенство относилось враждебно и по другой причине: в них оно видело не без основания опасных противников своему господству.

Проработав более трех лет в Моравии, Константин и Мефодий с группой своих учеников отправились в Рим, чтобы представить папе сведения о своем деле. Вместе с тем они надеялись получить поддержку папы — поддержку в их трудном положении среди враждебно относившегося к ним латинского духовенства. По пути из Моравии они на некоторое время остановились в Паннонии. Там их радушно принял князь Коцель и дал им около 50 учеников обучить славянским книгам (жит. Konst.). Далее путешественники направились в Венецию. Там у них были горячие споры с „треязычниками“, т. е. с лицами, утверждавшими, что только на трех языках законна письменность — на еврейском, греческом и латинском. „Треязычники“ были посрамлены греческим философом. „Как вам не стыдно принимать во внимание только три языка, а прочие народы и племена заставлять быть слепыми и глухими? Мы же знаем много народов, имеющих письмена... на своем языке. Ведь известны (в этом отношении) армяне, персы, авазги (абхазцы), иверы (грузины), сугдеи (аланы Сугдеи), готы (крымские готы), авары, турки, хозары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие“. Посрабив их многими текстами из писания, Константин оставил их. В средние века создалось представление, что в письменности могут быть допущены только три языка: еврейский, греческий и латинский. Такой взгляд был в особенности распространен на Западе в связи с тенденцией к универсальности латинского языка. Были и в Византии такие „треязычники“. Но там в господствующих верхах свободнее относились к письменности на других языках. Греческий язык не получил на Востоке того исключительного

господства, которое принадлежало латинскому языку на Западе. Глубокой давности традиция письменности существовала у египтян, сирийцев, халдеев, персов. На Востоке свободнее, чем на Западе, применялись народные языки в письменности, и Византия нередко пользовалась даже в целях политических ролью народного языка в письменности.

В Риме папа Адриан II торжественно принял Константина и Мефодия. Обстоятельства сложились так, что папа в целях укрепления своего влияния в Моравии и Паннонии признал славянский язык в письменности и в литургии. Из Рима Константин не вернулся. Заболев, он умер там в 869 г. в возрасте 42 лет. Перед смертью он принял имя Кирилл. По смерти Константина Мефодий действовал некоторое время в Паннонии. В Моравии положение было смутное — война с немцами, перемены в княжестве: Ростислава сменил его племянник Святополк, признавший верховную власть Карломана. Затем Мефодий получил назначение епископом Паннонии. Неудача папского Рима в Болгарии побуждала папу Адриана II к утверждению своего влияния в Моравии и в Паннонии: для этих областей основана была особая славянская епископия. Но Мефодий попал скоро в руки немецких епископов, которые заключили его в тюрьму в Баварии. Там он просидел больше двух лет. В Моравии произошли изменения. Вспыхнуло восстание против франков. Святополк стал независимым правителем Моравии. Мефодий вернулся в Моравию. Но деятельность там славянских книжников проходила в крайне тяжелых условиях. Святополк не был защитником славянской письменности. Приобрели большее значение латинники. Интриги, ложные доносы в Рим с обвинением Мефодия в „ереси“, подложные письма — всё они пускали в ход, чтобы скомпрометировать дело славянской письменности и восстановить свое господство над населением. В особенности мрачной фигурой является в это время интриган епископ Вихинг. (Позднее он покинул Моравию и стал канцлером у короля Арнульфа.) Последние годы деятельности Мефодия были заняты изготовлением славянских переводов. В 885 г. он умер. После его смерти противники славянской письменности во главе с интриганом и фальсификатором Вихингом торжествовали. Они добились у папы Стефана V запрещения славянского языка в церковном ритуале. Ученики Мефодия были изгнаны из Моравии, а некоторые проданы в рабство. Изгнанники отправились одни на юг, к хорватам, другие — на

юго-восток, в Болгарию. Там они продолжали дело славянской книжности.

§ 4. В особенности благоприятны условия для славянской письменности были в Болгарии. Из учеников Мефодия выдающимся писателем был Климент, действовавший в Македонии и в юго-восточной Албании. Македония была областью, где было изготовлено много славянских рукописей,— изготовлено с сохранением книжных традиций в языке и в письме, как они установлены были в кирилло-мефодиевских оригиналах и их продолжениях под пером Климента и близких его учеников. Из Македонии идет и большинство тех рукописей, глаголических, XI в., которые объединяются в группу старославянских.

Во время правления Симеона (893—927) государственный центр Болгарии Преслав становится и центром славянской книжности на востоке Болгарии. Из преславского круга писателей выдающимся был Иоанн экзарх. Преславские книжные люди пользовались тем же языком, каким писали и в Македонии. Связь личная и обмен рукописями в книжной среде востока и запада Болгарии существовали в разные периоды государственной жизни этой страны и в период ее независимости, и под властью Византии (972—1186). Но в восточноболгарских рукописях отражались отступления от прежних языковых книжных норм более значительно, чем на западе, в Македонии. Отступили в Преславе и от графической традиции: глаголицу там, повидимому, заменили так называемой кириллицей. В Преславе было изготовлено много рукописей, списки с которых распространялись затем в среде восточных славян и среди сербов.

§ 5. В Моравии и Чехии славянская письменность не совсем прекратилась. Кое-где она продолжалась и в X—XII вв. О письменности на славянском языке в этих краях свидетельствуют Киевские листки (X в.) и Пражские отрывки (конец XI или XII в.). На том же языке была составлена там легенда о Вячеславе и некоторые другие произведения. В конце XI в. в чешском Сазавском монастыре, где ютилась еще славянская письменность, славянские книги были совсем уничтожены приверженцами латинского языка или так испорчены, чтобы никоим образом нельзя было больше по ним читать. Так сообщает современный летописец (см. „*Fontes rerum bohemicarum*“, II, стр. 250). Следы старославянского языка отражаются в позднейших памятниках чешской письменности, на лексике ее.

Таковы главнейшие факты из начальной истории славянской письменности. Эти факты помогают дать ответ на поставленные выше вопросы: 1) об элементах языка кирилло-мефодиевских переводов и 2) о начальной славянской азбуке.

§ 6. По вопросу об элементах языка кирилло-мефодиевских переводов надо принять во внимание указание легенд, что в Моравию Константин, Мефодий и их помощники отправились с начатыми переводами. В основу языка этих переводов был положен язык тех славян, с которыми Константин и Мефодий имели общение, — славян Солуня и его района. Среди них прошли детские годы братьев. Среди славян, близко родственных с солунскими, проходила в течение некоторого времени административная деятельность Мефодия как правителя „княжества словенского“ где-то на юго-востоке Балканского полуострова.

Черты языка кирилло-мефодиевских переводов указывают также на область славян болгарских. Это была область, находившаяся рядом с греческой. Связи с греческим населением обусловили появление греческих слов в языке славян этой области. В славянской среде там употреблялись слова *сѣбота*, *параск'евъг'ни*, (*параск'евъг'ни*), *левъг'нтъ* и др. Звуковой вид некоторых из слов греческого происхождения указывает, что они перешли в язык славян не из литературного греческого языка, а из речи народной греческой среды: *сѣбота* [1. „неделя“, 2. „суббота“] указывает на народно-греческое *σάββατον*, а не на литературно-греческое *σάββατον*. На греческое сочетание *αδς* вместо *ββ* может указывать и передача имени *Ἀββαχοῦμ*, находящаяся в древнерусских книгах: *Амвакоумъ*; такая передача ведет к греческому *Ἀμβαχοῦμ*.

На греческую народную среду указывают заимствования с *г'* (*параск'евъг'ни*, *левъг'нтъ*): народно-греч. *παρασχευή*, литератур. *παρασχευή* („день перед субботой“, „пятница“), *λευ'γ'ίτις*, литератур. *λευίτης*: *домъ левъг'ни* — *τὸ λευγί (λευί)* (Син. пс.); *в'ъга* — *ἔυγα (εῖδα)*. По греческим диалектам с первых веков н. э. появился согласный *γ* после заменителя дифтонгов *ευ*, *ου*: *ευγ*, *ουγ* — *παρασχευγ'ί*, *δουλεύω* вместо *δουλεύω* „служу“ и т. д.

По народному произношению введены были и некоторые другие слова. Например, прилагат. *олъгоуинъ* или *алъгоуинъ* — *ἀλόης* — из алоэ сделанный или с алоэ смешанный. (Сок из алоэ — из дерева с длинными широкими листьями, имевшими колючки на концах, применялся на востоке при бальзамировании мертвых.)

В более поздних старославянских текстах передано это прилагательное ближе к греческому ἁλόγος — алогонъ (алогонно). Так было, например, в старославянском оригинале Остромирова евангелия. Первые славянские переводчики ввели в язык их переводов некоторые греческие слова в том звуковом виде, в каком они применялись в живой речи славянской среды. Если бы Константин и его сотрудники вводили эти слова как заимствования из литературного греческого языка, то они передали бы их в виде параскевинъ, левитъ, алогонъ. Непосредственное соседство славян с греками было на юго-востоке Балканского полуострова.

И другие черты словаря старославянских памятников указывают на то, что славянский язык первых переводчиков принадлежал той славянской среде, в которой употреблялось много греческих терминов. В старославянских памятниках находится длинный ряд непереведенных греческих слов — не переведенных по разным обстоятельствам.

1) Это были названия должностей, должностных лиц и предметов с их специфической значимостью:

а) архитрикланъ — греч. ἀρχιτρίκλιτος („главный столтник“, „распорядитель пиршества“); ефимериъ — греч. ἐφημερία („дежурство“, „очередной служитель“); в Зографском кодексе перевод: дньвнмъ урьдъ; игемонъ — греч. ἡγεμών („вождь“, „наместник“); иномонъ — греч. οἰκονόμος; (слав. приставникъ „управитель“, „управляющий“); коустодия — греч. κοῦστωδία („стража“); праторъ — греч. πράκτωρ („судебный пристав“); стратигъ — греч. στρατηγός („полководец“, „вождь“);

б) ароматъ — греч. ἄρωμα, родит. ἀρώματος; катапетазма — греч. καταπέτασμα (слав. опона — „занавес“); корвана или корванъ — греч. καρβάν („касса“, „денежный ящик“); краинво мѣсто — греч. κραίνου τόπος („лобное место“, „место казни“); соударъ — греч. σιudadáριον, слав. оувароуъ („полотенце“) и многие другие.

2) Слова отвлеченного значения: оусниъ — греч. οὐσία („существо“); вѣннъ оусниъ нашѣмъ плѣтннъ покрывѣшии сѧ (Син. тр.); скандѣлъ (Син. пс.) — греч. σκάνδαλον („соблазн“) и др.

3) Были слова, перевод которых бытовыми славянскими словами понизил бы стилевое значение их — понизил бы своей бытовой окраской. Например: кринъ — греч. κρίνον („лилия“), опендитъ — греч. ἐπευδύτης („верхняя одежда“, „плащ“), позднее переведено так: „сравницъ“; тектонъ — греч. τέκτων („плотник“); ср. текст: не съ ли вѣтъ тектоновъ снѣ (Марини.); Петра, петръ (на семь петръ или на семь камене, по отношению к личному имени Петръ) — греч. πέτρα („огромный камень“, „скала“),

акротомъ (Син. тр.) — греч. ἀκρότομος — „твердый камень“: неизменно
основано на акротомъ і дѣловъ каменн тво[в]а въры (Син. тр.); акротомъ и
в Син. псалтыри; алектѣторъ — греч. ἀλέκτωρ, слав. пѣтъль; власениинъ —
греч. βλασφημία („ругательство“, „злословие“); афедронъ — греч.
ἄφειδρον („отхожее место“, „задний проход у животных“); кро-
тафъ; покоі кротафѣма моѣма (Син. пс.) — греч. κρόταφος („висок“).

Переводчики полагали, что введение некоторых греческих
слов не затруднит понимания текста в известной им славянской
среде — в среде, близкой к грекам, — на юго-востоке Балкан-
ского полуострова.

Что касается общего словарного состава старославянских па-
мятников, то он недостаточно показателен при отсутствии све-
дений по истории слов у южных славян. В этом словаре были
такие слова, которые ясно указывали на Балканы. Таково слово
клеврътъ в значении греч. σὺμβουλος, т. е. „сораб“, „товарищ по
работе“ (подрѣзъ в более поздних переводах). Это слово харак-
терно для балканских областей, так как вышло из романско-
балканской среды, это — передача балкано-романского слова
collibertus. Из балкано-романской среды взято было балкан-
скими славянами название верхней одежды котыга. Это слово
находится в Супрасльской рукописи и в древнерусских памятни-
ках, списанных с южнославянских оригиналов. Например: въ
же котыга нашеена — в Мстиславовом ев. (XII в.), Иоан., XIX, 23 —
в греческом тексте — ἦν δὲ οὐκὼν ἄρραφος; и хотащѣмоу съ тобою пярѣти
са и ризѣ твоѣ възати остави шѣмоу и котыгоу (в Сборнике Святослава
1073 г.); облечеса въ зеленую котыгоу (σχήμα) (в хронике Иоанна
Малалы). В словах Ефрема Сирина (в списке XIV в.) находится
это слово в более новом звуковом виде, с гласным у: котуга
(κῆτων, tunica): котугу пестру. На юго-западе Балканского полу-
острова, где в особенности сильно было романское воздействие,
сохраняется до сих пор это слово: в хорватских говорах на
острове Вресе, в Башке, в Коштрене, в Бакарце, в Чавлях:
kotiga, kōiga. В некоторых из этих местностей так называют
только женскую верхнюю одежду из меха овец (о. Врес). Бал-
канско-славянское котыга (более позднее котуга) представляет собою
передачу среднелатинского слова cotusa — название верхней
одежды клириков (tunica clerici).

Характерны для южнославянских языков слова слани („иней“),
акууегъ („ящик“, „сундук“), горюшнъ („горчиный“), градъ, гра-
дешн...

Как грецизмы, так и некоторые другие явления словаря старославянских памятников указывают на юго-восток полуострова, на области болгарские. Показательное значение заключается в том, что эти слова совпадают со словарем болгарских писателей последующего времени, конца IX — начала X в. — со словарем Иоанна экзарха болгарского, действовавшего на востоке, со словарем Климента, деятельность которого относилась к юго-западу болгарских областей. Например: *градѣши* в ст.-слав. памятниках у Иоанна экзарха, у Климента; *клеврътъ* в ст.-слав. памятниках и у Иоанна экзарха; *страньнъ* (в значении „чужой“, „гость“) в ст.-слав. памятниках, у Иоанна экзарха, у Климента, и ряд других слов.

Отметим еще слово *лиинта* („щека“) — слово, представляемое только говорами болгарскими на юго-востоке Македонии [Неврокоп] и во Фракии.

Показательно своим архаизмом и слово *ч'ѣд* вместо *чадъ* в говорах на юго-востоке Македонии. Значение этого слова такое же, как и в давнее время: „род“, „племя“, „группа людей“. *чѣдъ* *слованѣ* — просто *чадъ*, по словам послов князя Моравии Ростислава [жит. Конст.].

Обратим внимание на значение глагола *поустити*: он имеет значение не только „пустить“, „отпустить“, но и „послать“, „дать“. Например: *ѣгда напишетъ книгы* [„письмо, грамоту“] *и поуститъ къ мнѣ* (Супр. рук., 77^{об.}); *поусти же* („послал“) *мѣжа жоупанты и саноуиты къ стоумоу* (Супр. рук., 147); *приде же четверъ зѣло* („поздним вечером“) *сѣлъ* („посол“) *поуштенъ отъ того трокон'да* (Супр. рук., 147); *законъ нже сѣтъ поуштенн измъ* (Супр. рук., 75^{об.}); *поусти привѣтъ* („послал привет“) в Синайском патерике XI в., — в русском списке со старославянского оригинала. В значении „послать“ знали этот глагол и семиградские болгары, вышедшие в XIII в. из восточной Болгарии: „твуйте свенте ангеле ми *п у с т и* на помощ (парамаст)“. В том же значении применяется этот глагол и в современных болгарских говорах, преимущественно на юго-западе: „Ако ти не втасат тије пари, *п у ш т и* ми една книга, ја к'а ти *п у ш т а* уште пари“ („Если этих денег тебе нехватит, пришли мне письмо, я pošlu тебе еще денег“; западная Македония).

„Кога те викаф, не дойде,

То шчо ти *п у ш ч и ф*, не зеде“

(„Когда я звал тебя, ты не пришла; то, что я послал тебе ты не взяла“; там же).

„Фано, пиле материно!
Пушчи мене бела рака“.

(„Фана, птенчик материн! Дай мне белую руку“; там же).

И в говорах Солунского района до сих пор существует глагол „пусна“ в таком значении. Например: пуснала една робинка, зема за десет пари халва — „послала служанку взять на десять копеек халвы“; за вилеетут пари да пусни — „в вилает деньги послать“.

Глагол пушчи в значении „послал“ имеется также в говорах южной Македонии — в говорах Костурского края, близких по своей основе к говорам Солунского края.

Нет основания видеть в глаголе поустити, употреблявшемся с значением „послать“, „отправить“, позднее наложение в языке старославянских памятников (Супрасльская рукопись); он применялся и на юго-западе, как свидетельствуют современные болгарско-македонские говоры.

На область славян Болгарии указывают и тюркские слова, перешедшие от тюрков-болгар в язык этих славян и отразившиеся в старославянском языке: *грьѣтъгъ* — „терем“, „спальня“ (в Син. пс., в Син. тр., в Супр. рук.). К болгарам, как и к некоторым другим тюркам, оно перешло от каких-то иранцев (персидск. *čārtāk*, может быть, аланское *čārtak* вместо *kartaka* „дом“, „огороженное место“). Позднее из турецкого языка это слово заимствовано было южными славянами и русскими с согласным *d*: болг. чардак, сербо-хорв. *čardak*, *cěrdag*, русск. чердак.

Отметим одну синтаксическую черту языка старославянских памятников, указывающую на тесные взаимоотношения славянского и греческого населения — на взаимоотношения, при которых появилось среди тех и других двуязычие: греки знали славянский язык, а славяне — греческий. Некоторые черты синтаксиса и семантики греческого языка переносились в славянскую речь. Таково происхождение двойных форм имен существительных, служащих для передачи дистрибутивности, дифференцированной множественности, отдельных частей, групп, рядов и т. п. Так, в Зографском кодексе, в VI, 39—40 Марка читается. *Ѣ послѣ Ѣмъ посадити ѣ всѣ-на споды- на споды-¹ на трѣвъ зеленѣ. Ѣ възлегоша*

¹ „Группами“, „на группы“;

на лѣхѣхъ. на лѣхѣхъ.¹ — греч. *οὐπὸ βία οὐπὸ βία*, ... *πρὸς αἰὶ πρὸς αἰὶ*. Славянская передача не являлась лишь книжной передачей греческого текста, а отражала явление живой славянской речи. Это были славяне юго-востока Балканского полуострова — славяне болгарские. В их языке и в среднеболгарскую и в новоболгарскую эпоху представлены такие сочетания. Например: „Из полето на вълни на вълни се доносяха екливи и тъжни песни“ — „С поля доносились волнами звучные и печальные песни“ (Елин-Пелин, Разкази, I „Летен день“). Подробнее об этом сочетании говорится в отделе синтаксиса.

§ 7. Черты фонетические языка кирилло-мефодиевских переводов свидетельствуют о славяно-болгарской основе этого языка. Из них особенно показательны следующие черты.

1) шт', жд' вместо ранних доисторических tj (а также kt'), dj. Изменение ранних доисторических tj (kt'), dj в шч (шт'), ждж (жд') — это давняя характерная черта славян болгарской группы. Области поселения славян этой группы были в VII—XII вв. весьма обширны. Они жили и к северу от Дуная, в пределах нынешней Румынии и восточной Венгрии; в пределы Болгарии входили области Срема, Баната, Семиградии. В особенности многочисленно было население в Семиградии. Там в долине реки Мароша находились богатейшие в то время, ценнейшие соляные запасы. Население в IX—X вв. было там славянское и тюрко-болгарское. Эта двойственность населения оставила след на топонимии Семиградии. Так, название местности Торда — тюркское, Сольнокъ — славянское; имя речки Кюкюлѣ — тюркское, Търнава — славянское. Те же славянские племена занимали и восточную часть Балканского полуострова, и обширные области в Албании, в Эпире, Фессалии и по местностям Пелопоннеса. В силу общественных и экономических условий, неблагоприятно сложившихся для славянского населения, в областях к северу от Дуная и в краях Албании, северной и южной Греции получил преобладающее значение иноязычный элемент. Но следы прежнего населения, славянского, в этих областях отражаются в языке земли (в топонимии) и в языке румын, мадьяр (венгров), албанцев, греков.

Из топонимии: Pešt (в Венгрии), Peštera, Grăjdeni (в Румынии), Пештера, Лешта, Хоштова, Граждани, Либражди (в Албании), Χόστωβα (на Пелопоннесе).

¹ „Рядами“, „в ряды“.

Из славянских слов в венгерском языке: *moštoha* („мачеха“) — болг. маштеха; *rožda* („ржа“, „ржавчина“) — болг. рѣжда; в румынском *măștehă, dažde* („годать“) — болг. даждие; *gražd* („стойло“, „конюшня“) — болг. гражд; в албанском: *graždi, važdoj* („идти по следу“) и др.

2) Другая фонетическая черта, характерная для языка славян болгарских по сравнению с языком других южных славян (сербов, хорватов и словинцев), а также по сравнению с языком чехов и словаков — это гласный открытый переднего ряда *ä*, с мягкостью предшествующего согласного, в таких случаях, как *хл'äбъ, дѣв'ä рыб'ä „2 рыбы“* и т. п. В глаголической азбуке этот гласный передавался знаком *▲*, а в кириллице посредством *ѣ*. На такое образование „*ять*“ (точнее „*ядь*“) указывают все говоры славян болгарских и на востоке, и на севере от Дуная, и в Македонии, и в Греции, и в Албании. Отметим несколько примеров из топонимии областей, где некогда жили группы славян болгарских, и из славянских слов с *ѣ*, перешедших к румынам, грекам.

Из топонимии Румынии: *Brează, Breastă, Deal* (слав. дѣль), *Oreav* (слав. орѣхъ), *Pleaș* (слав. плѣшь); Албания: *Леаска* (Ляска), *Дряново* (слав. Дрѣново, корень дрѣн-), *Лябово* вместо *Хлѣбово*; Греция: *Λιάσσορον* (слав. корень лѣска-), *Ἀραχῶνιτςα* („орѣх-“).

Такое же указание представляют славянские слова, перешедшие в румынский, албанский, греческий языки. Нап. имер: *pleava* (болг. плѣва — „мякина“), *preaža* (болг. мрѣжа), *neveasta* (болг. невѣста) — в румын.; *χράνος* (хрѣн), *ἀστράχα* („стрѣха“, „крыша“), *ζαῦον — σαῦο* (сѣно) в новогреч.; *saṇē* (сѣно), *saṇa* (черѣн — „камень у очага“) в албанском.

На гласный *ä* указывают все говоры славян болгарских в их истории. И в настоящее время имеются говоры с *ä* вместо *ѣ* на юго-востоке и на северо-востоке: *б'äли, нед'äлит'ä* (недѣлитѣ), *в'äрен...*

В глаголице знак *▲* служит для передачи не только *ѣ*, но и древнего *ä* после мягкого согласного — *ъно, кол'ъ* (кирилл. *кол'ѣ*). Такая передача была вызвана тем, что были близки звуки *ѣ* и заменитель гласного *ä* после мягкого согласного. Это был гласный *ä*. Такой гласный вместо *ä* после мягкого согласного представляют и современные говоры к востоку от Солунского края.

Было бы методологически неправильным делать заключение из сопоставления языка кирилло-мефодиевских переводов с современными болгарскими говорами (XIX—XX вв.) — заключение о взаимоотношении их. Вне исторической перспективы такое заключение было бы недостаточно обосновано и вызвало бы ряд возражений относительно генетической связи языка первых славянских переводов с языком славян болгарских. Историческое же изучение болгарского языка обнаруживает все главные черты звукового и морфологического состава языка кирилло-мефодиевских переводов.

- 1) Носовые гласные *ѡ, ѡ*.
- 2) Редуцированные гласные *ѣ, ѣ*.
- 3) *l* — epentheticum.
- 4) Аффриката *ѡз* (s): *нѡзѣ*.
- 5) Разные формы в системе склонения.
- 6) Окончание *-тъ* в формах 3-го л. ед. и мн. ч. настоящего времени: *нѣсѣтъ, нѣсѣтъ*.

7) Форма аориста и имперфекта.

Болгарские диалекты представляют также следы таких форм сигматического аориста, которые уже в XI в. по говорам были утрачены, — форм с *ѣ* в корне: 1-е л. ед. *нѣсъ, вѣсъ, рѣхъ*, 3-е л. мн. *нѣса, рѣша* и др. В то время, когда такие образования аориста были еще в употреблении, их основа с *ѣ* обобщилась в некоторых говорах для других форм: для инфинитива, для причастия прошедшего времени: *донѣт[и], донѣл[ъ]*. Такой процесс был пережит и в сербо-хорватских говорах: *doněti, doněl → donio, doněla*; аорист с новым *ch*: *doněch*. Формы причастия *донел, занел* („принес“, „занес“) существуют в западноболгарских говорах. Следы аористных форм *нѣсъ* имеются и в говорах Солунского района. В этих говорах представлены такие же следы и от форм с инфинитивной основой *лѣхъ*. Вот несколько примеров: Чилиби Теодорак донел невеста от Европа; бабата утрината излела с куконата да седи („старуха утром вышла с хозяйкой посидеть“); я утрината саатю на четритя излела коконата, влезе на хамаму..., точас тос приател излел от сандько и много си помачи да отвори вратата от хамаму, па влезел он на сандько и си затвори сам; она си умула и па излела на удаюшката („утром часа в 4 вышла хозяйка, вошла в купальную комнату..., тогда этот приятель вылез из ящика и много старался открыть дверь в купальную комнату, и влез он в ящик и там затворился,

она омылась и вышла в маленькую комнату*). Эти говоры представляют основу с *ѣ* и в новообразовании для итеративного глагола с суффиксом *-ва-*: донѣвам (дон'ѣвам, доневам — 1-е л. ед.), излѣвам (изл'ѣвам, излевам — в других болгарских говорах излѣзвам, излизвам — „выхожу“). Такие же следы аористных форм *нѣсъ* представлены и дальше на юго-восток, в говорах Фракии.

§ 8. Итак, теперь не подлежит сомнению, что элементы языка кирилло-мефодиевских переводов принадлежали языку славян, находившихся на юго-востоке Македонии и в других областях востока и юга полуострова, — славян болгарских. Оставлена, как явно несостоятельная, паннонская теория происхождения старославянского языка — теория В. Копитаря (1780—1844), П. И. Шафарика (1795—1861), Фр. Миклошича (1813—1891). По их мнению, элементы языка кирилло-мефодиевских переводов принадлежали языку славян Паннонии, т. е. предкам нынешних словинцев. Одним из главных доводов в пользу такого взгляда служили некоторые слова старославянских памятников, указывавшие на ту область, где было воздействие латинское и немецкое. Это такие слова, как *поганѣ*, *оуктарѣ*, *оукѣ* („уксус“), *мнса* („обедня“), *постѣ*, *црькы*, *попѣ*... Но как быть с такой языковой чертой кирилло-мефодиевских переводов, как *шт — жд* вместо давних *tj (kt')* — *dj*? У словинцев издавна в этих случаях были *č — j* (*sveča — meja*), в Моравии *с — dz (z)*. Для объяснения *шт — жд* Миклошич полагал, что у славян Паннонии были такие же замены ранних *tj (kt')* — *dj*. Славянские слова с *шт — жд*, перешедшие в мадьярский (венгерский) язык, будто бы свидетельствуют о наличии таких звуков вместо *tj — dj* в языке славян Паннонии.

Все это несостоятельно и противоречит историческим данным.

Константин и Мефодий оказались в Паннонии только после того, как более трех лет провели в Моравии. В Моравии же, как и далее в Чехии, население было западнославянское, с *с — dz (z)* вместо *tj — dj*: *svěca (svěcā) — medza (meza)*. Киевские листки, написанные в X в. в области Моравии, ясно указывают на эту фонетическую черту: *дзъ*, *оуцъннѣ*.

Славянские заимствования с *шт — жд* в мадьярском языке взяты были от одной из групп славян болгарских, в VIII—IX вв. живших не только на востоке Балканского полуострова, но и далеко к северу от него (см. выше, § 7).

Такие слова латинского происхождения, как *поганъ* (лат. *paganus*), *миса* (*missa*), *олтарь* (*altare*) находились и в греческом языке, как результат взаимоотношений Византии с Западом (греч. *παγανός*, *μίσα*, *ἄλτάρη*). Из греческого источника они и могли перейти в язык кирилло-мефодиевских переводов. В греческой среде употреблялось и слово *παπᾱς*, откуда оно перешло и к южным славянам: *попѣ*.

Среди населения на востоке Балканского полуострова были распространены и некоторые другие латинские термины — распространены римскими колонистами здесь. К таким словам относилось, например, *acetum* — слав. *оцѣтъ*.

Через балкано-романскую среду могло прийти к южным славянам и слово *цръкы*, восходящее к греческому *tò κυριόν* вместо *tò κυριακόν* („дом господний, храм“). Вероятно, в старославянском языке отразилось и латинское название „восприемника“ („кума“) — *compater*: *къмѣтъ* („кум“), *къмѣтра* („кумá“). Но и это слово могло прийти к южным славянам на Балканах от романского населения, находившегося там. И позднее названия для „кумы“ и „кума“ заимствовались южными славянами, болгарами, из этой среды при бытовом общении с нею. Таково происхождение слова „кумбара“ у болгар в селах Сухо и Висока Солунского района.

Вероятно, из романской же среды пришло к балканским славянам, жившим неподалеку от Эгейского моря, и название кормы или лавки для гребцов *дохѣторъ* (употреблялось также в значении „подушка“). Это слово восходит к др.-верхн.-нем. *dofta* — „лавка для гребцов“, слово, близкое по значению к латинскому *ductarius*.

Слово же *постъ*, восходящее к др.-верхн.-нем. *fasta*, проникло в разные славянские языки в разное время.

Но нельзя отрицать, что в Моравии в язык славянских переводов вошли некоторые слова, бытовавшие там, указывавшие на сферу деятельности латино-немецкого духовенства. Таково происхождение слова *цръкы* с *-ир-* в Киевских листках и в Синайской псалтыри, *папѣжъ* („папа“), *рованиа* в значении лат. *papa* в Киевских листках: эти слова указывают на верхненемецкий источник: *цръкы* вместо др.-верхн.-нем. *chiricha*, *папѣжъ* вместо др.-верхн.-нем. *bābes* („папа“) и *рованиа* (*рованиъ*), повидимому, вместо др.-верхн.-нем. *aravanī* — лат. *munera*; по образцу латинского *media hebdomas* стало применяться слово *срѣда* (день недели). Может быть, в связи с значением латинского слова *feria* („праздник, день отдыха, покой“) стали применять слово *недѣля* — „воскре-

сень" (день недели). Но вероятнее предположение Фр. Миклошича о семантической связи старославянского слова недѣля, с греческим ἀπράχτος ἡμέρα — „праздничный (нерабочий) день". В таком значении употреблялось это выражение не только у классиков, но и в византийский период. Например σεπτῆς κυριακῆς ἡ ἡμέρας ἀπράχτου в папирусе 594 г. н. э. (H. Van Herwerden, Lexicon graecum s. v.).

В Моравии в старославянский язык приняты бывшие там в церковной практике и такие слова: *комѣлати* — „причащать", *комѣланию* — „причащение" (Син. тр.). В этом термине отражаются латинские *communicare, communicatio*.

В Моравии через немецко-латинскую среду был уже введен *тѣпнѣхъ* по образцу др.-немецкого *münich* (совр. нем. *Mönch*), вместо латинского *monicus*, а это из греческого *μοναχός* — „монах". Имя *мѣннхъ*, прилагат. *мѣннхъскъ* вошли и в старославянский язык (*мѣннхъскаго унѣа* — Син. тр.).

Из лексики славян Моравии и Паннонии могли быть взяты и некоторые славянские слова. Такого происхождения слова *ашють* („даром", „напрасно"), *рѣснота* („истина", „правда", „действительность"), *отълѣкъ* („остаток") и некоторые другие.

§ 9. Язык старославянских переводов нельзя отождествлять во всех отношениях с живой народной речью славянской массы Солунского района. В основу языка письменности положены были элементы языка городского и пригородного славянского населения, с которым имели общение греки города Солуня. Речь этих славян отличалась от языка широкой народной массы главным образом в отношении лексики. В городских слоях славянского населения было больше греческих заимствований, чем в среде сельского населения. В числе греческих заимствований были у славян города и слова городского обихода того времени. Употреблялись там и некоторые церковные и бытовые термины греческого происхождения, чуждые деревне. Например: *парасковѣгъни* — *παρσχευή*, — в народной среде *пѣтъкъ* („пятница"), *иконѣмъ*, *днѣволъ*, *афедронъ* и др. От греков в эту городскую славянскую среду перешли слова латинского происхождения: *поглѣнь*, *олѣтарь*.

Лица славянской городской среды не принадлежали к социальным верхам греческого города: лица из этой среды имели дело с греками, пользовавшимися народной греческой речью; некоторые греческие заимствования свидетельствуют об этом.

Так, славянское *сѣбота* с *сж-*, а не с *со-* восходит к народно-греческому *σάββατον*, а не к книжному *σάββατον*; славянские заимствования с *г'* также свидетельствуют об этом источнике: *параск'вѣг'ни* — нар.-греч. *παράσκευή*, а не книжно-греч. *παρασκευή*.

Можно полагать, что и в отношении фонетики язык городского славянского населения отличался кое-чем от языка славянских деревень. Может быть, в звуковом составе языка славян города раньше, чем в деревне, стали возможны сочетания с согласными палатальными (мягкими) *к'*, *г'*, *х'*. Такие согласные были в языке старославянских переводов. В языке же славянской деревни на юго-востоке Балканского полуострова, как и у восточных славян, долее действовала прежняя фонетическая тенденция изменять *к'*, *г'*, *х'*. В давнем языковом фонде славян не было *к'*, *г'*, *х'*: вместо этих согласных в раннюю доисторическую эпоху появились *ч*, *ж*, *ш*; в более позднюю доисторическую эпоху вместо вновь появившихся *к'*, *г'*, *х'* получились мягкие *ц'*, *дз*, *с'*. Новые слова, появившиеся в языке славян в историческое время, — слова с *к* — *г* перед гласным переднего ряда передавались или с палатальными *т'* — *д'* (вместо *к'* — *г'*) или с *ч* (вместо *к'*), с *ж'* (вместо *г'*). Позднее появлялись в разных славянских языковых группах *к'*, *г'*, *х'*. По отдельным славянским группам происходили дальнейшие сдвиги в их образовании. Наиболее выразительны в этой позднейшей передвижке некоторые словинские говоры: *џѣ* вместо *къ* [de]; *гоџе* вместо *гоке* (вин. мн.; ед. *гока* — „рука“); *џíslo* вместо *kíselo*; *šiša* вместо *chiša* („дом“) и др. Передача палатальных *к'*, *г'* посредством *ч*, *ж'* представлена была в разное время и на славянском востоке.

В др.-русском языке были греческие имена с *ку* (*к'у*), *ки* (*к'и*). Мягкий *к'* передавался русскими посредством *ч*. Несколько примеров, извлеченных из летописей, из деловых документов, из писцовых книг, из топонимии:

Κουπρίανος — Чуприян, Чупро, Чуприло, Чупря, Чупрак, Чупрун, Чиприян;

Κούριλλος — Чурило, Чурилко, Чурилец;

Κόριος, *Κόρ* — Чур, Чурей, Чирей, Чурик; но последнее может быть вместо *Κόριξ* (*Κήριξ*);

Κουριάχος — Чурьяк;

Κήριξ — Чирик, Чирей, Чирец;

Νιχηφόρος — Ничипор.

Отметим еще то же явление, отразившееся на передаче финских слов: название финского племени Ижера вместо финского Inkeri (Inger); название озера Селижар, отражающееся в имени речки „Селижаровка“; другое название озера ближе соответствует финскому оригиналу: Серегърь — Селигер; ср. финск. Särkijäri, эст. Sär'gjärg'v — „Красноглазое озеро“.

Применялся и другой способ замены мягкого к' (z') в заимствованных словах — его передавали посредством твердого к (z): др.-русс. Куприян (Купреян), Купря; Курило, Курил, Курилко; куриловица, Кур, Курай, Курей; Курьяк, Курьян. Таким же способом передан был к' в тюркских словах, рано перешедших в славянскую среду: русск. *кочевать*, польск. *kočować* — вместо тюркск. *köç* того же значения; ст.-сл. *къль* — вместо тюркск. *kār* — „изображение“, „фигура“.

Палатальные к', z', х' были в языке славян солунских в IX в. Язык кирилло-мефодиевских переводов свидетельствует об этом. В народной же речи юго-востока Балкан в подобных случаях были шипящие согласные (нового происхождения). Например: греческое имя *Κύριξ* (вместо *Κίρυξ*, *Κήρυξ*) передавалось раньше у этих славян с ч вместо к': Чурикъ. Такая передача сохранилась в качестве нарицательного имени *чурици* — день 15 июля по старому стилю (день Кирика и Иулиты). В этот день в Македонии не работали: чтили жаркие, горячие дни, чтобы огонь не наделал бед. На произношение этого имени с к' и к' i указывает др.-русская передача *Кюрикъ* — *Кирикъ* (кю, ки отражают более позднюю русскую фонетику — фонетику того времени, когда в системе ее были мягкие к', z'). Того же происхождения ч вм. к' в имени северо-западного македонского села Ничпур, от личного имени Ничипор (*Νιχηφόρος*).

Язык первых славянских переводов представлял и такие элементы, которых не было в языке ни городского, ни деревенского славянского населения. Это был язык книжный, литературный, представлявший много слов, не существовавших в языке обиходном. Переводы с греческого требовали много новых славянских слов. Образование их нередко зависело от греческого образца. Таково, например, происхождение многих сложных слов: *благодать*, греч. *εὐεργέτης*; *благоволение*, греч. *εὐδοκία* и др. Примеры иных словарных образований по греческому образцу: *волнати*, греч. *μεγαλύνειν*; *вздвигати сѧ*, греч. *ἐναυλιζεσθαι*; *благословити*, греч. *εὐλογεῖν*.

Того же происхождения было и слово *насъщныи* (хлѣбъ насъщныи) — греч. ἐπιούσιος (ὁ ἄριστος ἐπιούσιος). Ст.-слав. *насъщныи* — новообразование, произведенное в зависимости от греческой формы; представлявшей префикс ἐπι-(на-) и прилагательное οὐσίος от причастия наст. вр. глагола εἶναι, εἰμί; ѿν, ѿбѣ, ѿу. Глагол ἐπεῖναι имел значение „быть на чем, при чем“; прилагательное ἐπιούσιος — „достаточный на день“. В славянском новообразовании основа причастия наст. вр. для глагола *быти* (сѣш-) распространена посредством суффикса -ѣн-, входившего в состав прилагательных и указывавшего на отношение к значению корня, на-сѣш-ѣн-ѣн.

Внесено было много греческих слов без перевода.

Кроме лексики, язык первых славянских переводов отличался от обиходной славянской речи и в синтаксисе: в переводе на славянский отражался иногда синтаксис греческого оригинала.

В старославянском языке, как языке книжном, отражались элементы греческого языка не только в словаре и синтаксисе, но и в фонетике. Константин и близкие к нему ученики в передаче греческих слов, не бывших дотоле в употреблении в речи славян Солунского района, вводили некоторые особенности фонетики греческой. Так, введен был гласный *ѣ* (*у*) в передаче греческого *υ*, согласный *ф* и междузубной спирант *ѣ*, соответствовавший греческому *ϑ*. Например: *ѣг'ѣнѣтъ*, *ѣнѣнѣтъ*, *ѣнѣсѣтъ* (см. ниже, в отделе о звуковом составе старославянского языка).

Итак, старославянский язык — это язык славянских переводов, выполненных Константином (Кириллом) и Мефодием и их учениками. В основе этого языка лежали элементы языка славянского населения Солуны и его пригорода. Кроме некоторых особенностей в лексике и в звуках, — особенностей, принадлежавших населению города, в своей основе это был язык славянского населения востока Балканского полуострова — язык славян болгарских. В отличие от обиходной речи в старославянском языке были элементы книжные — в лексике, в синтаксисе и в звуках.

§ 10. Отметим теперь некоторые черты переводческой техники первых устроителей старославянской письменности. Старославянские рукописи свидетельствуют о тонком языковом чутье первых славянских переводчиков, о их глубоком знании элементов греческого и славянского языков. „Утонченность“, „ясность“, „переводческое мастерство“ характеризуют, по словам профессора Мюнхенского университета Е. Бернекера, славянские

переводы Константина и его близких учеников. Хотя в отношении синтаксиса и отражалось иногда воздействие греческого оригинала, переводчики стремились передавать содержание оригинала конструкциями славянского языка. Осуществляя это стремление, они не останавливались перед отступлениями в синтаксическом и лексическом отношении от греческого оригинала. Несколько примеров.

1) Следуя за содержанием текста, переводчик применял славянские формы двойственного числа в соответствии греческим формам множественного и единственного числа: съ беззаконникомъ кѣмъши сѧ („к двум беззаконникам причислился“) — μετὰ τῶν ἀνόμων ἐλογίσθη (Марк. 15, 38); и҃гннѣ оуши — τρήμα βελόνη; (Матф., 19, 24; — τὸ τρήμα — „просверленное отверстие“, „дыра“, βελόνη „иголка“; в греческом единственное число); и въ носѣхъ и мати сго уюдашѣ сѧ — καὶ τῇ ἰωσὴφ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ θαυμάζοντε; (Лука, 2, 33) — в греческом множественное число причастия; θαυμάζω („удивляюсь“).

2) Употребляются по-славянски формы сравнительной степени в таких случаях, в которых греческий текст представлял по древнееврейскому образцу положительную степень: добръи ти естъ — καλόν σοί ἐστίν (Лука, 17, 2); нѣзъ [нѣзъ] заповѣдь естъ болѣши въ законѣ — ποῖα ἐντολὴ μευάλη ἐν τῇ νόμῳ (Матф., 22, 36; μευάλη — „большая“). Иногда по славянской семантике применялась форма положительная (основная) прилагательного в соответствии сравнительной степени греческого оригинала: вгда въ юнѣ — ὅτε ἦς νεώτερος (Иоанн, 21, 18). Но при конкретном сравнении и в славянском тексте представлена сравнительная степень: уловѣхъ сднѣи нмѣ дѣла сынѣи и рече юнѣи — ὁ νεώτερος (Лука, 15, 11—12).

3) В славянском языке не было членных форм (форм с артиклем). Поэтому в славянском переводе артиклевый элемент греческого имени или опускается или заменяется причастием сын (причастие наст. вр. для глагола быти) или местоимением нже: а) οἱ γραμματεῖς — кѣнижници; ἐκ τοῦ ἀριθμοῦ τῶν δώδεκα — отъ числа двѣю изъ двѣнѣ (Лука, 22, 2, 4); б) οἱ ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ φευγέτωσαν εἰς τὰ ὄρη — сѣште въ нѣдѣи да вѣгнѣтъ въ горы (Лука, 21, 21); в) ὁ ἐν τῇ ἀρχῇ μὴ ἐπιστρέψατω — нже на сѣлѣ такожде да не вѣзвратитъ сѧ (Матф., 24, 18).

4) Звательные формы сочетания существительного и прилагательного греческого текста передаются посредством сочетания звательной формы существительного с формой именительного сложного прилагательного: κρατίστε θεοφιλε — славѣишии бѣо-

фина (Лука, 1, 3); διδάσκαλε ἀγαθὲ — учителю благин (Лука, 18, 18). Так же и прилагательное с суффиксом -скъ.

5) Многие отличия представляет славянский текст от греческого оригинала в отношении падежных форм:

а) После сравнительной степени употребляется форма родительного падежа: **ваше пяти хлѣбъ** — πλείον ἢ πέντε ἄρτοι.

б) Родительный при глаголах **боити сѧ, плакати сѧ, бѣжати, отъметати** и др.: **оубою сѧ народа** — ἐφοβήθη τὸν ὄχλον (Матф., 14, 5); **оубѣжати всѣхъ снхъ** — ἐκφυγεῖν πάντα ταῦτα (Лука, 21, 36).

в) Родительный при отрицании: **не творите домоу отъца моего домоу коупального** — μὴ ποιεῖτε τὸν οἶκον τοῦ πατρὸς μου οἶκον ἐμπορίου (Иоанн, 2, 16).

6) В ряде случаев греческие конъюнктивные (безударные) личные местоимения переведены самостоятельными, ударными — переведены так, чтобы подчеркнуть высказываемое; **тебѣ глаголю** — σοι λέγω (Матф., 16, 18); **горе тебѣ хоразинъ. горе тебѣ внофсанда** — οὐαὶ σοι, Χοραζὶν, οὐαὶ σοι, Βηθσαϊδά (Лука, 10, 13).

7) В переводе греческих слов, имеющих разное значение, применяются такие славянские слова, которые точно определяют содержание текста. Например: греческое наречие δωρεάν по требованию содержания текста переведено посредством **тоун'е** („даром“, „без платы“), в другом месте для выражения иного значения этого греческого наречия переведено посредством **спыти** („напрасно“, „вотще“): а) δωρεάν ἐλάβετε, δωρεάν δότε — **тоун'е приимте, тоун'е дадите** (Матф., 10, 8); б) ὅτι ἐμίσησαν με δωρεάν — **ако [шко] възненавѣшѧ ма спыти** (Иоанн, 15, 25).

Греческое существительное χώρα имеет значения: а) „страна“, „местность“ и б) „поле“. В первом значении это слово переведено посредством **страна**; во втором — посредством **н'ива**.

Греческий глагол πατάσσειν переведен: а) посредством **оударити** кого-нибудь каким-нибудь оружием и б) посредством **поразити** в значении „поразить“.

Греческий глагол κινεῖν — слав. а) **дѣнжати**, б) **попывати главами** в переводе **κινεῖν τὰ κεφάλαια**.

Глагол ἐλπίζειν переведен посредством **надѣяти сѧ** при сочетании с инфинитивом или с союзом: **надѣшѧ сѧ знаменне стѣро видѣти** (Лука, 23, 8); **мы же надѣшѧ сѧ ако съ естъ** (Лука, 24, 21). Но при сочетании ἐλπίζειν с именем (τινί, εἰς τινα) — по-славянски **оупъвати**: **и на нма его изъщи оупъвашѧ** — καὶ ἐν τῷ ὀνόματι αὐτοῦ ἐβλήθη ἐλπιδισιν (Матф., 12, 21).

8) Стремясь к более яркой передаче текста, переводчик не довольствуется одинаковостью греческого термина, а вводит иногда суффиксальные элементы уменьшительного значения при выражении соответствующего стиливого оттенка. Так, греческому имени $\chi\eta\rho\alpha$ в славянском тексте соответствует **вдова**: и та **вдова** (Лука, 7, 12). Но в переводе выражения $\eta\ \chi\eta\rho\alpha\ \alpha\upsilon\tau\eta\ \eta\ \pi\tau\omega\chi\eta$ (Марк, 12, 42—43), в славянском тексте передан эмоциональный оттенок, передан посредством суффикса -ница: **вдовница** си **оубога**.

9) Нередко в славянском переводе греческие слова переданы описательно: **уловѣнъ добра рода** — $\alpha\upsilon\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma\ \epsilon\upsilon\chi\epsilon\nu\eta\varsigma$ (Лука, 19, 12); **иже вѣсть вѣзъ грѣха вѣсть** — $\acute{o}\ \alpha\nu\alpha\rho\acute{\alpha}\tau\eta\tau\eta\varsigma\ \acute{\omicron}\mu\omega\nu$ (Иоанн, 8, 7) и др.

§ 11. Переводы последующего времени, выполнявшиеся в Болгарии, не стояли на той высоте, на какой находились переводы первых устроителей славянской письменности. Нередки случаи, когда переводчик, не понимая как следует греческого текста, пользовался неподходящим вариантом в значении греческого слова. Например: $\tau\rho\acute{o}\pi\omicron\varsigma$ („образ“, „способ“) переводится посредством **прѣвратъ**; наречие $\alpha\iota\omega\theta\epsilon\iota\nu$ в значении времени („издавна“, „в давнее время“) передано **съ горы** и др. Такие неточности и неясность в переводе представляют славянские рукописи, возникшие в X—XI вв. на востоке Болгарии, — Супрасльский кодекс (XI в.), а также произведения выдающегося книжного деятеля Болгарии X в. экзарха Иоанна. Недостаточное внимание к смыслу греческого оригинала обнаруживается у восточно-болгарских книжных людей XI в. и на следующем примере из Супрасльской рукописи: имя города Гермополя (Herropolis, недалеко от левого берега Нила) переведено как имя нарицательное: „пустой город“. **сакинъ... поуста града прѣвтын благъ рода съ** (145) $\dots\tau\acute{\iota}\varsigma\ \epsilon\rho\mu\omicron\upsilon\tau\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma$. Переводчик греческое $\epsilon\rho\mu\omicron\upsilon$ ($\epsilon\rho\mu\omicron\varsigma$) понял как прилагательное $\epsilon\rho\eta\mu\omicron\varsigma$ — „пустой“, „безлюдный“. В своем предисловии к переводу произведения Иоанна Дамаскина Иоанн экзарх указывает на трудности перевода. Эти трудности заключаются и в значении и в форме слов: слово одного языка „красиво“, а соответствующее ему слово другого языка серо по своему значению; слово в одном языке мужского рода, а в другом ему соответствует слово женского рода: **иже глаъ (глаголаъ — „слово“) въ нномъ шъщъцъ крсьнъ, то въ друзъмъ не крсьнъ. иже въ нномъ страшнъ, то въ друзъмъ нестрашнъ. иже въ нномъ устьнъ, то въ друзъмъ неустьнъ. и же нма мужьско, то въ нномъ женьско, аже**

се гръцкыи вѣтрахос [βάτραχος] и потамосъ [ποταμός], словѣньскы жаба и рѣка... и пѣти глаголь вѣньскы лѣньта та оуни [πάντα τά ὄντι], а словѣньскы вси изыци. Основательно замечал экзарх, что следует соблюдать смысл, содержание, а не форму слова: не бо есть лѣзь въсѣде съмотрити вѣньскы глаголь („слова“) изъ разума неужде вѣдети (по русскому списку XII в.). Но все-таки он уступал форме „елинского глагола“. Так, греческое τὸ τέλειον он перевел формою среднего рода талантѣ.

В такой же форме передано это имя и в Супрасльской рукописи — *ѡмоу же вѣрѣтѣнѣ едно талантѣ*. Но во множественном числе форма образована по мужскому роду: *таланти бо сѣде сѣти* (378).

Памятники письменности, появлявшиеся на востоке Болгарии, отличались не только тем, что качество перевода было ниже основных славянских переводов, но и тем, что современная славянская речь писателей, отражавшаяся в них, обусловила значительные отступления от более раннего типа книжного языка — более значительные, чем те, которые представляют глаголические рукописи болгарского юго-запада (Македонии). О фонетических и морфологических изменениях языка старославянских памятников говорится ниже, в отделах старославянской фонетики и морфологии. Здесь отметим некоторые отличия восточноболгарских памятников письменности в лексикальном отношении. Несколько примеров.

Глаголические рукописи	Кириллические рукописи
вѣдѣти сѣ	погрѣжати сѣ
гоумьно	токѣ
достоѣниѣ	наслѣднѣ
дрѣколь	жрьдѣ
драселѣ, драхлѣ („печальный“)	сѣтънѣ
жрьтва	трѣва
искони	испрѣва
искрь, искрьини	вѣнзѣ, вѣнжѣини
вѣверѣтъ	подрѣугѣ
натроути	напнѣти, напнѣати
наоустити („подстрекнуть“)	назадѣти
рѣди	дѣлѣ
сѣлѣа („монета“, др.-в.-нем. skilling)	чѣти
сѣньмѣ	сѣборѣ

§ 12. Супрасльская рукопись — памятник, написанный на востоке болгарской области, представляет и такие указания в лексическом отношении: в нем находятся некоторые слова (тюрко-болгарского происхождения), отсутствующие в языке других старославянских памятников; на востоке Болгарии тюркское воздействие на славянскую среду было более значительно, чем на юге и на западе страны.

капъ — „образ“, „изображение“, „идол“; капиште — „место, где находятся капи (или капъ)“, или же этим словом называется самое изображение: князь рече нмѣ похвалѣ великоуоумоу богу ꙗколю терентини рече снъ бо божи аже мѣниши каменни ꙗ древо ꙗ мѣдъ ꙗ железа сѣтъ... ꙗ не прѣлѣриши изъ капиштемъ нечистомъ поклонити сѧ; кер, кѣр — „форма“, „образ“ находится в разных тюркских языках; существовало оно ꙗ в тюрко-болгарском, как может указывать мадыарское кѣр, перешедшее к мадыарам от тюрков-болгар еще в то время, когда предки мадыар находились на востоке Европы.

боляринъ. В этом слове, распространившемся и в сербской среде, отражается тюркское слово boġ — „рост“, „вышина“, boġlu — „рослый“ или baġ — „богатый“, „знатный“, baġan, baġar — „богатый“, „властитель“. Тюркского происхождения и вост.-слав. боярин.

бѣлаѧ = комнѣѧ, греч. $\beta\omicron\lambda\eta\varsigma$ — „вельможа“, „боярин“. Тоже тюрко-болгарского происхождения. Из тюркской среды это слово заимствовано было и на славянском востоке. Из тюркских языков соответствующее слово представляет орхоно-тюркск. boila или buila. Корень тот же, что и в боярин.

Некоторые из лингвистов полагают, что тюркского происхождения был также суффикс -ѣни. В словах на -ѣни старославянских памятников (самѣни — „сановник“, „управитель“; сокаѣни — „повар“; шарѣни — „художник“; крѣмѣни — „кормчий“; кѣнигѣни — „книжный человек“) отражается тюрко-болгарский суффикс -ċi. Продуктивность иноязычного суффикса (-ċi) свидетельствует о ряде заимствованных слов с этим суффиксом: от таких слов и отвлечен был суффикс и применялся к основам традиционного (славянского) языка. Но давних тюркских заимствованных слов с -ċi язык славян болгарских не представляет. К таким словам относится только, может быть, самѣни. Вероятнее полагать, что -ѣни суффикс давний славянский, представлявший собою объединение суффиксов -ѣк- (-ѣк-) с -ii (sqd-ii, ba-lii).

§ 13. В лингвистике нет одного установившегося названия по отношению к языку кирилло-мефодиевских переводов. Одни из лингвистов называют этот язык древнецерковнославянским. Но такое название недостаточно определено: церковнославянская письменность велась у разных славянских народов и позднее.

Некоторые пользуются термином „древнеболгарский“. Этот термин ближе определяет элементы языка кирилло-мефодиевских переводов, указывая на их связь с языком славян, которые стали известны под именем „болгары“. Но этим термином надлежит пользоваться в том случае, если дело касается одного из периодов истории языка славян болгарских по сравнению с периодами последующими: язык кирилло-мефодиевских переводов в своем звуковом составе, в своих формах представляет данные для суждения о языке этих славян во второй половине IX в. Но сам по себе термин „древнеболгарский“ недостаточно удовлетворителен по отношению к языку этих славян IX в. и к его отражению в кирилло-мефодиевских переводах: в то время на востоке полуострова болгары представляли собою не славян, а тюрков. Только несколько позднее утвердилось за славянами болгарского государства имя „болгары“. Но и позднее, как и в IX в., это население все еще называлось „словенами“. Такое название держалось за ними и в Болгарии и за пределами ее — в Греции, в Албании. Исторические источники называют язык кирилло-мефодиевских переводов „словенским“: *словѣнскы книгы* жития Константина, Мефодия, статья Храбра); Константин и Мефодий перевели книги *от ѡлннѣскѣ азѣкѣ, ꙗже сѣтъ грѣтъскѣ, на словѣнскѣ* (Иоанн экзарх); *litteras... sclaviniscas a Constantino quondam philosopho repertas* (в письме папы Иоанна VIII, 880 г.).

Более удовлетворительным считаем термин „старославянский“ („старословенский“), хотя и он не вполне удачен: термин не определяет, к какой именно славянской группе относился этот язык в своей основе. Но этот термин указывает на лингвистическое значение этого языка для исторического изучения славянских языков.

§ 14. Значение изучения старославянского языка весьма важно в системе славянского языкознания. Во второй половине IX в., когда происходила фиксация элементов языка солунских славян в письменности, славянские языковые группы были еще мало дифференцированы: в своей основе они представляли одинаковые черты в звуках, в формах, в лексике. Черты различия были, но

их было немного. Поэтому-то так велико значение показаний старославянского языка как документального источника для исторического изучения славянских языков.

И в другом отношении важно изучение старославянского языка для истории отдельных славянских языков. Рукописи на старославянском языке распространялись в разных славянских областях — не только в Моравии, в Чехии, в Паннонии, но и в Болгарии, у сербов и хорватов, у восточных славян. Книжные люди усваивали тип этого языка, как языка литературного. Некоторые черты его вносились в чешский, сербский, хорватский, русский языки при применении этих языков в письменности. Некоторые слова с чертами старославянского языка распространялись и в народной среде на юге и на востоке у славян.

Рукописи на старославянском языке были образцами для книжного языка у сербов, хорватов, у русских. Памятники церковной письменности сербо-хорватской и русской писаны на основе языка старославянского со внесением тех или иных черт языка писца — серба, хорвата, русского. При лингвистическом изучении памятников церковной письменности сербо-хорватской или русской как источника для истории этих языков необходимо выделить их старославянскую основу, чтобы получить нужные сведения о чертах языка писцов памятников сербо-хорватских или русских.

§ 15. Одни из сохранившихся памятников старославянского языка писаны глаголицей, другие — кириллицей.

В отношении памятников, писанных глаголицей, отметим следующее. Один из них, Киевские листки, представляет наиболее древние начертания букв глаголицы. Так, в написании для *л* верхняя часть заканчивается петлей вверх и не соединяется с левой нижней петлей: . В начертании для *м* нижние петли разветвляются не у самой верхней линии, а несколько ниже: . Для передачи гласных *ѣ*, *ѥ* служит модификация знака *ѡ* (*о*): для *ѣ*, для *ѥ*.

В других глаголических памятниках отражаются позднейшие изменения: в написании для *л* верхняя часть соединяется с нижними петлями: ; для *м* нижние петли начинаются у самой верхней линии: ; в знаках для *ѣ*, *ѥ* нижний овал перекинут направо: . Но в разных глаголических рукописях встречаются и более древние начертания, иногда в переходном виде.

† 1	а	40 300 т
ш 2	б	37 400 оу
ѵ 3	в	55 500 ф
2 4	г	10 600 х
45 5	д	65 700 ш
3 6	е	1150 1) шт
26 7	ж	7 900 ц
4 8	з	5 1000 ч
8 9	и	11 ш
9 10	і	2 ь
13 20	н	850 1
14 10	о	8 ь
15 30	к	11 ь
16 40	л	70 ь
17 50	м	24 ь
18 60	н	24 ь
19 70	п	11 ь
20 80	р	34 ь
21 90	с	11 ь
22 100	р	11 ь
23 200	с	11 ь

Глаголическая азбука по письму Зографского евангелия.

В Киевских листках для носового гласного переднего ряда служит один знак: **ЗѢ**. Более позднее явление отражается в удвоении этого знака: **ЗѢ** стал употребляться в соответствии с кириллицы, а правая часть глаголического знака, **Ѣ** стала применяться в соответствии с кириллицы (в Зографском, Маринском, Ассеманиевом кодексах, в Клоцовом сборнике, в Синайском требнике, в Македонском листке).

¹ Глаголическая буква **Ш** (кирил. ш) в Зографском кодексе не встречается. Цифровое значение глаголической буквы **Ш** — 800.

А 1 Б 2 Г 3 Д 4 Е 5 Ж 6 З 7 И 8 І 10 К 20

Л 30 М 40 Н 50 О 70 П 80 Р 100 С 200 Т 300 У 400

Ф 500 Х 600 Ц 300 Ч 90 Ш Щ Ъ Ы Ь Ъ Ю ІА

Н Ъ ІЖ А 900 ІА З 60 Ч 700 Ѡ 800 Ѣ 9 9 90

КА
ЦАТО СТРАСТАГОЛКА НСА

Азбука кириллицы по письму Остромирова евангелия (мелкий почерк).

Архаичны и языковые черты Киевских листков. Это — единственный из группы старославянских памятников (сюда не относятся памятники XI в. восточнославянские), в котором ъ, ѣ не утрачены, не заменены другими гласными, не смешиваются (кроме двух случаев местоимения въсьхъ вместо въсьхъ).

Характерной чертой языка этого памятника является џ вместо давних tj и kt' (gt'), з вместо давнего dj, в соответствии ш (шт), ж языка кирилло-мефодиевских переводов: обѣщѣнѣ (обѣщѣнѣ — обѣщѣнѣ), подѣзѣ (подѣзѣ). Эта черта указывает на западнославянское происхождение Киевских листков, в частности на область чешско-моравскую. Содержание памятника, месса по римскому обряду, также свидетельствует о связи его с Западом.

Итак, один из наиболее архаичных глаголических памятников происходит из области, близкой к той, где проходила деятельность Константина, Мефодия и их учеников. Можно полагать, что он написан был в X в.

Другие старославянские глаголические рукописи указывают на македонское происхождение их писцов. Так, они все представляют примеры изменения *ѣ*, *ь* в сильном положении в *о*, *е*. В отношении времени написания этих памятников полагаем, что они относятся к XI в.

§ 16. В числе памятников кириллических есть один с датой, 993 г. (6501—5508); это надпись на надгробном камне, сделанная по распоряжению западноболгарского царя Самуила. Прочие памятники, писанные кириллицей, относятся к XI в., как можно полагать на основании указаний языка их. Их писцы были не из Македонии, а из восточной Болгарии.

Языковые элементы кириллических памятников включают в себе меньше архаических слоев языка предшествующих оригиналов по сравнению с памятниками глаголическими. Так, например, в глаголических памятниках находятся формы простого аориста (типа *могъ*). В кириллических они редки; в Супрасльской рукописи совсем отсутствуют. Или сравните передачу форм имперфекта 2 л. множ. и 2—3 л. двойств. ч.: в одних глаголических памятниках употребляются эти формы только с окончаниями *-шеѣ*, *-шеѣѣ* (Зограф., Сборник Клоца); в других при формах с этими окончаниями находятся новообразования с аористными окончаниями *-сте*, *-ста*. Но эти новообразования в меньшинстве (Мариин., Ассеман.). В кириллических памятниках формы на *-шеѣ*, *-шеѣѣ* или совсем не встречаются, будучи заменены новыми формами на *-сте*, *-ста* (вост.-слав. рукопись — Остромирово ев.), или *-шеѣ*, *-шеѣѣ* употреблены только в немногих случаях (Супрасльская рукопись).

Эти наблюдения относительно места происхождения глаголических и кириллических памятников старославянской письменности и относительно общего характера графики и языка их следует учесть при решении вопроса, какая азбука была древнейшей.

Появление азбуки для одного из славянских языков было связано с переводческой деятельностью Константина и Мефодия. Какая же азбука, кириллица или глаголица, была составлена ими? Для ответа на этот вопрос следует предварительно определить

источники той и другой азбуки, выяснить взаимоотношения кириллицы и глаголицы, принять во внимание область, где применялось глаголическое и кириллическое письмо, учесть палеографические и лингвистические черты старославянских памятников.

§ 17. Источник кириллицы ясен: это — греческое унциальное письмо торжественных книг.

Греческий унциал имел неодинаковый вид на протяжении VII—X вв. Более ранний унциал с кругами и квадратами, с прямо стоящими буквами заменился в VII—IX вв. унциалом, несколько наклоненным вправо, с овалами и прямоугольниками. В X в. буквы опять стали прямыми. Но остроконечность, овальность и прямоугольная форма их удерживаются. Вот этого-то вида унциалы X в. и легли в основу кириллицы — тех букв ее, которые взяты из греческого письма. Такими буквами являются следующие: α, β, γ, δ, ε, ζ, η, θ, ι, κ, λ, μ, ν, ξ, π, ρ, σ, τ, φ, χ, ψ, ς, Ϸ, Ϲ, ϻ (v). Ср. снимки греческого и кириллического письма. В зависимости от греческой азбуки находятся два знака для гласного i: ι, i (в греческом письме некогда они передавали разные гласные: ι = ē, который позднее изменился в i; а i служило издавна для гласного i). В той же зависимости и две буквы для гласного o: ο, ω. (В греческом письме ο — ὀλίγον, т. е. „о малое“, служил для передачи краткого ѓ, а ω — ὀμέγα, т. е. „о большое“, употреблялся для передачи долгого ѓ).

Как в греческом письме, гласный у передан двумя буквами: **ѳу**. Сокращенным написанием для **ѳу** служил знак **ѳ̣**: **ѳ̣мѣте**, **наѳ̣тите** **са** (Савв. кн.), **ѳ̣мѣ** (Супрасльская рук.). Знаком **ѳ̣** пользовались иногда в конце строки: **ѳ̣мѣу рекѳ̣||**; **сѣкрѳ̣||** **ѳ̣мѣты** (Супрасльская рукопись).

Из греческого письма взяты з в значении „б“ и с в значении „90“.

Греческие буквы дополнены другими, которые нужны были для передачи славянских звуков. К таким буквам относятся следующие: ѿ, ѡ, ѣ, ч, ѱ, ѳ, ѵ, ѷ, Ѹ (ѹ), Ѻ, ѻ, Ѽ, ѽ. В рукописях имеются еще буквы ю, я, ѧ, Ѩ. Но есть основание полагать, что в начальном составе кириллицы этих букв не было.

Какой источник тех букв кириллицы, которые дополнял и греческий алфавит? Ответ на этот вопрос будет дан после определения происхождения другой славянской азбуки — глаголицы.

ГЛАГОЛИЧЕСКОЕ.			ГРЕЧЕСКОЕ.
Буквы.	Названіе.	Знаки старшіе и младшіе	Курсивъ.
a	азъ	ⲁ ⲁ ⲁ ⲁ	ⲁ ⲁ ⲁ
b	боукы	ⲃ ⲃ ⲃ ⲃ	ⲃ ⲃ ⲃ
g	глаголи	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ
d	добро	ⲅ ⲅ ⲅ ⲅ	ⲅ ⲅ ⲅ
e	есть	Ⲇ Ⲇ Ⲇ Ⲇ	Ⲇ Ⲇ Ⲇ
dz	стѣло	ⲇ ⲇ ⲇ ⲇ	ⲇ
i	иже	Ⲉ Ⲉ Ⲉ	Ⲉ Ⲉ Ⲉ Ⲉ
i	ижен	ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ ⲉ	ⲉ (и) ⲉ (и)
k	како	Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ	Ⲋ Ⲋ Ⲋ
l	люднѣ	ⲋ ⲋ ⲋ	ⲋ ⲋ ⲋ
m	мѣсѣнѣ	Ⲍ Ⲍ	Ⲍ
n	нашь	ⲍ ⲍ ⲍ ⲍ	ⲍ ⲍ ⲍ ⲍ
o	онъ	Ⲏ Ⲏ Ⲏ Ⲏ	Ⲏ Ⲏ Ⲏ
p	покои	ⲏ ⲏ ⲏ	ⲏ ⲏ ⲏ
r	рѣци	Ⲑ Ⲑ Ⲑ Ⲑ	Ⲑ Ⲑ Ⲑ Ⲑ
s	слово	ⲑ ⲑ ⲑ	ⲑ ⲑ ⲑ
t	терѣдо	Ⲓ Ⲓ Ⲓ	Ⲓ Ⲓ Ⲓ
f	фрѣтъ	ⲓ ⲓ ⲓ	ⲓ
x	хѣтрѣ	Ⲕ Ⲕ Ⲕ Ⲕ	Ⲕ Ⲕ
o	штѣ	ⲕ ⲕ ⲕ	ⲕ ⲕ
o	дита	Ⲍ Ⲍ	Ⲍ
v	вѣдѣ	ⲍ ⲍ	ⲍ
	—		!

ἰς πρὸς ΧΥ ΓΕΝΗ

ΕΚ Κ ΜΑΤ

ΒΙΛΟΣ ΓΕΙΕΣ

ΘΩΝ ΧΥ ΝΥΔΑ

ΝΥ ΑΒΡΑΑΜ ΑΒΡΑ

ΑΜ ΕΓΕΝΝΗΣΕ

ΤΟΝ ΙΣΑΑΚ· ΙΣΑ

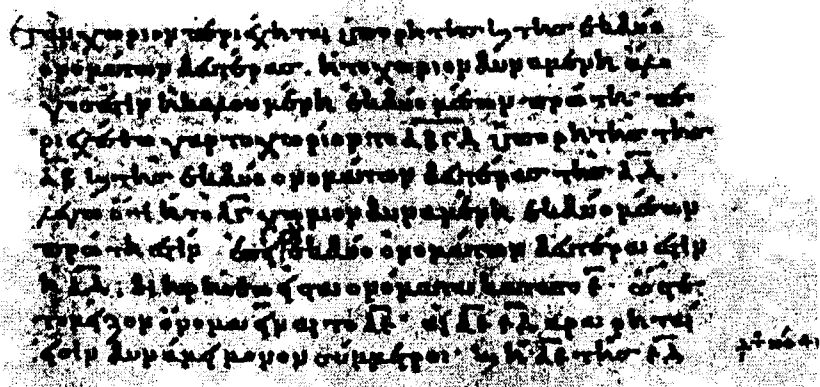
ΑΚ ΔΕ ΕΓΕΝΝΗΣΕ

ΤΟΝ ΙΑΚΩΒ· ΙΑΚΩ

Β ΔΕ ΕΓΕΝΝΗΣΕ

ΤΟΝ ΙΟΥΔΑ ΚΑΙ

ΤΟΥΣ ΑΔΕΛΦΟΥΣ

Греческий минускул IX века.

§ 18. Источник глаголицы долгое время был загадочным. В отдельных глаголических буквах уже в конце XVIII—в первой половине XIX в. видели видоизменение греческих букв. В 80-х годах XIX в. английский палеограф И. Тэйлор (Isaak Taylor) попытался для всей глаголической азбуки определить источник — греческое минускульное письмо. Эти попытки представлены в его статье „Ueber den Ursprung der glagolitischen Alphabet“ („Archiv für slavische Philologie“, т. V) и во 2-м томе его труда об алфавитах („The Alphabet“, II, 201—207, London, 1883). Мысль Тэйлора о греческом источнике глаголицы принята была профессором Казанского университета Д. Ф. Беляевым („История алфавита и новое мнение о происхождении глаголицы“, Казань, 1886) и проф. И. В. Ягичем. Последним в особенности много сделано по изучению глаголического письма. См. его фундаментальный труд „Глаголическое письмо“ („Энциклопедия славянской филологии“, вып. 3. Графика у славян, Пб. 1911). Беляев и Ягич во всех знаках глаголицы видели греческий источник — буквы минускульного письма и их комбинацию (лигатуры). См. таблицы, представленные в книге Ягича.

Несомненно, основным источником глаголицы были греческие минускулы. Но в объяснения Тэйлора, Беляева и Ягича следует внести изменения и поправки не только в отношении греческих источников для отдельных глаголических букв, но и в отношении всей системы азбуки: в ней отразились элементы и негреческого письма.

[illegible]

Глаголические буквы древнейших памятников X—XI стол.		Кирилловские буквы древнейших памятников XI стол.		Греческие униальные буквы IX—X стол.	
Ѧ Ѧ		З З З			
		Л Л Л			
		Т Т Т Т			
		Н Н Н Н			
Ѣ Ѣ		А А А А А		Α Α	
Ѥ Ѥ		К К К			
		І І І			
		С С С		Ξ Ξ Ξ	
		Ф Ф Ф		Ϝ Ϝ Ϝ	

Для большинства знаков глаголицы послужило греческое минускульное письмо. В конце VIII—начале IX в. на смену износившемуся, трудно читавшемуся скорописному греческому письму деловых грамот появился более четкий, плавный минускул. В начертания его букв вошли отдельные буквы минускульной скорописи. Отразились в нем и некоторые элементы унциального письма. Минускулами писали деловые грамоты. Реже его применяли для книг церковного обихода: для этой цели употребляли попрежнему унциал.

Вот этот минускул с некоторыми элементами скорописи и положен был в основу большинства букв глаголицы.

Многие знаки глаголицы характеризует петлеобразный рисунок их. Тенденция к петлям отражалась, хотя и не систематично, и в греческом курсиве. Если учесть эту стилевую черту глаголицы, то в ряде букв ее ясно вскрыется основа их. Так, сравните минускуло-скорописные греческие буквы и глаголические, развернув в последних петли, отсутствующие в греческих соответствиях:

Греческие	β	γ	δ	λ	μ	ο	π	χ	ω	υ
Глаголическ.	Ѣ	Ѥ	Ѧ	Ѩ	Ѭ	Ѯ	Ѱ	Ѳ	Ѵ	Ѷ

Ср. переработку минускульного ι: в глаголице она получила вид такой: Ѩ и Ѱ.

В зависимости от греческой азбуки в глаголице были два знака для і: Ѣ („иже на круге“) и Ѧ. Может быть первоначально эти знаки для і в глаголице применялись так: Ѧ в начале слова и после гласного, а Ѣ — после согласного. Третий знак для і в глаголическом письме Ѱ был введен позднее. Он представлял собою видоизменение знака Ѧ. На то, что в первоначальном составе глаголицы „иже на ножке“ отсутствовал, может указывать то обстоятельство, что он не имел цифрового значения. (Буквы же Ѧ и Ѣ имели такое значение: Ѧ — „10“, Ѣ — „20“).

Как в греческом письме, в глаголице есть две буквы для о. По греческому образцу для и (у) служит соединение двух знаков: о и у: глаголическое написание Ѧ является упрощением сочетания двух букв Ѣ и Ѣ, как это сочетание еще заметно в написаниях Киевских листов.

Неясно происхождение особого глаголического знака для *х*, в виде паукообразного начертания См. таблицу на стр. 45. В Синайской псалтыри такой *х* встретился дважды на л. 149— в написании слова *хъмн*. Для славянских звуков глаголические буквы составлены из элементов разных источников.

1) Подверглись изменению некоторые буквы. Так, для носового гласного заднего ряда служила буква *Ѥ*; для носового гласного переднего ряда буква *ѥ*. В состав этих букв вошли *Ѧ* (о) и *Ѣ* (е), дополненные справа значком *Ѧ* — значком, который указывал на носовой элемент в образовании этих гласных. Иногда *Ѧ* писали вместо *Ѧ* (и) перед задненебным согласным. Таково написание и в слове *Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ* (Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ) в Синайской псалтыри.

Буквы для редуцированных гласных (в кириллице *ѣ*, *ѝ*) представляли собою модификацию *Ѧ*: *Ѧ* (кириллич. *ѣ*), *Ѧ* (кириллич. *ѝ*); о дальнейшем изменении этих написаний указания были сделаны выше (*Ѧ* → *Ѧ*, *Ѧ* → *Ѧ*).

Буква для гласного среднего ряда *Ѧ* составлена из двух букв: из *Ѧ*, *Ѧ* (кириллич. *ѣ*) и из *Ѧ* (*Ѧ*), *Ѧ*: *Ѧ* *Ѧ*, *Ѧ* *Ѧ* (кириллич. *ѣ*, *ѝ*).

Для *шт'* (*шч*) служили знаки *Ш* или один знак *Ш* (кириллич. *ш*), представлявший собою комбинацию *ш* и *Ш* (*ш*) или *ш* и *ш* (*ш*).

2) Для других славянских звуков источник был иной — древнееврейское письмо, главным образом в его самаритянской разновидности, и, может быть, коптское письмо. Древнееврейским письмом составитель глаголицы пользовался и для некоторых звуков, для которых имелись соответствующие знаки в греческой азбуке. Но по тем или иным соображениям составитель глаголицы предпочел в этих случаях воспользоваться не греческим, а восточным источником.

Из самаритянского источника взята была основа для *Ѧ* (кириллич. *Ѧ*). Об этой связи свидетельствует одинаковость рисунка букв глаголического *Ѧ* и еврейско-самаритянского *Ѧ* („tsade“) в конце слова (при письме справа налево).

В еврейском письме была и иная разновидность для „цаде“: в середине слова рисунок напоминал бокал: *Ѧ* — рисунок, послуживший, может быть, для глаголического *Ѧ* (кириллич. *Ѧ*). Но возможно, что для этой буквы принята была во внимание буква коптского письма *Ш* („шер“)

Для глаголического *ш* послужил, несомненно, древнееврейский „шин“ в его самаритянском виде. Сходство обнаруживается и в

деталей: в глаголическом письме **■** был короче других букв, занимал только $\frac{3}{4}$ верхней части строки, не доходя своим основанием до линии оснований других букв,— не доходил, как и в самаритянском письме. На древнееврейский источник этих букв может указывать и порядок этих букв в системе азбуки: **Ч** — **Ѡ** — **Ш**.

Еврейско-самаритянское письмо послужило образцом и для таких букв глаголицы.

Глаголический **Ѡ** (кириллич. г') близок к самаритянскому „jod“ **ⲉ** — во всяком случае ближе, чем к греческому сочетанию двух букв **γι**.

Восточного происхождения и знаки **Э** (е), **Ѕ** (к). Своею открытостью влево они обнаруживают их связь с таким письмом, которое производилось справа налево, т. е. с письмом древнееврейским. В основу **Э** была положена самаритянская буква „hē“ **Ⲅ**. В самаритянском письме знак „he“ обозначал собою узкий гласный е, а также ja. Возможно, что составитель глаголицы для славянского гласного е воспользовался самаритянским письмом потому, что хотел отметить палатальный элемент при славянском е,— элемент, отсутствующий в греческой передаче посредством ε: по-славянски je (jъ-) в начале слова, мягкость согласного перед е.

В отношении глаголического **Ѕ** (к) следует иметь в виду не только открытость его влево, но и разрыв в написании. Это — черта древнееврейской азбуки в отношении ряда букв, в частности буквы „коф“ („koph“): **פ**. Она и послужила для глаголического **Ѕ** — послужила, вероятно, потому, что выражала собой глубоковелярный к; греческая же „κάππα“ (κ) могла выражать разные согласные: велярные и палатальные.

Ѳ (кириллич. в). Может быть, по образцу самаритянского **ⲅ**. Общим в глаголической и самаритянской букве является не только геометрическая форма рисунка, но и числовое значение их: „2“.

Ѣ (кириллич. и). Начертание этой буквы далеко от курсивного η, с которым связывал его проф. Ягич. В этой букве обращает на себя внимание верхняя часть ее: треугольник, обращенный основанием кверху. Так писался древнееврейский „ājin“ — такой же треугольник с хвостом вниз. В глаголице сходны написания **Ѣ** (и) и **Ѥ** (с). Это сходство не случайно: в нем отразилось воздействие самаритянской азбуки, в которой samech“ („samech“) и „ājin“ находились рядом и имели похожие начертания.

VII, 444—479 и в „Четырех критико-палеографических статьях“ (Пб. 1884, 113—184).

Произвольно и случайно объяснение букв глаголицы из готского рунического письма. Такое предположение было высказано И. Ганушем (J. Hanuš) в ряде его работ о славянских азбуках: 1) *Zur slavischen Runenfrage...* в издании „Archiv für österreich. Geschichte“, XVIII, Wien, 1857; 2) *Zur Glagolica-Frage* („Slavische Bibliothek“, которую издавал Fr. Miklosich, II, Wien, 1858). Та же мысль была высказана А. Хомяковым в письме к К. С. Аксакову („Русская Беседа“, V, 1859, стр. 1—12). О связи глаголицы с рунами думал и И. Гам (J. Ham), „Postanak glagoljskoga pisma u svijetlu paleografije“, в журн. „Nastavni Vjesnik“, Zagreb, XLVI, 1937—1938).

Так же безосновательно было и мнение Ёс. Миллера о связи некоторых глаголических букв (ш, ѣ и др.) с авестскими и со знаками на сасанидских монетах (в статье Миллера „К вопросу о славянской азбуке“, в „Журнале Мин. нар. просв.“, 1884, т. CCXXXII, 1—35).

На основании случайного и отдаленного сходства некоторых букв глаголицы с буквами армянского и грузинского алфавитов высказаны были гипотезы о кавказском источнике славянской азбуки М. Гастером и Р. Абихтом. 1) M. Gaster, „Jlchester Lectures on grecko-slavonic literature and its relations to the folklore of Europe during the middel ages“ (London, 1887, 209—229); 2) R. Abicht, „Ist die Ähnlichkeit des glagolitischen mit dem grusinischen Alphabet Zufall?“ (Leipzig, 1895). Несоостоятельность объяснений Гастера и Абихта показана была В. Вондраком в „Archiv für slav. Philologie“, XVIII, 542—544 и в „Časopis Českého musea“, LXV, 1896, 282—295.

Были попытки связать глаголицу с знаками письма у хозар и народов Кавказа. 1) М. Оболенский, Исследования и заметки по русским древностям (Пб. 1875, стр. 119—243, 245, 431—435); 2) Н. Грунский. Нова теория про походження глаголицы („Записки історично-філологічного відділу“, Української академії наук, XIX. Київ, 1928, стр. 266—267).

C. Wessely („Glagolitisch-lateinische Studien“, в изд. „Studien zur Palaeographie und Papyruskunde“, Heft XIII, Leipzig, 1913) высказал мнение о происхождении глаголицы из латинского курсива IV—VI вв.

Была также попытка найти источник для глаголицы на Западе.

Ф. Ф. Фортунатов полагал, что глаголица была связана с греческими минускулами, но некоторые знаки ее составлены были по образцу коптского письма: ш из коптского **Ш** (шен), ѡ из коптского **Ⲯ** (джанджа); глаголический ѡ (х) из коптского „хен“; в знаках а (ѧ) и ѳ (ѣ), в первой части их, отражается нижнеегипетский курсивный *i* (Ф. Фортунатов, О происхождении глаголицы, в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, XVIII, 1913, кн. 4, 221—256, и в „Отчете Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“, 1913).

§ 19. Буквы глаголицы и кириллицы по образцу греческого алфавита могли иметь числовое значение. Над буквой, употреблявшейся в значении цифры, ставился знак -, а по бокам писались точки: ѧ, ѧ. В применении букв в значении цифр глаголица более самостоятельна, чем кириллица. В глаголице цифровое значение имеют буквы алфавита и те, которым были соответствия в греческом алфавите, и те, которым не было там соответствий. **ѧ** — 1, **Ѣ** — 2, **Ѣ̇** — 3, **Ѥ** — 4... В кириллице цифровое значение имеют только те буквы, которые взяты были из греческого алфавита: **ѧ** — 1, **Ѣ** — 2, **Ѥ** — 3... Из других букв только **Ѧ** употреблялось в значении „900“; под влиянием глаголицы такое цифровое значение получила позднее буква ч.

В кириллических памятниках употребляется **Ѥ̇** (**Ѥ̇**) в значении цифры „6“. Для „90“ введена была греческая коппа **Ϟ**. В более позднее время для обозначения этого числа стала применяться ч (видоизменение буквы ѧ).

При обозначении чисел от 11 до 19 знак для единиц стоит перед десятью: **Ѣ̇ ѧ** — **ѧ̇** = 12. Реже применялся иной порядок: **ѧ Ѣ̇**

При следующих десятках единицы писались после цифры десятка: **ѧ̇ Ѣ̇** — **ѧ̇ Ѥ̇** = 54.

Тысячи обозначались цифрой единиц со значком **ѧ̇** перед **ѧ̇**: **ѧ̇ ѧ̇** — 1000, **ѧ̇ Ѣ̇** — 2000...

§ 20. В глаголице и кириллице употребляются над буквами значки ' , ^ , ~. Особо выделяются Киевские листки своими значками над буквами гласных звуков — значками, указывающими, может быть, на количество (на долготу) слога и на ударение его.

Значки ' или ^ употреблялись в старославянских памятниках для обозначения мягкости согласных, в особенности мягкости р, л, н: **р'**, **л'**, **н'**: **кол'а**, **мор'е**, **н'ива** (н'ивы — Супрасльская рукопись). Также при **к'**, **х'**: **зак'ъх'ъв**, **н'есар'ъ**. Для мягкого г' в гла-

голице была особая буква *лр*; в кириллице употреблялась буква *г'* или *г*: парасквѣг'ни — парасквѣггин.

Другой способ передачи мягкости согласного — написание йотованного гласного ю, ѣ, я (▲ в глаголице = ѣ в кириллице). Иногда оба способа объединялись: вѣ'ѣ.

По греческому образцу писали (над начальным гласным слова, а иногда и над другими гласными: ⁽отъ ⁽изыти; ⁽же ⁽хочетъ; ⁽же ⁽естъ; ⁽дне; ⁽глухыа (Савв. кн.).

Надписные значки в памятниках XI в. пишутся иногда при пропуске гласных ъ, ы: м'нѣ, д'но, м'ногѣ...

По греческому образцу некоторые слова передавались на письме в сокращенном виде. В таком случае над ними писали титла, титл (гр. τίτλος). Вид титла был не одинаков: τ , ρ , σ . Под титлами писали слова, часто применявшиеся в определенной сфере языка средних веков. Например:

ѣ, ѣі (род. ед.), ѣѣ (зват.) — сокращенная передача слова
 ѡѣѣ, ѡѣѣ, ѡѣѣ подобно греческим письменным передачам слова
 θεός: ѣѣ, ѣѣ, ѣѣ; господь, господинъ: гѣ, гѣ (для передачи господинъ) —
 греч. хѣ (χύρις); доухъ: дхъ — греч. πνεύμα).

Были и другие слова, часто встречавшиеся в речи и потому передававшиеся на письме под титлами:

отъць: ὄψις — греч. πῆρ (πατήρ);

УЛОВЬКЪ: улкѣ, укѣ—греч. αυλος, αυπς, αυθρς (αυθρωπος);

цвѣар'ь: црь, цвсрь, цврь; цвсар'ьствозати — црствозати.

ГЛАГОЛАТИ: глѣти, глѣа (аорист глагола).

Для избежания ошибки при чтении при некоторых сокращенных написаниях ставили вверх букву согласного $\overline{\text{гла}} = \text{глава}$ (а не глагола); $\overline{\text{не}} = \text{неделя}$; $\overline{\text{въ}} \text{ оно} = \text{въ оно время}$.

Титла ставили также над буквой в значении числа: ѣ, ѣ... И это по греческому образцу. В некоторых славянских рукописях (Ассеманиев кодекс) над десятками ставили два титла, тоже по греческому примеру.

Знаками препинания были точка (.) и точка с запятой (;). Последний знак препинания (;) имел значение знака вопроса.

Для указания на конец предложения или фразы применяли две точки (:) и более (:., ::). Пользовались также черточками прямыми или волнистыми:

$$\cdot \cdot \cdot -; \sim, \frac{\cdot \cdot}{\cdot \cdot}$$

В одной русской рукописи XI в., содержащей в себе перевод греческого азбучного акростиха (алфавитарь), — перевод, сделанный в Болгарии, — находится запятая и акут ('), служащие для того, чтобы отделить одно предложение от другого или отметить цезуру:

люто оубогоу быти нъ лютаѣ богатѣи зѣла ꙗко —
 ирость оубоудаванъ, да не от оума вѣнъ испадешъ ꙗко —

Писатель конца XIV — первой половины XV в. Константин Констенческий, мудрый книжный человек, сторонник сложной орфографии архаического направления, — орфографии, нормированной во второй половине XIV в. по инициативе болгарского патриарха Евфимия Тырновского, требовал писать гласные в начале слова или в отдельном их употреблении с надписным значком, с дасней и с апострофом. Гласные — это женщины, а согласные мужчины. Только дома, в присутствии мужа женщина может быть без головного покроя. Так и на письме: гласная буква в сочетании с согласной бывает непокрыта, без дасни и без апострофа. Если же женщина выйдет с непокрытой головой в город или на улицу, или в общество, то она позорит себя: „и к тому не должна быти въ дому мужа ѡвѣ нъ съ клявѣнѣми“. Если же будет над согласными, над мужчинами „на глѣбуѣиши“ „знак“ или „—“, то это позорит их „срамѣеть си ꙗко и мужа жѣнска оубавѣ. пѣте же нѣхъ уаѣтѣа, и ѡна нѣхѣдѣтъ оѡнѣстѣнаго ꙗко не быти ѡмоу и томоу дѣнноу въ црѣкъ или въ уѣ съѡра вѣнѣти, ꙗко и ѡцѣи въ правнѣа рѣше“. Если в слове встречаются два слога, из которых один кончается согласным, а другой начинается согласным, то между ними ставится знак ', как сторож или свидетель, предупреждающий „претѣканѣе“.

§ 21. Эти азбуки представляют некоторые различия в системе.

1) В глаголице один знак Э; в кириллице ему соответствуют в и ю.

В первоначальном составе глаголицы был один знак для носового гласного переднего ряда: ЭѢ. Позднее этот знак стал употребляться в соответствии кириллическому ѣ, а вторая часть стала служить в значении а. В кириллице — ѣ, а.

2) В глаголице один знак А; в кириллице ему соответствуют ѡ, ѡ.

3) В глаголице разные знаки для аффрикаты dz и для z: $\mathfrak{z} = dz$, $\mathfrak{z} = z$. В кириллице первоначально не было знака для аффрикаты dz. В кириллических рукописях, в языке которых отражается эта аффриката, она передана слегка модифицированным знаком $\mathfrak{z}$: $\mathfrak{z}$ (перечеркивающая линия различной длины). Так в отрывках Хиландарских, Зографских и Ундольского. В кириллице есть знак $\mathfrak{z}$; но он употребляется в значении цифры „6“.

4. В глаголице особая буква $\mathfrak{m}$ для мягкого g' (g') в словах заимствованных. В кириллице для этого служит буква $\mathfrak{r}$ (r').

5) В кириллице были буквы $\mathfrak{z}$, $\mathfrak{w}$ в соответствии греческим ξ , ϕ . В глаголице не было соответствующих знаков.

Но более важное показательное значение представляют черты сходства в славянских азбуках — и в системе и даже в начертаниях букв, черты, с несомненностью свидетельствующие, что составитель одной из азбук знал о другой и следовал ей. Мы подходим к вопросу, какая же азбука древнее, т. е. какая из них составлена Константином.

Указанные выше черты различия не все восходят к давнему составу кириллицы. Так, и в кириллице, в ее более раннем виде, не было $\mathfrak{w}$, $\mathfrak{z}$, $\mathfrak{m}$, как это обнаруживается из наблюдений над архаическими элементами в написаниях кириллических памятников: нет $\mathfrak{m}$ в Саввиной книге, в Супрасльской рукописи, в Хиландарских и Зографских листках, в листках Ундольского, в Македонском листке; редко употребляется $\mathfrak{w}$; в листках Ундольского и Зографских — только $\mathfrak{e}$; встречаются написания с $\mathfrak{z}$ в значении $\mathfrak{z}$ и $\mathfrak{z}$: [рифимн] $\mathfrak{z}$ (именит. ед.) — в надписи Самуила; $\mathfrak{z}$ ви са григорнъ (родит. ед.), соптабръ (родит. ед.) — в листках Ундольского; $\mathfrak{z}$ омль (именит. ед.), $\mathfrak{m}$ оръ (родит. ед.) в Саввиной книге.

Черты сходства в общей системе глаголицы и кириллицы:

1) Два знака для i (третий глаголический знак $\mathfrak{r}$ представлял собою модификацию знака $\mathfrak{z}$).

2) Два знака для o .

3) Две части в букве для u (y).

4) Одинаковый способ передачи славянского гласного y :писанием знака для $\mathfrak{z}$ ($\mathfrak{z}$) в сочетании со знаком для i (i , n ; $\mathfrak{z}$, $\mathfrak{r}$, $\mathfrak{z}$).

5) Одинаковый способ передачи шт': $\mathfrak{w}$ — $\mathfrak{w}$.

6) Общие элементы в рисунках букв для славянских звуков $\mathfrak{z}$, $\mathfrak{z}$, $\mathfrak{z}$, $\mathfrak{z}$, $\mathfrak{z}$, $\mathfrak{z}$.

7) Одинаковость в написаниях надписных значков и титл.

Некоторые общие черты в глаголице и в кириллице могут объясняться тем, что в основе той и другой азбуки лежит греческое письмо: минускульное — в основе глаголицы, унциальное — в основе кириллицы. Но показательна общность в передаче славянских звуков — общность и в основе, и во внешнем виде букв.

Несомненно, в связи находится передача для *ѣ*: сочетание букв *ѣ* и *и*.

Не случайно и сходство в написаниях букв для славянских звуков. Источник для некоторых из этих букв ясен в глаголице. Кириллица следует за глаголицей, изменяя ее знаки для славянских звуков, придавая им геометрические формы в стиле прочих букв. Сравните глагол. *ѣ* и кирилл. *ѣ*, глагол. *ѣ* и кирилл. *ѣ*, глагол. *ѣ* и кирилл. *ѣ*, глагол. *ѣ* и кирилл. *ѣ*, глагол. *ѣ* и кирилл. *ѣ*. Знаки для редуцированных гласных в глаголице представляют модификацию *ѣ*: *ѣ*, *ѣ* (*ѣ*, *ѣ*, *ѣ*).

Кириллица воспользовалась результатом позднейшего изменения основы для передачи этих гласных — воспользовалась формой в виде *ѣ* и придала ей угловатую форму: *ѣ*, *ѣ*. Такое же отношение и между глаголическим *ѣ* и кириллическим *ѣ*. Источник глаголических букв для носовых гласных ясен: это *ѣ* (о), *ѣ* (е) в сочетании со значком *ѣ*: *ѣѣ*, *ѣѣ*. Кириллические же *ѣ*, *ѣ* представляют угловатую перелицовку глаголических знаков, поставленных набок (вниз значок *ѣ*).

На то, что первоначальной была глаголица, указывает также цифровое значение букв той и другой азбуки. В глаголице цифры следуют в порядке алфавита. *ѣ* — 1, *ѣ* — 2, *ѣ* — 3, *ѣ* — 4, *ѣ* — 5... В кириллице цифровое значение имеют только знаки, взятые из греческого письма: *ѣ* — 1, *ѣ* — 2, *ѣ* — 3, *ѣ* — 4... Из дополнительных букв только *ѣ* имел цифровое значение „900“. Позднее в таком значении стали применять букву *ѣ*, подобно глаголическому *ѣ* — 900. Если бы глаголица следовала кириллице, то буквы глаголицы были бы расположены иначе, согласно счету по кириллической азбуке: *ѣ*, *ѣ*, *ѣ*, *ѣ*...

Палеографический анализ кириллицы также указывает, что эта азбука не составлена Константином в IX в.: тот греческий унциал, который положен в основу кириллицы, относится к X в., как на это указывают полуовалы, заостренность и вертикальность (отсутствие наклона) букв кириллицы (см. выше о греческом унциале).

В пользу старшинства глаголицы свидетельствуют и черты языка глаголических памятников: в этих памятниках представлены архаические пласты первооригиналов более значительно, чем в памятниках кириллических, как отмечено было выше.

В глаголице не было букв, которые соответствовали бы греческим ξ, φ. Не было потребности в них, так как в славянской фонетической системе IX в. отсутствовали сочетания ks, ps. Такие сочетания изменились в давнее время: ks → kch → ch (rěchъ — 1-е л. ед. сигматического аориста от основы tek- с суффиксом -so-); ps → s (opsa → osa); см. об этом в § 146. При изготовлении славянских переводов оказалось необходимым ввести некоторые слова греческого текста с ξ, φ — имена собственные и названия должностей. Такие сочетания были приспособлены к славянской фонетической системе посредством артикуляции гласного ѣ между k-s, p-s: kъs, pъs. Посредством артикуляции гласного ѣ избегали непосредственного сочетания и некоторых других согласных, как это отмечено ниже, в § 36. Это применение ѣ не было явлением только графическим: соответствующий гласный был в речевой передаче греческих слов с ξ, φ и с некоторыми другими сочетаниями согласных. Итак:

александрокъ — 'Αλεξάνδρου; (ср. в Зографском ев. алек'сан'-
дрокъ со значками ' , указывающими на пропуск ъ более ран-
него глаголического оригинала);

доукъсь — *doŭs*, лат. *dux*; (ср. в кириллической Супрасльской рукописи *доук'сѣ*, *доук'сомъ* с', указывавшим на пропуск *ъ*, находившегося в более раннем оригинале);

псалмъ — ψαλμός, псалтырь — ψαλτήριον; (примеры многочисленны в Синайской псалтыри).

В памятниках кириллических пишут попрежнему к'с, кс, в'с, пс или чаще ѡ, ѡ: алеѡан'дръ — алеѡандръ, маѡимъ, ѡан'оні, доуѡъ, доуѡова прншестини, прннѡѡъ — прѡѡѡѡ, лат. *prínceps* и многие другие в Супрасльской рукописи; ѡал'мъ в Саввиной книге.

Буквы **ѣ**, **ѣ** применяются в отмеченных кириллических памятниках не только в передаче заимствованных слов, но и слов традиционных, в которых произошла к этому времени утрата слабых **ъ**, **ь** — **п'сати**, **псати**, **псанъ**, но и **рѣкошанъ** в Супрасльской рукописи; **ѣ** **сѣва** **ѣалъ** — в записи Саввиной книги.

Наличие в кириллице букв *ѣ, ѡ* и передача ими сочетаний *ks, ps* указывает на то, что кириллическая азбука составлялась тогда, когда сочетания *ks, ps* были не совсем чужды славянской

фонетической системе, а это свидетельствует о более позднем состоянии этой системы сравнительно с той, для которой составлялась глаголица, не нуждавшаяся в знаках, соответствующих греческим ξ , ϕ .

Обстоятельства и области распространения глаголицы подтверждают старшинство глаголицы. В Моравии применялась глаголица, а не кириллица. Киевские листки и Пражские отрывки (см. ниже) свидетельствуют об этом. Нет основания предполагать, что в Моравии после изгнания учеников Мефодия кириллица была брошена, а вместо нее кто-то, хорошо знавший греческое минускульное письмо, а также письма еврейские и самаритянские, составил глаголицу. Ни обстоятельства того времени, ни элементы глаголицы не допускают такого предположения. Древние славянские памятники, идущие из областей хорватских, где действовали некоторые изгнанники из Моравии, также писаны глаголицей.

В Болгарии деятельность учеников Мефодия протекала преимущественно в Македонии и в соседней Албании. Письменность там велась глаголическая: на македонское происхождение указывают черты языка старославянских глаголических памятников.

Элементы древнееврейские, самаритянские, а также коптские введены были в славянскую азбуку, в глаголицу, ее составителем Константином: он знал древнееврейский язык; в малоазийском монастыре Олимп он мог иметь общение с лицами, пользовавшимися коптской письменностью.

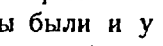

Когда же и где появилась кириллица?

§ 22. Полагаем, ее появление относится к восточной Болгарии, ко времени правления царя Симеона (893—927). Симеон, „полугрек“ ($\eta\mu\acute{\iota}\alpha\rho\upsilon\varsigma$) по образованию, стремился сравниться во всем с Византией. Бесперывные войны, истощившие страну, раздвинули далеко пределы Болгарского государства: в пределы Болгарии входили области от Днестра на севере до Тиссы на северо-западе, до Лима, Тары, Бояны на западе; пределы на юго-западе представляло Адриатическое побережье от устья Бояны до реки Каламы (напротив острова Корфу); бассейн южной Быстрицы, нижнее течение Вардара, Струмы и устье ее, нижнее течение Месты, вся область Родоп на юге. Византии он хотел противопоставить не только мощь государственную, но и культурную. Он собрал в своей столице Преславе славянских книжников, которые выполняли многочисленные переводы с грече-

ского языка. Позднее списки с этих переводов распространялись в области восточных славян (на Руси) и в Сербии. Письменность в симоновское время в восточной Болгарии выполнялась не глаголицей, а кириллицей, т. е. письменами торжественных греческих книг — письменами, которые должны были соответствовать величию государственному.

Пользовались кириллицей и в Македонии, но пользовались в среде господствовавших верхов, применяя ее в надписях, для которых служило в особенности торжественное письмо. Таково применение кириллицы в надгробной надписи, сделанной на камне по распоряжению Самуила, царя юго-западной Болгарии, в 993 г. (см. снимок на стр. 75).

§ 23. На востоке Болгарии изредка пользовались и глаголицей. Так, в церковной росписи применяли иногда буквы глаголицы. Так было в Преславе, как это обнаружили раскопки последних лет, произведенные там. Именно, на развалинах церковных стен оказалось несколько слов, написанных глаголическими буквами. На тех же развалинах имеются и надписи кириллицей. Но начертания и правописание этих graffiti не относятся к симоновской эпохе, а к более позднему времени.

Глаголица также была известна сербским книжным лицам, в особенности в Босне. По образцу глаголицы они ввели в свое письмо (кириллическое) знак, представлявший собою в нижней части написание, похожее на П; над П возвышалась вертикальная черта; черта эта часто представлялаверху загиб или особый нажим; иногда загибы были и у П: . Эта буква служила для передачи мягкого г' в заимствованных словах. Так в Мирославовом евангелии. В других памятниках ею передавали г' не только в заимствованных словах, но и тот палатальный согласный, который был заменой давнего сочетания dj (внѣю, ст.-слав. *внѣдѣ* вм. *vidjō*). Так в Волкановом евангелии. В древнейшей сербской грамоте боснийского бана (правителя) Кулина, 1189 г., знак служит только для согласного, заменявшего собою dj. Позднее в Босне этой буквой стали пользоваться не только для согласного, заменявшего dj, но для согласного палатального, заменявшего собою раннее сочетание tj (отѣъ тн, ст.-слав. *отѣвъштати* вместо *otvĕtjati*). Так, например, в Никольском евангелии (XIV в.).

Эта буква представляет собою модификацию соответствующего глаголического знака для г'—*М*. В связи с общим стилем

кириллицы, с его угловатостью, петля вверху заменена линией, с небольшим загибом вверху (следы петли). И внизу остался след глаголической буквы — небольшой загиб влево, как в глаголице. Сравните начертания сербского Ъ и начертания глаголического М.

Глаголицу знали и русские книжники и изредка пользовались ею.

От XI — XVI вв. известно пятнадцать русских рукописей, в кириллическом тексте которых имеются глаголические буквы. В особенности их много в двух пергаментных листках XII в., находящихся в Погодинском собрании № 68 (Ленинградская Публичная библиотека им. Салтыкова-Шедрина). Описание этих отрывков и снимки с них даны в пражском издании „Byzantinoslavica“, I, 1929. Там же отмечены и другие русские рукописи со следами глаголического письма. Иногда русские книжники пользовались глаголицей в качестве тайнописи. Обзорение такой тайнописи и снимки ее представлены в книге М. Н. Сперанского „Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма“ (Ленинград, 1929, стр. 58—67, „Энциклопедия славянской филологии“, вып. 4.3).

Применяли ее и в стенной росписи церквей, как и на востоке Болгарии. Глаголические graffiti найдены на нижних частях Софийского собора в Новгороде (эти надписи относятся к древнейшей поре существования собора).

§ 24. Глаголицу заменяла кириллица. Иногда глаголический текст смывался, и пергамент заполнялся кириллическими буквами. Это — палимпсест (греч. *παλινψηστῆς*; *παλιν* — „опять“, *ψάω* — „скоблю“). Таким палимпсестом является, например, Боянское евангелие, среднеболгарская рукопись XIII в. В некоторых листах этой рукописи видны еще буквы прежнего, глаголического текста. (см. снимок на стр. 62).

На списывание многих кириллических рукописей с глаголического текста указывает и то, что в кириллический текст нередко вносились отдельные слова, а иногда строчки глаголического оригинала. Так, в ряде среднеболгарских рукописей XII — XIII вв. (в Охридском апостоле, в Болонской псалтыри, в Битольской триоди). В глаголических же рукописях встречаются слова, написанные кириллицей. Но они не одновременны с глаголическим написанием, а позднейшего происхождения. Это разные пометки практического содержания.

ИЖЕ ТАКО СЕ · ПАДА · НЕЩЕ · СЛАГА ·
 РИ · ФЫ · МО · К · Ш · Н · Д · Е · Н · Р · И · В · И · Т · А · Р ·
 А · Т · И · Р · А · Н · О · А · Т · А · Р · Е · К · Ш · Н · Е · К · Ш ·
 У · Н · И · С · Л · Е · Т · Т · А · Г · А · Ф · И · Т · О · Р · Е ·
 А · Т · И · Ж · Е · М · К · О · У · С · А · Т · И · Т · А · Г · О · Д · О ·
 Н · И · К · Л · К · И · М · О · Н · Е · Б · О · В · О · К · О · П · О ·
 Ш · А · Л · Е · С · И · Т · А · Б · Е · К · А · М · О · В · И · Е ·
 О · Р · Е · Н · И · А · Ж · Е · К · О · Д · Е · Т · Е · К · Х · Р · Т · А · К · И ·
 А · Е · К · Е · К · А · Ш · Е · Т · Е · А · В · О · Д · А · М · О · У · Н · О ·
 У · Т · О · Ш · И · Т · И · В · Н · О · Т · А · Б · О · В · И · Р · О ·
 В · О · Ж · Е · Д · О · В · Л · И · Т · А · Н · И · Х · Б · А · Е · Н · Л · О ·
 П · И · Д · О · Ш · А · Г · А · Ц · И · А · Т · Е · К · О · П · А · Е · Т · М · А ·
 Ш · А · А · В · А · А · У · С · Т · О · У · А · Р · И · А · М · О ·
 П · Р · И · Е · Н · А · Е · М · Е · Б · О · В · Е · А · П · А · Т · В · И · Р · А ·
 А · М · О · М · О · Г · О · В · О · В · А · И · Н · С · А · О · У · Г · И · А · Ш ·
 С · Н · О · В · А · Л · Z · Е · М · Е · С · Н · Е · Б · А · Т · Ы · М · О ·
 М · Р · А · М · И · Т · О · С · О · В · И · Ч · Е · Н · А · Б · И · А · А · У ·
 О · А · Г · И · А · Р · И · А · М · О · Ш · А · Х · Н · Ю · Д · Е · А · Л ·
 У · П · И · А · С · К · Ы · М · Т · О · Т · О · Л · О · С · И · А · Х · О ·
 Н · В · Ш · А · М · Т · И · А · Т · А · М · Ы · Р · Е · Г · Е · П · О ·

Боянское евангелие (палимпсест).

§ 25. Название „кириллица“ не может указывать на принадлежность этого письма Кириллу-Константину. Это название применялось раньше к другой азбуке, к глаголице. Так, в списке Книги пророков, сделанном в 1499 г. в Новгороде, повторена запись оригинала 1047 г. Запись сделана была в 1047 г. переписчиком рукописи попом Упирем Лихим. В этой записи указано, что рукопись списана „ис коуриловицъ“, т. е. с письма, имевшего иной вид и называвшегося „куриловица“ (кириллица). То была рукопись глаголическая. И в кириллическом списке попа Упия есть кое-где глаголические буквы. В хронографе б. Румянцевского музея (ныне Ленинской библиотеки), по „Описанию“

А. Востокова, NCCCCLIII 1494 г., имеется такое замечание: ко дни Мѣханаѣ црѣк грец(ос)наго и ко дни кнѣзѣ Ререна (Рюрика) Новгородцаго... стѣи Конѣстантинѣ философѣ, нарицаемѣи Кирѣлѣ, сотвориѣ грамѣтѣ словеснымѣ (словенскимѣ) азѣкомѣ, главою литицю". Слова „главою литицю“ следует понимать, как указание на глаголицу, на „глаголиту“. В одном из более ранних оригиналов этой заметки было написано, повидимому, под титлами не только „главою“, но и „глаголиту“ (= „глаголиту“).

§ 26. О порядке букв глаголицы и кириллицы можно судить по их цифровому значению: глаголические ♂ (а) — 1, Ё (в) — 2, Ѧ (г) — 3 и т. д., а также по следующим указаниям: 1) по азбучному акростику древних славянских стихотворений, 2) по алфавитным спискам (по перечню букв и их названий).

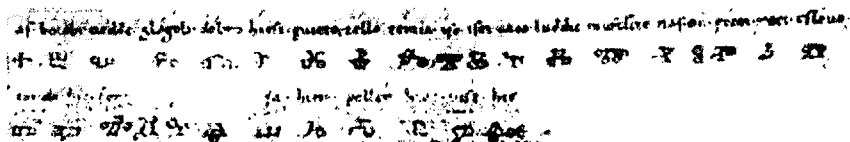
Стих азбучного стихотворения начинался с гласного или согласного в порядке славянского алфавита, хотя и не с полной выдержанностью: были такие звуки, которые не начинали слова, — ѣ, ѥ, ѧ. По византийскому образцу размер славянских стихотворений — политический стих (στίχος πολιτικός) в двенадцать слогов, с цезурой обычно после пятого слога. Из таких стихотворений древнейшими являются два: стихотворение Константина Болгарского, ученика Мефодия, и стихотворение, находящееся в „азбувнике“ XIII в. Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Азбучный акростих в этом последнем стихотворении составляют начальные звуки не каждого стиха, а двустипхия. Из стихотворения Константина Болгарского:

Прѣшѣтоуоумоу||помѣсти ѡтѣ тебе
Рѣцѣ во свои||горѣ възвѣмъ приносѣ
Бѣлѣ. приѣти||и мѣдрѣсть ѡу тебе...

Издания этих стихотворений см. в книге А. И. Соболевского „Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии“, Пб. 1910 (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 88, № 3).

Древнейшие перечни славянских букв и их названий относятся к XI—XII вв. Это: 1) в латинской рукописи № 14485 Мюнхенской библиотеки (см. пражский журнал „Byzantinoslavica“, II, 1930), 2) в одной парижской латинской рукописи (см. у И. В. Ягича в „Энциклопедии славянской филологии“, вып. 3, Пб. 1911, стр. 135—136). (См. снимок на стр. 64.)

§ 27. В заключение остановимся на одной интересной статье древнеславянской письменности — „О письменехъ черноризца Храбра“. Эта статья пользовалась большой популярностью у славянских книжников на юге и на востоке. Она сохранилась в ряде списков. Древнейший из них находится в среднеболгарском сборнике 1348 г. (Ленинградская Публичная библиотека). Статья была составлена не позднее начала X в., когда „еще (были) живы те, которые видели их“, т. е. Константина и Мефодия, как замечено в двух списках сказания. Эта статья ярко выделяется на фоне безличной средневековой церковнославянской

Abecenarium bulgaricum.

письменности: она защищает ее право на существование, отрицавшееся не только на Западе, но и некоторыми лицами из греческой среды.

Статья построена так.

Вначале даны справки по истории письма у славян. В давнее время у них не было букв. В случае необходимости отметить что-нибудь, славяне применяли „черты и резы“: урѣтами и рѣзани урьтѣхъ и гатаахъ погани сѣще — „посредством черт и надрезов считали (вели счет) и разбирали (понимали) начертанное (гатаахъ)“. Это были надрезы и черточки на палочке или на куске дерева и имели значение чисел — количества каких-нибудь предметов. Такие счетные палочки применялись у славян, как и у других народов. У южных славян они употреблялись до недавнего времени. Там эта счетная палочка получила название „рабош“ (румынск. *găbos*, от венгерск. *góvas* = *govaš*; венг. *gőpi*, *govak* — „врезывать“). У русских такая палочка была известна под именем „бирка“, вероятно, от скандинавского слова *Birk* — „береза“, а не от татарского „бир“ — „подать“ — и не от славянского глагольного корня бир- (бирати, братьи).

По принятии христианства славяне, бывшие в сфере воздействия римской культуры, пользовались латинскими буквами; славяне же в юго-восточных областях, находившиеся в сфере влия-

ния Византии, применяли греческие буквы в случае нужды написать славянские слова. Но такое применение латинского и греческого письма было лишено системы, было „без устроения“. Да и нельзя было передать латинскими или греческими буквами многих славянских звуков: „нѣ како можуть ся писати добръ грѣхъскими писменъ бѣ. нѣ живѣтъ, нѣ зѣло нѣ цркъвѣ. нѣ таиннѣ, нѣ ширѣтъ, нѣ идѣ, нѣ ждоу, нѣ юность, нѣ языкъ [вместо языкъ] и нѣзѣ подобна снмѣ“, — т. е. указаны примеры со звуками б, ж, дз (з), ц, ч, ш, ъ (идѣ), ж, ю, ѡ (а), для которых не было знаков в греческом алфавите. Только Константин Философ, называемый Кирилл, составил славянам полную буквенную систему из 38 знаков: „сѣтвори нмѣ ҃х писмена и осмь, ѡва бую по чинуу грѣхъскихъ

Бирка.

писменъ, ѡва же по славѣн'стан рѣчи“, т. е. одни из этих букв соответствовали системе греческой азбуки, подобно тому, как греческая азбука соответствовала еврейской: ѡни (греки) бую алфа ѡ сѣ [сѣ или сѣи = „этот“ — Константин] азъ (буква а). ѡт аза нѣтѣ ѡкою...; как евреи „прѣвое писма (букву) нмѣтъ (имеют) алфѣ... и грѣци подобашѣса томуу алфа рѣшѣ (сказали, назвали)“. Храбр указывает, что „по чину греческих писменъ“ было 24 буквы, а по „славянской речи“ — 14. К последним принадлежали:

Ѡ	Ѥ	Ѧ, Ѧ	Ѩ	Ѣ	Ѧ	Ѧ
Б	Ѧ	СЦ	У	Ш	Ъ	Ь
Ѧ Ѧ	А	Р	ѦѦ	ѦѦ	ѦѦ	
ЪН	Ъ	Ю	ѦѦ	ѦѦ	ѦѦ	

Знак для мягкого М (r'), повидимому, относился к числу букв, соответствовавших звукам, передававшимся греческой азбукой.

О какой славянской азбуке говорится в сказании Храбра, о глаголице или кириллице? Определенных указаний по этому вопросу сказание не представляет. Но ясные следы глаголического оригинала, отражающиеся в Московском списке (б. библиотеки Московской духовной академии, теперь в Ленинской библиотеке), и некоторые указания на буквы азбуки, имеющиеся в нем, могут свидетельствовать о глаголице.

Далее Храбр переходит к возражениям против славянской письменности и к опровержению их.

Первое возражение: 38 букв слишком много для славянской речи; можно обойтись и меньшим количеством, подобно грекам, которые 24 буквами пишут. Храбр указывает на неосведомленность возражателей: „не вѣдати колициѣмъ пишеть грьци“. Храбр и в греческом алфавите насчитывает 38 знаков.

Другое более важное возражение: еврейские, греческие и римские письма идут искони и свыше даны, а славянские нет; — и не отдают себе отчета в том, что говорят окаянные („не вѣдатъ са что гл҃аше окаяннии“). И что сказать этим идиотам („что речеми къ тацѣмъ безоумиѣмъ“)? Скажем от святых книг, которыми мы научились. И далее следуют опровержения „треязычников“. „Святые книги“, из которых Храбр почерпнул материал для своих возражений, — это какое-нибудь греческое грамматическое сочинение по истории писмен, вроде грамматики псевдо-Феодосия Александрийского, или какого-нибудь другого подобного сочинения. Храбр указывает, что древность и еврейской и греческой письменности относительна. Было время, когда и греки не имели своей азбуки, но пользовались финикийскими письменами: ѡланин не пишѣхъ своимъ языкомъ (азыкомъ) писменъ, нѣ финицѣскимъ писменъ писахъ своея рѣчь. и тако бѣшѣ многа лѣта. Следует сообщение о том, как в течение долгого времени составлялась греческая азбука. Семь человек в разное время составляли ее; из них пять названо — Паламид, Кадм, Симонид, Впихарм, Дионис, двое оставлены без имени. Перевод же библейских книг на греческий язык выполняли семьдесят человек. Итак, Храбр делает такое построение: у греков азбуку составляли долгое время семь человек, а перевод делали семьдесят. А у славян все это сделал один человек и в короткое время. А отсюда, по умозаключению апологета, следует вывод: словѣнскаа писмена ст҃ашиа сѣхъ и уст҃ишиа. ст҃ь же мѣхъ ст҃еорнѣхъ ѡ ювь, а грьцѣскаа ѡланин погани. Чтобы сделать такое построение и им усилить свою аргументацию, Храбр к пяти известным устроителям греческого алфавита прибавил двух неизвестных, а по отношению к устроению славянской письменности умолчал о Мефодии.

Храбр имеет в виду еще одно возражение, которое могут сделать по отношению к славянской письменности: производилось в его время какое-то исправление ее: еше ли кто речеѣтъ. ꙗко нѣсть оусторнѣа дѡбра, понеже са пострашѣтъ и юше, отвѣтъ речеми снми: и

греки много раз исправляли (поправляли), например, Акилла и Симмах и другие. Легче потом исправить, чем создать вначале: *оудобѣю бо ѡуть послѣдѣ поправити, неже прѣвоу створити*. Какое исправление имеет в виду Храбр? Вероятно, здесь говорится не об изменении азбуки, а об исправлениях или дополнениях в переводах, как на это может указывать ссылка на соответствующее явление в греческой письменности: Акилла и Симмах имели отношение не к греческой азбуке, а к письменности, к толкованию библейских текстов.

Заканчивает свою апологию Храбр указанием на такое преимущество, какое, по мысли Храбра, имеют славянские письмена по сравнению с греческими: у греков редко кто знает имена создателей их азбуки, а славянские книжные люди („букаре“) все дадут ответ, если ты спросишь у них „кто вы (вам) писмена створи́ла естъ, или книгы прѣложи́ла“ („перевел“) — съи́мъ Константъ философъ нарицемыи Кирилъ, ть намъ писмена створи и книгы прѣложн, и Мефодию братъ его, и аще въпросниши, въ коз время; то вѣдати и рещати... Следует дата: имена правителей и год: ѿ҃҃҃҃҃҃ (6363). Итак, в конце пришлось забыть о предшествующей пропорции 1:7, 1:70 и упомянуть имя Мефодия.

Что касается даты 6363 г., то она долгое время возбуждала сомнение. По обычному счету того времени из этой даты нужно вычесть 5508. Получится по новому летосчислению 855 г. Но в Византии и у славян применялось и другое исчисление, александрийское, 5500 лет. Такой счет применен и в статье Храбра. В среднеболгарском сборнике 1348 г., где находится древнейший из дошедших до нас списков сказания, недалеко от статьи о письменах находится хронологическая статья, в которой определенно указано летосчисление в 5500. Таким образом, $6363 - 5500 = 863$ — год, на который указывают и другие данные (или 862 г.).

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ.

§ 28. Рукописи на старославянском языке не дошли до нас непосредственно от времени деятельности Константина и Мефодия и их учеников. Два старославянских памятника относятся к X в., прочие к XI в. В этих памятниках, в особенности в памятниках XI в., имеются значительные отступления от языка кирилло-мефодиевских переводов. Но эти отступления легко

выделяются, и за ними обнаруживается основа более ранних оригиналов, восходящих к кирилло-мефодиевским образцам.

Памятники старославянского языка писаны глаголицей и кириллицей.

ПАМЯТНИКИ ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ.

1. Киевские листки, или Киевский миссал. Это — наиболее древний памятник старославянского языка. Но одна черта этого языка систематически устранена: **шт** — **ѡд** (вместо **tj** — **dj**). Вместо этой черты представлена иная — **ц** — **з**, черта языка славян западной части прежнего Моравского государства.

На западное происхождение памятника указывает и его содержание (месса).

Нет отступлений в употреблении **ъ**, **ь**, за исключением двух случаев с написанием **въсьхъ** (вместо **вьсьхъ**). Но это написание — недосмотр писца; имеются и другие явные недосмотры и поправки, в частности, на одной из страниц с написанием **въсьхъ**. Арханчен этот памятник и в начертании букв (ср. замечания, сделанные выше, в отделе об азбуках).

По чертам языка и написаниям относим этот памятник к X в.

Название этого памятника „Киевским“ вызвано тем, что он был открыт в Киеве, куда попал с Востока.

Лучшее издание сделано В. Ягичем (V. Jagić), *Glagolitica. Würdigung neuer entdeckter Fragmente*, Wien, 1900.

Замечания о палеографии и языке памятника см. в работах:

1) V. Oblak, *Zur Provenienz der Kijever und Prager Fragmente* („Archiv für slav. Philologie“, XVIII, 1896).

2) V. Jagić, *Einige Streitfragen*, I, („Archiv für slav. Philologie“, XX, 1898). 4 (там же, XXII, 1900).

3) W. Vondrák, *Opůvodu, Kijevských listů*, Praha. 1904.

4) Он же, *Über die Provenienz der Kijever Blätter und Prager Fragmente* („Archiv für slav. Philologie“, XXVIII, 1906).

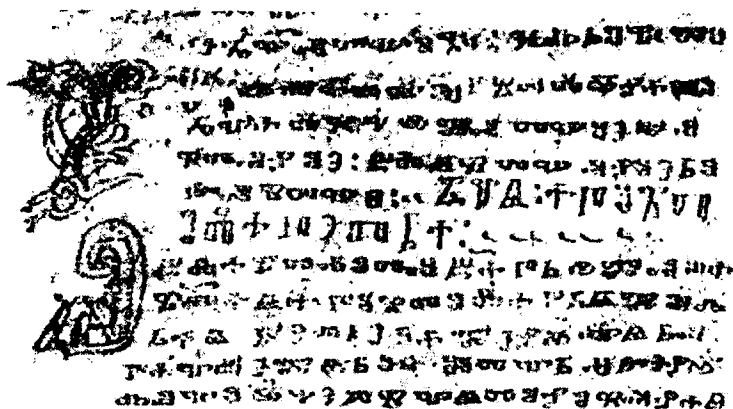
5) Н. Грунский, *Памятники и вопросы древнеславянской письменности* I, Юрьев, 1904.

Критические замечания см. в „Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук“, X, № 4, 1905, (о работе Вондрака) и в „Журнале Мин. нар. пр.“, 1906, № 3 (о работе Грунского).

6) Н. Грунский, *Київські глаголицькі листи і фрейзінгенські уривки*, У Київ, 1928.

Заметки Н. Грунского о синтаксисе памятника в его книге „Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков“, Юрьев, 1911 (IV. Приложение).

Киевские листки.

7) Б. М. Ляпунов, Ватрослав Облак („Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук“, I, стр. 928). — Между прочим изложен взгляд Ф. Ф. Fortunatova на принадлежность языка переводчика Киевских отрывков южнославянской языковой области.

8) В. Н. Шепкин, Рассуждение о языке Саввиной книги (СПб. 1899, стр. XVIII — XX). — Тоже утверждает южнославянское происхождение писца Киевских листков. Но это утверждение не убедительно ни в лингвистическом, ни в историческом отношении.

9) А. И. Соболевский, К хронологии древнейших церковнославянских памятников (Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. „Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Академии наук“, т. 88, 1910).

10) Он же, Родина Киевских отрывков (там же, стр. 106—109). Совершенно безосновательно перевод отрывков отнесен к Польше.

11) Ed. Sievers, Die altslavischen Verstexte von Kiew und Freising (Berichte der Sächsischen Akademie der Wissensch. Philos.-hist. Klasse, 76, 1924).

12) N. van Wijk, Kilka uwag o pochodzeniu Mszału Kijowskiego (Księga pamiątkowa ku czci O. Balzera, Lwów, 1925, II).

13) Заметки Курца (J. Kurz) в пражском журнале, „Listy filologické“, тт. 51, 54.

14) M. Weingart, Hlaholské listy Vídeňské. K dějinám staroslověnského missálu („Časopis pro moderní filologii“, XXIV): Замечания о происхождении славянского перевода миссала.

2. Зографский кодекс — евангелие. Этот, как и другие глаголические памятники, представляет новые черты и в письме и языке. Относим все прочие глаголические памятники к XI в.

К XII в. их нельзя отнести: в них нет существенной черты, характеризующей все болгарские памятники XII—XIII вв.: мены **ж** и **н** при определенных условиях. 17 листов (41—57, Матф., XVI, 20—XXIV) вставлено позднее.

По чертам языка писцов глаголических памятников полагаем, что они написаны в пределах Македонии. Название „Зографское“ дано по месту прежнего нахождения этого памятника, в Зографском монастыре (на Афоне). Теперь он хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде.

Издан В. Ягичем: *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitani*, Berolini, 1879. Ягич дал и исследование о языке этого памятника, главным образом о гласных **ъ**, **ь**. (*Archiv für slav. Philologie*, I, 1876; II, 1877). См. также работы:

- 1) А. Leskien'a в *Archiv'e für slav. Philologie*, II, 1877, XXVII, 1905;
- 2) Н. Грунского в „Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии наук“, т. 83, 1907, № 3;
- 3) N. van Wijk'a в *Archiv'e für slav. Philologie*, XXXVII, 1920; XXXIX, 1925; в „Roczniku slavistycznym“, IX, 1921 и в журн. „Slavia“, I, 1922;
- 4) J. Kurz'a в журн. „Listy filologické“, т. 50, 1923 и в журн. „Slavia“ IX, 1930; XI, 1932.

3. Ассеманиев кодекс — евангелие, названное по имени Ассемани, вывезшего эту рукопись с Востока в конце XVIII в. Другое название — Ватиканское ев., по месту нахождения ее в библиотеке Ватикана.

Имеется 3 издания:

- 1) F. Rački, *Assemanov ili Vatikanski evangelistar*, Zagreb, 1865. (Издано глаголическим шрифтом.) Издание малоудовлетворительное.
- 2) J. Črnčić, *Assemanovo izborni evangelje*, Rim, 1878. (Издано латинкой).
- 3) Лучшее издание приготовили И. Вайс и И. Курц: *Evangelium Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glag. Editio phototypica cum prolegomenis, textu litteris cyrillicis transcripto...* Ediderunt dr. J. Vajs et dr. J. Kurz. I. Praga, 1929.
- 4) St. Mladenov, *Assemański albo Watykański Ewangeljarz* (в изд. „Słownik starożytności słowiańskich“, Warszawa, 1934, стр. 1—3).

На полях памятника сделаны в XII—XIII вв. и позднее записи кириллицей. Интересны в фольклорном отношении записи XII—XIII вв. о „злых днях“ каждого месяца.

Об этих записях см. в статье М. Н. Сперанского „Злые дни“ в приписках Ассеманова евангелия“ (*Македонски Преглед*, VIII, кн. I, София, 1932).

11. E. H. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 846. 847. 848. 849. 850. 851. 852. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 859. 860. 861. 862. 863. 864. 865. 866. 867. 868. 869. 870. 871. 872. 873. 874. 875. 876. 877. 878. 879. 880. 881. 882. 883. 884. 885. 886. 887. 888. 889. 890. 891. 892. 893. 894. 895. 896. 897. 898. 899. 900. 901. 902. 903. 904. 905. 906. 907. 908. 909. 910. 911. 912. 913. 914. 915. 916. 917. 918. 919. 920. 921. 922. 923. 924. 925. 926. 927. 928. 929. 930. 931. 932. 933. 934. 935. 936. 937. 938. 939. 940. 941. 942. 943. 944. 945. 946. 947. 948. 949. 950. 951. 952. 953. 954. 955. 956. 957. 958. 959. 960. 961. 962. 963. 964. 965. 966. 967. 968. 969. 970. 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 978. 979. 980. 981. 982. 983. 984. 985. 986. 987. 988. 989. 990. 991. 992. 993. 994. 995. 996. 997. 998. 999. 1000.

Зографский кодекс.

4. Мариинский кодекс — евангелие, вывезенное В. И. Григоровичем с Афона. Хранится в Публичной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Издан В. Ягичем: *Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus*. Ptb., 1883. Издание снабжено большой статьей о языке и полным словарем.

1) А. Leskien, „Archiv für slav. Philologie“, XXVII.

2) Ф. Ф. Фортунатов, Состав Остромирова евангелия. Пб. 1908, 55—60.

5. Клоцов кодекс — сборник поучений, похвальных слов. 12 листов этой рукописи находились в библиотеке Клоца и изданы были в 1836 г. В. Копитарем. Теперь они хранятся в музее в Триенте. Позднее были открыты в музее в Иннсбруке еще 2 листа того же сборника, изданные Фр. Миклошичем в 1860 г.

Полное издание сделано было В. Вондраком (W. Vondrák): *Glagolita Clozů*. Praha, 1893. Некоторые исправления к этому изданию сделал Нoha в журн. „Časopis Matice Moravske“, т. 50, 1926.

V. Oblak, Zur Würdigung des Altslovenischen („Archiv für slav. Philologie“, XV, 338—370).

См. также статью Таля (G. A. Thal): „Textkritische Studien zu Homilien des Glagolita Clozianus“ („Archiv für slav. Philologie“, XXIV, 1902).

6. Синайская псалтырь; рукопись находится на Синае.

Издана была Гейтлером (L. Geitler): *Psalterium Glagolski spomenik monastira Sinai brda*. Zagreb, 1883. Лучшее издание приготовил С. Северьянов: Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. (Изд. Отделения русск. яз. и слов. Рос. Акад. наук. Пгтр. 1922). Об этом издании сравнительно с изданием Гейтлера см. замечания в „Южнославенском Филологу“, IV, 1924, стр. 166—186.

V. Jagić, Entstehungsgeschichte..., стр. 248—251. B. von Arnim („Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum“, Leipz. 1930). См. также статью Ю. В. Петровской „Мена глухих в Синайской псалтыри“ („Известия Отделения русск. яз. и слов. Академии наук“, т. XXI, кн. I, 1917).

7. Синайский требник. Находится на Синае. В большей своей части памятник представляет перевод с греческого языка, — перевод статей, касающихся выполнения различных ритуалов религиозного значения. Некоторые отделы переведены были с немецкого и латинского. Оригинал переводов требника был сделан в моравско-паннонский период старославянской письменности, как на это указывает наличие переводов с немецкого и латинского.

Памятник был издан Гейтлером: *Euchologium Glagolski spomenik monastira Sinai brda*. Zagreb, 1882.

Поправки и дополнения к изданию Гейтлера сделал В. Ягич в „Archiv für slav. Philologie“, VII, 1884, 129 след. Листы 101—104 по собственным фотографическим снимкам напечатал В. Н. Бенешевич в сборнике в честь Ягича („Jagić — Festschrift, Zbornik u slavu V. Jagića“, Berlin, 1908). 3 листа той же рукописи вывезены были с Востока в Петербург в 1853 г. Порфирием Успенским и Н. Крыловым и изданы были И. И. Срезневским в его серии „Древние глаголические памятники“. Пб. 1866 (244—255). Часть памятника переиздал J. Fréck в Париже в 1933 г. („Patrologia orientalis“, XXIV, 5).

О памятнике: W. Vondrák, „Archiv für slav. Philologie“, XVI, стр. 118—132.

V. Jagić, Entstehungsgeschichte..., стр. 251—257, 274—275.

[Jean Frček, Euchologium sinaiticum, „Patrologia orientalis“, t. XXIV, fasc. 5, Paris 1933].

[Н. С. Державин, Euchologium sinaiticum (К вопросу о времени происхождения памятника). „Сборник статей и исследований в области славянской филологии“, М.-Л. 1941].

Ланг (P. Lang), „Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského (Zpráva gymnasia v Příbrami, 1888, 1889 и 1890).

N. von Wijk в „Archiv'e für slav. Philologie“, XL, 1926.

А. И. Соболевский, Синайский требник („Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук“, т. 88, стр. 100—105).—Заметка о некоторых общих словах врачевальных молитв Синайского Требника и „Слова болящих ради“ других рукописей.

В отношении содержания евхология см. в книге Вондрака (W. Vondrák): „Studie z oboru cirkevňeslovanského písemnictví“, Praha, 1903.

Он же, Althochdeutsche Beichtformeln im Altkirchenslavischen und in den Freisinger Denkmälern („Archiv für slav. Philologie“, XVI, 118—132).

Словарь к памятнику составил St. Słóński: „Index verborum do Euchologium sinaiticum“ (Warszawa, 1934).

8. Охридские листки, найденные В. И. Григоровичем в Охриде. Хранятся в рукописном фонде Одесского университета.

Лучшее издание в „Памятниках старославянского языка“, III, вып. 2-й, Пгг. 1915.

9. Македонский глаголический листок с отрывком из Слова Ефрема Сирина, найденный также В. И. Григоровичем. Хранится в библиотеке Академии наук СССР (в фонде И. И. Срезневского).

Издан в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 6-й, Пб. 1909.

10. Отрывки глаголической надписи на развалинах церкви в Преславе. Надпись относится к концу X в. или к XI в.

Описание и снимки см. в статьях Кр. Миятева („Български Преглед“, I, кн. 1, София, 1929) и В. Ивановой („Български Преглед“, I, кн. 4, 1930). См. замечания М. Вейнгарта в журн. „Byzantinoslavica“ (Praha), II, вып. 1, 166—168 и И. Вайса в журн. „Slavia“ (XII, 229—231), М. Н. Сперанского („Из славянской эпиграфики“, Доклады Академии наук СССР, 1930, № 3).

§ 29. 1. Надпись на надгробном камне, сделанная в 993 году по распоряжению Самуила, царя юго-западной Болгарии и Македонии. Камень находился у могилы умерших членов семьи Самуила. Найден он был экспедицией Константинопольского Русского Археологического института в юго-западной Македонии, в селе Герман, недалеко от озера Преспа. Надпись представляет 11 строчек. Правый угол камня отбит.

Имеется ряд изданий. Отметим издания:

- 1) В „Известиях Русского Археологического института в Константинополе“, т. 4, 1899, кн. 1;
- 2) И. Иванов, в его книге „Български старини из Македония“, София, 1908, 2-е изд., 1931;
- 3) П. А. Лавров, в его „Палеографическом обозрении кирилловского письма“, Птгр. 1914;
- 4) Е. Ф. Карский, в его „Славянской кирилловской палеографии“, Лигр. 1928;
- 5) В изд. „Гласник Скопског Ученог Друштва. Одежење друштвених наука“. V. Скопье, Београд, 1931;
- 6) См. замечания К. Иречка и В. Ягича в „Archiv für slav. Philologie“, XXI, 1899.

2. Отрывки кириллической надписи на развалинах церкви в Преславе. Надпись сделана была не ранее XI в.

Издание ее см. выше в отделе о глаголических памятниках.

3. Саввина книга, названная так по двум припискам с упоминанием Саввы. По содержанию — евангельские чтения. Хранится в Московском Главном Архиве, в фонде Типографской библиотеки.

Издана В. Н. Шепкиным в „Памятниках старославянского языка“, I вып. 2-й, Пб. 1903. Неточности издания отмечены Н. М. Каринским в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“ (т. 69, 1914, кн. 3). В. Н. Шепкину принадлежит и „Рассуждение о языке Саввиной книги“, Пб., 1899. О редуцированных гласных см. также статью А. Лескина в „Archiv'e für slav. Philologie“, XXVII, 1905. Там же замечания о „Рассуждении“ Шепкина.

1. Bâr bulescu, Iași despre Savina kniga și Codex Suprasliensis 1 Dacia Traiana („Archiva Societă ii Istorico-Filologice din Iași“. Т. XLIV, 59—75). Саввина книга и Супрасльская рукопись, по мнению И. Барбулеску, были написаны к северу от Дуная, в Траяновой Дакии.

4. Супрасльский кодекс. Рукопись содержит жития, легенды и слова. Найдена в Су́прасле около Белостока. Первая часть ее хранится в Любляне, в быв. Лицейской библиотеке,

+ ВЪНМАШТІЧАНСЪ
 ННАНСТАГО АОУХ АА
 ЗСАМОНІАБЪБЪ
 ПОЛАГАХПАМАТЪ
 ШНАТЕРННБРАТ
 АІСРЪСТЪХЪСН
 ННЕМАОУСЪПЪЦ
 ІСОАРАБЪБЪН
 + ААВАНПАПНСА
 АЪТООТЪСЪТЪС
 ІЪ:ФАННЪАН

Надпись царя Самуила.

16 листов принадлежали И. А. Бычкову в Ленинграде; прочая часть ее (151 лист) находилась в Варшаве, в книжном собрании Замойских.

Полное издание рукописи сделано С. Северьяновым в „Памятниках старославянского языка“, II, вып. 1-й. Необходимым дополнением к изданию является словарь. Он обработан К. Мейером (K. Mayer): „Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis“. Glückstadt und Hamburg, 1935. О памятнике см. след.:

1) A. Margulies. Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis. Heidelberg, 1927;

2) Статьи В. Вондрака в изд. Венской Ак. наук „Sitzungsberichte der philosophisch.-histor. Klasse der Akademie der Wissensch.“ Wien, 1886 (т. 112), 1890 (т. 122), 1891 (т. 124);

3) В. Облака (V. Oblak) в „Archiv'e für slav. Philologie“, XV (1893);

4) А. Лескина (A. Leskien) в „Archiv'e für slav. Philologie“, XXVII (1905) и в „Berichte über die Abhandlungen der sächsischen Gesellschaft der Wissensch. Philos.-hist. Klasse“, XXVII, XXVIII;

5) С. П. Обнорского в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Акад. наук“, т. 17 (1912), кн. 3 и 4, в „Сборнике Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. 101, № 3, 1928;

ВѢДОУЩЕ НАДѢСЬ ВЪ ГАПЕРЪ НА ОУМЪ
СЪТЪ ННГОУЖЕ СДННО МОУ РАБЪ БО
ЛѢ ОУМНРАШЕ НЖЕ БѢУХЪ СЪТЪ НЗЕ
МОУ СЛЪТЪ ШАБЪ ЖЕ СЪТЪ ОУ СЛАТЪ СЪН
МОУ СТАРЪЦЪ ДІОДРІЕ СЪТЪ МОУ СЛА
ДА ПРНШЪ ДЪ СЪ ПЕТРА РАБЪ БО ОНН
ЖЕ ШЪ ДЪ ШЕ СЪТЪ ОУМНРАШЕ УХЪ ТЪ

R. Abicht und G. Reichelt (Продолжение, там же, XX).

R. Abicht und H. Schmidt (Продолжение, там же, XXI).

9) K. H. Meyer, *Altkirchenslavische Studien. I. Fehlübersetzungen im Codex Suprasliensis* („Schriften der K. Gelehrten Gesellschaft“. Jahrg. XV—XVI. Geisteswissensch. Kl. № 2, Halle a. d. S.) 1939. См. замечания В. von Arnim в „Zeitschrift für slav. Philologie“, XVII, 1940, стр. 201—207).

5. Хиландарские листки, с отрывком из поучений Кирилла Иерусалимского. Памятник хранится в рукописном фонде Одесского университета.

Изданы в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 1, Пб. 1900. См. замечания В. Вондрака в „Archiv für slav. Philologie“, XXII.

6. Листки Ундольского, — отрывки из евангельского текста, принадлежали библиофилу В. М. Ундольскому.

Изд. см. в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 3-й, Пб. 1904. См. статью В. Н. Щепкина „Листки Ундольского“ в „Русском Филолог. Вестнике“, т. 49, 1902 г. (с датой, определяемой В. Н. Щепкиным — XII в., нельзя согласиться).

7. Македонский листок, с отрывком текста, напоминающего одно из произведений Иоанна экзарха Болгарского. Хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Изд. см. в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 5-й, Пб. 1906.

8. Зографские листки, с отрывком из „Правил“ св. Василия. Хранятся в библиотеке Зографского монастыря.

Открыты П. А. Лавровым; описаны и изданы им в журн. „Revue des études slaves“, VI (и отдельно). Там же статья М. Г. Долобка о языке отрывков. Греческий оригинал памятника определил А. Вайян (A. Vaillant); см. его статью и тексты славянского отрывка и его греческого оригинала в том же издании, т. X, 1930.

Перечисленные рукописи, писанные кириллицей, по чертам языка следует отнести к XI в. Писцы их происходили не из Македонии и не из юго-западной Болгарии, а с востока Болгарии или из местностей, близких к востоку.

9. Любопытными в палеографическом и в культурно-историческом отношении являются кириллические вставка и приписка, сделанные в разное время в латинской рукописи конца X в. или начала XI в., хранящейся в Райграде около Брна (в Моравии). Одно слово, *латрица*, написанное твердым,

уверенным почерком, является современным написанию латинского текста, будучи вписано в строчку с латинским письмом, на л. 2. Над кириллическим написанием надписано латинскими буквами: *latria*.— *At illo cultu, qui grece ^{latria} αλτρημ dicitur, latine uno verbo dici ñ potest...*

На л. 70 позднее, в XI—XII вв., написано кириллицей несколько строчек славянского текста. В почерке букв кириллицы этих строчек представлены те же черты, какие свойственны кириллическим рукописям XI—XII вв. Имеются и более поздние славянские пометки.

Об этой записи см. статью А. И. Соболевского „Райградский сборник“ (Материалы и исследования в области слав. филологии и археологии. „Сборник Отдел. русск. яз. и слов.“, т. LXXXVIII, № 3, 1910; стр. 154—158). Там же снимки лл. 2 и 70. См. также статью П. К. Симони в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, XVI, книга 3, стр. 133—142; см. также замечания в „Сборнике Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. CI, № 3, 1928, стр. 310—313.

Таковы старославянские памятники X—XI вв. Делались попытки издать старославянские тексты в реконструированном виде, — в том виде, в каком они вышли из-под пера первых переводчиков. Последний такой опыт сделан профессором И. Вайсом (J. Vajs). В 1935—1936 гг. он издал в Праге старославянские евангельские тексты в такой реконструкции. Но многие детали ее вызывают возражения и в отношении графики и в отношении фонетики, форм, лексики.

§ 30. Ценный материал по изучению старославянского языка заключается также в ранних памятниках сербских и восточнославянских. Изучая эти рукописи, следует стремиться к тому, чтобы ясно различить черты старославянских оригиналов, к которым восходят эти памятники, и те наслоения, сербские или восточнославянские, которые отразились на них. При таком изучении могут быть получены данные, важные в двух отношениях: 1) черты старославянских оригиналов важны для грамматики старославянского языка; 2) черты языка писцов, сербских или русских, важны для истории сербского или русского языка.

Старославянским пользовались книжные люди в областях чехо-моравских, сербо-хорватских и восточнославянских. Книги, написанные там, отражали в той или иной мере черты языка писавшего — чехо-моравана, серба (хорвата) или русского.

§ 31. Памятники с чертами чешского языка.

Из памятников с чертами чешского языка на старославянской основе сохранилось только два. Один из них определен выше: Киевские листки, X в. Имея в виду его архаические черты в начертаниях букв и в старославянском языке, мы отнесли его в группу старославянских памятников. Чешско-моравские черты Киевских листков:

1) ч в м. давнего *tj* и *kt'* в соответствии старославянскому *ц* (*шт*) и *з* в м. давнего *dj* в соответствии старославянскому *жд*: *просица*; *объцъннѣ*; *дазѣ*.

2) ш в м. *stj* и *skj* в соответствии старославянскому *шт*: *оушъннѣ*.

3) Окончание формы творительного пад. ед. ч. в именах с основой на -о, — окончание -ъмь: *всѣждъмь*, *образъмь*, *надъ оплатъмь*.

Другой памятник более поздний, конца XI или XII в., с рядом черт чешского языка. Это — Пражские глаголические отрывки. Их содержание — песнопения по восточному обряду. Найдены в Праге, в библиотеке митрополичьего капитула.

1) Группа *дл*, как и в других западнославянских языках (в языках южнославянских и восточнославянских *л*): *модлѣтѣоу*.

2) ш в м. *ś*, как и в других западнославянских языках: *вѣшѣ* ст.-слав. *вѣси*), *вѣшѣх'*.

3) Отсутствие *л'* после губного согласного, как и в других западнославянских языках: *прѣставѣнне*, *земѣ*.

4) ч, з в м. ранних *tj*, *dj*, как в чешском языке; *хвалѣннѣ*; *оутѣрѣзѣнне*.

5) *оу* в м. *ж*; *л* в м. *д*, как в чешском языке: *обидоу*, *помнѣжи* (смещение букв *ж* и *оу*); *оударѣша* в м. *оударѣша*; *та* в м. *та*.

Издание и обследование отрывков см. в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 4-й, Пб. 1905 (Н. К. Г р у н с к о г о) и в книге В. В о н д р а к а: „O původu kijeveských listů a pražských zlomků. Praha, 1904. См. и статью Б. М. Ляпунова „Wie soll man I B. 4—5 der Prager glagolitischen Fragmente lesen? („Archiv für slav. Philologie“, XXVIII, 1906, 478—480) и замечания по этому пункту в другой его статье „Вацлав Вондрак и его научная деятельность“ („Известия Отделения русск. яз. и слов. Акад. наук СССР“, XXXII, 1927, 254—257).

В первой половине XIX в. чешские романтики потратили много труда на поиски старославянских памятников. Стремясь связать чешскую письменность с кирилло-мефодиевской, они причисляли

к старославянским памятникам не только найденные в то время Пражские отрывки, но и позднейшие произведения.

Так это представлено было, например, в очерке В. В. Ганки „Окъ остаткахъ славянскаго богослужения оу чехохъ“. (Издание Вацлава Ганки, Прага, 1859).

§ 32. Памятники с чертами сербо-хорватского языка.

У хорватов в славянской письменности применялась глаголица. Вид ее — угловато-кругловатый, позднее становящийся угловатым. Древнейшие из сохранившихся славянских памятников у хорватов относятся к XII—XIII вв.

1) Венские листки миссала, бывшие на переплете какой-то книги, XII в.

Их описание и издание сделано В. Ягичем (в издании „Denkschriften der Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse“, XXXVIII, Wien, 1890). См. также ценную статью М. Вейнгарта (M. Weingart): Hlaholské listy Viedeňské. K dějinám staroslověnského missálu („Časopis pro moderní filologii“, XXIV, 105—129, 233—245).

2) Отрывок апостола, названный Гршковичевым отрывком. XII или начало XIII в.

Издан В. Ягичем (в изд. Starine. XXVI; Zagreb, 1893).

3) Фрагмент легенды о 40 мучениках — глаголическая рукопись XIII в., находящаяся в архиве „Старославянской академии“ на острове Крке.

Издание и описание фрагмента сделано проф. Ст. Ивšичем: St. Ivšić, Ostači staroslovenskih prijevoda u hrvatskoj glagolskoj književnosti („Zbornik kralja Tomislava“, изд. Загребской академией наук, Zagreb, 1925, 452—510).

Обозрение других глаголических памятников у хорватов см. в книге Ягича: „Графика у славян. III. Глаголическое письмо“. Пб. 1911.

Сербские памятники писаны кириллицей; но, как было отмечено выше, сербские книжные люди знали и глаголицу.

Древнейшие сербские кириллические рукописи относятся к XII в.

1) Мирославово евангелие, с иллюстрациями и орнаментом XII в.

Издано Л. Стояновичем в 1897 (Белград).

2) Вуканово (Волканово) ев., начало XIII в.

Описание его см. в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, 1898, кн. 4.

3) Шишатовский апостол 1324 г.

Издан Фр. Миклошичем, Вена, 1853 (Apostolus e codice monasterii Siskovac palaeoslovenice).

Палеографическое обозрение памятников сербской письменности см. в книге П. А. Лаврова: „Палеографическое обозрение кирилловского письма“. Птгр. 1915 г.

Главнейшие языковые черты сербо-хорватских памятников:

1) ϕ_y ВМЕСТО κ , θ ВМЕСТО λ .

2) Один гласный „глухой“ вместо давних ѣ, ѣ. В кириллических сербских рукописях обычно употребляется ѣ: дѣска, сѣнь, дѣнь. Так и в глаголических сербо-хорватских рукописях. Но некоторые писцы пользовались одним знаком ѣ. Так в Гршковицевом отрывке апостола.

3) Гласный у (оу) вместо въ, въ в начале слова перед слогом с гласным полного образования: Ѹ вѣки (Миросл. ев.), оудовица, оузыгласице, оуста вм. вѣста (Волкан. ев.).

4) и вместо ты — ѿкрнѣ, ти вѣ. ты, послазеть (Миросл. ев.), вѣ вѣ. вѣ, благообразнѣи и др. (Волкан. ев.).

5) Обобщение окончания в именных и местоименных формах с твердым и с мягким согласным перед окончанием,— обобщение по формам с мягким согласным. В формах родит. пад. ед. ч. и именит.—винит. пад. множ. ч. женского рода на *а* окончанием был гласный *е*, представлявший собою фонетическую замену более раннего гласного *а*: *земл'е* (вм. *земл'а*), *все* (вм. *вса*) и т. п. С окончанием *е* стали образовывать и формы с твердым согласным. Такие формы отразились уже в Мирославовом ев.: на *моуке* *все* *дѣкы* *тѣ*.

§ 33. Писали на старославянском языке также у славян Паннонии, в области князя Коцеля (правил с 860 или 861 до 874 г.). Он с радостью принял Константина, Мефодия и их учеников, направлявшихся в Рим, и дал 50 человек обучить славянскому письму. В Паннонии действовал некоторое время Мефодий по возвращении из Рима. В Паннонии жили тогда славяне, составлявшие со славянами Каринтии, Штирии, Крайны одну языковую группу — словинскую (словенскую). Но памятники словинские, которые были бы написаны на основе старославянского языка, не дошли до нас. Сохранившиеся три словинских текста в Фрейзингенской латинской рукописи конца X — начала XI в. не находились в связи с языком старославянских памятников. Эти словинские тексты называются Фрейзингенскими отрывками по месту

прежнего нахождения рукописи, — в баварском городе Фрейзингене.

Издание Фрейзингенских текстов: W. Vondrák, *Frísinské památky*, Praha, 1896.

§ 34. К восточным славянам памятники старославянской письменности занесены с юга, из областей болгарских. Вместе с румописями прибывали и учителя — славяне из Болгарии. Политические обстоятельства благоприятствовали появлению болгарских книжников на Руси. То было время, когда восточные области Болгарии утратили государственную независимость и вошли в состав Византии (с 972 г. до 80-х годов XII в.). Под руководством болгарских списателей и переводчиков готовились первые книжные люди у восточных славян. Уже в ранний период восточнославянской письменности их было немало на Руси. В летописи под 6545 г. (1037 г.) сообщено, что Ярослав „свѣра писъць многы и прѣкладаше ѿ грѣкъ на словѣньское писъмо, и списаша книги многы“.

Рукописи, принесенные с юга на славянский восток, были писаны кириллицей. Черты языка старославянских оригиналов, которыми пользовались восточнославянские книжники, указывают на восточноболгарские области. Знали русские книжники и глаголическое письмо; они иногда списывали свои рукописи кириллицей с глаголических оригиналов или вносили некоторые слова в глаголической передаче; иногда применяли глаголицу в качестве тайнописи. См. выше в отделе об азбуках. Но следует полагать, что среди книжников, действовавших на Руси, были славяне не только из восточной Болгарии, но и из юго-западной (из Македонии). Со слов книжников из юго-западных болгарских областей усвоили русские книжные люди произношение буквы *ѣ* как *шч*: *сѣща* читали как *сѣшѣ* (на востоке Болгарии *ѣ* = *шт*). На произношение буквы *ѣ* как *шч* указывают написания с *шт*, встречающиеся в некоторых восточнославянских памятниках XI—XII вв.: *отѣшѣ* и др. От этих же лиц русские книжники узнали, что буквы *ѣ*, *ѥ* в старославянских текстах надлежало произносить как *о*, *е* (на востоке Болгарии были тогда вместо утраченных *ѣ*, *ѥ* гласные *ѣ*, *е*; у русских особые гласные *ѣ*, *ѥ* в X—XI вв. еще не совпадали в определенных условиях с *о*, *е*).

Язык древнерусской письменности не был вполне тождественным с языком старославянским: элементы русского языка проникали в той или иной мере в язык рукописей, выполнявшихся

русскими писцами. Элементы русского языка не в одинаковой степени отражались в древнерусских произведениях: их проникновение в язык рукописей зависело от степени грамотности и начитанности писца, а также от того, была ли рукопись копией со старославянского оригинала или она представляла собою оригинальное произведение русского книжного человека: в списках со старославянских оригиналов элементы древнерусского языка отражались слабее, чем в оригинальных произведениях. Степень проникновения черт русского языка зависела и от содержания произведения, было ли оно оригинальным или представляло список со старославянской рукописи: в церковно-богослужебных текстах, в торжественных словах-проповедях элементы книжного, старославянского языка соблюдались строго русскими книжными людьми; в произведениях же, ближе стоявших к общественно-бытовой жизни, в летописях и в особенности в деловых документах более значительны были элементы бытовой русской речи.

Было высказано и иное мнение [акад. С. П. Обнорским. *Ред.*] о давней основе языка древнерусской письменности,— мнение, основанное на изучении языка Русской Правды, первоначальная письменная редакция которой относится к XI в., ко времени Ярослава I (он умер в 1054 году). Многочисленные элементы русского языка, отразившиеся в языке этого юридического памятника, дали основание некоторым лингвистам [т. е. акад. С. П. Обнорскому. *Ред.*] для такого утверждения: ранее формирования древнерусского литературного языка на основе старославянского языка на Руси существовал более древний тип литературного языка, отличавшийся простотой своей структуры, представлявший собою цельно элементы живой русской речи; это была речь, которой пользовались восточные славяне на севере, в Новгородской области; в этом языке не было заимствований южнославянских, но были заимствования более ранние, шедшие в севернорусскую среду с запада, из мира северогерманского (скандинавского). Мы не можем принять таких утверждений. Все данные, на которых основываются они, представляют иное значение, как показано это нами в отдельной работе (см. в отделе библиографии).¹

¹ Точка зрения А. М. Селищева, не совпадавшая с взглядами С. П. Обнорского, была изложена им в специальной работе („О языке Русской Правды в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка“), оставшейся неопубликованной (*Ред.*).

Памятники восточнославянские XI—XII вв. многочисленны. Отметим некоторые из них.

1. Остромиров кодекс—евангелие 1057 г., писанное в Новгороде для посадника Остромира.

Памятник писан двумя писцами. По почерку рукопись разделяется на такие части: 1—24 об. и 25—289. Первый писец последовательно отступал от старославянского оригинала в передаче сочетаний редуцированных с плавными между согласными. он писал ѣ, ѣ перед р, л: сѣръѣ, мѣръѣ. Второй писец чаще пишет по-старославянски: сѣръѣ, мѣръѣ; у него, как в старославянском оригинале, ѣ а не и в передаче именит. пад. ед. числа имен на 'а: каплѣ. Хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Издавалось трижды: А. Х. Востоковым в 1843 г., и фотолитографически Савинковым в Пб. в 1883 и в 1889. гг. Снимки даны в альбоме Н. М. Каринского „Образцы письма древнейшего периода истории русской книги“, Л. 1925.

О языке и письме этого памятника см. статью В. Н. Щепкина и А. А. Шахматова в приложении к переводу пособия по старославянскому языку А. Лескина (Handbuch der albulgarischen Sprache): „Грамматика старославянского языка“, М. 1890. См. также: большую статью М. М. Козловского „Исследование о языке Остромирова евангелия“, Пб. 1885 (в „Исследованиях по русск. языку“. I Изд. Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук. Пб. 1885—1895); замечания Ф. Ф. Фортунатова, „Состав Остромирова ев.“, Пб. 1908. (Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому, II, Пб. 1908); 2 статьи Н. М. Каринского „Остромирово евангелие, как памятник русского языка“ („Журнал Мин. нар. пр.“, 1903 г., № 5) и „Письмо Остромиров. ев.“ (Сборник Петербургской библиотеки, 1920).

2. Архангельское евангелие конца XI в. Рукопись найдена была в Архангельской губернии во время перекладки печи в крестьянской избе. Хранится в Публ. библиотеке им. В. И. Ленина в Москве (б. б-ка Румянцевского музея).

Издан памятник в снимках с помощью трехцветной фотоцинкографии. М. 1912. Некоторые замечания о языке см. в статье Е. Ф. Карского („Русск. Филолог. Вестник“, т. 69, 1913). Подробное описание этого памятника дано в большой работе М. А. Соколовой „К истории русского языка в XI веке“ (Известия по русск. яз. и слов., III, кн. I, 1930.).

3. Минеи служебные 1095—1097 г. Хранятся в Типографской библиотеке в Москве.

Изданы В. Ягичем в 1886, Пб. Статьи об этом памятнике: 1) С. П. Острожского в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. 29;

2) Комарович, там же, т. 30; 3) Корнеевой-Петрулан в „Русском Филолог. Вестнике“, тт. 75, 76, 78.

4. Чудовская псалтырь, XI в. Хранится в Московском Историческом музее.

Издана в „Памятниках старославянского языка“, III, вып. I, Пб. 1910. Работы о ней: 1) С. П. Обнорского „К истории глухих в Чудов. пс.“, „Русск. Филолог. Вестник“, т. 68, кн. 2, 2) В. Погорелова: а) „Словарь к толкованиям Феодорита Киррского“, Варшава, 1910, б) „Толкование Феодорита Киррского“, Варшава, 1910.

5. Евгениевская псалтырь, XI в. Хранится в Ленингр. Публ. б-ке.

Издана И. И. Срезневским в его „Древних памятниках русского письма и языка“, Пб. 1863, 2-е издание Пб. 1882.

См. замечания И. Курца в журн. „Slavia“, XII, 217—222. См. также статью Гринковой об этом памятнике в „Известиях Отдел. русск. яз.“, т. XXIX.

6. Изборник (Сборник) Святославов, 1073 г. Памятник был списан для князя Святослава Ярославича со сборника, переведенного с греческого для болгарского царя Симеона. Основная часть этого Изборника писана двумя писцами. Один из них написал 1—86 листы и 264—265^{об}. Другому писцу принадлежали листы 86—263^{об}. Из орфографических приемов писцов этого памятника отметим букву ы (см. в отделе о славянских азбуках); буквой ы он почти не пользовался. Второй писец пользовался буквой ы в конце строки. В других случаях он писал ы. И еще одну укажем. Первый писец пользуется буквой ж в значении не только ѳу, но и ю. Хранится в Московском Историческом музее.

Издан Обществом любителей древней письменности, Пб. 1880 г. Поправки сделаны были А. А. Шахматовым („Archiv für slav. Philologie“, VI, 1881).

7. Изборник (Сборник) Святославов, 1076 г. Хранится в Ленинградской Публичной библиотеке. Снимки см. в „Образцах письма...“ Каринского, 1925.

8. Новгородские или Куприяновские отрывки—2 пергаментных листа большого формата, XI в. По содержанию—евангельские чтения. Принадлежали эти листы некогда Новгородскому Софийскому собору, а позднее археологу Куприянову, от которого они поступили в Публичную библиотеку в Петербурге в 1865 г.

Последнее издание и замечания о языке в работе Ф. В. Каминского, „Отрывки евангельских чтений XI в., именуемые Куприяновскими (Новгородскими)“, в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. XXVIII, 1923. Черты восточнославянские отразились очень слабо.

9. Слуцкий отрывок апостола, XI в., тоже с немногими восточнославянскими чертами.

Был издан: 1) И. И. Срезневским, „Древние славянские памятники юсowego письма, № 2, Пб. 1862; 2) Ягичем (V. Jagić), *Specimina linguae palaeoslovenicae*. Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности. Пб. 1882.

10. Синайский патерик, или Луг духовный (Λεγόμενον πτερνίσκος), или Лимонарь (Λεγόμενον ρίσκου) Иоанна Москова, рукопись XI или первой половины XII в. (Московский Историч. музей).

Небольшая часть издана И. И. Срезневским в его „Сведениях и заметках о неизвестных и малоизвестных памятниках“. Пб. 1880. Снимки см. в „Образцах“ Каринского.

11. Слова Кирилла Иерусалимского XI или первой половины XII в. (Московский Исторический музей).

Описание сделано Горским и Невоструевым в их „Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки“ (II, часть 2-я, М. 1859, № 114, стр. 44—62).

12. 13 Слов Григория Богослова. Рукопись хранится в Ленинградской Публичной библиотеке. Списаны были эти Слова с глаголического старославянского оригинала. Следы этого оригинала отражаются в том, что в тексте встречаются глаголические буквы, а также в том, что смешиваются *ѣ* и *ѡ* (в глаголице один знак *ѣ*, в кириллице *ѡ*, *ѣ*).

Издан памятник А. С. Будиловичем: „XIII слов Григория Богослова“. Пб. 1875. Тому же лицу принадлежит и исследование (весьма слабое) языка этого памятника: „Исследование о языке XIII слов Григория Богослова“. Пб. 1871.

13. Алфавитарь (греческ. алфавитарь) — славянский перевод греческого акростиха. Перевод был сделан в Болгарии. Русский список относится к XI в. Хранится в Историческом музее в Москве (в рукописи № 30 собрания Синодальной библиотеки) — греческ. в значении греческого слова *στίχοι*, алфавитарь в значении *ἀκροστιχίς* (стихотворение, крайние буквы в письменной передаче которого составляют слово; *ἄκρος* — „крайний“, „верхний“).

Н. М. Каринский, Византийское стихотворение Алфавитарь в русском списке XI в. („Известия по русск. языку и словесности" Академии наук СССР, III, кн. 1, 1930, 259—268). Снимок находится в сборнике Н. М. Каринского, „Образцы письма древнейшего периода истории русской письменности", Л. 1925, № 30.

14. Галицкое евангелие 1144 года. Листы 1—228 писаны в Галиче в 1144 г. Прочие 32 листа писаны там же, но позднее, в XII—XIII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Первые 228 листов издал Амфилохий в 1882—1883 гг. в двух томах („Четвероевангелие Галицкое 1144 г., сличенное с древнеславянскими рукописными евангелиями, с греческим еванг. текстом...").

Снимки: 1) Савва, Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей. М. 1863.

2) Материалы для истории писмен. М. 1855.

Описания: 1) И. В. Ягич, Четыре критико-палеографические статьи. (Приложение к Отчету о присуждении Ломоносовской премии за 1883 г., Пб. 1884, стр. 74—102.)

2) Он же, Критические заметки по истории русского языка. Пб. 1889. (Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Академии наук, т. 46.)

3) Le-Juge, Das galizische Tetraevangelium vom J. 1144. Leipzig, 1897.

15. Церковный устав (типик — *типикон*) студийский, XII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Отрывки изданы Горским и Невоструевым в „Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки", III, I. М. 1869, № 380, стр. 230—270, а также Лисицыным в его книге „Первоначальный славяно-русский типикон". С приложением 45 фототипических снимков. Пб. 1911.

16. Ефремовская кормчая, XII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Издание: В. Н. Бенешевич, Кормчая XIV титулов. Пб. 1906. (Славянский текст издан параллельно с греческим.)

Описание языка памятника: С. П. Обнорский. Язык Ефремовской кормчей XII в. Пб. 1912 („Исследования по русск. яз.", III, I).

17. Успенский сборник, XII в. (в Московском Историческом музее). Рукопись содержит жития, слова и поучения. В состав этого сборника вошли между прочим две русские статьи: Сказание о Борисе и Глебе и Житие Феодосия Печерского. Изучение этих статей с прочими, списанными с южнославянских оригиналов, имеет важное значение для представления о русском правописании XII в.

Издание: А. А. Шахматов и П. А. Лавров, Сборник XII в. Московского Успенского собора. Вып. I. М. 1899. („Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1899 г.).

О языке: 1) И. Попова, Паннионское житие Мефодия („Русск. Филолог. Вестник“, LXIX, LXX).

2) А. Лукьяненко, О языке Несторова жития Феодосия Печерского („Русск. Филолог. Вестник“, LVIII, I).

Обозрение других древнейших памятников восточнославянской письменности см. в следующих трудах:

1) Е. Ф. Карский, Славянская кирилловская палеография, Л. 1928.

2) Н. Волков, Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв. и их указатель. Пб. 1897.

3) Н. К. Никольский, Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Пб. 1906.

О русском переводном деле при Ярославе и о переводах см. в следующих работах:

1) В. М. Истрин, Очерк истории древнерусской литературы Киевского периода. Пгр. 1922.

2) Он же, Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. II. Пгр. 1922.

3) А. И. Соболевский, Особенности русских переводов домонгольского периода („Сборник Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. 88, Пб. 1910).

О языке Русской Правды в связи с вопросом об основе древнерусского литературного языка:

1) Е. Ф. Карский, Русская Правда по древнейшему списку, Л. 1930. (Введение к изданию текста.)

2) С. П. Обнорский, Русская Правда как памятник русского литературного языка („Известия Академии наук“, 1934. Отделение общественных наук). [См. также книгу акад. С. П. Обнорского „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода“. 1946].

3) А. Селищев, О языке Русской Правды в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка.

О южнославянских элементах в русском литературном языке см. в книгах:

1) С. К. Булич, Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. I. Пб. 1893. См. рецензию Е. Ф. Будде в „Ученых записках Казанского университета“, 1894 г.

2) А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка. Л. 1925. 3-е изд., Л. 1941. Глава I. 60—90.

Главнейшие черты языка русских памятников письменности.

1) оу вместо ѡ.

ѡ вместо ѡ.

2) ѣр, ѡр, ѣл (со слоговыми ѣ, ѡ) в соответствии старославянским рѣ, рѡ, лѣ, лѡ между согласными.

скѣръ (ст.-сл. скръь), зѣрно (ст.-сл. зръно), вѣлкѣ (ст.-сл. вѣлкѣ).

Нередко встречается в русских рукописях XI в. графическая комбинация старославянских написаний с рѣ, рѡ, лѣ с русскими ѣр, ѡр, ѣл, — комбинация в виде ѣрѣ, ѡрѣ, ѣрѣ, ѣлѣ; скѣръѣ, сѣмьръѣ, зѣръно, испѣръѣ, пѣръѣ, пѣръѣ, пѣръѣ и др. в Остромир. ев.; кѣръѣ, пѣръѣ, дѣръѣ, испѣръѣ и др. в Минее 1095 г.

3) ро-, ло- в начале слова перед согласными вместо давних *or-*, *ol-*, имевших некогда нисходящую интонацию. В старославянском языке, как и в других южных языках, было в этих случаях *ra-*, *la-*. Немногие слова по диалектам славян Болгарии представляли ро-, ло-. Др.-русск.: *робатати*, *розбойники*, *розоумъ*, *розоумати*, *розлутъ*, *лоднѣ*, *локѣтъ* и др. в Сборн. Святосл. 1073 г.; *рожьѣнныи*, *ростѣ* в Минее 1095—1097 гг.; *локѣтъ*, *въ лодѣ* в Галицком ев. 1144 г.; *рожа* (винит. пад. ед. ч. женск. р.), *рожа*, *роздѣнѣ*, *ростѣ*, *локѣтъ* в Синайском патерике и др.

4) ѣ вместо давнего *dj* (в ст.-сл. *ѣд*), *y* вместо давних *tj* и *kt'* (*gt'*) (в ст.-сл. *ѣ — ѣт*). — *ж*: *прихожѣ*, *прѣжѣ*, *роженѣ* (Остромир. ев.); *жажа*, *прѣжѣ*, *роженѣ* (Сб. Святосл. 1073 г.); *дажѣ*, *вѣжѣ* (XIII Слов Григ. Богосл.) и др.

у: *хоуѣ*, *хоуѣши*, *уѣжѣ*, *вѣуѣслава*, *вѣуѣлуи*, *наруѣ* *ед.*, *поуѣ* (Арх. ев.), *придоуѣ*, *уѣжѣ*, *гѣпѣуѣща* (Минеи 1095, 1096 гг.), *хоуѣши*, *хоуѣмѣ*, *обѣуѣ*, *дѣуѣжѣ*, *шѣпѣуѣща* (Син. патер.) и др.

Иногда русский писец подставлял согласный *ѣ* вместо старославянского *ѣ* и в такие слова, в которых *ѣ* был иного происхождения, и ему соответствовал в русском языке не *ч*, а *шч* (вместо давних *stj*, *skj*, *sk'*). Так, в Архангельском ев. находится *ѣпоуѣтати* *вм.* ст.-сл. *ѣпоуѣтати* (в русском глагол пушчати).

5) *оро*, *оре*, *оло* в соответствии старославянским *ра*, *рѣ*, *ла*, *лѣ*: *перегѣжѣ* (Остромир. ев.), *кереѣтати*, *кереѣла*, *полонѣ* (ст.-сл. *плѣнѣ*), *полонѣнѣ*, *поросѣ* (Сб. Свят. 1073 г.), *по кереѣ*, *оумерѣ*, *кереѣ*, *жереѣ* (Арх. ев.), *посереѣ*, *кереѣ*, *нореѣ*, *золѣ* (Минеи, 1095—1097 гг.), *оумерѣ*, *полокѣ* (ст.-сл. *плѣвелѣ*), *исполѣ* (Матф., XIII), *солѣ* (Галицк. ев. 1144 г.) и др.

Под влиянием старославянских слов с *ра, рѣ, ла, лѣ*, т. е. сочетаний с гласным после плавного, русские писцы иногда изменяют на письме (не в речи) восточнославянские *оро, воре, оло* в *ро, ре, ло*: *сломена* *вм. соломена* (Сб. Свят. 1073 г.), *възроуениа* (Слова Кирилла Иерус.), *злотъникъ, вроты, повлотн, плоннша* (Син. патерик) и др.

Иногда русское *оло* переделывалось в старославянское *ла* в таких словах, в которых не было *ла*, а было *лѣ*. Так, русское *полонъ* писец XIII Слова Григория Богослова заменил несуществовавшим старославянским *планъ* (ст.-сл. *пльнъ*).

6) *о* в начале слова вместо давнего *је* — *озоро* (Минея 1097 г.), *одинъ, одного* (Арх. ев.), *одиню, одна* (Мстислав. ев.), *осень* в передаче греческого слова *осенъ* (Слова Кирилла Иерус.).

7) Многие древнерусские памятники характеризует сравнительно со старославянскими звуковой вид имени „человек“; в старославянских текстах это слово передано без гласного после *ч* — *чловѣкъ*; в древнерусских же памятниках это имя передано с гласным *о*: *человѣкъ, чловѣтъскыи*. Так, например, в Сборнике Святосл. 1073 г. (*чловѣкъ, чловѣкъ*), Минея 1095—1096 гг., Галицкое ев. 1144 г., Ефремовская кормчая XII в., житие Феодосия в Успенском сборн. XII в. и др.

И еще одно слово, характерное в его звуковом виде, отметим в древнерусских памятниках: *серебро, серебрьникъ* в соответствии старославянским *сърѣбро, сърѣбрьникъ*.

8) *ъ* в окончании формы родит. пад. ед. ч. и именит.-вин. пад. множ. ч. имен и местоимений на *'а* (после мягкого согласного: *капѣа*) и в винит. пад. мн. ч. имен мужск. рода на *'ь* (*кон'ь*) в соответствии старославянскому окончанию *а* — *тронъ, словъ, отъ н'въ* (Сб. Свят. 1073 г.), *земля, воура, дѣвнъ* (Минея 1095—1096 гг.), *недѣля, вуфимъ, кляуъ* — вин. пад. множ. ч. (Арх. ев.), *п'тица* — винит. пад. множ. ч., *отъ конъ змѣръныи, отъ земля, словъ овца* (Мстисл. ев.), *воъ* — винит. пад. множ. ч. (Галицк. ев.) и др.

9) *ьмъ* в форме творит. пад. ед. ч. мужск. и средн. рода основ на *-и* и на *-о*: *сынъмъ; глѣвъмъ, воуъмъ; мѣстъмъ* (в ст.-сл. — *сынъмъ, но воуомъ, мѣстоумъ*).

10) В дательном и местном пад. единств. ч. личных местоимений, 2 л. и возвратного, гласный *о* в корне: *тобѣ, себѣ*. Так в древнерусских памятниках XI—XII и последующих веков.

11) *тъ* в форме 3 л. единств. и множ. числа в соответствии старославянскому *-тъ*: *несетъ, несеутъ, хвалатъ* — *хвалѣтъ*.

§ 35. Памятники, писавшиеся в болгарских областях в XII—XIV вв., представляют группу среднеболгарских рукописей. Они отражают черты таких языковых процессов, которых не было в X—XI вв. Из ранних среднеболгарских памятников отметим следующие:

1. Добромирово евангелие, XII в. Хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Его описание дано В. Ягичем (в изд. „Sitzungsberichte der Akademie der Wissensch. philos.-hist. Klasse“. Bd. 138, 140. Wien, 1898, 1899).

2. Охридский апостол конца XII в. Хранится в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Среди кириллического текста вписаны отдельные слова и целые строчки глаголицей.

3. Болонская псалтырь. Начало XIII в. Хранится в Болонье. Издан В. Ягичем (Psalterium Boloniense. Вена, 1907).

Палеографическое и лингвистическое исследование представляет диссертация В. Н. Щепкина: „Болонская псалтырь“, Пб. 1906. Это — лучшее из всех работ, относящихся к лингвистическому изучению памятников славянской письменности.

4. Битольская триодь, XIII в. Найдена в районе западно-македонского города Битоли. Хранится в библиотеке Софийского университета. Среди кириллического текста встречаются слова и целые строчки глаголические.

Отрывки напечатаны в книге Йорд. Иванова, „Български старини из Македония“, София, 1908, стр. 87—104, 2-е изд., София, 1931, стр. 452—467.

5. Добрейшево евангелие. Названо так по упоминанию попа Добрейша, изображенного на л. 72. XIII в. 127 листов хранятся в Софийской Народной библиотеке, 49 листов в Белградской Народной библиотеке. Имеются заставки и миниатюры.

Описан и издан Б. Цоневым в 1 книге серии „Български Старини“, София, 1906.

6. Боянское евангелие, найденное В. И. Григоровичем в с. Бояна в районе Софии. XIII в. Палимпсест: написан кириллицей по пергаменту, с которого смыто, хотя и не повсюду чисто, глаголическое письмо. Хранится в Москве, в Ленинской библиотеке.

7. Тырновское евангелие, XIII в. Хранится в библиотеке Ак. наук в Загребе.

Описание сделано Валявцем в изд. „Starine“, XX, XXI, Zagreb, 1889.

8. Перевод византийской летописи Манасии, переведенной в восточной Болгарии в XIV в. Один список хранится в библиотеке Исторического музея в Москве. Некоторые замечания о правописании памятника в книге Гилярского „О среднеболгарском вокализме“, изд. 2-е, Пб. 1858. Другой список, с дополнениями из болгарской истории, с рядом миниатюр, находится в Риме, в библиотеке Ватикана. Весьма важен в лингвистическом отношении присоединенный к летописи Манасии народный средневековый рассказ о Троянской войне. Этот рассказ издан был Фр. Миклошичем в III книге загребского издания „Starine“.

Ватиканский сборник издал также проф. И. Богдан: „Cronica lui Cost. Manases. Text și glosar de Ivan Bogdăn“. București, 1932.

Среднеболгарских рукописей много дошло до нас.

Их обозрение см. в книге П. А. Лаврова: „Палеографическое обозрение кирилловского письма“. Пгр. 1915. (В этой книге и в приложенном к ней „Альбоме“ находится много снимков.) См. также I том книги Б. Цонева: „История на български език“, София, 1919.

Одной из характерных черт среднеболгарских памятников является „смещение“ ж и а.

1) После ш, ж, шт, жа, ј, а также и некоторых других согласных пишут ж вместо а: *штати, жатеа, жзми* и др. *вм. шати, жатеа, жзми...*

2) После мягких н', л', р', мягких губных пишут а *вм. ж*: *хран'а, твор'а, вол'а, съп'а, вм. хран'ж, твор'ж, вол'ж, съп'ж* (ст.-сл. съпл'ж).

Из форм отметим обобщение во множ. числе окончания имперфекта для форм аориста. Например, 3 л. мн. ч.: *коложихъ, праврѣтихъ*, с -хъ, как и в имперфекте.

В эту эпоху происходили весьма значительные изменения в системе фонетической и синтаксической,— изменения, результаты которых представляет современный болгарский язык.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА.

§ 36. Изучение памятников старославянского языка обнаруживает, что в славянском языке, которым пользовались первые переводчики в применении его к переводам греческих текстов, находились такие звуки, какие показаны ниже.

1. Гласные полного образования:

Задний ряд: а, о, оу, ѡ

Средний ряд: ы, [ѣ], [ю], [ш]

Передний ряд: е, ѣ, и, ѡ, [ю, у], [ш].

2. Гласные неполного образования:

ъ, ѣ

ы, и

Заднеязычные: и, г, х

Палатальные и палатализованные (мягкие):

і (j), н', л', р', т, ш, ж, ч, з (s), с (с'), ц, ѡд; к', г', х';

Небнотубные: и, т, л, с, з;

Междубнотубной: [о];

Губные: и, п, в, в, ф;

Плавные: р, р', л, л'.

Знаками, поставленными в прямые скобки [], отмечены гласные среднего и переднего ряда, фонетически обусловленные, произносившиеся вместо гласных заднего ряда при нахождении их после палатальных согласных: вол'и = вол'а или вол'а (волъ); хран'ш = хран'ѣ или хран'ѡ; ѡдоу = ѡду или ѡду и т. п.

В прямые скобки поставлены и знаки тех звуков, которые были перенесены из греческой фонетической системы и находились в славянской речи некоторых книжных людей, владевших греческим языком и вводивших греческие черты в произношение греческих слов, принятых в книжный, старославянский язык. Другие же славянские книжные люди при произношении таких слов подставляли славянские звуки. Так было с передачей в: в речи одних — ѡ, в речи других і, и (оу). Так было и с передачей ѡ: о — в речи одних, т — в речи других.

Не заключаем в прямые скобки ф, который был усвоен многими славянскими книжниками. О передаче ѡ, ѡ и 'ф см. также ниже.

ы (ѣ). Из этих начертаний, из комбинации знаков ѣ и і или и невозможно заключить, что гласный ы произносился дифтонги-

чески: ѣ + і. Это был монофтонг среднего ряда, с высоким подъемом языка. Такой гласный передавали нередко в письме сочетанием двух букв, из которых второю была і, указывавшая на высокий подъем языка. Первою же буквой служила буква и (в латинском письме). Так, напр., передан этот гласный в древнейшем памятнике словинского языка, в Фрейзингенских отрывках (X—XI вв.): *buiti* вм. *byti*, *muī* вм. *my*. Так передано ѣ и в чешских словах, находящихся в латинских документах XII—XIII вв.: *Buitsov* вм. *Bydžov*, *Buistrice* вм. *Bystrice*. Выбор на букву и пал потому, что после губного согласного гласный ѣ писавшие произносили с некоторой лабиализацией. На монофтонгичность ѣ указывает фонетика славянских языков, имеющих этот гласный, — фонетика русского и польского языков, судьба этого гласного в истории славянских языков, его происхождение и изменение (см. в дальнейших отделах), а также и то, что этим гласным в старославянских памятниках передан иногда греческий монофтонг і после твердого согласного (ττ): *пѣсалѣтыр'ъ* — греч. *φαιτήριον*; *монастыр'ъ* — греч. *μοναστήριον*; *Давыдъ* — *Δαυὶδ*, *магдалыни* — гр. *Μαγδαληνή* (Сборн. Клоца). Константин взял первую буквой знак для редуцированного ѣ (ѣ), — взял удачно: ѣ перед и (і) имел образование, похожее на ы. Комбинация же двух букв для передачи одного гласного применялась в греческом письме и отразилась на славянском: греч. *οο* — слав. *Ѣ* — *ѣу*.

В Супрасльской рукописи (во 2-м почерке), в Зографских отрывках, в Македонском листке в состав знака для гласного ы входил знак ѣ в сочетании с і: ы. Так и в некоторых древнерусских рукописях: в Сборнике Святослава 1073 г. (часто), в Словах Кирилла Иерусалимского и в некоторых других.

Гласный і был в слоговом и неслоговом значении. В качестве неслогового і он не был категорически отграничен от ј. Неслоговой і или согласный ј был перед гласным: *иѣи*, *иѣити*, *иѣзеро*, *иѣиш*, *иѣиш*, *иѣкош*, *иѣиъ*, *иѣиу* (род. — местн. п. двойств. числа).

ѣ, глаголич. ѣ. Это — гласный ѣ после мягкого согласного.

ѣ (у), глаголич. ѣ. Эта буква употреблялась в передаче греческих слов с ѣ. Произносился же греческий ѣ не одинаково славянскими переводчиками и писателями: одни подставляли гласный славянской фонетики — у (ѣ) после твердого согласного; другие — у или ѣ (ѣ) после мягкого согласного. Напр., *Διούπτος*

передавался таким образом: *вгвпта* — род. ед., *вгвптѣ* (Маринин.); *вг'вп'тѣ*, *вг'вуп'тѣ*; *вг'вп'та*, *вгпта*; *тѣурѣ* — *τῆρος* (Син. пс.); *вгвптѣ*, *вгвуп'тѣ* (Супр. рук.). На значение **Ѣ** (*ѣ*) как гласного лабиализованного указывает также применение этой буквы для *ю* в славянском слове *ѣтро* при *ѣтро* и обычно *ѣуро* (Маринин.).

О том, что *ѣ* (*у*) многие славянские писцы на юге читали как *ю* или *ѣу*, свидетельствуют не только варианты написаний с *ю* (*ѣу*), но и дальнейший результат изменения некоторых слов с *ѣ* (*у*). Так, в той рукописи, которой пользовался писец сербского Мирославова ев., находилось слово *соукоморнѣ* или *соукоморнѣ* (*сукоморнѣ*). Так и в Марининском ев.: *сукоморнѣ*. Это — передача греческого слова *σχομορέα* — „смоковница“. Писец же Мирославова ев. сблизил это слово со славянскими *соухо*, *мор'е* и написал *соукоморнѣ*.

В Супрасльской рукописи, в памятнике со многими новыми чертами в языке и в письме, применяется иногда буква *ѣ* (*у*) в значении *ѣу*. То же явление отражается и в последующих южнославянских рукописях, например, в македонско-болгарском Охридском апостоле, в южносербском Мирославовом ев. Так и в русских рукописях.

Следует полагать, что устроители славянской азбуки и первые переводчики, близко державшиеся греческой азбуки, знаком **Ѣ** (*у, ѣ*) передавали гласный *у* (*и*), соответствовавший греческому *υ* в его архаическом, книжном произношении. У позднейших переводчиков этот гласный передавался посредством *у* (*ѣу*) после мягкого или после твердого согласного.

Рано отражалось и иное произношение *υ* и славянского **Ѣ** (*у, ѣ*): как *і*. Так произносился *υ* и по греческим говорам в IX—X вв. Ср. указанный выше пример из Син. пс.: *вгпта*. Другие примеры: *газофоулиникѣ* (Зограф.), *газофилакникѣ* (Маринин.) — греч. *γαζοφυλάκιον* („денежный ящик“); *ѣупохритѣ*, *ипохритѣ* — греч. *ὑποκριτής* (перевод: *лицемѣръ*, *лицедѣи*); *мѣро*, *миро* — греч. *μέρος*.

Редуцированные *ѣ*, *и*. Такие гласные находились в определенном фонетическом условии: перед *ј* (или *і*) и перед *і*: *крѣмѣ*, *кѣмѣ*, *дѣбѣ*, *бол'ни*, *кѣстинѣ*.

к', *г'*, *х'*. Мягкие *к'*, *г'*, *х'* находились в заимствованных словах: *к'ѣдрѣ* — греч. *κῆδρος*; *к'ѣсарѣ* — греч. *καῖσαρ*; *лѣг'ѣонѣ* — греч. *λεγεών*; *нг'ѣмонѣ* — греч. *ἡγεμών*; *г'ѣннисарѣтѣ* (искѣ) — *Γεννησαρέτ*; *парлск'ѣ* (искѣ) — народно-греч. *παρλασχευή*; *зак'ѣ* (Зогр.); *рах'нѣ* (Супр. рук.); *хитѣ* — греч. *χίτων*; *ѣхидѣ* — греч. *ἔχιδνα* („змея“).

з (s). Знак з употребляется для передачи аффрикаты dz в листках Ундольского, Хиландарских и Зографских. В глаголических рукописях для этого служил знак ђ. Так в Син. пс., в Ассеман. При транскрибировании глаголического текста буквами кириллицы принято пользоваться буквой з („азъао“—„зъао“). Как раньше было отмечено в отделе об азбуках, в кириллических памятниках з употреблялось только в цифровом значении: „6“. В памятниках позднейших, среднеболгарских (с XII в.) з применялось не только в таком значении („6“), но и для передачи аффрикаты dz. Так, напр., в Слепенском апостоле. Но пользовались и знаком з. Напр. в Болонской псалтыри.

ф. ф — новый согласный в звуковом составе славянской речи. В старославянском языке он находится в передаче греческих слов с φ: финикъ — φοίνιξ, фарнеси — φαρνισαῖος, филиппъ — Φίλιππος, гнафен — γναφεός („белильщик“). Несомненно, в языке кирилло-мефодиевских переводов был этот согласный. Но в языке переводов более позднего времени этот согласный передавался иногда ближе к языковой славянской системе, — посредством в: винникъзъ (Син. пс.) — φοίνιξ. Изредка писали старославянские книжники ф вместо п в заимствованных словах: скоръфин, скоръфини, скоръфина — обычно скорълин, скорълини — греч. σκorpίος; фатронни (Синайск. требн.) — петронни; ософомъ — творит. ед. — греч. ὁσώφω (именит. ὁσώφωτος — название одного из душистых растений, др.-еврейск. ezob); фронтъ (Сб. Клоца) — греч. προφῆτα — „пророк“, ср. ф для п и п для φ; форфура (Зограф.) — порфира — греч. πορφύρα — „пурпур“, „пурпуровая, дорогая одежда“. То же в древнесербском Мирославовом ев.: пилалъ и филифъ, филиатъ = пилатъ и др. Славянские писцы в передаче греческих слов с φ нередко подставляли свой согласный л. Не зная правописания этих слов, они писали ф и там, где было в. Но, может быть, в некоторых случаях отражалось стремление писца к „правильному“ произношению заимствованного слова с ф. Обычное произношение этих слов с л вместо ф путало: произносили с особым, новым согласным ф и заимствованные слова с л.

в — глаголич. ѡ. В славянский алфавит Константин ввел особый знак для передачи согласного, соответствовавшего греческому ѳ. Можно полагать, что это был междузубной согласный.

Такой согласный в передаче греческих слов с ѳ представляли греки, говоря по-славянски, а также некоторые близкие сотрудники Константина — славяне, хорошо знавшие греческий язык.

Отметим, как параллельное явление, спирант ϑ , а также δ в речи болгар, находящихся на юго-востоке Албании, в селах Бобошчица и Дреновяне (в районе Корчи): при сильном греческом воздействии эти болгары усвоили и греческие спиранты ϑ , δ в передаче греческих слов: $\vartheta\acute{\alpha}g\acute{o}s$ („смелость, отвага“), $\vartheta\acute{\iota}r\acute{i}a$ („великан“) — греч. $\theta\eta\rho\acute{\iota}on$ („дикий зверь“, „дикий человек, великан“); $d\acute{\alpha}sk\acute{\alpha}l$ („учитель“) — греч. $d\acute{\alpha}skalos$ вместо $\delta\iota\delta\acute{\alpha}skalos$.

Но в обиходной славянской речи народной славянской среды Солуня имелись и более ранние заимствованные греческие слова с ѳ. В этих заимствованиях греческий согласный ѳ передавался не по-гречески, а заменялся согласным т (t). Так, например, передавали тамошние славяне глагол *ἀναθεματίζειν* („проклинать“): *анатематисати*. В старославянский язык могли войти некоторые из таких более ранних заимствований с т вместо ѳ. В ином словарном слое, в книжных словах, Константин, Мефодий и их ближайшие ученики представляли особый согласный, близкий к греческому ѳ: *анаѳема* — греч. *ἀνάθεμα*. Но уже рано в языке старославянских переводов слова с ѳ стали передаваться с т: *Вардоломаїос* — *картломыи*; *Вѣдѹла* — *вѣтаниа*; *Ѳаддаїос* — *тадон*; *Ѳωмᾶс* — *тома*; *Марѳа* — *марѣта* и др. Был и иной способ передачи греческого ѳ, — тот же, что служил и для передачи греческого φ — ф: *сѣт(ѡкѣ)*, *сѣф(ѡвѣ)* (Зограф.) — *Σѣѳ*; *вѣтѣоаг'ниѣ*, *вѣтѣфаг'ниѣ* (Зограф.) — *Вѣѳѡаг'нѣ*.

Была еще иная передача греческого θ : посредством $з$, как на это указывает экзарх Иоанн, болгарский писатель X в. Греческие слова $\rho\alpha\upsilon\tau\alpha\ \tau\alpha\ \epsilon\theta\eta\upsilon\lambda$ он транскрибировал таким образом: $\rho\alpha\upsilon\tau\alpha\ \tau\alpha\ \epsilon\theta\eta\upsilon\lambda$, а словяньскы вси языци („все народы“, из предисловия к переводу Иоанна Дамаскина). Но передавал и он греческий θ посредством $т$: $\tau\alpha\lambda\acute{\alpha}\varsigma\alpha$ (греч. $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$) — море.

Греческий θ в славянской среде Болгарии передавался еще иначе: посредством x : пехер — „тесть“, пехера — „теща“ в передаче новогреческих $\pi\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ (вм. $\pi\alpha\upsilon\theta\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$), $\pi\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}$ (вм. $\pi\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}$). Так в говорах Солунского края. Но обычно греческие слова с θ переданы там, как и в других болгарских говорах, посредством t : *паратир* — „окно“ — греч. $\pi\alpha\rho\alpha\theta\acute{\iota}\rho\iota$; *тарос* — „смелость“ — греч. $\theta\acute{\epsilon}\rho\acute{o}\varsigma$; *матима* — „учение“ — греч. $\mu\acute{\alpha}\theta\eta\mu\alpha$ и др.

Плавные р, л в определенных сочетаниях (в словах) были слоговыми (носителями слога): *прръзъ* (pr̥r̥v̥z̥), *тврръзъ* (tv̥r̥z̥), *вльръзъ* (v̥l̥r̥z̥), *скръръзъ* (skr̥r̥z̥).

Старославянские тексты не имеют знаков долготы и ударения, кроме не вполне ясных по их значению значков, находя-

щихся в Киевских листках. Но следует полагать, что старославянский язык, представлявший много черт древнейшего языкового славянского фонда, сохранял, с некоторыми изменениями, и давнее различие слогов в количественном отношении: одни слоги были краткими, другие — долгими. Ударение было подвижное и неодинаковое по интонации: в одних случаях интонация была нисходящая, в других повышающаяся, восходящая.

§ 37. На передаче новых (заимствованных) слов обнаруживаются следующие тенденции фонетической системы старославянского языка, — тенденции, восходящие к далекому прошлому.

1) Слог не оканчивается носовым согласным, плавным г, л и согласным в; для избежания закрытости слога происходит образование редуцированного гласного ъ, реже ь, после этих согласных, и таким образом согласный отходит к следующему слогу с ъ, ь: *снѣдѣль* — *σνάδαλον* („соблазн“); *пѣтъностин* — *πεντηκοστή*; *аньдрѣ* — *Ἀνδρέας*; *кнѣзь* — *κῆρυς* („подать подушная“); *варьварь*, *орьганъ*, *каперьнаумъ* — *Καπερναούμ*; *скорьпни* — *σχορπίος* („скорпион“); *марѣа*, *роса ѣръмоуна* (Син. пс.) — *роса ѣръмоуна* (Син. тр.), — *τοῦ Ἀερμόν*; *ольтарь* — *αὐτάρν*, вместо лат. *altare*; *мольхнѣ* — *τοῦ Μελχί*; *лараскыг'ни* — *παράσκειν*; *авъгоустъ* — *Αὔγουστος*; *павъль* — *Παῦλος*.

2) Подвергаются изменению группы согласных — те именно группы, которые, как показано будет ниже, издавна изменялись у славян: *mp*, *dp* (*tn*), *pt*, *ps*, *ts*, *kch*, *tl* (*dl*). В давнее время эти сочетания согласных изменялись так, что утрачивалось образование для первого согласного: *dp* → *n*, *pt* → *t*, *ps* → *s*, *ts* → *s*, *kch* → *ch*, *tl* → *l*. (Изменение *tl*, *dl* → *l* происходило не у всех славян, а только у предков восточных и южных славян). В славянской фонетической системе IX в., отражающейся теперь в старославянском языке, актуален иной способ избежания этих звуковых сочетаний: образуется вторичный гласный ъ (ь) между этими согласными: *схумъ* — *σχύμος* — „львенок“; *ехидъна*, *ехидъна* — *ἐχιδνα* („змея“); *вхупътъ* — *Διούπτος*; *пъсалътъ* — *ψαλμός*; *пъсалътырь* — *ψαλτήριον*; *внѣсандѣ* — *Βηθσαῖδα*; *захъхон* — *Ζαχχαῖος*; *ванъхъ*, *ванъха* — родит. ед. — *Βαχχος*; *внѣлѣомъ* — *Βηθλεέμ*; *титъль*, *титъль* — *τίτλος*, лат. *titulus* („надпись“, „титул“).

Написание ъ, ь в этих случаях не представляет собою только графического явления: и в произношении этих слов были редуцированные гласные между указанными согласными. О фонети-

ческом значении написаний с ѣ, ѡ свидетельствуют не только многочисленные примеры таких написаний, но и дальнейшая судьба этих сочетаний: в сильном положении обнаружились в XI в. в болгарских областях замены этих ѣ, ѡ такие же, как и давних ѣ, ѡ: *сѣумен[ѣ]* (*сѣумень* — Син. пс.), *Павел[ѣ]*, *сѣуаст[ѣ]*, *пелом[ѣ]*.

Мягкие согласные *к'*, *г'*, *х'*, согласный *ѡ* — это новые черты славянской фонетики на юге. Возможно полагать, что они появились раньше в языке славян города, близких к греческой среде. В речи деревни такие согласные появились позднее.

Только в произношении таких книжных лиц, как Константин, Мефодий и близкие к ним ученики, был гласный *у* (у), соответствовавший греческому *υ*, и согласный *ѡ*, произносившийся не как *і* или *ѣ*, а как междузубной спирант, в соответствии греческому *ϝ*.

§ 38. На основании изучения языка письменности южных, восточных и западных славян и на основании сравнительно-исторического изучения диалектов отдельных славянских групп можно представить главные черты отдельных славянских языков в ранний период их исторической жизни. Сравнение давнего звукового состава разных славянских языковых групп со звуковым составом старославянского языка обнаруживает одинаковые черты в этих фонетических системах, при немногих различиях.

Так, особенностью старославянского языка были *ѡ*, *ѡд* вместо ранних доисторических *tj* (*kt'*), *dj*: *сѣѡфа*, *ноѡѡ*, *меѡѡ*. В других языковых группах были иные замены *tj* (*kt'*), *dj*: в западославянских языках (в чешском, словацком, лужицких, польском, кашубском, полабском) *с*, *dz* (или *z* вместо *dz*); у сербо-хорватов палатальные *t^š*, *d^ž* — с дальнейшим изменением, у словинцев *č*, *j*, на востоке *č*, *ž*.

Не одинаково было образование *ѣ* (ѣ): у славян болгарских — *'ā*; такой же гласный находился и у славян на северо-западе, — у поляков, у поморян (предков кашубов), у полабян; у других славян *ѣ* был гласный закрытый: *ě*.

§ 39. В ближайшем отношении система старославянского языка, как и прочих языковых групп славян болгарских, находилась к языкам сербо-хорватскому и словинскому.

1) В старославянском языке были сочетания слоговых плавных с неслоговыми ѣ, ѡ, которые произносились за плавными в таких сочетаниях, как: *скръѣѡ*, *тѣрьѣѡ*, *вльѣѡ*. Возможно полагать, что и в других южнославянских языках были такие же соче-

тания, возникновение которых могло находиться в связи с перестановкой в давних сочетаниях *og, eg, ol, el* между согласными: *градъ, вѣгъ, глава, мляко*.

2) Удлинение гласного *o* ($\rightarrow a$) и перестановка в сочетании *og, ol* перед согласным в начале слова, — удлинение почти во всех случаях. 1) *рѣло, лѣкати*; 2) *лѣднѣ, рѣвѣтъ, рѣстѣ, рѣтъ, лѣтъ*. Но и: *рѣтъ*; в некоторых диалектах славян болгарских — *локѣтъ*.

Особенностью тех славянских групп, которые легли в основу групп славян болгарских, было в этом отношении то, что, кроме указанного выше изменения, пережито было в некоторых словах иное изменение начального *og-*; гласный удлинялся (*o* $\rightarrow \bar{a}$), но перестановки не произошло: после плавного развился редуцированный *ъ*: *аѣкати, аѣднѣ*. Тот же способ избежать окончания слога на *г, л, т, п* отражался в славянских группах Болгарий и позднее, как отмечено было выше: *оѣтарѣ* и др.

В тех языковых группах, которые легли в основу языков восточнославянских и западнославянских, тоже происходила перестановка; но удлинение гласного *o* было не во всех словах: оно зависело от вида интонации, как подробнее отмечено будет ниже — *radlo* или *raŕo* (*raŕo* у вост. славян), *ŕakati*; но — *ŕodъ* (*ŕodъka*), *govъpъ*, *rosti*, *ŕokъtъ*, *robъ*, *robota*.

3) Сочетания *pa, pa, la, la* между согласными вместо давних *og, eg, ol, el*: *градъ, глава, вѣра, мляко, пѣвѣтъ*. То же явление издавна представляли две западнославянские группы, близкие к южнославянским: словацкая и чешская.

4) Издавна южнославянские группы представляли гласный *a* в окончаниях *родит. ед. и винит.-именит. множ. имен на-а* после мягкого согласного (*вол'а, струм*) и в окончании *винит. множ. мужск. рода с основой на -o* после мягкого согласного (имена типа *мѣсъ, кон'ъ*): *вол'а, струм; мѣсъ, кон'а*. В прочих славянских языках в этих формах окончанием был гласный *ě (ъ)*.

5) Издавна южнославянские языки имели в именах с основой на *-o* (*дѣръ, кон'ъ, село*) форму *творит. ед. с окончанием -ѣ-мь, -ѣ-мь* (*дѣръѣмь, кон'ѣмь*) и в именах с основой на (*ŕ*) (*сынъ, домъ*) — с окончанием *-ъ-мь* (*сынъмь*).

В прочих языках форма *творит. ед. в именах с давней основой на -o* оканчивалась на *-ъ-мь* так же, как в основах на *ŕ* — *сынъмь, домъмь*; так и: *двогъмь, возъмь, кон'ъмь*.

6) Широкое применение сочетаний глагола с союзом *da*. Такие сочетания не чужды синтаксису и других славянских языков,

особенно в раннем их состоянии. Например: др.-польск. *da baćse* — „посмотрите!“; нижнелужицк.: *da-ši jo* (*jo* — 3 л. ед., ст.-сл. *ѣтъ*), *da-ši su* (*su* — 3 л. мн. ч., ст.-сл. *сѣтъ*). В южнославянских языках применялись издавна, применяются и теперь в значении конъюнктива, при выражении пожелания, приказания, предположения, цели.

Ст.-сл. (из Мариинск. код.): *ѹтѣ хѹщешѣ да ти сѣтворѣшѣ, онѣ же рече гѣ да прозѣрѣшѣ; рѣци каменю сѣмоу да вѣдѣтъ хѹбен; нѣмѣи оуми слышати да слышитѣ; да не съблазнимѣ ихѣ; хѹщѣ да даси ми...; призѣса вѣ нѣмоу дѣти да рѣца вѣзложитѣ на нѣ.*

Соврем. болгарск.: *да си жив!* („будь жив!“), *да расте и крепне тѣлом и духом, да обича* („пусть любит“) *народа и земята си* („свою страну“), *да брани мажествено от врагове и* („пусть мужественно защищает их от ее врагов“). *Нѣма ли човѣк, да ми помогне?* („Нет ли кого-нибудь, кто бы помог мне?“). *Дошъл да я земе* („пришел, чтобы взять ее“). *Той върви бърже дано* („да-но“) *настигне Петкана* („Он идет быстро, чтобы догнать Петкана“; собств. „желая догнать Петкана“).

Сербск.: *Одмах да идеш кѹни* („Немедленно иди домой“). *Мѣсмио сам да не доѣи* („Я думал, что он придет“). *Бѣјим се да не изгубити свѣ, или—да не ѣзгуби, или—да не би изгубио* („Боюсь, чтобы он не потерял все“, или „Как бы он не потерял все“). *Дѣшао сам да кѹпим коња*. („Я пришел, чтобы купить лошадь“).

Словинск.: *dai mi bose (bože)... tuuoju (tvoju) milozi da bim nezramen (nesramen)... stoial* — в Фрейзингенских отрывках X—XI вв. *Prosi ga, da ti pomore* („Проси его, чтобы он помог тебе“).

7) И в лексике были некоторые общие черты в этих языках. Напр.: *stana* („иней“), *vedjъ* (ст.-сл. *вѣждъ*, болг. *вѣжда*; сербохорват. *věđa* — „бровь“), *kovъсегъ* („сундук“) и некоторые др.

§ 40. Южнославянские языки представляют некоторые черты давнего происхождения, общие с восточнославянскими языками.

1) *l* — в западнославянских языках *dl, tl; vedlъ, vedla, pletlъ, pletla, rydlъ, radlъ* — зап.-славянские, *velъ, vela, plelъ, plela, gylъ, řalъ* — южнославянские и восточнославянские. (Подробнее см. ниже, в отделе о языковых процессах доисторической эпохи.)

2) *svě-, dzvě-* (с позднейшим изменением *dz* → *z*), в западнославянских языках *kvě-, gvě-; květlъ, gvězda* — зап.-славянские; *světlъ, dzvězda (zvězda)* — южнославянские и восточнославянские.

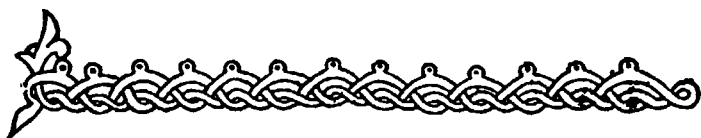
3) Мягкий согласный *š* (или позднейшее его отверждение) в определенных случаях (в чередовании с *ch*), — в западнославянских языках *š*: *vyša*, *lěšě* (*lěcha*), *mušě* (*mucha*), *ženiši* — южнославянские и восточнославянские (в ранний период их жизни); *vyša*, *mušě*, *ženiši* — западнославянские.

За исключением черт, свойственных только болгарской группе, и черт книжного языка, а также черт, общих с прочими южнославянскими и восточнославянскими языками, черты звукового состава старославянского языка были те же, что и в других славянских языках раннего периода их жизни. Например *o*, *a*, *y* (*ы*), носовые гласные, редуцированные гласные и т. д. Одинаковость представляли тогда и формы, и синтаксис, и словарь. Эта одинаковость — наследие более давнего языкового фонда у славянских народов. А фонд этот образовался в течение длинного ряда столетий в давнее доисторическое время.

В историческое время этот давний языковый фонд претерпевал разные изменения по славянским областям. Чтобы полно представить историю славянских языков, необходимо иметь отчетливое представление о том общем фонде, который подвергался тем или иным изменениям. В том и ценность изучения старославянского языка, что он представляет письменную фиксацию языковых данных, весьма важных для понимания истории отдельных славянских языковых групп.

Фонетика

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЯЗЫКОВОЕ СОСТОЯНИЕ СЛАВЯН ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ.

§ 41. Исторические упоминания о славянах идут от VI в. новой эры (у Прокопия Кесарийского, у псевдо-Маврикия, у Иордана и др.). То было время движения славян на юг и на запад. В VI—IX вв. славяне занимали обширные области на юге и на западе Европы: весь Балканский полуостров, острова Эгейского и Адриатического морей, Приальпийские области, края к северу и к югу от нижнего и среднего Дуная (предки южных славян), бассейны Одера, Эльбы, Вислы, края к югу от Судетской горной цепи по направлению к Дунаю (предки западных славян), бассейны Днестра, Днепра, частью Дона, Оки, верхней Волги (предки восточных славян). В более раннее время славяне жили к северу от Карпат, в бассейнах Вислы и среднего течения Днепра. Данные исторические, археологические, лингвистические указывают на эту область давних славянских поселений. Подробнее по этому вопросу см. „Славянское языкознание“, т. I.

В историческое время славяне представляли собою население с значительными элементами родовой организации. Основной общественно-экономической единицей была большая семья за-дружного типа, основанная на власти старейшины-отца („патриархальная семья“). Но то уже не была родовая организация в ее

типическом виде, а организация на стадии ее разложения. Много столетий доисторического периода было пережито предками славян, как и предками других народов, в родовой организации, на разных ее ступенях. Много словарных данных с их специфической семантикой указывает на этот давний общественно-экономический строй. Несколько примеров.

1) Терминология семейная — с ее детализацией: *plemę, kolęno, rodъ, sъrodъni, svoi po krъvi, bratъstvo; voldyka, gospodъ* (соответствие в древнеиндийском *dāmpatiḥ*, в древнегреческом *δεσπότης* — „домовладыка“);

oъсь, mati, dędъ, baba, synъ, dъkti, vъnukъ, snъcha, jętry („жена мужнина брата“), *nevęsta* („вновь взятая“), обездоленная *vъdova* (как и у других народов: др.-инд. *vidhava*, гот. *widowa*, лат. *vidua*; отсутствие термина для вдовца объясняется тем, что в положении мужчины после смерти жены не происходило значительных изменений).

2) Терминология кровной мести, свойственной населению родового строя: *мъсть, vогъ, vorъzda* („убийство“), *сęпа* („выкуп за пролитую кровь“; корень *koj-, kaj-* тот же, что и в глаголе *kajati* — „мстить“; то же значение имело соответствующее слово, образованное от того же корня в древнеиранском *kaēnā*, в древнегреческом *ποινή*, в литовском — *kaina*), *състь* вместо *сът-ь* („что можно было высчитать при замирении“) и др.

3) Термины скотоводства и земледелия:

a) *govędo* („рогатый скот“), *korva, byкъ, voъ, telę, oвъса, jagne — agnę, konъ, žerbę; melko, syгъ, sъmetana* (*sъ-met-a-na*), *maslo* (вм. более раннего *maz-ilo*, т. е. средство для смазывания, напр., тела, чтобы насекомые не сильно беспокоили), *vъlna, гуно* (тот же корень, что и в глаголе *гъv-ati*); *vozъ, voziti, кою*;

b) *proso, гъзь, oвъсь, jęсьму, рьјенica; льнъ, коноръ или конорја; споръ, kolсъ, toкъ, gumьno* (*gu* — „скот“, перед гласным *gov* —; *тъп* — ср. в глаголе *тъпo, тъпеši, мęti*, т. е. „место, где скот мнет колосья“); *solma, зьмо, melti* („молоть“), *мока* (корень тот же, что в прилагательном *мѣк-ъ-къ*); была *ректъ* (ст.-слав. *пѣць*, русск. *печь*, зап.-слав. *pec*); там пекли *kolaсъ, pirogъ* и тот вид хлеба, который позднее (но в доисторическое время) называли готским словом *hlaihs*: слав. *chlębъ*.

4) Из ремесел развито было ткачество, как и у других народов в родовой период: *тъkati, oтъкъ* (*o* — „в“, „что втыкается“), *станъ или stavъ, byrdo, чьlnъ или чьlnъкъ, kędělъ, verteno, нить*,

suknō (корень suk-; sučiti), polъno („что сложено“), rьstrъ, rьstriti (корень тот же, что и в глаголе rьs-ati, pis-ati) и др.

Подробнее см. в „Славянском языкознании“, I.

§ 42. Славянское население было весьма многочисленно. Ранние исторические указания свидетельствуют об этом: славяне — „многочисленнейший народ“ (μέγιστος ἔθνος), „бесчисленные народы“ (ἄμετρα ἔθνη), „могущественные по своей численности“ (natio populosa, numerositate pollentes). В VI—VIII вв. эти народы занимают весьма обширные области на востоке, юге и западе Европы. Область же к северу от Карпат, где в течение долгого времени находились славяне, была не так обширна, чтобы отдельные роды жили вдали одни от других. Родственные группы были не в далеком расстоянии между собою. Кроме того, физические условия, отсутствие природных преград, равнинная местность, богато развитая речная система благоприятствовали связям отдельных родственных групп. Вместе с тем необходимо учесть одинаковость общественно-экономического уклада жизни этого населения. Указанные общественные, экономические, природные условия благоприятствовали длительному сохранению исконного языкового единства славян.

Однако различия в языке славянских групп в разные периоды их доисторической жизни имелись. Различие обусловлено было общественно-бытовой дифференциацией, переживавшейся отдельными родами в зависимости от местных условий жизни. Позднее, при территориальном сближении одних родов и племен с другими, при устанавливавшихся близких общественно-экономических взаимоотношениях между ними, при вхождении членов одного рода в состав другого, некоторые черты общественно-языковой дифференциации сглаживались. О ранних доисторических местных языковых явлениях мы не знаем: они утратили свою актуальность в доисторической же жизни славян. Славянские языки в ранний период своей исторической жизни представляют указания на такие областные языковые процессы, которые были пережиты в более позднее время доисторической жизни славян. Замечания об этих процессах были сделаны уже выше (§§ 38—39).

Языковая система, сложившаяся у славян в доисторическое время, при одинаковости их общественно-экономической жизни и близости взаимоотношений, сохраняла свое актуальное значение в жизни славян и в период исторический, в VI—IX вв.: новые слова входили в прежние языковые нормы. Напр.:

новые слова с *or(ar)*, *ol(al)*, *er(el)* между согласными. Ср. передачу имени Карла Великого (771—814): *ar* в этом слове передавалось по славянским языкам так же, как изменялись некогда давние *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*: в южнославянских языках, а также в чешском и словацком — *krāl'ъ*, в польском *król'ъ*, у восточных славян *korol'ъ*; ср. давние *młātišъ* у южных славян, а также у чехов и словаков, *młótišъ* у поляков, *mołótišъ* у восточных славян — вместо *moltiši*. Ср. также: личное имя *Mrata* у сербо-хорватов вместо *Martinus*; название края между нижней Савой и Дунаем *Srēm* вместо *Sirmium*; у словинцев плоскогорие *Kras* — итальян. *Carso*, романо-балкан. *Carusadius*; у славян Болгарии *Srēdsъ* — *vm. Sardica*. Другой пример: сочетания — гласный + носовой согласный — перед согласным в новых словах передавались попрежнему носовым гласным. Ср. в языке славян болгарских второй половины IX в. слово *сѣмѣта*, с гласным носовым *ѣ*, — слово, которое передавало собою народно-греческое *σάμβατον*. Ср. название села в южной Македонии Пътеле (Леринский район), с гласным *ъ* из более раннего носового гласного *ѣ* (так изменился в болгарском языке этот гласный: *рѣка* — *ръка*). Это село названо по греческому имени *Παυτελεῖδων*. Сербо-хорватские передачи романских топографических названий в Далмации, — названий с *san*, *sant*: это ап сербо-хорваты передавали посредством носового гласного; позднее, по утрате носового образования, получился гласный *и*: *su Petar* = *san Pietro* и т. п. Передача латинского *Sonticus* у словинцев: *Soča* *vm.* более раннего *Sqča* (с носовым *q*; *č* *vm.* *tj*).

У восточных славян: *вар'агъ*, *кълб'агъ* (название народа), *бур'агы* (-ги), *ябетъник* — *vm.* северногерманских *vāringēr*, *kylfingr*, *buringr*, *āmbiti* („служба“).

Судъ — название пристани в Константинополе (Золотой Пор) — староскандинавское *sund* („морской пролив“). В языке славян болгарских применялся и иной фонетический способ для устранения конца слога на *г*, *л*, *м*, *п* посредством развития вторичного гласного *ъ* (*ь*) после *г*, *л*, *м*, *п*: *каперѣнаѣмъ*, *анѣдрѣа* и др. (см. выше).

§ 43. Историческое изучение славянских языков дает возможность представить древнейшее состояние их, то состояние в отношении звуков, форм, синтаксиса, лексики, которое свойственно было славянам в ранний период их исторической жизни. Это — тот языковой фонд, который сформировался в доисторическое время. Звуковой состав этого фонда был такой.

1) Гласные полного образования.

Задний ряд: а, о, у, ǫ.

Средний ряд: у (ы).

Передний ряд: е, ё (ѣ), і, е.

2) Гласные неполного образования, ъ, ь: ѱ, ѱ̣.

1) Заднеязычные: k, g, ch.

2) Палатальные: j, č, ž, š, c, dʒ, s', n', r', l', tʰs или tʰs', dʒʰ
или dʒʰs', šč, ždž.

3) Небно-зубные: t, d, n, s, z.

4) Губные: m, p, b, v.

5) Плавные непалатальные: r, l, l̥.

Все гласные были носителями слогового свойства (слоговыми). Но гласные і, ъ, ь в определенных условиях были и неслоговыми (і̣, ъ̣, ь̣).

Неслововым был в более давнее доисторическое время и u, на месте которого развился звук v. По славянским доисторическим группам в определенных условиях был не зубно-губной v, а билабиальный w. Так, были такие группы славянского населения, в речи которых был w перед ъ, ь: wъ, wъnikъ, wъdowa, powъ. В других группах были сочетания с ѡ: ѡъ, ѡъnikъ.

Согласные плавные и носовые (m, n) — согласные сонорные. По условиям своего образования они близки к гласным звукам: в своем образовании они представляют отверстие, через которое проходит воздух свободно, без значительного трения. При образовании m, n таким отверстием служит открытый вход в полость носа (небная занавеска опущена); при образовании плавного l (l̥, l̥, l̥') — отверстие при опущенных боках языка; при r — отверстие над спинкой языка, кончик которого то опускается, то приподнимается, вибрируя у передней части твердого неба, близкой к десне резцов. По открытому отверстию эти звуки, плавные и носовые, объединяются с гласными. В определенных положениях плавные были слоговыми: r, l̥ — gъrdlo → gъrdlo, ѡъlkъ. Но, кроме открытого отверстия, образование плавных и носовых имеет затворную артикуляцию, образуемую той или иной частью языка по отношению к небно-зубной области (n, l̥, l̥, l̥', r, r') или артикуляцию, образуемую губами (m). Поэтому плавные и носовые m, n разделяют также черты образования прочих согласных. Струя воздуха, проходя через препятствие, представ-

ляемое образование плавных и косовых *m*, *n*, взрывает затвор или трется о стенки теснины. В акустическом отношении получается шум — черта согласных. Но при образовании сонорных *g*, *l*, *m*, *n* преимущественное значение принадлежит звучащей струе воздуха, а не шуму, как при образовании других, шумных, согласных.

Слоги были долгими и краткими и произносились не с одинаковой интонацией.

Ударение было разноместное и неодинаковое в своем образовании в зависимости от направления в движении тона, в зависимости от его повышения или понижения. Напр.: *voгnъ* и *voгпа* имели слог с *-og-* с разным ударением, или *pol'е*, *vol'a* представляли слог *po-*, *vo-* с разным ударением.

Анализ языковых фактов вскрывает нам и те процессы, которые были пережиты предками славян в доисторическое время, процессы, в результате которых образовался тот языковый фонд, который представляли славянские языки в ранний период их исторической жизни.

Многое в славянском языковом фонде находит себе соответствие в других языках индоевропейской системы. При изучении славянских языковых процессов мы исходим из анализа славянских фактов и только потом, для ориентации в том или ином явлении, оглядываемся на другие индоевропейские языки, обзвывая в них те или иные соответствия славянским данным.

Отметим главные языковые процессы, пережитые славянами (их предками) в разные периоды весьма длительной доисторической эпохи.

а.

§ 44. Все славянские языки имели гласные долгие и краткие. В определенных условиях произошло сокращение долготы слога, долготы гласного. Так было, например, в конечном открытом слоге: в этом положении долгий гласный более раннего времени стал кратким. Но были условия, при которых долгота слога не сокращалась. Такие условия подробнее определяются в курсах славянских языков (см. „Славянское языкознание“, соответствующие пункты). Отметим пока одно положение, благоприятствовавшее сохранению долготы: это — непосредственно предударный слог (если ударение не было восходящего типа; об этом ниже). В этом положении долгота гласного сохранялась в разных сла-

вянских языках и сохранена до сих пор в тех славянских языках, в системе которых удержалось различие между долгими и краткими слогами: в сербо-хорватском, словинском, чешском, словацком языках. Имеются ясные следы долготы в этом положении и в польском языке,— следы в виде изменения гласного: $\bar{a} \rightarrow \dot{a}$ (лабиализованный a) с дальнейшим изменением, носовой гласный o , а не $\dot{a}$ или e (последние носовые гласные, $\dot{a}$, e , были в кратком слоге). Следя за словами с гласным a , мы наблюдаем долготу его в том положении, в котором она не подлежала сокращению, например, в непосредственно предударном слоге: *trāva*. Ср. в сербо-хорватском, чешском и словацком *trāva*, *chvāla*, в польском *trāva* вместо *trāva* и др.

Полагаем: гласный a был гласным долгим. Когда происходило при определенных условиях сокращение долгот, напр., в конечном открытом слоге, сократился и a в этих положениях: *trāvā* → *trāvā*.

§ 45. В ряде слов корень или суффикс представляет гласный a в чередовании с корнем или с суффиксом с гласным o . Так, в глаголах многократного вида, со значением повторного действия, представлен гласный a , а в других случаях корень имеет гласный o : *nositi* — *našati*, *prinašati*, *voziti* — *važati*, *bosti* (вм. *bodti*) — *badati*, *goniti* — *gan'ati*.

Другие подобного значения глагольные образования представляют в корне $\dot{e}$, i , y (u) при e , $ь$, $ъ$ в корне, не указывающем на повторность, действия: *greb* — *rogrebati*, *byrati* — *nabirati*, *tykati* — *tykati*, *zyvati* — *zyvati*. Корень глаголов с повторным действием представляет долготу гласного. Следовательно, в образованиях *našati*, *važati*... в корне находился долгий гласный, получившийся в результате удлинения *pos-*, *voz-*... Но гласного $\bar{o}$ не имела давняя славянская звуковая система: вместо $\bar{o}$ был гласный $\dot{a}$.

Следовательно, долгий гласный $\bar{o}$ заменялся у славян гласным $\dot{a}$.

§ 46. Справки с соответствиями славянскому a в других индоевропейских языках указывают, что славянскому a соответствовали долгие $\bar{a}$ и $\bar{o}$. Например:

1) *bratřь*, *bratъ* — лат. *frater*, греч. *φράτωρ*, *φράτηρ*; *mati* — лат. *māter*, греч. дорическое *μᾶτηρ*; *bajr*, *bajati* („говорить“), *basнь* — лат. *fāma* („молва“, „слава“), греч. *φᾶμί* („говорю“); *stati* — лат. *stāre*; *orati* („пахать“) — лат. *arāre*.

2) *damъ, dati, danъ, darъ* — лат. *donum*, греч. *δίδωμι*; *znati* — лат. *cognōscō*, греч. *γινώσκω*; *dъva* — лат. *duō*, греч. *δύω*.

Итак:

1) слав. *а*

§ 47. Обратим внимание на звуковой вид инфинитивов с суффиксальным *-ě-* (*-ěti*): *viděti, tьpěti, zeleněti*... Но в таких случаях, когда перед суффиксом инфинитивной основы был *j, č, ž, š*, гласным является не *ě*, а *a*: *stojati, kričati, dyšati, ležati*. Соответствующие образования в других индоевропейских языках представляют гласный *ē*: ср. латинские инфинитивы на *-ēre*: *vidēre*; славянский инфинитив *dyšati* ср. с литовским образованием *dūsėti (dūseti)*. То же фонетическое явление отражается и в других случаях: *ě* после непалатальных, *a* после палатальных. Напр., на суффиксе *-ělъ*: *gubělъ, korělъ*; но: *rečalъ, myčalъ* („молчание“), *piščalъ*.

Итак:

2) Слав. *а* вместо *ě* после *j, č, ž, š*.

о.

§ 48. Слог с гласным *о* в славянских языках был кратким, если только не произошло при определенных условиях удлинения его. Так, например, слог с *о* в отдельных славянских языковых группах при особом ударении, при восходящем, удлинился: *koža* → *kōža*, *vol'a* → *vōl'a*. Происходило удлинение гласного *о* в отдельных славянских языках и в связи с утратой *ъ, ь* в следующем слогѣ, а также при наличии других условий, благоприятствовавших продлению гласного в предшествующем слогѣ: при звонкости конечного согласного (*bōb*, но *bōk*), при длительности конечного звонкого согласного (*vōz*), при восходящей интонации (*dvōr, kōn'*...).

Итак, славянский гласный *о* был кратким гласным: *dōmъ, ōkō, tō, ōшь*.

§ 49. Славянскому *ō* соответствуют в других индоевропейских языках краткие гласные *o* и *ā*.

Славянские: 1) *dōmъ* — лат. *dōmus*, греч. *δῶμος*; *ōkō* — лат. *oculus*, греч. *ὄσθα* (двойственное число); *ōвьса* — лат. *ovis*, греч. *ὄvis*; *tō* — лат. *istud* (вм. *istod*), греч. *τό*;

2) ōсь — лат. *āxis*, греч. *ἄξιν*; ōтьсь — лат. *atta*, греч. *ἄττα*, гот. *atta*; ōстръ — лат. *acus, acidus*, греч. *ἄκρος*.

3) Сочетание *ov* с гласным *o* представлено было у славян преимущественно перед гласным заднего и среднего ряда: *повъ, slovo*. Но перед гласным переднего ряда находилось сочетание с гласным *e*: *nev-*: *nev-ěsla* (*nev-* тот же корень, что и *пов-а*), *devětъ, sèvergъ*. Полагаем: *ev* перед гласным заднего и среднего ряда изменилось в *ov*.

Другие индоевропейские языки представляют соответствие в виде *eu* и результата его изменения.

повъ — греч. *ἕρος*; *slovo* — греч. *κλέφος* („весть, молва, слава“); *řlovъ* — греч. *πλέω*.

Если же в следующем слоге находился гласный переднего ряда, то у славян *ev*: *slovo*, но: *devětъ*. Бывает *ov* и перед гласным переднего ряда — в тех словах, в которых та же основа представлена и с *ov* (перед гласным заднего ряда). В силу процесса обобщения основы в одинаковом звуковом виде в разных формах появились и слова с *ov* перед гласным переднего ряда — *slovo* — *sloveše* (родит. ед.), *slovesa* (имен. множ.); *sloveši* как *řlovъ*. Обобщались основы и в другом направлении — с гласным *e*: *revъ* с *rev-*, как *reveši, revětъ*.

4) Имеются слова, в которых один и тот же корень (или база) имеет неодинаковый гласный: в одних корень с *a* или с *ě*, в других корень с *o*. Это — те случаи, когда и в других индоевропейских языках отражается чередование гласных, — такое чередование, которое восходит к следующему чередованию: долгие *ā, ō, ē* в одних словах, результат ослабления (редукции) *ə* — в других. Вот эта-то ступень редукции с гласным *ə* (точно не определимым в его образовании в древнейшей фонетической стадии индоевропейских языков) и дала краткие гласные в отдельных индоевропейских языках: *i* в древнеиндийском, *ā* в греческом, латинском, германских, литовском языках, *ō* в славянских.

stati — *stoř*; ср. греч.-дорич. *ἵστανι* („ставлю“) — *στατός* („поставленный“), др.-инд. *sthitāh*;

bajati, bajъ („говорю“) — *bobony* (удвоенный корень *bo-*; „суетверие, связанное с говореньем“);

spèti — *споръ* („изобильный“, „спорый“), др.-инд. *sphirāh* („изобильный“, „богатый“).

Такая же редукция долгого гласного *ā, ō, ē* могла быть и в окончании (в суффиксе). Таково происхождение чередования

a (*ā*) в именительном падеже единственного числа (славян. *gyba*, *žepa*) и *o* (*ō*) в звательной форме единственного числа тех же основ (слав. *gybo!* *žepo!*); ср. греч. *ἄ: γούμφᾱ! δέσπνῳ!* („госпожа! владычица!“).

Представлять фонетическую стадию с каким-то кратким гласным, явившимся в результате ослабления долгих гласных *ā*, *ō*, *ē*, побуждает следующее: одинаковость в образовании того гласного, который появился в разных языках вместо ослабившихся *ā*, *ō*, *ē*: в др.-индийской группе *i*, у славян *ǫ*. Если у славян этот гласный мог непосредственно восходить к сократившимся *a* и *o*, то непонятен результат сокращения *ē*: гласный *ǫ* непосредственно не мог получиться в этом случае. Поэтому полагаем, что *ā*, *ō*, *ē*, ослабевая, заменялись каким-то гласным (*ə*), который затем в славянской группе получил образование краткого *o*.

Итак:

§ 50. Гласный *ǫ* славянской фонетической системы раннего состояния был гласным открытым. Передача заимствованных слов доисторического периода и раннего времени в исторической жизни славян свидетельствует о таком образовании гласного *o*. Так, с гласным *o* передано было у славян имя того тюркского народа, который назывался в греческих документах *ἄζαρ*, в латинских *avarus*: слав. *ǫbrinъ* (появление авар в Европе относится к середине VI в. н. э.). Так передан вне ударения и греческий гласный *a*: *korabl'ъ* — греч. *καράβι[ς]*; *krovatъ* — греч. *κράββατι[ς]*.

На открытость славянского *ǫ* указывают и иноязычные передачи славянских слов с этим гласным: *slověne* — *Σλαβῆναι*.

§ 51. Гласный *ǫ* у славян в доисторическое время подвергся изменению после палатальных согласных. Эти согласные действовали палатализирующе на следовавшее за ними образование гласного заднего ряда: *o* → *ǭ*, *u* → *ǭ̄*. Но гласные лабиализованные переднего ряда не были свойственны тогда славянской фонетической системе: гласные *ǭ*, *ǭ̄* утрачивали лабиализацию: *ǭ* → *e*, *ǭ̄* → *i*.

pol'o → *pol'e*; *jego*, *jemu* (сравн. *togo*, *tomu*), *lice*, *děvicel* (зват. форма; но: *žepo!*), *vojevoda*;

sjūti → *šiti* (*sj* → *š*; см. ниже о славянских *u* и *š*).

§ 52. В количественном отношении гласный и был гласным долгим, как на это указывают славянские языки в их истории. Так, в непосредственно предударном слоге гласный и сохранял долготу. Ср. сербо-хорватское *kūpiti* (чешское *koupiti*), *būriti* (чешское *bořiti* — „бушевать“) и др.

§ 53. Гласный и находится в следующем фонетическом положении: перед согласным и в конце слова, т. е. вообще в конце слога. Перед гласным же находится сочетание *ev, ěv, ov, av*. Славянскому *v* предшествовало образование неслогового ц: ц → *v* перед гласным. Перед гласным были некогда дифтонги eu, ěu, ou, ōu → ǣu.

Несколько примеров:

kujō, kuznica, но: *kovati, kovъ*;

słuti, но *słowō* (1 л. ед.), *słowo, słava*;

r'uti — *reveši, revō* (1 л. ед.);

гупьно (*gu-пньно*) — *govědo* (*gov-*, *gu-*, „рогатый скот“; *тъп-, пьпō, тъпѣši* — „мну“, „мнешь“).

Итак, вместо дифтонгов с неслоговым ц у славян появился в конце слога монофтонг и. Следует полагать, что гласному и предшествовала фонетическая стадия с дифтонгом ou. В этом дифтонге ou совпали разные дифтонги более ранней фонетической стадии: 1) ōu; 2) ǣu: *ǣ* у славян изменился в *ō*; 3) ōu, ǣu: произошло сокращение первой, слоговой части дифтонга, — сокращение, отразившееся и на других дифтонгах: *ōi, ǣi, ēi, ěu* (см. ниже). След прежней долготы первой части дифтонга отразился в интонации, как отмечено будет ниже.

Славянский дифтонг ou мог быть и иного происхождения: вместо более раннего eu, получившегося в индоевропейских языках вследствие редукции ōu, ǣu, ēu (у славян *э* → *о*; см. § 49).

Гласный и получился в славянской фонетической системе не только вместо дифтонга ou разного происхождения, но и вместо дифтонга eu (из *ēu* и *ěu*). Как результат палатализации в образовании первой части дифтонга eu выделился *j*, ассимилировавшийся затем с предшествующим согласным: eu → *ju* → *'u* (*'* указывает на палатализацию предшествующего согласного). Ср. указанный выше пример *r'uti* — *reveši, revetъ*... Ниже, в связи с соответствиями других индоевропейских языков, отметим пример

bl'udq, bl'udeši... вместо более раннего bjud-q, а это из beud-(bheudh-).

§ 54. На дифтонги eu, ou, au, ēu, bu, zu, eu указывают и другие индоевропейские языки.

Монофтонг и у славян имел неодинаковую интонацию в зависимости от того, происходил ли он из дифтонга с долгим ē, ō, ā или с кратким ě, ǫ, э: и имел восходящего типа интонацию (ˆ) в заменах дифтонгов ēu, ōu, āu и нисходящего типа интонацию (˘) в заменах дифтонгов ěu, ǫu, āu, eu. Восходящего вида интонация слога с и была еще в том случае, если дифтонг ou получился в результате редукции двухслогового сочетания ouэ: напр. sluš-ati вместо slouэs.

Слав. sūchъ — лит. saūsas, греч. αῦς (см. ααυος); основное saus-;

ucho — лат. auris;

предлог и и префикс и: и mene, и brata, unositi — лат. aufero;

rūdъ — „красный“, ruda — лит. raūdas; гот. rauths — „красный“;

ср. греч. ἐρυθρῶ — „краснею“ с eu (eu), как чередование с ou; основное roudh-;

kujo — лит. káuju — „бью, кую“, др.-верхн.-нем. houwan;

buciti — лит. pasibauditi — „подыматься“; ср. слав. bl'udo вм. bheudh, как чередование с bhoudh; synu (родит. ед.), — лит. sūpaūs, гот. sunaus; ср. слав. дат. ед. synovi (synov-i);

struja (stru-ja), ostrovъ (o-strov-ъ), — лит. stravà — „течение крови“, древнеинд. srávati — „течет“;

гумно, govędo (см. выше); греч. βοῦς — „бык“, др.-инд. gauh — „бык“, „корова“; основное g'bu-.

l'ud i je, — латыш. l'audis, др.-верхн.-нем. liut; основное сочетание leudejes.

bl'udq, bl'usti, греч. πύδομαι; основное bheudh-, чередовавшееся с bhoudh- (слав. bud-).

r'uti, может быть, вместо гѣu; ср. долготу гласного в др.-инд. gāuti — „он ревет“.

turgъ, лит. tauras — „бык“, лат. taurus, греч. ταῦρος; основн. taur-.

Итак:

слав. и ← ou (из ōu, ōu, āu, āu, eu, ouэ)

ju ← eu (из ěu, ēu).

Такое изменение eu, ou в конце слога — замена монофтонгом — находилось в связи с одной из существенных тенденций

славянской фонетической системы — со стремлением к открытости слога, к окончанию его слоговым гласным. Вследствие этой тенденции изменялись в конце слога также *eĭ* в *i*, *oĭ* в *ě* и *i*, *on*, *om* в носовой гласный *o*, *en*, *em* в носовой гласный *e*, изменялись *og*, *ol*, *eg*, *el* перед согласным и некоторые группы согласных. Об этом подробнее см. ниже.

§ 55. Передача дифтонга *ou* посредством *u* происходила и в новых словах, в заимствованиях, появившихся во время сношений славян с германскими народами, в первые века н. э. При этих сношениях происходил торговый обмен. К этому обмену относились германские слова с корнем *kaup-*: гот. *kaupōn* — „торговать“, др.-верхн.-нем. *kouffen*; в других древнегерманских группах слова с этим корнем относились не только к „торговле“, но и к „мере“, к „имуществу“, к „скоту“. Германское же слово *каура* появилось в связи с римским воздействием: образцом для германского *каура* был латинский *сауро* — „шинкарь“, „содержатель постоянного двора“, „кто из вина делает воду“. В связи с германским *каура* появились у славян слова с *kur-*: *kuriti*, *курись*.

Перешло к славянам и германское слово, служившее у германцев для указания принадлежности к германскому народу — „принадлежащий к народу (германскому)“, „народ“: *theudh-*: гот. *thiuda* — „народ“, др.-верхн.-нем. *diot[a]* и др. У славян слово с этим корнем было передано так: *tjudъ* в значении „чужой“: ст.-сл. *штоудъ* — *стоудъ* — *тоудъ* (ст. *т* вследствие диссимиляции с образованием согласного в следующем слоге), сербо-хорв. *tuđ*, вост.-слав. *čuzъ* (русск. *чужой*), зап.-слав. *cudz-* (польск. *cudzy*, ст.-чешск. *cuzi*, ново-чешск. *cizi*).

§ 55а. Гласным *u* передавали разные славянские группы закрытый гласный *o* в заимствованных словах: *buk* (лат. *Fagus silvatica*), *buku* — „буквы“. Это — германское заимствование: др.-верхн.-нем. *buohha* — „бук“, *buoh* — „книга“, гот. *bōka* — „буква“ (как следствие применения *бука* для рунических начертаний).

Так передан в старославянском языке и греческий гласный *ω*: *киноунъ* — греч. *κινῶν*; *роуминъ* — греч. *ῥωμαῖος* — „римлянин“, „ромей“; *соломоунъ* — греч. *Σολομῶν*; *домъ ароуновъ* (Син. пс.) — греч. *[τῶν] Ἀρωῶν*; *роса сръмоунъска* (Син. тр.) — *роса сръмоунъ* (Син. пс.) греч. — *τοῦ Ἀερῶν*.

§ 56. Гласный у (ы) был долгим гласным, как на это указывает история отдельных славянских языков. Так, например, в непосредственно предударном слоге он является долгим в сербо-хорватском, чешском и словацком языках. Сербо-хорват. *gibati* (вм. *gȕbati*), чешск. *hýbati* („двигать“), сербо-хорв. *pȕtati* (вместо *pȕtati*), словац. *pýtati* („просить“), сербо-хорв. *bȕk*, чешск. *bŭk* и др.

§ 57. Положение гласного у — перед согласным и в конце слова: *дуть*, *byti*, *ty*, *svekry*. Перед гласным представлено было сочетание ъв: *gyti* — *гъвати*, *byti* — *бъвепъ* (*zabъвепъ*), *kryti* — *кгъвепъ* (*sъкгъвепъ*), *svekry* (именит. ед.) — *svekгъве* (род. ед.), *svekгъвъ* (вин. ед.).

Сочетание ъв представляло собою замену более раннего сочетания, состоявшего из двух кратких йй, из которых второй был неслоговым (перед гласным), как и в замене сочетания оу (ов): йи.

Как видно, славянскому гласному у (ы) соответствовали перед гласным два кратких гласных (йй) — указание, что в более раннее время тот гласный, вместо которого появился у, был тоже гласным типа и и был долгим: й̄.

§ 58. Соответствия других индоевропейских языков также указывают на й̄. Например:

Слав. *byti* — лит. *bŭti* (*būti*);

дуть — лит. *dŭmai* (мнж.), др.-инд. *dhūmaḥ*, греч. *θῆμος* — „яръсть“, „отвага“, „дух“, лат. *fŭmus* — „дым“;

супъ — лит. *sŭnŭs*, др.-инд. *sŭnŭh*;

мышъ — лат. *mŭs*, др.-верхн.-нем. *mŭs*, греч. *μῶς*;

svekry — др.-инд. *śvaśrŭh*;

ty — лат. *tŭ*.

Гласный й̄ вследствие удлинения й̄ был еще в окончании формы именит.-винит. двойственного числа имен на -ъ (из -й̄: *супъ*); *супу*; ср. др.-инд. *sŭpŭ*.

Итак:

слав. $\left\{ \begin{array}{l} \text{у перед согласным и в конце слова вм. й̄,} \\ \text{ъв перед гласным вм. й̄й̄.} \end{array} \right.$

§ 59. Гласный й̄ с высоким положением языка, с энергичным округлением губ, в ранней доисторической звуковой системе у славян был еще иного происхождения: вместо ѓ перед п в конце слова. Такое изменение происходило в связи с особой фонетикой

конца слова: в этом положении происходило более энергичное лабиальное образование: -оп → -ип. Такой процесс переживался в образовании и краткого и долгого *о*. Гласный же высокого подъема и подвергался изменению, которое переживалось в отношении такого гласного: $\bar{u} \rightarrow y$ (ы), $\bar{y} \rightarrow \text{ъ}$. Напр.: $\text{ka}\bar{\text{t}}\text{o}\bar{\text{p}} \rightarrow \text{ka}\text{t}\bar{\text{y}}\text{p} \rightarrow \text{kam}\bar{\text{y}}$ (о фонетической судьбе конечного носового *п* см. ниже, в пункте о носовых гласных). Ср. соответствие славянскому слову в греческом языке с долгим $\bar{o}$ перед *п*: $\acute{\alpha}\chi\mu\omega\upsilon$ („наковальня“, „камень, на котором точат“). В литовском происходил тоже процесс изменения конечного *оп* в *ип* и затем в *ио* ($\bar{u}$): $\text{akti}\bar{\text{o}} \rightarrow \text{akti}\bar{\text{y}}$.

Итак:

слав. *у* (ы) вместо $\bar{u}\text{p}$ из $\bar{o}\text{p}$ в конце слова.

В славянской фонетической системе не было долгого гласного $\bar{u}$ напряженного образования, с высоким подъемом языка. Гласный $\bar{u}$, появившийся у славян вместо дифтонга *ou* (*suchъ*), был более пониженной артикуляции в отношении языка и не с таким энергичным округленным сужением губ, как при $\bar{u}$ ($\bar{u}$). На это указывает то, что иноязычное *о* в славянской фонетике передавалось как *и*: *buku* — гот. *bōka* (см. в отделе об *и*). И в позднее время, в первые века н. э., в фонетике славян не было закрытого, напряженного $\bar{u}$. Такой долгий гласный германских языков славяне передавали посредством *у* (ы).

Слав. *chuzъ, chyza, chyža, chyzina, chyžina* — вместо герм. *chūza, chusa* (гот. *hus*, др.-верхн.-нем. *hūs*);

typъ — герм. *tūp* (др.-сев. *tūn*, др.-верхн.-нем. *zūp* → *zaup*);

myto — „подать“, „налог“; герм. *mūta* (ср.-верхн.-нем. *mūte* — *maut*).

§ 60. Параллельно с изменением долгого слогового $\bar{u}$ происходило изменение и краткого слогового $\bar{y}$. Гласный $\bar{y}$ стал нелабиализованным кратким гласным (обозначим его посредством *ɪ*), который позднее, параллельно с изменением краткого гласного тоже высокого подъема $\bar{i}$, подвергся редукции: $\bar{i} \rightarrow \text{ъ}$, $\bar{i} \rightarrow \text{ь}$. Сущность изменения состояла в том, что лабиальная артикуляция при гласных заднего ряда высокого подъема отделилась от образования их. Она стала производиться раньше, при артикуляции предшествующего согласного. След лабиального элемента ясно отразился на образовании заднеязычных согласных *k, g, ch*: такие лабиализованные *k, g, ch* не подвергались палатализующему воздействию предшествующих гласных *i, y, e*: *otegъcati*,

lyguŋi. Если же слово начиналось с ū, ū̃, то лабиальный элемент выделился как отдельная артикуляция: ūdra → vydra, ūriti → vŕiti, vŕšь. Такое изменение, дислабиализация гласных заднего ряда ū, ū̃, находилось в связи с весьма давним изменением славянской фонетической системы, выразившимся в ослаблении лабиального элемента гласных; и гласные ō, ǫ получили открытое образование, в особенности гласный долгий: ō → а, ǫ → ǫ открытого образования (ǫ^а). Гласный ū, утрачивая лабиальное образование, изменял место образования: в заднем ряде не производилась артикуляция долгого гласного при высоком подъеме языка; происходила передвижка артикуляции в средний ряд: появилось образование гласного у (у). Нелабиализованный краткий ū̃ гласный (вместо ū̃), позднее ставший редуцированным ъ, не был такого высокого подъема, каким был долгий гласный, заменивший собой ū̃. Ср. в позднейшей славянской фонетике различие в подъеме языка и в степени напряженности при образовании долгого ū̃ и краткого ū̃, например, в чешском языке: долгий ū̃ представляет артикуляцию более закрытую, с более высоким подъемом языка, чем краткий ū̃. Еще яснее представлено различие в судьбе долгого ū̃ по сравнению с кратким ū̃ в кашубском языке: долгий ū̃ сохранил свое высокое образование, а краткий ū̃ заменился пониженным, открытым образованием — á: lūd (вместо l'ūdъ), но lādem (твор. ед.). Будучи гласным пониженного образования сравнительно с соответствующим долгим гласным, гласный ɨ (позднее ъ) производился в задней зоне полости рта, с некоторой передвижкой вперед, к средней зоне. В фонетической системе отдельных славянских групп особая краткость, неполнота образования гласного ъ, отодвинула его дальше назад. На то, что образование ъ было близко к среднему ряду, указывает судьба его в истории западнославянских языков. Таким он был, например, в польском языке: сочетания къ, гъ с усилением гласного ъ, ь изменялись в таком же направлении, как ку, гу: образование согласного передвигалось в палатальную зону: къ → k'e, гъ → g'e, как ку → k'i, гу → g'i: bok'em вместо bokъть (bokъ), stog'em вместо stogъть (stogъ); kinq̣ вместо kypq̣ti, g'inq̣ вместо gypq̣ti. Но m'echem с твердым ch, вместо meshъть, потому что не было передвижки чу в ch'i: chylic, muchy.

На то, что отодвижка артикуляции в среднюю зону полости рта вызвана была высоким положением спинки языка, указывает та-

кое явление фонетики доисторической эпохи: перед *j* и *i* предшествовавшие гласные *ъ*, *ь* ассимилировались с *j* и *i*; эта ассимиляция состояла в повышенном подъеме языка, как в образовании следующих *j*, *i*; а при таком положении языка артикуляция гласного *ъ* передвигалась в среднюю зону: *ъj* → *ÿi* (*ÿ* — редуцированный *ы*); *ьj* → *ʲj* (*i* — редуцированный *i*).

Отметим еще одно позднейшее явление в фонетике русских говоров, имеющих гласный *ъ* вместо безударных *о*, *а*. Этот редуцированный гласный при продлении, которое бывает в случаях экспрессивного произношения слова, произносится как *ѣ*: *дѣръго!* (вместо *дѣръго* при спокойном произношении); *вѣдит за-нѣс!* (*водит за-нѣс* = за нос); *дѣрача у-дѣму!* (*драча у-дѣму* — „драка у дома“) и т. п. Такое произношение (*ы*) указывает на близость артикуляции *ъ* к *ы*, а также и на то, что редуцированность гласного связана с зоной артикуляции, близкой к заднему, а не к среднему ряду.

§ 61. В древней доисторической фонетической системе славян не было лабиализованных гласных переднего ряда: *ѡ* → *е* (см. выше, в отделе о гласном *о*), *ÿ* → *i*. Лабиализованные гласные переднего ряда появились у славян вместо гласных *о*, *у* после палатальных согласных, — появились вследствие палатализующего воздействия предшествующего палатального согласного: *šiti*, вм. *sjūti* (ср. лит. *siūti*, др.-инд. *syūtáḥ* — „сшитый“). На то, что звуковому сочетанию предшествовала такая фонетическая ступень, на которой в этом слове был гласный лабиальный *у*, указывает следующее: перед гласным находится -ѡ- (после непалатальных согласных ѡв); перед согласным *i* (*у*) — после непалатальных согласных у (*ы*): *šiti* — *šъвъсь*, *rodъšъva*, *gyti* — *гъвати*. После палатального согласного *и* → *ÿ* → *i* перед согласным (*šiti*); перед гласным же долготу *ÿ* соответствовало некогда сочетание *ÿц*; а после палатального согласного оно изменилось в *ÿц* → *ĩц* → *ъв* (*šъva*).

Итак: *ʲÿ* → *ʲĩ* → *ʲi*;
ʲÿ → *ʲĩ* → *ĩ* → *ʲъ*.

е.

§ 62. Гласный *е* в количественном отношении был в славянских языках гласным кратким. Его удлинение происходило в отдельных славянских языковых группах при определенных усло-

виях, при которых удлинялся и гласный *о*. Например, в зависимости от вида ударения (под восходящим ударением): *koža* → *kōža*, *vol'a* → *vōl'a*. (напр., в чешском языке, в части русских говоров); в зависимости от ослабления и утраты *ъ*, *ь* в следующем слоге: *mostъ* → *mōst[ъ]* (в украинском языке). На краткость гласного *е* указывает и следующее явление доисторической эпохи славянских языковых групп: в глаголах, не имеющих значения повторяющегося действия, находится в корне гласный *е*; в глаголах итеративного значения тот же корень представлен с долгим гласным, с *ě*: *grebъ* — *pogřebati*, *pletъ* → *sъplētati*. Ср. чередования гласных в корне *о* — *а* (вм. *ō*) при тех же условиях.

Гласный *е* был в таких двух положениях.

1) После непалатального согласного: *berъ*, *neseši*, *sestra*, *voze!* (зват. форма), именит. множ. *synove*, *дѣне*, *kamene*. Во многих случаях представлен тот же корень или тот же суффикс с гласным *о* (явление так наз. чередования гласных): *berъ* — *богъ* (*zabogъ*), *nesъ* — *пріносъ*, *tekъ* — *токъ*, *voze!* (зват. форма), но дат. множ. *vozo-тъ*.

2) Гласный *е* находится после палатального согласного. Вследствие ассимилирующего воздействия палатальности согласного произошла передвижка вперед в образовании лабиализованных гласных *о*, *и*: *'о* → *'е*, *'и* → *'і* (см. выше). Например, *pol'е*, *mor'е*, *moје*, *tvoје*, *паѣ*, *ваѣ*, *pol'емъ* (дат. мн.), *kop'емъ* (дат. мн.). Ср. те же формы, в которых перед суффиксом (или окончанием) был согласный непалатальный (твердый): *selo*, *rebро*, *ono*, *to*, дат. мн. *selo-тъ*, *sъпо-тъ*, *dvorog-тъ*.

В тех словах, в которых гласный *е* не был вместо *о* после палатального согласного, ему соответствует в других индоевропейских языках гласный краткий *e*. Например:

слав. *berъ* — греч. *φέρω*, лат. *fero*;

desetъ — лит. *dēšimtis*, греч. *δέκα*, лат. *decem*;

medъ — лит. *medūs*, греч. *μέδω*;

звательная форма на *-е*: *voze!* *выѣ!* — лит. *vilkè!* греч. *ἄρχε!*

лат. *lure!*

именит. мн. *kamene* — лит. *akmens* вм. *akmenes*, греч. *ἄκρονες*, лат. *sermones*.

Итак:

слав. *ě* ← 1) *ě*
                   ← 2) *ō* после палатального согласного.

§ 63. В славянской фонетической системе гласный *ě* испытывал такие изменения.

1) Недифтонгическое сочетание *ej* или *ej̣* (*j* или *j̣* принадлежал следующему слогу: *vějěši*). В этом сочетании под воздействием артикуляции *j* или *j̣*, — под воздействием, которое отражалось и на других образованиях (ср. ниже изменения всех согласных перед *j*), — гласный *ě* получил более высокое образование: он совпал с образованием гласного *ī*. А позднее гласный *ī* (*i* краткий) всякого происхождения подвергся редукации; *ī* → *ь*. Таким образом, *ěj̣* или *ěj̣* → *īj̣* или *īj̣*, а это затем заменилось посредством *ы̣* или *ы̣*. Например:

слав. *vyj̣o*, *vyješi* вм. *věj-ě-(ši)*; бълг. *byjo*, *byješi* вм. *bějě{ši}*; ср. чередование гласных в корнях: *neseši*, *bereši*, но *prinosa*, *zaboga*; так, повидимому, было и в этом корне: *vej-* в формах наст. вр., *voj-* в именах: *ro-voj-ŋnikъ* → *rovoinikъ*; ср. и в лит. языке наст. вр. с *vej-*; *vejū*; *tr̃je*, именит. мн. *gost̃je*, *rot̃je* — греч. *τρεῖς*, (греч.-крит. *τρεες*), лат. *tres*; греч. *πλεῖς*.

2) Основное сочетание *eu* перед гласным переднего ряда у славян заменилось посредством *ev*: *nevěsta*, *devětъ* — греч. *ἐννέα*; *drevъnъ*.

Но перед гласным заднего и среднего ряда *eu* → *ov* у славян: *повъ* (ср. *nevěsta*), греч. *ὄφος*; слав. *řlovъ* — греч. *πλέφω*. По аналогии, вследствие обобщения звукового вида основы, сочетание с *ov* применялось и в таких формах, в которых после *v* находился гласный переднего ряда. Например, *řloveši*, как и *řlovъ* (1 л. ед.), *řlovъtъ* (3 л. мн.) и др.

ě (ѣ).

§ 64. Гласный *ě* был гласным долгим. Его сокращение происходило в отдельных славянских языковых группах в условиях, в которых появлялась краткость вместо более ранней долготы и в отношении других гласных. Например, в открытом конечном слоге и в некоторых других положениях. В слогах, не подвергшихся сокращению, например, в слоге, непосредственно находящемся перед ударением, долгота *ě*, как и гласных *a*, *u*, сохранялась. Ср. долготу слога (долготу гласного *ě* и его заместителя) в сербо-хорватском, словацком, чешском языках:

gnězdo: сербо-хорв. *gnězdo* (*gnězdo*, *gnijezdo*, *gnīzdo*), словацк. *hnijezdo* (*ie* вм. *ě* в долгом слоге), чешск. *hnīzdo* (*ī* вм. *ě* в долгом слоге);

běda: сербо-хорв. *běda* (*běda*, *bijeda*, *bīda*); словацк. *bĕda*, чешск. *bĕda*;

děte: сербо-хорв. *děte* (*děte*, *dijete*, *dīte*), словацк. *diĕt'a*, чешск. *dítě*.

§ 65. Положение, в котором находился *ě*, было следующее: перед согласным и в конце слова, т. е. в конце слога. В таком же положении находились и гласные *и*, *у* (*ы*), а также *і*, *е*, *о* — *běda*, *děte*, *сѣпа*, *pěti*, *viděti*, *zeleněti*, *chlěbъ*, *věja*, *větrъ*, *na vodě*, *na vozě*, *въ rѣcě*, *na podzě*, *въ měšě* (именит. *měchъ*), *въ osě* (именит. *око*), *dzělo* („очень“).

По вопросу о более раннем фонетическом состоянии в отношении *ě* отметим следующие чередования.

1) Ср. *gneto* — *ugnětati*, *pletō* — *съplětati*, *grebo* — *pogrěbati* и т. п. В основе глаголов итеративного значения находится долгий гласный: *positi* — *prinašati*, *тъkati* — *tykati*. Следовательно, и *ě* явился вследствие удлинения гласного *e*.

Итак, удлинявшийся *e* переходил в *ě*.

На происхождение *ě* из долгого *ē* указывают и следующие факты. В формах так называемого сигматического аориста (суффиксы *-s*, *-so*) представлено удлинение гласного в односложной инфинитивной основе на согласный; 1 л. ед.: *bāsz* — инфин. основа *bod-* (*bosti* вм. *bodti*), а также *věsz* — инфин. основа *ved-* (*vesti* вм. *vedti*), *něsz* — инфин. основа *nes-* (*nesti*) и др.

Показательно также *ě* в слове *něstь* („нет“), в сочетании, получившемся вместо *ne-estь*: стяжение двух *e-e* дало *ē* → *ě*. Долгий *ē* появился некогда в доисторическую эпоху вследствие стяжения двух *ē* в таком сочетании: *niže edīn-* → *nižēdīn-*. Гласный *e* после палатального согласного изменился в *a* (см. об этом ниже в этом §): *nižēdīn* → *nižadъn*. Таково происхождение старопольского *nižadēn*, *nižadna*, *-dne* — „ни один, ни одна, ни одно“, южновеликорусского *нижадный*, *-ая*; „нижадной души нету дома“ — „совершенно никого нет дома“ (например, в типичных говорах бывш. Ливенского уезда Орловской губ., теперь Курской области); позднее в польском, как и в чешском, отрицание *ni* перестало употребляться в этом сочетании: *žadēn*, *žadna*.

Гласный *ē* после *j*, *č*, *ž*, *š* имел иную судьбу. После этих согласных *ē* в раннее доисторическое время у славян представлял открытое образование и передвинулся в задний ряд: *ē* → *a*. Ср. инфинитивы на *-ě -ti*: *viděti*, *zeleněti*, *tyrpěti* — с *ě* после непалатального согласного и *stojati*, *kričati*, *mylčati*, *slyšati*, *dyšati* —

с а после палатальных j, č, ž, š. Ср. суффикс -ěль и аль: gyběľ, svirěľ, но rečalь. Ср. е и а в сравнит. степени: dobrěi — тьпожаі, мѣкъчаі (мѣкък).

Ср. также в имперфекте ё и а: 1 л. ед. pešěaščь — rečaasčь, možaasčь.

2) Ср. звуковой вид одного и того же корня: pè- (pěti) и рој- перед гласным (rojъ, roješi); cè- (dětę) и- doј- — перед гласным (doјъ); doiti — „кормить грудью“; vè- (věньсь) и voј- (povoјi-nikъ → rovoјnikъ); cè- (сѣпа) и kaj- (kajati — „мстить“) и др.

Как видно, ё находится перед согласным, а ој (oi) или ај (ai) перед гласным. Как в дифтонге оі, так и в дифтонге ој произошла монофтонгизация. Вместо дифтонга оі получился монофтонг — гласный переднего ряда ё. Как ниже будет отмечено (в отделе о гласном і), вместо оі при определенных условиях, при особой интонации, получился в конце слова не ё, а гласный і: berі! гьсі! (2 л. ед. повелит. накл.), но berětel! гьсєtel! (2 л. множ. повелит. накл.).

Передвижка вперед в образовании дифтонга оі была вызвана ассимилирующим воздействием следующего образования для і. Ср. указанное выше изменение е перед і в і (ei перед гласным → і. → ъі; vьіъ, vьіeši...); ср. изменение дифтонга ei (перед согласным и в конце слова) в і, как отмечено будет ниже.

Передвижка образования для прежнего оі действовала в славянской фонетической системе тогда, когда изменение заднеязычных согласных k, g, ch перед гласными переднего ряда в č, ž, š (rekъ — rečeši, mogъ — možeši, lichъ — lišiti... — см. ниже) давно уже перестало быть актуальным. Но актуальность самой фонетической тенденции произносить перед гласными переднего ряда не заднеязычные согласные, а палатальные, сохранялась. Когда вместо оі стала производиться артикуляция переднего ряда oi, то произошла и подвижка для k, g, ch, находившихся перед этим дифтонгом. Но результат передвижки получился не такой, какой был развит некогда раньше перед давними гласными переднего ряда, — не č (вм. k), а с (палатальный согл.), не ž (вм. g), а dz (палатальный согл.), не š (вм. ch), а s': сѣпа, rсє, гьсєtel гьсі, dzělo („очень“), podze, pomodzětel (ед. ч. pomodzil), měšě (местн. ед., именит. měchъ), lěšě (дат.-местн. ед., именит. ед. lěcha).

§ 66. Сравнительное обозрение славянских слов с ё с соответствующими образованиями в других индоевропейских языках, как и анализ славянских данных, показывает, что славянскому ё

соответствуют в одних случаях *ě*, в других дифтонги *ōj*, *āj*, *ōj*, *āj*. В фонетике славян произошло сокращение долготы первой части дифтонгов *ōj*, *āj*, а краткие *ō*, *ā* совпали у них в *ō*. Таким образом, *ōj*, *āj* → *ōj* (ср. сокращение *ōu*, *iu* в *ōu* которое было отмечено выше). Следы дифтонгов с долгим гласным в первой части отразились на виде интонации слога, заменившего этот дифтонг: в этих случаях интонация в славянской группе была восходящая. Такой она и была в том случае, если в слоге был давний долгий монофтонг. Если же в состав дифтонга входил краткий гласный, то заменитель такого дифтонга у славян имел нисходящую интонацию.

Возможно было и иное происхождение дифтонга *oi* в ранней славянской фонетической системе: из *əj*, получившегося в давней системе индоевропейских языков вследствие редукции *āj*, *ōj*, *ēj* (см. выше в отделе об *o*: слав. *ō* вместо *ə*).

Слав. 1) *děti*, *dějati* — „делать“, „класть“, *dělo*: чешск. *dieti* → *dīti*, *dīlo*, серб. *djèti*, *dèti*, *djèlo*, *dèlo*, словин. *děti*, *dělo*. Долгота в чешском, краткость в сербо-хорватском, восходящее ударение в словинском указывают на более раннее восходящее ударение. На то, что в корне этого слова был гласный *ě*, а не дифтонг *oj*, указывает чередование *dě-* с *dě-*: с кратким *ě* этот корень в удвоенном виде входил в образование *děd-ja*: ст.-сл. *одеждѣ*, *на-деждѣ*. Соответствия других индоевропейских языков: лит. *dėti* (*dėti*) — „класть“, греч. *τίθημι* — „кладу, ставлю“, будущ. *θήσω*, др.-инд. *dādhāti* — „он кладет, сажает“, основа *dhē-*.

sějo, *sěmę*: чешск. *sīmě*, серб. *sjēme*, словинск. *sēme*.

Чешская долгота, сербо-хорватская краткость, словинское восходящее ударение свидетельствуют о более раннем восходящем ударении; — лит. *sėju*, *seti*, *sėmens* — „посев“, лат. *sēmen-*, основа *sē-*; *zvėr̃* — лит. *žveris*, греч. *θήρ*.

sědėti — лит. *sėdėti*.

Сигмат. аорист *věsь*, *něsь* (1 л. ед.); — ср. лат. *vēxi*.

2) *сѣть*: чешск. *sej*, словин. *sej*. Чешская краткость, словинская нисходящая долгота указывают на нисходящую интонацию *сѣ-* более раннего времени; греч. *καίλιν* — „хорошо“, др.-прусс. *kailūstiskan* — „здоровье“, гот. *hails* — „здоров“; основн. *kōjil-*.

сѣна: лит. *kainė* — „цена“, греч. *ποιμή* — „пена за убитого, возмездие“, др.-иран. *kaēna* — „возмездие“, „мечь“; основн. *kʷōjna* — „мечь“.

sněgъ: серб. snijeg, snēg, словинск. snēg. Сербо-хорватская и словинская нисходящая долгота под ударением указывают на нисходящее ударение в более раннее время; ср. лит. sniēgas, snaĩgala — „комоч снега“, гот. snaiws; ср. в греческом и латинском ступень ослабления (редукции): греч. νίφα, лат. pīx, родит. pīvis; основн. snōjgh-.

vēdē („я знаю“); гот. wait, греч. φοῖδα;

-ē в окончании форм местн. ед., -ēchъ в местном множеств.: vozē, vylcē, mēšē, па vozēchъ; греч. -οι в единств. — -οισι во множ.: ὅμοι — „дома“ („в доме“), ἰσῳμοί, λύκοισι.

-ē-ть, -ē-te в форме 1 л. и 2 л. множ. ч. повелит. накл.: berēmъ! berēte! гьсѣтъ! гьсѣте! — греч. φέρομεν, φέριτε.

3) lēvъ, lēvŷi: чешск. lěvŷ, серб. ljevŷ, lēvŷ; словин. lēv. Краткость в чешском, нисходящая долгота в сербо-хорватском и словинском указывают на нисходящее ударение более раннего времени; ср. греч. λαίφος, лат. laevus; основн. lǎjŷu-.

dŷvē; — лат. duae.

pēstiti — „охранять“; др.-инд. рауúṭ — „охраняющий“ (pāi-). Итак:

Слав. ě ← ē
 ← oi (из ōi, ōi, āi, ai; ai).

§ 67. Какое звуковое образование представлял гласный ě в конце доисторического периода славянских языковых групп? История отдельных славянских языков указывает ясно, что образование гласного ě было тогда неодинаково. В тех языковых группах, которые легли, с одной стороны, в основу языка славян болгарских и, с другой стороны, в основу языка славян северо-западных (полабян, поморян, поляков), образование этого гласного представляло собою открытый ā. Такого типа гласный долго был во всех славяно-болгарских группах. По говорам гласный ā представлен до сих пор (см. в старославянском отделе). Его изменение было такое: в е, в одних фонетических условиях, в 'а (а после мягкого согласного) — в других; в 'а изменился ě перед слогом, в котором был гласный заднего или среднего ряда, т. е. перед давним твердым согласным: б'ал, хл'аб, но белĭ, верен. В западных болгарских группах гласный е заменил собою более ранний 'ā во всех положениях.

В северо-западных славянских группах гласный 'ā изменился в 'а перед твердым небнозубным согласным (п, т, д, с, з) и пе-

ред г, і; в других положениях — е; ср. в польск. b'ały, d'ad (dźad); chr'an. (chšan), но b'elić, chleb, v'ek.

Отметим, что в тех же условиях происходила в поморской и польской группах и веляризация гласного е: е → 'о: s'oło, s'ostra, p'osq, но p'ešeš.

В тех языковых группах, которые легли в основу прочих языков, — восточнославянских, словацкого, чешского, сербо-хорватского, словинского, — образование ё было иное: это был гласный переднего ряда, напряженный, с повышенным подъемом языка: ê. На такой гласный указывает история ё во всех этих языках. Его замена посредством е, ie, i — явление позднейшее. Гласный ie, представляемый некоторыми из этих языковых групп в их истории и современном состоянии, следует рассматривать в связи с изменением гласного о, удлинившегося при тех или иных условиях в славянских языковых группах. Удлиняясь, гласный о становился закрытым — ô, и его изменение проходило в том же направлении, как изменение ê из ё и из удлинившегося в определенных условиях е. На такое изменение ê и ô указывают языки чешский, словацкий, лужицкие, словинский, украинский, русский. Несколько примеров. В чешском языке, как и в словацком, судьба ё была неодинакова в долгом и кратком слогах: в долгом слоге, т. е. в положении, которое вызывает собою закрытость и напряженность гласного, выделился более высокий артикуляционный элемент в начальной части образования для ê, как выделялся он и при других долгих гласных ряда е: ê → ie (r'ěci → r'ěci → r'ieci). Позднее у чехов всякое ie изменилось в ě, у словаков ie → ě: словацк. biely, dieťa, hniedzdo, sieň, чешск. bílý, dítě, hnīzdo, sňh. Ср. изменение там в том же направлении удлинившегося при определенных условиях гласного о: он стал напряженным, закрытым и выделил в первой своей части более высокую артикуляцию: ô → uo. У словаков uo, у чехов в историческое время он заменился гласным ů (как ie → ě). Словацк.: vuoľ'a, kuoj, puož, puoh (родит. мн.), чешск. vól'a → vuoľ'e → vůle; kůže („кожа“), kůň, dvůr, půž.

Параллелизм в судьбе ê и ô представляют также ясно словинские говоры.

Сообщим еще несколько примеров из украинского и русского языков.

Примеры из украинского языка. См. текст памятника 1164 г. Добрилова ев. В нем пишется ѣ не только на месте древнего ё.

но и нередко на месте *е*, который подвергся удлинению. Удлинение гласных *е* и *о* происходило в украинском языке перед слогом с утраченным *ъ*, *ь* или перед утраченным редуцированным *ї*: *камѣнь*, *рѣмѣнь*, *оутѣтъль*, *сѣдѣнь*, *мѣсть*, *боудѣть*, *зѣльѣ*... Следовательно, удлинившийся гласный *е* произносился так, как гласный вместо давнего *ѣ* (*ѣ*). А в украинском языке в тех же условиях происходило удлинение гласного *о*: *mostъ* → *mōst*. Удлиняясь, *о* становился закрытым. На это ясно указывают украинский, чешский и другие славянские языки. Но закрытый гласный *ѣ* передавался в староукраинской письменности посредством буквы *о*, так как не было в азбуке более подходящего знака. Может быть, не представляют случайной описки немногие примеры с *оо* в Галицком ев. 1266 г. (*ооовѣца* — *вм. оѣца*), и в Поликарповом ев. 1307 г. (*ооотца* *вм. оѣца*), а указывают на особый гласный *ѣ*: *ѣ*. Если бы вместо удлинившегося *е*, как и вместо давнего *ѣ* (*ѣ*), было *іе*, то несомненно и вместо удлинившегося *о* было бы *іо* (*іо*): в образованиях *ѣ*, *ѣ* одновременно, в силу одинаковой фонетической тенденции, выделяется в начале артикуляции более высокий, закрытый элемент *і*, и (*у*) Образование же *іо* писцы передали бы, хотя бы и в отдельных случаях, посредством *ѣуѣ*, *ѣу*, или как-нибудь иначе отразился бы элемент *и* (*у*). Но следов такого явления нет со 2-й половины XIV — до XV в. С этого лишь времени появляются в украинских письменных памятниках примеры с *у*, *ѣу*, указывающие на *іо* (*іо*) или на *и* (*у*) вместо *ѣ*: *друзѣѣ*, *ѣуіукумѣ* („внукам“, грам. 1359 г.), *дѣвровѣуіуіо* (грам. 1366 г.); *тѣуіѣ*, *сѣуіѣ*, *іуіѣ* (*ѣ*), *злѣдѣуіѣ* (Пересопницкое ев. 1561 г.) и др. Таким образом, следует полагать, что в староукраинском языке *ѣ* имел значение закрытого *ѣ*. Таким он был в XII—XIII вв. Позднее произошло выделение высокого, напряженного элемента в первой части артикуляции *ѣ* → *іе* с дальнейшим изменением. Так изменялся и *ѣ* вместо удлинившегося *е*: *печѣ* → *пѣч* → *пѣч*. В том же направлении проходило изменение и удлинившегося *о*: *ѣ* → *іо* (*іо*)...

Такое же образование *ѣ* (*ѣ*) представлял в прошлом и русский язык. Следы такого образования имеются во всех русских группах, и южных и северных. В некоторых сев.-русских говорах находится *іе*, *іе* или нечто вроде этого (с элементом *і* в начале) вместо *ѣ* (*ѣ*), но находится при условии, способствующем в русском языке продлению и закрытию гласного, — под ударением: *лѣс*. Но без ударения — *-е*: в *лесѣ*. Это *іе* вместо ударенного *ѣ*,

которое находится до сих пор во многих сев.-русских говорах. Так изменился и закрытый гласный *ô* под ударением. А закрытость гласного *ô* была по говорам вместо прежнего *o* под восходящим ударением: *kôža, vòl'a, dvôr, kôn'*, но — *pol'e, most, p'ego...* Ср. то же явление в чешском, словацком, словинском языках.

Наконец, отметим еще одно явление из области сербо-хорватских говоров. В некоторых говорах чакавского наречия представлена такая замена *ě* (*ѣ*): перед твердым небнозубным (*t, d, s, z, n*) и перед *r, l* — гласный *e*, в других положениях — *i*: *leto, tēsto, sēno, blēd, bēl; brīg, hlīb, sīme, vīdit* — инфинит., но *videl...* Так в говоре Нови. Ср. судьбу *ě* в сев.-западных славянских языках: *ě* → *'a* перед твердым небно-зубным, *ě* → *'e* в других положениях, т. е. при условиях веляризации (перед твердыми небно-зубными согласными) там *'ä* → *'a*, *'e* → *'o*. У чакавцев же при тех же условиях веляризации, способствовавших появлению открытости артикуляции, образовался гласный *e*; при других же условиях происходил подъем артикуляции: стали произносить *i*. Следовательно, предшествующая фонетическая стадия представляла гласный более закрытый, чем *e*, но более открытый, чем *i*, т. е. закрытый, напряженный *ě*, который имели в своей системе и другие сербо-хорватские группы.

Памятники письменности у славян на юге (у сербов и хорватов), на западе (у чехов), на востоке (у русских, у украинцев) свидетельствуют, что *ie, i* вместо *ě* (*ѣ*) — явление не ранее, а явление XIII—XV вв.

Итак, гласный *ě* в последний доисторический период представлял образование гласного *ā* в одних группах, образование гласного *ē* — в других. Вопрос о том, какое образование было в более раннее доисторическое время, оставляем открытым, так как еще многое остается неясным в тех фонетических явлениях, которые связаны были с *ē* и *oj* у славян ранней доисторической эпохи. Мы склоняемся к такому представлению: в более давнее время гласный, который изменился в *ě*, был гласный широкий *ē* (типа *ā*). Такого образования был некогда гласный вместо еще более давнего *ē* и вместо *oj*. Относительно образования гласного *ē* в давнее время примем во внимание его изменение в *a* после *j, č, ž, š*. Дифтонг *oj* вследствие ассимиляции с *j* и вследствие стремления к открытости слога заменился долгим *ō*. Но гласных лабиализованных переднего ряда в ранней фонетической системе

славян не было. Поэтому гласный $\bar{o}$ утратил лабиализованное образование и совпал с широким $\bar{e}$ ($\bar{a}$).

О гласном i вместо o см. в следующем пункте.

I.

§ 68. Гласный i был гласным долгим. Таким он является в истории отдельных славянских языков, если не происходило, при определенных условиях, сокращения его. Ср. долготу $\bar{i}$ в давнем непосредственно предударном слоге: сербо-хорв. *zīma*, *līce*, *pīsatī*, *pīštati* („шипеть“, „пищать“) и др.; чешск. *līce*, словацк. *pīsat'*, чешск. *pīšt'ala* („свирель“, „гудок“) *vīdati* („видать“).

§ 69. Позиция i : в конце слога (т. е. перед согласным и в конце слова)—*zima*, *biti*, *viti*, *žiti*, *iti*, *vidъ*, *viděti*, *šiti*, *lipa*, *prilipati*, *svitati*...

В ряде случаев гласный $\bar{i}$ находился в корне и в суффиксе, представлявших собою удлинение соответствующего корня или суффикса с гласным кратким $\bar{i}$, позднее изменившимся в доисторическую эпоху в $\bar{y}$.

а) *svyt-*: *svynqti* (вм. *svytinqti*), но *svītati*;

l̥p-: *l̥pnqti* (вм. *l̥pnqti*), но *līpati*, *prilīpati*;

žyd-: *žydati*, но *žīdati*, *ožīdati* и др.

б) Именит.-винит. двойственного числа имен на $-ī$ ($\bar{i} \rightarrow \bar{y}$) оканчивался на $\bar{i}$. Это окончание представляло собою удлинение гласного $-ī$: *kostī* („2 кости“), *gostī* („2 гостя“). Ср. др.-инд. соответствующие формы: *pātī*, *āvī*.

Параллельное явление было в именах на $-ū$ ($\bar{y} \rightarrow \bar{z}$: *synp*): *synu*. Ср. др.-инд. *sūnū*.

И другие индоевропейские соответствия славянским словам с i указывают в ряде случаев на $\bar{i}$. Например:

слав. *piti*, *piгъ* (*pi-гъ*) — др.-инд. *pītīh* („напиток“), греч. *πίδι* (пов. накл.), *πίυο* („пью“);

živъ — лит. *gývas*, лат. *vīvus*, др.-инд. *jīvāh* (*dživāh*);

tri — лит. *trýlika* („13“), лат. *trīginta* („30“), др.-инд. *trī*;

окончание в именит. ед. $-ī$ в именных суффиксах $-Ijī$ ($\bar{y}jī$), $-yn'i$, в именит. ед. женск. рода причастий и сравнительной степени на $-i$: *sodii*, *miłostyn'i*, *pustyn'i*;

berqti (ст.-сл. *бѣрѣти*); др.-инд. *bhárantī*, лит. *degantī* (именит. ед. женск. рода причастия наст. вр.) *bъravъši*, *vezъši*; др.-инд. *vidúši*, лит. *vėžuši* (именит. ед. женск. рода причастия прош. вр.):

dobrejši — др.-инд. *svādīyasī* (именит. ед. женск. рода сравнит. степени).

§ 70. Перед гласным сочетание *ej* (*ej*) изменилось в *ьj* (см. выше): *вьj*, *вьješi*; *бьj*, — *бьješi*. Перед согласным находится монофтонг *i*: *viti*, *biti*, *vidъ* — с гласным *i* вместо более ранних *ī* и *ej*.

Гласный *ī* мог быть и вместо *ej* перед согласным или в конце слова. Судьба *ej* и *ej* была одинакова в отношении слогового гласного, как одинакова была в этом отношении судьба дифтонгов *ou*, *ou*, *oi*, *oi* (: *i*). Отличие в судьбе дифтонга с кратким гласным (*ou*, *oi*, *ej*) по сравнению с судьбой дифтонгов с долгим гласным (*ou*, *oi*, *ej*) отражалась в интонации: дифтонги *ou*, *oi*, *ej* изменились в *u*, *e*, *i* с нисходящей интонацией; дифтонги с долгими *ou*, *oi* (*ai*), *ej* изменились в гласные *u*, *e*, *i* с восходящей интонацией.

vej, — с *ej* вместо *ej* перед гласным;

seja („сеянье“), *sej*, *seješi* — *sito*; ср. долготу гласного ударенного *ī* в чешском языке: *sīto*. Под ударением давняя долгота сохранилась у чехов в тех случаях, когда она (долгота) имела восходящую интонацию.

Сочетание *ej* у славян было неодинакового происхождения:

а) *ei* после непалатального согласного: *vej* (*vej-q* → *вьj*);

б) вместо *oi* после палатального согласного:

vol'i, *ulici* (дат.-местн. ед.), на *kon'i* (*kon'ь*), *kol'il* — *kol'itel* (повелит. накл.); ср. *ě* (из *oi*) в этих формах после непалатального согласного: *gubě*, *zěně*, на *vozě* (*vozь*), *berětel* (единств. *beril*); творит. ед. местоимений мужск. и средн. рода: *imь*, *pašimь*, *čimь*, но — *těmь*, *oněmь*, *cěmь* (с вместо *k*) и другие формы местоимений (во множ. числе) с *i* после палатального согласного, — с *ě* после непалатального согласного (*pašichь* — *techь*...).

Соответствия других индоевропейских языков также указывают в ряде случаев на *ei* (*ej*, *ej*).

Слав. *vidъ* — лит. *vėidas* („лицо“);

krivъ — лит. *kreivas*;

ni — *ni* (отрицание) — лит. *neĩ* — *neĩ*;

iti — лит. *eĩti*, греч. *εἶμι*.

§ 71. Гласный *ī* чередовался с *ě* не только в зависимости от того, что *oi* после палатального согласного изменилось в *ej*, а *ei* в *ī* (*vol'i*, но *gubě*), но и от другого условия — в конце слова в зависимости от интонации слога: при нисходящей интонации *oi*

(разного происхождения) изменилось в *i*, при восходящей интонации *oi* перешло в *ě*:

1) именит. множ. числа на *-i*: *vozi, vylci, rodzi* (гогъ).

2) в энклитике дательного единств. личных местоимений *mi, ti, si*;

3) в повелительном наклонении 2 и 3 л. единственного числа: *beril gьcil pomodzil* — но во множ. числе *ě*: *berětel pomodzětel*!

4) 2 л. единств. числа наст. вр. нетематических глаголов с окончанием *-si*: *jesi, věsi, jasi* (*jěsi*), *dasi*.

На то, что конечный гласный *i* в этих формах заменил собою более ранний дифтонг *oi*, указывают некоторые черты славянского языкового материала, а также соответствия с другими индоевропейскими языками. Из славянских данных показательно чередование *i* — в конце слова, *ě* — не в конце слова в формах повелительного наклонения: *gьcil gьcětel*! Кроме того, ниже будет показано, что у славян в доисторическое время появились *c* вм. *k*, *dz* вм. *g*, *ś* вм. *ch* перед заместителями дифтонга *oi* — перед *ě* и перед *i*: *cěpa, gьcil gьcětel*!

Из соответствий с другими индоевропейскими языками ср. *oi* с краткими элементами дифтонга в греческом языке в именительном множ. (*λόχοι, αὐθροποι, οἴχοι*), в дат. ед. местоименных энклитик (*ἐμοί, σοί*), в желательном наклонении (*φέροι, λείποι*). Ср. и в литовском языке дифтонг *ai* в именит. множ.: *vilkaĩ, diėvaĩ*.

Ср. окончание *-sai* в среднем залоге: греч. *τίθεσαι*, слав. *dasi* (окончание *-si*).

Ту же судьбу имел и давний гласный *ě* при такой же интонации.

mati, dŭkti (*dъt'і* древнерусск. дѣти, соврем. дочь). Ср. замену последнего слова в сербо-хорватском языке: *kćī* — с нисходящим ударением, соответствовавшим такого же типа ударению доисторической эпохи. Ср. лит. *moĩė, (mòtė), duktė* (*ě* из *ě*). Долготу гласного представляли и греческий и др.-индийский языки: греч. *μήτηρ* (дорич.-греч. *μάτηρ*), *θυγάτηρ*; др.-инд. *māṭā, duhitā*.

Некоторые из лингвистов полагают, что в этих славянских формах на *-i* (*mati*) окончание *-i* могло быть иного происхождения — не фонетического, а под влиянием окончания *-i* в именит. лад. ед. числа таких имен женск. рода: *pustyn'і, nesq̃tjī* (прич. наст.), *pešъši* (прич. прош.).

При иной интонации конечного слога, при восходящей, конечный дифтонг *oi* в славянских доисторических группах изменился в *ě*.

Местн. ед. числа: *vyłcě, rodzě (rogъ), měšě (měchъ)*—ср. греч. *-oi*, первоначально не с краткими элементами дифтонга: *ôixoi* („в доме“, „дома“); ср. иной вид ударения на начальном *oi*—по сравнению с ударением на *-oi* в именит. множ. — *oixoi* (именит. множ.).

Дат.-местн. ед. имен жен. р. на *-a*: *gybě, rōcě, podzě, mušě (mucha)*. Ср. дат. ед. в лит. языке: *gāpkaī*, в греч. языке *χῶρα*. Ср. формы местного падежа ед. ч. на *-ai, -ae* в таких латинских именах, как *Romai, Romae* („в Риме“).

Именит.-винит. двойственного числа: *gybe, rōcě, podzě*.

В *ě* изменился и конечный *ě* при восходящей интонации. Такого происхождения *ě* в форме именит. пад. двойств. числа личного местоимения 1 л.: *vě* („мы оба“). Ср. в литовском языке *ve: vēdu* („мы оба“); *vě* — „мы оба“, *du* — „два“.

Но при решении вопроса об определении более давней интонации по отношению к конечным *oi* и *ě* в разных индоевропейских языках имеется ряд затруднений, вызываемых расхождением индоевропейских соответствий. Повидимому, в отдельных индоевропейских языках происходили передвижения и изменения в интонации не в одинаковом направлении. А эта неодинаковость имела следствием расхождение в показаниях разных индоевропейских языков.

§ 72. Сравните *šiti* и *šъvъсь, šъvъ, šъva*. Наличие группы *ъv* с *v* указывает на более раннее сочетание *йц*, а это последнее вместо *йц* из *цц* после палатального согласного (*š*). Сочетание *цц* находилось перед гласным в соответствии гласному *й* перед согласным (см. выше). После палатального согласного образование для *ц* передвинулось вперед: *'ц → 'й*. По утрате лабиализованных гласных переднего ряда *й → ɿ, й → ǐ (й → ь)*: *šiti, šъvъсь*. На *й* в этом слове указывает и соответствие в других индоевропейских языках: лит. *siūti*, гот. *siujan*. У славян *й* перед гласным было неслоговым; возникшее сочетание *сй* заменялось посредством *š*.

§ 73. В славянской речи не было слов, которые начинались бы с *ь*: перед ним, как и перед *е*, было представлено образование неслогового *й*. Ср. *възъмъ, възъмѣши (въз-ьмѣши)*, но нет *ьъмъ, ьмѣши*; было *йъмъ, ймѣши*. Сочетание *йъ* изменилось в начале

слова перед слогом с гласным полного образования неодинаково: в одних группах — в *i* и в редуцированный *i*, в других — в *i*. Звуки *i* и *i* были в тех группах, которые легли в основу западно-славянских языков, а также украинского и белорусского; *i* — в тех группах, которые легли в основу русского и южнославянских языков.

imq, imq в м. *ǫmq*;

ime, ime („имя“) в м. *ǫme*;

ido, ido („иду“) в м. *ǫdo*;

igra, igra в м. *ǫgra*;

iz (iz) в м. *ǫz*.

Гласный *i* перед *ь* в этих случаях появился в доисторическое время в славянских группах.

Редуцированный *i* по славянским группам позднее заменялся неслоговым или утрачивался. Ср. чешск. *jmu, tu*; украин. *имѹ, мѹ*; ст.-чешск. *jmě* („имя“); чешск. *hga*, польск. *gta*, украинск. *игра, гра*; чешск., польск. *z, ze*, украинск. *из, зо*.

Такова была судьба сочетания *ǫ* или *jь* и другого происхождения, — такого, когда славянскому *jь* было соответствие в других индоевропейских языках *jū*: *u* после палатального согласного изменился у славян в *ǫ*; по утрате лабиализации появился *i*, который затем, как всякий краткий *i*, редуцировался в *ь*.

Слав. *igo, igo* (позднее, в чешском *jho, ho*); лат. *jugum*, греч. *ζυγόν*, др.-инд. *yugám*.

Но не все слова с *i* восходят к словам с таким же гласным доисторической эпохи. Имеются данные, по крайней мере для украинского и белорусского языков, указывающие на то, что в ряде случаев сочетания с *i* в начале слова появились вместо *i* полного образования, — появились после гласного предшествующего слова. Так в Добриловом ев. 1164 г.: *нѣ нму, нѣ нрю, нѣ нмате* (*ně-imate* или *ně-imate*), — с новым *ѣ*, как и *нѣ сѣршан, нѣмного, нѣ всегда*, — с *нѣ* вместо *не* перед слогом с утраченным *ъ* (*ь*). То же явление отразилось в надписи на кресте Ефросинии Полоцкой, 1161 г.: *камѣню, да нѣ изнесѣть*. Гласный *ѣ* появился в отрицании *нѣ* вместо *ѣ* потому, что в следующем слове произошла редукция гласного *i*: *i* → *i*; в связи с ослаблением гласного *i* удлинился гласный в предшествующем слове, как это было во всех подобных случаях: см. пункт о *ě*: *не имать* → *ně* —

іпать. Ср. ѣ вместо е в таких случаях как на нѣм — на п'єі вм. на п'єі (Добрилово ев., 1164 г.). Параллельно с изменением гласного і происходило изменение начального гласного у — его редуция и затем утрата слогового образования: на ужасите са (пѣ-ѣжа- или пѣ-ѣжа-), на утѣса, на умѣть и др. в том же памятнике. Так и в других украинских памятниках XII—XIII вв. На редуцированность или на неслоговость у указывает также передача его посредством въ- или в-: так, например, в Типографском ев. № 6, XII—XIII вв.: на нмуть, на ужасите са и т. д., а также наѣтнш, вѣгнш, вѣтнш и др. На происшедшее изменение гласного у в начале слова, на его редуцию или неслоговость указывает и такое явление: гласный ѣ в конце предшествующего слова удлинился и изменился в о: безо оуспѣха (bezo-úspěcha или bezo úspěcha) в житии Саввы освященного, XIII век.

Не в начале слова ѣ заменилось гласным і по всем славянским группам доисторического времени. Например, именит. ед. воѣ (voĭ-ъ)→voĭ, гоѣ (goĭ-ъ)→goĭ, моѣ (moĭ-ъ)→moĭ...

Позднее, в истории славянских языков, гласный безударный і, находясь после гласного, подвергался редуции: і→ĭ. В связи с этим ослаблением происходило по славянским языковым группам удлинение предшествующего гласного: dobrŭ-i→dobru-ĭ, gnoĭ→gnōĭ. Еще позднее редуцированный і, если он не ассимилировался с предшествующим гласным у, і (dobrŭ, sin'ĭ), стал неслоговым: dobru-ĭ, sin'ĭ (в восточнославянских языках), gnōĭ и т. п.

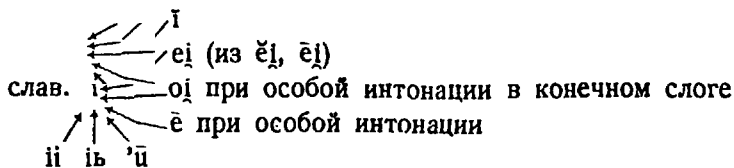
§ 74. Были такие сочетания, в которых перед і был ĭ. Сочетание ĭі заменялось одной артикуляцией — артикуляцией гласного і: твор. ед. местоимения с основой ĭe (ĭe-go, ĭe-mu): ĭeĭ-mĭ→ĭimъ→imъ; ряд форм множ. ч. этого местоимения имел основу также распространенную посредством ĭ (так и в других местоимениях) — ĭeĭ: ĭeĭ→ĭi→i; род. ісѣ, дат. imъ, твор. imi, местн. ісѣ. В двойств. числе дат.-тв. imа.

По славянским группам эти сочетания могли быть ĭi-, с начальным ĭ- вторичного происхождения:

а) под влиянием форм ĭego, ĭemu, ĭemъ могло произноситься и в творит. ед. ĭimъ, с ĭ- в начале формы;

б) в середине фразы после гласного і: datĭ-ĭimъ; см. в отделе с начале слова.

Итак:

q, ɸ.

§ 75. История всех славянских языков представляет указания на существование носовых гласных в их системе. Один из носовых гласных был гласным заднего ряда, другой — переднего ряда. Образование носовых гласных таково: в момент произношения гласного небная занавеска опущена; струя воздуха поступает не только в полость рта, но и в полость носа.

Образование носового гласного заднего ряда не вполне одинаково было в славянских языковых группах в последний доисторический период. В одних из них это был носовой сильно лабиализованный гласный qⁿ (близкий к носовому ц). Такой носовой гласный был в тех языковых группах, которые легли в основу языков сербо-хорватского, чешского, словацкого, сербо-лужицких, восточнославянских. Позднее в этих языках по утрате носового образования (когда небная занавеска перестала опускаться в момент произнесения гласного) получился гласный u: guka, ruť, pesu (1 л. ед.). В других группах был носовой гласный q. Так было в группах, легших в основу языка словинцев. Дальнейшее изменение его заключалось в утрате носового произношения: q → o. Но по словинским диалектам небная занавеска продолжала опускаться или попрежнему в момент образования гласного (говоры Юньской долины в Каринтии: mōka, sōset, dōp, grā 1a — „гряда“, uzaŋv), или же небная занавеска стала опускаться не в момент образования гласного, а после: развился вторичный носовой гласный n и m. Так было перед затворными согласными и аффрикатами: mōпка, gōпка, mesenc, srenča („счастье“) (говоры Зильской долины в Каринтии).

У предков славян болгарских носовой гласный заднего ряда был близок к носовому ь: ь. Об этом подробнее говорится ниже, в отделе старославянской фонетики. Его позднейшая судьба была такова: он заменился гласным ъ или по диалектам на юго-востоке и на юго-западе посредством ъп, ът перед затворными согласными (т перед губным согласным): рьнка, зьмб — „зуб“.

У славян северо-западных — у предков поляков, поморян и полабян — был носовой гласный лабиализованный $\dot{a}$. Его дальнейшее изменение находилось в зависимости от долготы и краткости слога: в долгом слоге $\dot{a}$ с дальнейшим изменением, в кратком $\dot{a}$ (носовой a) с дальнейшим изменением. У поляков в кратком слоге — $\dot{a}$ в одних диалектах, ϵ в других (и в литературном языке). Настоящие носовые гласные образуются в польском языке только перед длительными $s, \dot{s}, \dot{\zeta}, ch$: $v\dot{q}s, sq\dot{s}ad(-t), m\epsilon so, v\epsilon \dot{\zeta}y\acute{c}$ — „обоняг“, $v\epsilon ch$ — „нюх“, „обоняние“, $v\dot{q}cha\acute{c}$ — „нюхать“. Так и перед $z, \dot{z}, \dot{\zeta}$. Но перед звонкими фрикативными бывает и слабое образование вторичного носового согласного: $v\epsilon \dot{\zeta}i\acute{c}$ — $v\epsilon \dot{\zeta}i\acute{c}$ („заключать в тюрьму“), $v\epsilon \dot{\zeta}a$ — $v\epsilon \dot{\zeta}a$ — „змея“ — род. ед. Перед затворными развился вторичный носовой согласный n или m (m перед губным согласным). Вместо давнего носового гласного произносится носовой гласный или неносовой гласный: $\dot{r}\epsilon nka$ или $repka, p\epsilon nta$ — $penta$ („путы“, „оковы“), $\dot{\zeta}ond$ — $\dot{\zeta}ond$ — „правление“, „ряд“, $\dot{d}omb$ — $domb$ — „дуб“.

Но северо-западные славянские языки указывают, что давнему носовому $\dot{a}$ предшествовала фонетическая стадия с носовым гласным заднего ряда сильно лабиализованным. След значительной лабиальной артикуляции в образовании носового гласного заднего ряда в северо-западных языках остался такой. Выше мы отметили судьбу гласных $\ddot{u}$ и $\ddot{y}$: они стали нелабиальными, а лабиальная артикуляция слилась с образованием предшествующего согласного или выделилась в особое образование при начале слова с $\ddot{u}, \ddot{y}$: $v\ddot{y}dra$. Вот такого-то происхождения v представляют северо-западные славянские языки: носовой гласный заднего ряда был некогда гласным со значительным лабиальным элементом; затем произошло ослабление лабиальной артикуляции в образовании его и вместе с тем выделение лабиального элемента, который совпал с артикуляцией предшествующего согласного или выделился в начале слова как образование v . Поэтому все слова с давним $\dot{a}$ — в начале слова представляют v : $v\dot{q}$ — в старопольском долгом слоге, $v\epsilon$ — в старопольском кратком слоге: $v\dot{q}sy, v\dot{q}cha\acute{c}$ (см. $\dot{q}chat\acute{i}$ — „нюхать, обонять“), $v\dot{q}d\acute{o}l$ — „овраг“, $v\dot{q}tek$ — „уток“, $v\dot{q}t\dot{\zeta}y$ — „слабый, утлый“, $v\epsilon ch$ — „обоняние“, $v\epsilon da$ — „удочка“, $v\epsilon g'el$ — „уголь“ и др.

Согласный v в этих случаях нельзя объяснять так, как v перед гласным в начале слова в некоторых польских диалектах, а также в других славянских группах (лужицких, чешских, белорусских,

украинских): *vo*ko, *vu*cho. В этих случаях *v*, а также *h*, *j* представляют явление более позднее, вызванное особым способом произношения гласного в начале слова: струя воздуха поступала в гортань ранее момента артикуляции гласного; происходила гортанная фрикация, которая затем переходила в образования *h*, *v*, *j*.

§ 76. Что касается носового гласного переднего ряда, то это был открытого (широкого) образования гласный *ä*. Его судьба в отдельных славянских языках была тако *a*.

В польском языке в долгом слоге его образование совпало с образованием для носового гласного заднего ряда: *o*. Но перед *o* вместо давнего *ä* находится мягкость согласного: *q*zać вместо *v*äzati — „вязать“; в кратком слоге получилось то же, что вместо *ö*: *a* или *e*. Но мягкость предшествующего согласного указывает на бывший тут некогда гласный переднего ряда: *m'aso* или *m'eso* (по диалектам), *p'ac'* или *p'eс'* (по диалектам). В отношении небной занавески происходило то же, что и в образовании носового гласного заднего ряда: она опускалась в момент произношения гласного в тех случаях, если далее следовал фрикативный согласный (*m'eso*); перед затворными согласными она опускалась позднее: *p'eńc* или *p'eńс*.

В восточнославянских языках *ä* → *'a* (а после мягкого согласного): *m'aso*, *p'ать* → *p'at'*.

В чешском и словацком была также пережита утрата носового образования: *ä* → *ä*. Дальнейшая судьба этого гласного находилась в связи с долготой и краткостью слога, а также в связи с образованием следующего согласного. В чешском языке в долгом слоге — *ī* (из *ie*) перед мягким согласным (если в следующем слоге был гласный переднего ряда, перед которым согласные раньше были мягки) и в конце слова, *ä* перед твердым согласным (если в следующем слоге не было гласного переднего ряда): *řiditi* („управлять“) *вм.* *řäditi*; *řad* („порядок“) *вм.* *řä*ль; *väzati* *вм.* *väzati*. В кратком слоге *e* перед мягким согласным (перед слогом с гласным переднего ряда) и в конце слова, *a* — перед твердым согласным (перед слогом с гласным непреднего ряда): *pět* (произносится *pjet*) *вм.* *pät*ь, *tele* *вм.* *telä* („теленки“), но *telatko* (уменьш. к *tele*).

В южнославянских языках произошла утрата носового образования гласного и его замена посредством *e*: *meso*, *pet'* или *pet* *вм.* *pät*ь, *tele*. Но все эти языки представляют указание на то, что раньше это был гласный *ä*. Так, в чакавском диалекте сер-

бо-хорватского языка после j, č, ž, š этот гласный получил более широкое образование и совпал с a: jazik, žatva, ročati. По говорам словинского языка заменой гласного ä является â или a, независимо от предшествующего согласного: pātak, začat, jazik, gladat, masó, zat („зять“) и др. (на западе).

§ 77. Изменение носовых гласных в отношении участия небной занавески обнаруживает, что в тех языках, в которых носовой гласный заднего ряда представлял в своем образовании высокий подъем спинки языка, небная занавеска перестала опускаться раньше, чем в языках, в которых при образовании носового гласного заднего ряда положение спинки языка не было высоким. В языках восточнославянских, чешском, словацком, лужицких, сербо-хорватском носовые гласные (q^u → ц, а также ä) раньше заменились неносовыми, чем в языках болгарском и словинском. А в польском и кашубском языках до сих пор имеются носовые гласные или сочетания гласного с носовым согласным. Если же вместо q и ä (ę) появлялись при определенных фонетических условиях гласные высокого подъема языка u, i, то небная занавеска перестала опускаться. Так по говорам польским: vcsy — vusy („усы“), p'jšć — p'iść („кулак“).

Сочетания гласного с носовым согласным имеются и по болгарским и по словинским говорам. Но таких сочетаний нет ни в одной славянской группе, имеющей u (y) вместо q (q^u).

В дальнейшем мы передаем эти два типа носовых гласных условно двумя знаками: q, ę.

§ 78. Носовые гласные были долгими гласными. Долгими эти гласные или их заменители сохранялись в отдельных славянских языках в тех условиях, в которых не происходило сокращения слога. Одну из таких позиций представлял слог, непосредственно находившийся перед ударением. Ср. в польском языке гласный q (а не ę) в таком положении: trqba, sqšad, vqzac. Ср. в сербо-хорватском языке долготу такого слога: trūba, mūtiti, sūsèd (диалект.), vèzati. В чешск. trūba → trouba, sūsèd → soused, vāzati.

§ 79. Положение носового гласного в слове: перед согласным и в конце слова, т. е. в конце слога: trqba, zqbъ, sqďъ, męso, pęť, vęzati; nesq (1 л. ед. ч. наст. вр.), gorq, ženq (вин. ед.), sęmę, telę. Это — та же позиция, в которой у славян находились и гласные u, é, i. Как будет показано ниже, фонетическая

тенденция была одинакова при появлении всех этих гласных вместо прежних дифтонгов или дифтонгических сочетаний. Перед гласным были у славян не носовые гласные, а сочетания гласного с носовым согласным (п, м), как и сочетания ov, ev, oĭ, ыĭ, ěĭ, а не u, ě, i (см. выше).

Ср.:

орона (o-ron-a), зарона, перрона (южнослав. grèrona, вост.-сл. перепонька), но — рѣто (rǫ-to), — с тем же корнем;

звонъ (zvон-ъ), — но zvѣкъ (zvѣ-къ) с тем же корнем; onutja (болгар. онушта, русск. онуча, чешск. опусе); ср. с тем же корнем obuti (ob-u-ti), лит. араũti (без префикса: -aũti); он в славянском образовании onutja был префиксом; тот же префикс являлся в виде ѣ перед согласным: ѣтъкъ (ѣ-тък-ъ) — „что втыкается“ при тканье (русс. уток).

звънѣти (zвън-ѣti), но звѣкъ (zvѣ-);

ръпѣ, рьпѣши (ръп-), но рѣти (рѣ-);

рѣсъ: ст.-сл. пась, — аорист сигматический, 1 л. ед. к глаголу рѣти — „натягивать“, — аорист, основа которого представляла долгий гласный в корне: ср. basъ (основа bod-, bosti), vèsъ (основа ved-, vesti); ѣ в рѣсъ вместо ěп;

сѣмѣ, но sèmena (sèmen-a).

§ 80. Можно полагать, что носовой гласный появился вместо сочетания гласного с носовым согласным п, а не с согласным т: согласный т в конце слога изменился в доисторическую эпоху в п. Ясное указание на такое изменение представляет п в предложении съп вместо сът (см. § 114). Изменение т в п было связано с концом слога: оно происходило не только в конце слова, но и в середине его (перед согласным). Так можно полагать по указанию говоров чакавского сербо-хорватского наречия: там произошел процесс изменения т в п перед согласным и в конце слога. И еще важное указание этих говоров такое: гласный перед п образуется при опущенной небной занавеске, т. е. он назализован, как в польском языке. Итак: чакавск. uzâпка (в штокавском сербо-хорв. наречии — zâпка — „петля“, „кознь“), vâп вместо vâп[ъ], lomîn вместо lomîm[ъ] — 1 л. ед. наст. вр. — „ломлю“, tečēп вместо tečém[ъ] — 1 л. ед. наст. вр. — „теку“. Вероятно, так происходило дело и в доисторическую эпоху: гласный + т в конце слога изменился в сочетание гласного с носовым п. Стремление к открытости слога повело к образованию носовых гласных.

§ 81. Соответствия других индоевропейских языков указывают на то же, что показал и анализ славянских языковых фактов: носовые гласные у славян появились в конце слога вместо сочетаний „гласный + носовой согласный“. Для более точного определения происхождения носовых гласных следует выделить особо конец слова: там в отношении носовых гласных, как и некоторых других явлений, фонетика была иная сравнительно с фонетическими процессами прочих частей слова.

Не в конце слова носовому гласному *q* соответствуют в других индоевропейских языках *ōp*, *ōm*, *ōn*, *ōt*, *āp*, *ām*, *ān*, *āt*. Повидимому, в этих дифтонгических сочетаниях произошло в отношении долготы гласного то же, что в дифтонгах *ōu*, *āu*, *ōi* и др., — сокращение ее: *āp*, *ām* → *āp*, *ām* → *ōp*, *ōm*. Но след долготы гласного остался в заместителе и этих дифтонгических сочетаний: *q* с восходящей интонацией вместо давних *ōp* (*ōm*), *āp* (*ām*); *q* с нисходящей интонацией вместо давних *ōp* (*ōm*), *āp* (*ām*). Долгота гласного бывала и в таких случаях, если однослоговое сочетание получилось вместо двухслогового вследствие редукции последнего. Напр. *āp* вм. *apā*.

В более поздний доисторический период происходила в ряде случаев смена интонации, метатония: появлялись нового типа интонации — нисходящая и восходящая. Подробнее см. в отделе об интонации. Несколько примеров индоевропейских соответствий славянскому *q*.

Слав. *pŕto*, *pŕta* (мнж.): ст.-сл. *пѣтъ*, чешск. *pŕta* → *pouta*; сербск. *pŕto*, польск. *pęta* (мнж.). Чешская долгота, сербо-хорватская краткость указывают на восходящее ударение более раннего времени. Др.-прусск. *pañto* — „цепь“, „оковы“, лит. *pántis*; основн. *pōn-t-*.

pŕt̃, серб. *pŕt̃*. Сербское долгое нисходящее ударение указывает на давнее славянское нисходящее ударение; — лат. *pōns*, родит. *pōntis* — „мост“, др.-инд. *pánthāṇ* — „дорога“; — основн. *pōnti-*.

zqb̃: ст.-сл. *зѣвъ*, чешск. *zŭb*, серб. *zŭb*, словин. *zōb*, польск. *zqb*. Чешская краткость, сербо-хорватское и словинское долгое нисходящее ударение указывают на нисходящее ударение более раннего времени. Лит. *žambas* — „грань“, „ребро“, др.-инд. *jámbar̃* (*džambar̃*) — „зуб“, греч. *γόμενος* — „болт“, „гвоздь“; — основн. *g'ombho-*.

gqba — „губа“; греч. *γαμφαί*, *γαμφηλαί* — „челюсть“; — основн. *gambh-*.

oꝛъкъ; ст.-сл. ѡꝛъкъ, лит. aĩkštas (вм. aĩštas), лат. angustus— „узкий“, angō—1 л.— „стеснять“; греч. ἀγχω— „давить“;—основн. angħ-.

oꝛъѣ — „угол“; лат. angulus;—основн. angŭl-; oty — „утка“: др.-русс. утовъ (вин. ед.), серб. ŭtva, лит. ántis, лат. anas (anatis), др.-сканд. ondr, др.-верхн.-нем. anut. Славянское и литовское имена образованы от ānti вместо более ранней двухслоговой базы апѣт-: ср. присутствие гласного в латинском и в др.-верхн.-немецком; славянский o был с интонацией восходящей: сербохорватская краткость, литовское ān (а не aĩ) указывают на такую интонацию; долгота же гласного здесь была в связи с редукцией двухслоговой базы в однослоговую.

§ 82. Носовому гласному ę соответствуют в других индоевропейских языках ěп, ěт, ěп, ěт. Долгота гласного ě была также в случае редукции двухслогового сочетания: епѣ → ěп. И в этих сочетаниях произошло сокращение долготы гласного: ěп, ěт → ěп, ěт. Прежняя долгота у славян отразилась в особой интонации гласного ę — в интонации восходящей. Гласный же ę в.м. давних сочетаний краткого ě с п, т имел у славян нисходящую интонацию. В образовании гласного ę в сочетании еп, ет в закрытом слоге понижалось положение спинки языка: еп, ет → āп, āт, а это заменилось гласным ā. Такое изменение в положении спинки языка в образовании гласного e перед носовым согласным происходило и в позднее время, напр., по северным польским говорам: ten → taп, ċemno → ċamno...

Примеры соответствий.

Слав. zѣтъ: серб. zѣt, русск. з'ат'; сербская краткость (') вместо восходящего ударения более раннего времени. Лит. žentas — с ěп обычно соответствует славянскому восходящему ударению. Славянское (восходящее) и литовское (') ударения свидетельствуют об основном ěп, а это ěп в данном случае получилось вместо епѣ; но славянское ę с восходящей интонацией возможно было и вместо давнего долгого слогового ě̃ (см. ниже). Многочисленные индоевропейские образования с этим корнем в значении „рождать“ представляют его в разном звуковом виде (см. отдел чередования): g'epā-, g'en-, g'op-, g'ōp-, g'ē-, g'n-: др.-инд. janitā — „родитель“ (džani-tā), греч. γενέτωρ, γενέτης (γενε-), лат. genitor (geni-), греч. γένος — „род“ (γέν-), лат. genus (gen-), др.-инд. jānaḥ — „род“ (jan-); греч. γωτός — „брат“ (γω-), латыш. znots — „зять“ (zno-); др.-инд. jātāḥ — „рожденный“ (jā- вм. g'ē-), лат. nātus вм. gnātus, гот. kunds — „происходящий“ и др.

mešo: ст.-сл. maso, серб. mēso, словин. mesō, чешск. māsо, польск. m'ęso. Сербо-хорватское долгое нисходящее ударение, словинское нисходящее ударение, перенесенное на следующий слог, как и в других случаях с таким ударением (zlatō, polē...), чешская краткость — все указывает на нисходящее ударение слога с ę (mešo) в более раннее время. Др.-прусс. mensā (вм. memsa) — „мясо“. Основн. mems-. В др.-инд. иная ступень чередования, с долгим гласным: māmśa-.

jetro — „печень“; — греч. ἔντερα — „внутренности“.

pęty — „5“; ст.-сл. пять, серб. pēt, чешск. pět, польск. p'ęc. Сербо-хорватское ь и чешская краткость свидетельствуют о нисходящем ударении более раннего времени. Соответствующие указания представляют и другие языки: лит. penki, женск. p. peñkios, греч. πέντε, лат. quinque (вм. pinque). Основн. rep-.

§ 83. Славянские данные и соответствия других индоевропейских языков указывают и на иное происхождение носового гласного ę. В ряде случаев славянскому ę соответствует в других языках то, что появилось в них вместо слоговых m, n или *m, *n (* точно не определяемый; очень слабый редуцированный гласный, предшествовавший слоговому m или n); в литовском in, im, un, um с разной интонацией под ударением (iñ, iṁ, uñ, uṁ, in, un), in, un вне ударения, в др.-индийском a, ā, в греческом a, va, ma, в латинском em, ep, pa, pa, в готском un, um. В славянском материале слова с таким ę чередуются с ьп, ьт перед гласным. Некогда в индоевропейских языках этим звукам и сочетаниям предшествовала фонетическая стадия со слоговыми m, n. Может быть, перед слоговым было образование очень слабого гласного, точнее не определяемого: *m, *n. Носовые слоговые могли быть краткими и долгими (такими были и слоговые r, l; см. ниже). След долготы слогового сонорного (m, n, r, l) отразился в славянской, как и в литовской, группе в особой интонации: у славян она была такой, которая в конце доисторического периода являлась восходящей, у литовцев в виде ˘ (in, un); если же сонорные слоговые были краткими, то у славян интонация была в конце доисторического периода нисходящей, у литовцев ˙ (iñ, iṁ). След долготы сонорного m, n отразился в др.-индийском в виде ā (перед зубным согласным), в виде pa, pa в греческом и латинском.

В литовской группе *m, *n изменились в сочетания in, im, un, um. У славян была пройдена такая же фонетическая стадия.

Краткие *ĩ*, *ŷ* всякого происхождения изменились затем в редуцированные *ъ*, *ь*. Но, как ниже отметим, достоверных примеров с *ъ**т*, *ъ**п* с дальнейшим их изменением перед согласным у славян указать нельзя. Имеются сочетания с *ъ**т*, *ъ**п* перед гласным: *dъmq*, *dъmeši* („дую“, „дуешь“), *gъnati*... Сочетания же *ь**п*, *ь**т* у славян изменились перед согласным в *ѣ* в связи с тенденцией избегать окончания слога на неслоговой *j*, *ц* или на сонорный *п*, *т* (а также на *г*, *л*; см. ниже). Гласный *ѣ* имел разную интонацию в зависимости от происхождения *п*, *т* из **ŋ*, **m* или из **ñ*, **m̃*.

Примеры.

Слав. *čestъ*; серб. *čest*, русск. част(ый), польск. *częsty*. Сербохорватское — указывает на *čѣ-* (с нисходящим ударением) более раннего времени. В литовском соответствует *iĩm*: *kimstas* — „набит“, „заткнут“. Основн. *k*ñ-st*. (Другой вид этого корня, на полной ступени чередования, с гласным *о*: *kom-ъ*.)

desetъ: ст.-сл. десать, польск. *desęć*, серб. *děset*, русск. де-с'ать', лит. *dėšimt*, диалект. *dešimtis*, *dėšimts*, др.-инд. *dāṣa*, *daṣāt*, греч. *δέκα*, лат. *decem*, гот. *tafhun*. — Основн. *dek'*m-ŋ*.

dadetъ (3-е л. мн. наст. вр.); др.-инд. *dādati*; др.-инд. а перед *ti*, слав. *ѣ* восходят к **ñ*.

tysetja („тысяча“); ст.-сл. тысяща, русск. тыс'ача, польск. *tys'ąc*. Корень тот же, что и в *sъto* („100“) — лит. *šimtas*, др.-инд. *ṣatām*, др.-иран. *satəm*, греч. *ἑκατόν* (*ἑ-κατόν*), лат. *centum*, гот. *hund*. Славян. *sъto* не представляет собою фонетического соответствия литовскому *šimtas*: это слово перешло к славянам от иранцев (*satəm*). Отметим, что от иранцев это слово перешло также в финно-угорские языки: фин. *sata*, морд. *šada*, марийск. *sūdb*, удмурт. *šu*, вогульск. *sāt*, венг. *sáz*. Как видно, были какие-то обстоятельства, благоприятствовавшие распространению этого иранского слова среди других народов, соседивших в то или иное время с иранцами.

В финно-угорских языках заимствованным из разных индоевропейских языков является и слово „тысяча“ (венг. *ezer*, фин. *tuhante* — и др.). Но славянское *tysetja* представляет фонетическое продолжение более раннего сочетания с **ñ*: *tū-s*mtja*. Славянское слово соответствовало готскому *thūsundi*, франк. *thūschunde*. Слав. *ty-* (вм. *tū-*), гот. *thū* соответствовало др.-индийскому *tavāḥ* („сильный“, „сила“); *tu-s*mtja* — „большая сотня“.

У славян это слово имело также гласный *ѣ* вм. *он*: *tysotja*:

чередование полной ступени, с оп, со ступенью редукции, с ђ. Ст.-сл. *тысаѡа* и *тысѡѡа*; сербо-хорв. *tisuća*; словин. *tisoča*; чешск. *tisíc*, словац. *tisíc*.

paṁętę; лит. *minti* — „мысль, мнение“, гот. *gamiunds* (*ga-munds*), др.-инд. *matih*, лат. *mens*.

męti, но *тыпѡ*, *тыпеši* („мять“, „мну“, „мнешь“); лит. *minti*, *minù*; восходит к **п̣*.

jętry — „жена мужнина брата“, русск. *ятровь*, укр. *ятрівка*, старо-польск. *jętry*, др.-инд. *yātā* (вин. *yātaram*), греч. *ἐνάτηρ*. Основн. *јенѧ-t (ęr)*, родит. *јѣ-trós...*; в славянском имени отражается ступень редукции **п̣*, находившаяся некогда в основе косвенных падежей (в именит. пад. было *енѧ*).

§ 84. Примеров с *q*, которые указывали бы на более ранние сочетания *ѡm*, *ѡn* (*ѡm*, *ѡn*) из **п̣m*, **п̣n* перед согласным, мало. Наиболее показательным является слово *dęti* („дуть“) при формах наст. вр. *дѡmq*, *дѡmeši*, при форме причастия прош. вр. страдат. залога *дѡmenъ* (*na-dѡm-enъ*) и литовские параллели с *um*: *dũmti*, *dumiũ*. Слав. слог *dę-* имел восходящее ударение: ср. серб. *dũti*, а не *dũti* (~ указывало бы на нисходящее ударение); чешск. *dũti* → *douti* (с долготой *dũ*, сохранившейся в слоге, бывшем некогда с восходящим ударением). Такая интонация вполне соответствует литовской на *um*: *dũmti*.

Того же, вероятно, происхождения *q* в корне *kęt* — „охранять, охрана“: ст.-сл. *къшта* — „жилище“, сербо-хорв. *kũća*, русск. *укѡтать*. В литовско-прусском *kunt*:- прусск. *kũnti* — „ухаживает“, *rokũnti* — „охраняет“.

§ 85. Конец слова имел свою фонетику: процессы конца слова бывали нередко иными по сравнению с процессами начала и середины слова.

В конце слова носовые гласные в последний доисторический период были в следующих положениях:

1) *q* вместо давнего *ǣn* (*ǣm*). Как видно, а перед *n*, *m* в конце слова стал лабиализованным: *ǣ*; *ǣn* → *q*.

Лабиализация гласного *a* перед носовым согласным происходила и в позднее время по славянским диалектам. Напр., по польским говорам: *dęm* → *dǣm* → *dom* → *dum*; *sǣm* → *sǣm* → *som* → *sum*.

Винит. ед. имен. на -а: *gorq*, *gybq*. Ср. окончание -*ǣn*, -*ęm* в греческом и латинском языках: греч. *χώραν*, лат. *terram*.

Окончание 1 л. ед. наст. вр. *berq*, *vedq*. Это окончание соответствует окончанию -*ǣm* латинского конъюнктива: *feram*.

2) *q* вместо *on* перед *ti* (→ *ть*) в форме 3 л. множ. числа наст. вр. и перед *t* в форме 3 л. множ. ч. простого аориста: *berq̄ť*, *vedq̄ť*; ср. др.-инд. *bhāranti*; *padq̄*, *mogq̄* (3 л. аор.) *vm.* *padont*, *mogont*; ср. греч. *ἔρερον*, *ἔλιπον* с утратой конечного *t*. *ę* в конце слова в следующих положениях.

1) Вместо конечных *ēn*, *ēm*. Винит. ед. личных местоимений *mę*, *tę*, *sę*. Ср. др.-инд. *mām* (из *mēm*), *tv.m*; др.-прусск. *mien*, *tiēn*, *sien*, *sin* (*ie*, *i* вместо закрытого *ē*).

Окончание *ę* в суффиксе имен среднего рода на *-mēn* в именит. ед.: *sēmę*. В других формах суффикс был с кратким *e*: *sēmene* (родит. ед.). Такое же соответствие представляли и имена мужск. рода с тем же суффиксом: в именит. ед. гласный долгий *ō* (в среднем роде долгий *ē*), в прочих формах *-ě*: *mōn||mēn*: *katōn* → *katu*, *katene* (род. ед.).

2) *ę* вместо *yn*, восходившего к *ŋ:

а) основы имен средн. рода на *-et* (в названиях молодых существ.): *telęt-*; в именит. ед. *telę*, с утратой конечного *t*, но родит. ед. *telęte*.

б) Форма 3 л. множ. числа наст. вр. основ нетематических: *dadęť*, *vędęť*, *jadęť*. Ср. в др.-инд. *dādati* — с *a* в окончании *vm.* *ŋ.

Сочетания *ōn*, *ōn*, *yn*, *yn*, *ons*, *uns*, *ins* имели иную судьбу в конце слова.

В отличие от середины слова в конце слова пережита была усиленная лабиализация гласного *o* перед носовым согласным: *ōn* → *yn*, *ōn* → *yn*. Такой же процесс пережит и латинским языком: *vin.* *lurum* *vm.* *lurōm*, имен. *jugum*, ср. греч. *ζυγόν*.

Последний фонетический результат изменения *yn*, *yn* в доисторическое время был такой: *y* (*ы*) *vm.* *yn*, *ъ* *vm.* *yn*. Возможно полагать, что была пройдена стадия с носовыми *ȳ*, *ȳ*, которые в доисторическую же эпоху утратили носовое образование: *ȳ* → *ū* и далее заменялись гласным *y* (*ы*), *ȳ* → *ū* → *ъ*. Ср. указание литовского языка на возможность фонетической стадии с носовым *ȳ*: винит. ед. *sūpn* *vm.* *sūpn*.

Возможна была и стадия с носовыми *i*: *ī*, *ī*. Ср. в литовском языке форму винит ед. *pāktī* *vm.* *paktin*. У славян в доисторическое время *ī* → *ī*, *ī* → *ī* → *ь*: винит. ед. *kostь*, *vin.* множ. *kosti*.

Итак, если и были у славян носовые *ȳ*, *ī*, то они уже в доисторический период заменились неносовыми *u*, *i* с дальнейшим

изменением ($\bar{u} \rightarrow u$, $\bar{y} \rightarrow \bar{y}$, $\bar{i} \rightarrow \bar{y}$). Их отличие от носовых q , ϵ в отношении работы небной занавески состояло в том, что при гласных высокого подъема спинки языка небная занавеска имеет тенденцию не опускаться. Такое явление происходило и позднее, напр., в польских диалектах. В тех из них, в которых произошло изменение q в $\dot{q}$ (q^a) и ϵ , а ϵ в $\dot{\epsilon}$ (ϵ^i) и i , ослабевало опускание небной занавески, и при ϵ , i она совсем перестала опускаться: $\epsilon \rightarrow \epsilon$, ϵ^i или $i \rightarrow \epsilon^i$ или i : $vq^as \rightarrow v\epsilon s \rightarrow vus$, $p^{\epsilon} \epsilon^s \dot{\epsilon} \rightarrow p^i \dot{\epsilon} \dot{\epsilon} \rightarrow p^i \dot{\epsilon} \dot{\epsilon}$ („кулак“). Ср. и отмеченную выше судьбу гласного носового заднего ряда в тех славянских языках, в которых он получил образование гласного ϵ : утрачено носовое произношение раньше, чем в тех языках, в которых соответствующий гласный имел не такое высокое образование. Итак, греческому $\alpha\chi\omega\nu$ у славян соответствует $\cdot k\alpha\mu u$, которому предшествовали такие фонетические стадии: $k\alpha m\bar{o}n \rightarrow k\alpha m\bar{u}n \rightarrow k\alpha m\bar{u} \rightarrow k\alpha m\bar{u} \rightarrow k\alpha m u$; $\bar{o}n \rightarrow \bar{u}n \rightarrow \bar{u} \rightarrow \bar{y}$. Винит. ед. $v\bar{y}k\bar{y}$; ср. греч. $\lambda\acute{o}\chi\omega\nu$, лат. $lurum$, лит. $vilk\bar{u}$.

С кратким $\bar{o}$ ($\bar{o}n$) была некогда у предков славян форма родит. множ., в соответствии с греческой на $-\omega\nu$. Полагаем, что $\bar{o}(n)$, отразившееся в славянской группе, находилось с $\bar{o}(n)$, отразившимся в греческой, в отношении чередования (количественного): $\bar{o}n || \bar{o}n$. (По иному объяснению, $\bar{o}n$ в славянской группе явилось вместо $\bar{o}n$, вследствие сокращения, вызванного особой интонацией.) Итак, род. мн. $v\bar{y}k\bar{y}$, $gub\bar{y}$ ...

Наличие гласного o в именит. ед. имен среднего рода ($m\bar{e}sto$, $d\bar{e}lo$) обязано воздействию окончания такой формы в местоимении средн. р.: to вм. tod ; ср. лат. $istud$ (вм. $is-tod$), др.-инд. tad . Воздействие форм местоимений отразилось и на других формах имен существительных.

Форма 1 л. ед. аориста простого: $pad\bar{y}$, $mog\bar{y}$. Ср. соответствующее образование в греч. $\epsilon\bar{\rho}\epsilon\rho\omega\nu$, в др.-инд. $\acute{a}bharam$.

$\bar{u}n \rightarrow \bar{u} \rightarrow \bar{y} \rightarrow \bar{y}$

Винит. ед. основ на $-\bar{u}$: $sup\bar{y}$ вм. $sup\bar{u}n$. Ср. в лит. $s\bar{u}n\epsilon$, в др.-инд. $s\bar{u}n\bar{u}m$.

$\bar{i}n \rightarrow \bar{i} \rightarrow \bar{i} \rightarrow \bar{y}$

Винит. ед. основ на $-\bar{i}$: $gost\bar{y}$, $kost\bar{y}$ вм. $gost\bar{i}n$. Ср. в лит. $n\bar{a}kt\bar{i}$, в греч. $\delta\bar{\epsilon}\rho\bar{i}v$ („змею“), в лат. $turt\bar{i}m$ („башню“), в др.-инд. $mat\bar{i}m$.

В выяснении судьбы -ons, -uns, -ins следует принять во внимание такой фонетический процесс, пережитый в славянской системе: удлинение краткого гласного перед группой -ns: -ons → ūns → ūs → ū → у (ы); ins → Ims → js → i.

Винит. мн. основ на -о: vьky; -у вм. -ons; -ns окончание винит. множ. Ср. греч. диалект. (критское) λόχους, гот. wulfans, др.-прусс. deiwans.

Форма именит. ед. причастия мужск. р. основ на е/о—nese-||neso-(neseši...): nesy, vedy, moyu; родит. nesotja вм. nesontja (ст.-сл. *несѡѣ*), дат. nesotju... Основа этого причастия имела суффикс -nt-; окончанием именительного пад. ед. ч. мужск. р. был согласный -s: nesont-s. Ср. литов. vežas, лат. ferens. В славянской фонетике группы согласных ds, ts → s. Напр. datsi (2 л. ед.) → dasi. Следовательно, nesonts → nesons, а это сочетание пережило дальнейшие изменения, указанные выше.

Винит. множ. ч. основ на -ŭ (synъ): syny — sŭnŭns. Ср. готскую форму sunins.

Винит. множ. основ на -ї (gostъ, kostъ): gosti, kosti. Ср. соответствующие формы в др.-прусс. akins (-i-ns), в гот. austins, греч.-крит. πόλις.

Неясна судьба -ons после палатального согласного. Так, в форме винит. множ. основ на -jo мужск. р. (kop'ъ), в винит.-именит. множ. основ на -ja ('koža), в родит. ед. тех же основ (на -ja); в одних группах был гласный ё, в других — е. На ё оканчивались эти формы в группах, которые легли в основу южнославянских языков: kop'ё, kožё, strujё. На ё оканчивались эти формы в группах, которые легли в основу восточнославянских и западнославянских языков: kop'ě, kož'ě.

Гласный е указывает на изменение гласного о в е после палатального согласного, происшедшее ранее возникновения носовых гласных: 'ons → 'ens → 'ěns (удлинение гласного перед -ns) → е. Но появление ё (ѣ) в этом положении неясно. Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Б. М. Ляпунов полагали стадию с носовым ё (с носовым ѣ). Но в славянских языках нет следов такого ё. Различен звуковой вид окончания причастия наст. вр. с основой на je/jo: именит. ед. муж. и средн. р. на е: знаје, другие формы с jо: знајотја, знајотју (ст.-славян. *знаѡ*, *знаѡѣ*, *знаѡѣю*). Может быть, гласный ѣ появился в связи с таким же гласным в окончании причастия основ на е/о: berotja, berotju... Так и в форме 3 л. множ. ч. наст. вр. — знајотъ, pišotъ с ѣ, как

berqъtъ, vedqъtъ. В дополнение см. ниже, в отделе о конце слова.

Итак:

а) не в конце слова:

← op, om (из ѓp, ѓm, ѓp, ѓm, ѓp, ѓm, ѓp, ѓm)
q ← ѓp, ѓm (из ѓp, ѓm ← *p, *m)
← ep, em (из ѓp, ѓm, ѓp, ѓm)
e ← ѓp, ѓm (из ѓp, ѓm ← *p, *m, *p̃, *m̃)

б) в конце слова:

← ѓp (из ѓp, ѓm)
q ← ont
← ep (из ѓp, ѓm)
e ← 'ēns (из 'ons)
← ѓnt (из ѓnt ← *nt, *nt̃).

§ 86. Процесс изменения сочетания „гласный + n, m“ перед согласным в середине слова в носовые q и e действовал в фонетической системе славян в течение долгого периода времени. Он действовал и в первые века н. э. при встрече славян с германцами. На это указывает передача германских заимствованных слов в славянских языках. Из ранних заимствований отметим передачу слова *kuning*: слав. кѣпѣдзь. Ср. и передачу германского *rhenning*: слав. рѣпѣдзь. Ср. еще ст.-сл. хадѣгъ — „опытный, мудрый“ — гот. *handags* (с окончанием -ags это слово не засвидетельствовано; но на возможность такого окончания указывает др.-верхн.-нем. *hantag*; в готском тексте засвидетельствовано *handugs*, славянское -ѣгъ указывает на -ǣg-).

О других заимствованиях с носовыми гласными в славянских языках см. выше, § 42.

Редуцированные гласные ѓ, ѓ̃.

§ 87. Как показывает история отдельных славянских языков, это были гласные неполные в своем образовании. Их неполнота выражалась в особой краткости их: они были короче нормально-кратких гласных o, e. С их неполнотой в количественном отношении была связана неполнота и в работе органов речи. Наиболее характерной чертой в отношении работы органов речи при

образовании этих редуцированных гласных было то, что голо-
совые связки вибрировали короче, чем при гласных полного
образования. Об ослабленности, редуцированности образования
гласных *ъ, ь* свидетельствует их судьба в славянских языках:
в тех положениях, в которых не было благоприятных обстоя-
тельств для продления гласных *ъ, ь* (для их усиления), они
совсем утрачивались. Так было в конце слова и в середине слова
перед слогом с гласным полного образования.

1) *zъla, vьdova, oтьsa*;

2) *vьdovъ* (родит. множ.), *synъ, beretъ, beretъ*. В особенности
они были слабы в конце слова. Вероятно, уже в доисторический
период они были такими особенно ослабленными в этом поло-
жении (в конце слова).

Но *ъ, ь* были и в таком положении, в котором происходило
их усиление, некоторое продление. Так было перед слогом,
в котором находился *ъ, ь*, подвергавшийся дальнейшему ослаб-
лению: *съпъ, ъпъ, дьпъ* (*ъ, ь* в первом слоге). Еще одно усло-
вие, в котором *ъ, ь* подвергались некоторому продлению: в на-
чальном слоге под ударением: *dъskъ* (винит. ед.). И показательно,
что только после продления они становились в отдельных сла-
вянских языках нормально-краткими. Напр., в украинском языке
они стали гласными *о, е* (*son, den'*), в чешском языке — *-е* (*sen,*
den), в то время как прежние нормально-краткие гласные *о, е*,
получив продление, становились долгими *ō* (*ō* закрытый), *ē* (*ē*):
vozъ → *vōz(ъ)*, *reъ* → *rēč(ъ)* (последний пример относится к ук-
раинскому языку). Следовательно, до продления гласные *ъ, ь* были
короче коротких гласных, — были гласными редуцированными,
неполными в количественном отношении.

§ 88. Сравните звуковой вид одного и того же корня: в слож-
ном слове *medvѣdъ* (*medv-ѣdъ*), в прилагательном *medvѣno* (*med-*
vѣno pitije), ст.-сл. *медьвѣнъ* — „медовый“, и в существительном
medъ. Как видно, в первых двух словах представлено сочетание
с *-v* (*medv-*), — представлено перед гласным; в последнем слове
эта основа находится с *-ъ* — в конце слова. Выше мы видели,
что гласный *и* появился у славян вместо более раннего диф-
тонга *ou* перед согласным и в конце слова. Но если далее сле-
довал гласный, то *ou* → *ov*: *roki* — родит.-местн. пад. двойств.
числа, но *rokovѣtъ* (*rokov-ѣtъ*), т. е. „взятое в двух руках“.
Согласный *v* у славян, как и в других индоевропейских языках,
представляет замену более ранней фонетической стадии *ϕ* крат-

ким неслоговым и (у) перед гласным. Перед согласным было образование слогового краткого ѱ. Ср. литов. *medūs*, греч. *μέδου*, др.-инд. *mádhu*, слав. *медъ*. Как видно, у славян слоговой краткий гласный ѱ претерпел редукцию: ѱ → ѣ. Поэтому в глаголах итеративного значения, представляющих в корне гласный долгий (вследствие удлинения соответствующего краткого гласного), находится у (ы) вместо более раннего ѱ в соответствии гласному ѱ → ѣ в глаголах неитеративного значения. Ср. *тъkati* — *tykati*, *дъchati* — *dychati* и др. Ср.: *positi* → *našati*, *plesti* → *sъplē-tati*...

§ 89. Соответствие славянскому ѣ в других индоевропейских языках — ѱ, как это обнаружилось и при анализе славянских имен *медъ* — *medvĕdъ*.

Слав. *супъ* — лит. *sūpūs* (*sūnūs*); *дъva* — греч. (гомеров.) *δῶ*, др.-инд. *duvā*; *тѣchъ* — лит. *mūsal* (мн. ч., „плесень на молоке“), лат. *mūscūs*; *сѣпъ* — греч. *ἵππος*; *бѣdĕti* — лит. *budĕti*; *дъchnoti* — лит. *dūšti* („тяжело дышать“); *пъ* („но“) — лит. *pū*, др.-верхн.-нем. *pu*.

У славян гласный *o* в конце слова перед *n* подвергся усилению лабиализации: *ōn* → *ūn* → ...у (ы); *ōp* → *ūp* → *ѱ* → ѣ.

Напр., винит. ед. *vylkъ*, *vozъ* и др. Ср. греч. *λύκον*. Изменение краткого гласного ѱ проходило параллельно изменению долгого ѱ, именно в отношении утраты лабиального элемента: последний стал производиться раньше образования гласного, — производиться одновременно с предшествующим согласным или в виде самостоятельной губной артикуляции в начале слова: *въriti*, *въъъ*. См. § 60. Поэтому следует полагать, что редукции подвергся собственно не гласный ѱ, а заменявший его краткий гласный нелабиализованный высокого подъема задне-среднего ряда *i*. Процесс редукции проходил параллельно с процессом редукции краткого гласного высокого подъема переднего ряда *i*.

В древней славянской фонетической системе не было сочетания *ej* или *ej* перед гласным: вместо этого находилось сочетание *ьj* или *ьj*. Такое изменение сочетания *ej* произошло вследствие ассимиляционного процесса с *j* или с *ĭ*: образование предшествующего гласного *e* стало происходить при таком же подъеме стенки языка, как при *i*: *ej* → *ij*, а вместо *i* у славян *ь*. Такого происхождения, напр., *въjĭ*, *въješi* (*въj* вм. *vej*); ср. чередование с гласным *o*: *voĭ*-(*rovoĭ*-*ъnik* → *rovoĭnikъ*); ср. в литовском языке *vejū* (*vŷti* — „вить“).

Обратите еще внимание на чередование *ь* и *ī* в основах глаголов: *Т* в глаголах итеративного значения, *ь* в глаголах неитеративного значения,— чередование, указывающее на более раннее чередование *Т* (как удлинение соответствующего краткого гласного) и *ī*: *prilipati*—*l̥pēti*, ср. лит. *lpti*; *židati* (*ožidati*)—*žydati*; *pisati* и *rysati*; ср. прилагательное с тем же корнем *rys-* и с суффиксом *-go*: *rysgr̥* (*t* появился в славянской фонетике между *s*—*r*).

§ 90. Соответствия с образованиями в других индоевропейских языках также указывают на *ī*. Примеры:

Слав. *vdova*—др.-инд. *vidhavā*, лат. *vidua*, гот. *widuwo*;
mygla—греч. *μίχλη*;

myŋ'ii („меньший“) — лат. *minor*, греч. *μικρόν* („уменьшаю“), гот. *mins* (лат. *minus*); *днь*—лат. *dñum* (*nundinum*—„промежуток между 2 базарными днями“).

К славянским сочетаниям *ьj* (*ыj*) ср. примеры: слав. *vьjъ*; лит. *vejū*;

trъje—др.-инд. *trāyaḥ* (*a* вм. *e*), греч. *τρεῖς*.

Таким же образом, посредством гласных *э*, *ь*, передавались заимствованные слова, появившиеся у славян в первые века н. э. Напр., *кънѣдзь* вм. герм. *kuning*, *рѣнѣдзь*—герм. *phenning*.

Итак, у славян в доисторическое время краткие гласные высокого подъема *і* (из *й*), *ī* подверглись ослаблению, редукации и некоторому изменению в укладе органов речи: положение языка при их образовании не было таким высоким, как при *і* (из *й*), *ī*.

§ 91. В ряде случаев гласный *ь* или *ѣ* представлял собою у славян конечный результат ослабления давних кратких гласных *e*, *o*, *a*. Соответствующее явление представляют и другие индоевропейские языки. Вместо такого давнего редуцированного гласного (точно не определимого, обозначаемого некоторыми лингвистами маленькой буквой *) в литовском языке появились гласные *ī*, *u*, *u* славян в доисторическое время *ь* и *ѣ* (*ѣ* редко).

berq—*богъ*—*byrati*;

ženq („гоню“) — *goniti*—*gъnati*.

§ 92. Возникали в отдельных индоевропейских языках и более поздние чередования кратких гласных *e*, *o* с редуцированным

гласным и с дальнейшим его изменением. У славян к таким чередованиям относятся частицы, некоторые наречия, числительные, имена, применяемые при обращении к кому-либо, т. е. слова, произносимые быстрым темпом и не столь полновесно, как существительные или глаголы. Такие слова в разное время переживают ослабление в звуковых образованиях. К доисторическому периоду относятся, напр., такие сочетания с результатами редукции:

īže — „который“ (местоимение *i*, частица *že*), но и *īžь*. В старославянском языке отражается это местоимение в том или другом виде: *нѣ*, *нѣь*.

večegъ — vьčera (наречие);

četyre — čьtyre. Ср. параллельное явление в греческом языке: эолийское *πέσυρες* и *πίσυρες* (τέσσερες — „4“); *kogda* — *kъgda*, *togda* — *тъgda*. Ср. в старославянском языке: *когда*, *тогда* и *къгда*, *тъгда*.

Слав. *gospodь*. В первой части отражается основа *gostī-* (*gostь*), а во второй та основа, которая в др.-индийском была представлена в виде *patī-* (*pātiḥ* — „господин, властитель, супруг“), в латинском *poti-* (*potis* — „мощный, сильный“), в греческом *пот-* (πότις — „госпожа“, δεσπότης — „владыка“), в готском *faṭs* (brūḗfaṭs — „жених“, собственно: „властитель невесты“), лит. *pat-* (*pats* — „господин, супруг, сам“). Таким образом, слав. *gospodь* было название главы семьи, владыки, во власть которого поступал чужой человек, *gostь*. В других индоевропейских языках домовладыка имел тоже сложное имя и тоже с редукцией первой части; но в первой части был корень *dom* — в полном или редуцированном виде: др.-инд. *dāmpatiḥ* — „властитель“, др.-иран. *dāngpaitiṣ*, греч. δεσπότης (δεσ-πότης).

И в позднее время переживалась у славян редукция имен, образованных от *gospod-*. Напр. сербо-хорв. и словинск. *gospon* вместо *gospodin*, сербо-хорв. *gòspār*, *gòspr*, *gòsa* вм. *gospodar*(ь).

čelovèkъ — čьlovèkъ — človèkъ. В зависимости от частоты применения находилась и редукция имени *čelovèkъ*. Первая часть этого слова включает основу *čelo* — с корнем *čel-*, который находится и в имени *čel-ędъ* — „семья“. Соответствующий корень имеется и в литовском языке, где еще яснее отражается его значение: лит. *kiltis* и *kiltis* — „род“; того же корня глагол *kilti* — „подниматься, возникать“. Основное значение этого корня указывало на отношение к возникновению, подъему, нарастанию;

ср. лит. *kélm̃as* — „ствол дерева“. Идея нарастания — основная идея в названии рода у разных народов: слав. *plemę* (*pled-mę*, *pled-*, чередование с *plod-*), *rodъ*, *na-rodъ* (*roditi*), *l'ud i je*; греч. *ῥῶλον* — „род, народ“ — глагол *φύομαι* — „расту“; нем. *Leute*, гот. *liudan* — „расти“ и др.

Вторая часть *-vėkъ* имела значение — „принадлежащий к семье“. Это значение ясно отражается в литовском соответствии: *vaĩkas* — „мальчик, сын“, *vaikaĩ* — „дети“, лит.-жемайтское *vaĩkis* — „слуга“; др.-прусск. *waykils* — „сын“, *waix* — „слуга“.

čelovėk — „мужчина как член рода“: в то время, когда формировалось это слово, во время родовой организации, „человек“ мог быть только в составе своего рода, племени, вне его он не был „человек“; он был враг, он был беспомощен. При звуковом виде *čelovėkъ* издавна, уже в доисторическое время, было имя и с результатом редукции первой части: *čьlovėkъ* и *človėkъ*. Старославянский язык указывает на *чловѣкъ*. Другие славянские языки также указывают на такое сочетание: сербохорв. диал. *člòvjek* (*človek*), словин. *člòvék*, чешск. *člověk*, польск. *člov'ek*. Происходила и дальнейшая редукция: болгар. *чловѣк* и *челѣк*, *човѣк* (*чувек*); серб.-хорв. *čovek* (*čovjek*), *čojek*, *čоек*, *čѣк*, *čѣк*; польск. *čłek*. В восточнославянских языках представлено это имя без результата давней редукции: *čelovėkъ*, русск. *человек*, укр. *чоловік* — „человек, мужчина, муж“. Но и тут происходила позднее редукция: русск. *челѣк*.

В некоторых основах было представлено чередование гласных *ѣ* и *ь*. Условия чередования неясны. Такое чередование было представлено в глаголах и именах.

dьrati — *dьrati*, ср. лит. *dūrti* — „колоть“ и *dīrti* — „рвать“; *dьbrъ* — *dьbrъ* — „ущелье, овраг, ложбина“, ср. в Остромиров. код. *дѣбрь* (Лука, III, 5), в Изборнике Святослава 1073 г.: *ѡсть дѣбрь зъло глѡубока*; на *dьbrъ* указывают такие топонимические образования: *Добърце* — на сев.-западе Македонии (в Пологе), *pastwisko* („пастбище“) *Debrz*, *Debrznica* — в Польше; *dьbrъ* лежит в основе имен. *дѣбрь* в Ассеманиевом код., в русском *дѣбрь*, в названии деревни *Дебря* при речке *Рыдаге* Рославльск. у. Смоленск., в болгарских названиях сел *Дебор* (на западе Македонии), *Дебрец* (на юго-западе Македонии), *Дебър* (в Болгарии, в Старо-Загорском округе).

дьно — *дьно*, *bezdьna*; ср. *бездьниѣ* в Изборнике Святослава 1073 г., *бездьниѣ* в Супрасльской рук., в Синайской пс., в Синайском

требнике; например: *отъ безднъ земаа* — „из бездн земли“ (Син. пс.); русск. диалект. *дѣнышко*; украинск. *денце*, белорусск. *дзенцо* (вм. *дѣнсе*); с гласным *ѣ* эта основа была в таких именах: русск. *донце*, *донышко*; польск. *denko*, верхне-луж. *zdonk* (*z-donk*) — „ствол дерева“.

гѣдгъ — *гѣдгъ* — „рыжий, темнорыжий“, глагол *гѣдѣти*; на *гѣдгъ* указывают *рѣдръ* в Изборнике Святослава 1073 г., русск. диалект. *рѣдрой*.

скѣрбъ — *ščьrb-a*, *ščьrbina*.

трѣсть — *trěstь*; ср. др.-русс. *трѣсть* (Арханг. ев. 1092 г.), соврем. русск. „трость“, чешск. *trěst'*, польск. *tręść*, но и *trzęstь*; ср. ст.-слав. *трѣсть*, *трѣсть*, *трѣсть* (в Синайском требнике), *трѣстига* в современных болгарских говорах на востоке Македонии (в Неврокопе); русск. диалект. *трѣсточка*, *трѣсник*.

тъпкъ — *тъпкъ*; ср. русск. *тонко* (*тъпъко*) и польск. *ćenko* (*тъпъко*), болгарск.-македонск. *тенка*, *тенки*.

Ст.-слав. *ръпѣтати*, *ръпѣтаниѣ*, *ръпѣтаниѣ* (*ръпѣтаниѣ* в Син. тр.).

Предлоги и префиксы *възъ*, *ѣзъ* (*iz*, *ізъ*), *оръ*, *безъ*, *объ*, *отъ* в ранний период доисторической эпохи не имели в конце гласного *ѣ* или *ї*, которые позднее изменились бы в *ѣ*, *ѣ*. Поэтому *объ* в сочетании со следующим словом, начинавшимся с *v*, ассимилировалось с этим *v* в *ob-*: *ob-vět* → *obět*, *ob-vez-atī* → *obezatī*, *ob-volko* → *obolko* и т. п. Нет указаний на конечные гласные и в предлогах *отъ*, *оръ* и др.: *otrokъ*, *oteti* (*j-ę-ti* — „братъ“), *iziti* (*iz-itī*), *iz-džiti*, ст.-слав. *иждити* (*jiz-gi* → *ѣz-dži*; *gi* → *dži* → *ži*, *žiti*), *orz-tyli* → *orstyliti*, ст.-слав. *растѣяти*; *оходити* вм. *otchoditi*, *ѣнмати*, *ѣштѣднъ* („бездетный“) вм. *bes-čędy* → *beščędy*; всякое *šč* в речи предков славян Болгарии изменилось в *št* (шт). В разное время и в эпоху доисторическую, и в истории славянских групп появлялись эти предлоги и префиксы с гласным *ѣ* или его заменой в сильном положении: *възъ*, *ізъ*, (*ізъ*), *безъ*, *объ*, *отъ*. Появление этих предлогов с *ѣ* или с гласным, заменившим *ѣ* в сильном положении, произошло под влиянием предлогов *въ*, *съ*, *къ*, имевших издавна гласный *ѣ*. В старославянском языке были эти предлоги в прежнем звуковом виде, без *ѣ*, и в новом — *отъ*, *изъ*, *вѣзъ*, с *ѣ*: *отъ грьхъ* в Киевских лл., *отъ отца*, *изъ юнасти* (*изъ юн...* вм. *изъ юн...*), но только *вѣзъ* в Марин. ев., напр.: *носѣлахъ къ вѣзъ вѣлаганшта* (*вѣлаганште* — „кошелек, мешочек“); *вѣс пиръ* (*пиръ* — „котомка“, „сума“, греч. *πύρα*). *ѣ* к *свѣтъ* (Лука, XXII). Предлог *объ* издавна был с вторичным глас-

ным *ѣ* и *ь*: *обѣ*, *обь*. На *обѣ* указывает образование имени *обѣтъ*, *обѣ* + суффикс *tjъ*; ст.-слав. *обѣшть*, зап.-слав. *obes*, др.-русск. *обѣуъ*, *обѣтина*. Ср. такой суффикс в имени, образованном от *pi-*: *pitjъ* ст.-слав. *иништь*. В таком же виде этот суффикс был в глагольных образованиях *обѣ-stojati*, *обѣchoditi*. Ср. в Зограф. ев. *обѣстоѣмъ*, в Хиландар. лл. *обѣхонуть* и др.

ѹ, і.

§ 93. В доисторическое время у славян появились в определенных условиях редуцированный *ѣ* и редуцированный *і*. Обозначаем их буквами *ѹ*, *і*. Такие редуцированные появились вместо *ѣ*, *ь* перед *j* или *j̣*, а также перед *i*, вследствие ассимиляции со следующим образованием высокого подъема спинки языка. (*j̣*, *j̣̣*, *ị*):

ѣj → *ѹj*, *ѣi* → *ѹi*
ьj → *іj*, *ьi* → *іi*

кгѣjѹ → *кгѹjѹ* (1 л. ед. ч.; инфин. *kryti*);
штѣjѹ → *штѹjѹ* (инфин. *myti*).

Ср. такое же чередование в латышском языке: в наст. вр. *ī*, в инфинитиве *ū*: *krūjuos*, *mūjuos*, инфин. *krūtēs*, *mūtēs*.

dobryi → *dobryi* (сложная форма: *dobry* + местоим. *i*);
vъ istinѹ → *vъ istinѹ*;
vъ inѹ → *vъ inѹ*;
бѣjѹ → *bіjѹ* (1 л. ед. наст.; инфин. *biti*), *sin'ѣi* → *sin'іi* (сложная форма: *sin'ъ* + местоим. *i*);
мѣn'ѣi → *мѣn'іi*;
veselye (или *veselyje*) → *veseliye* (или *veseliye*), *bratrya* (*bratrya*) → *bratryia* (*bratryia*).

Необходимо иметь в виду такой же процесс в отношении краткого *ѣ* перед *j*: *ѣj* → *іj* → *ьj*: *vej* → *vъj* (*vъješi*). Сущность ассимиляционного процесса указывает на передвижку в среднюю зону полости рта, пережитую гласным *ѣ* перед *j*, *i*: в заднем ряду гласные с высоким подъемом не производились в древней славянской фонетической системе: см. § 60.

На то, что в таких сочетаниях были редуцированные *ѹ* (*ѣ*), *і*, ясно также указывает судьба этих гласных в отдельных славянских языках. См. ниже, в отделе об *ѹ*, *і* в старославянском языке.

Сочетания редуцированных с плавными между согласными.

§ 94. В славянской фонетической системе было два ряда сочетаний редуцированных *ъ, ь* с плавными в положении между согласными:

1) редуцированный предшествовал плавному: *тъrt, ъrt, тѣt, ѣt; t* — какой-нибудь согласный;

2) редуцированный следовал за плавным: *тгѣt, тгѣt, тѣt, ѣt.*

1) *тъrt, ъrt, тѣt ѣt: гърдо* или *гърдо, тгъгъ, ггъпъ, згпо, върба, сърдѣсе, гъкъ* — „гул, гам, гулкие звуки“, *въкъ, жытъ.*

а) Южнославянские языки (болгарский, сербо-хорватский, словинский) и два западнославянских, издавна близких к южным, словацкий и чешский, — представляют указание, что они издавна имеют в этих сочетаниях плавные слоговые *г, л*. Слог концентрировался на этих сонорных — *тъrt, ъt: ггъпъ, тггъ, влкъ.* И в настоящее время в чешском, словацком, сербо-хорватском, словинском языках представлены сочетания с *г, л* (с заменой *л* в сербо-хорватском посредством слогового гласного *и*, указывающего на лабиовелярный *л* более раннего времени, с заменой *и* *о* в словинском, в *lu* → *li* в определенных условиях в чешском). Несколько примеров: сербо-хорв. *врба* (*ѣ* — долгое, с восходящим ударением), *гпо* (*ѣ* — с кратким нисходящим ударением), *ргѣ* (*ѣ* — с долгим нисходящим ударением), *влкъ* → *вук* (*ѣ* — с долгим нисходящим ударением), *дѣг* → *дуг* (*ѣ* — с кратким нисходящим ударением) — „длинн“, *дѣг* → *дуг* (*ѣ* с долгим нисходящим ударением) — „долг, geld-schuld“; чешск. *врба, гпо, ргѣ, влкъ, рлнѣ* — „полный“, *дѣхѣ* → *длхѣ* → *длхѣ* — „длинный“, *длхѣ* → *длхѣ* — „долг“.

В болгарском языке вышли из системы слоговые плавные в историческое время. Они заменились посредством сочетания *р, л* с гласным *ъ*, появившимся для избежания слоговости плавных — *врба, зрно, зрнце* или *зрнце, први, влк.*

В языках северо-западных славян — в лужицких, польском, поморском (кашубском), полабском, в языках восточных — в русском, украинском, белорусском — нет слоговых *г, л*. Вместо них представлены сочетания с гласным слоговым перед неслоговым *г, л*. Что касается гласного, то в восточнославянских языках это обычный заменитель гласных *ъ, ь* — *о, е*: *торг, верба* — *верба, волк* (*voŭk, voŭk*).

Эти восточнославянские сочетания указывают на такую предшествующую фонетическую стадию: *тъгъ, вѣба, вѣкъ* — со слоговыми *ѣ, ѥ*. Гласные *ѣ, ѥ* в этих сочетаниях были в языке восточных славян не только носителями слога, но они были во всех положениях сильными, независимо от следующего слога: *тъгъ, тъга, вѣба, вѣбъ* (родит. множ.). Следовательно, фонетическое значение гласных *ѣ, ѥ* в сочетаниях *тъrt, ѣrt, ѣlt* было не то, что значение их в прочих сочетаниях: *съпъ, съпа: съпъ* → *son*, но *съпа* → *spa*. Такое значение *ѣ, ѥ* в *тъrt...* было связано с положением их перед *rt, lt* — в положении, в котором некогда и в языке предков восточных славян *г, l* были слоговыми. Но рано в их фонетической системе произошло изменение: носителем слога стал *ѣ* или *ѥ*, находившийся перед плавным, и в таком положении он не подвергался дальнейшей редукции, хотя бы в следующем слоге находился гласный полного образования: *тъга* — с *ѣ* сильным слоговым; *вѣба* — с *ѥ* сильным слоговым. Если бы *ѣ, ѥ* подвергались ослаблению, то *г, l* перед согласным становились бы слогаобразующими. Но, как видно, фонетическая система восточных славян не допускала такой функции для *г, l*. Позднее такие *ѣ, ѥ* имели обычную судьбу: *ѣ* → *о*, *ѥ* → *е*.

Другое значительное изменение давнего, доисторического времени у предков восточных славян состояло в том, что плавный *l* перед согласным был во всех положениях лабиовелярным: *l̥*. Такой *l̥* воздействовал на образование предшествующего гласного *ѣ*, а также *е*, веляризуя их: *ѣl̥* → *ѣ̋l̥*; *ел̥* → *о̋l̥*: *ѣкъ* → *ѣ̋къ*, *дыгъ* → *ды̋гъ*, *рыпъ* → *ры̋пъ*; *melko* → *mőlko*. Такой же процесс пережит был и предками северо-западных групп — поморян, полабян.

У предков северо-западных славян (у лужичан, поляков, поморян, полабян) долее, чем у предков восточных славян, держалась фонетическая стадия со слоговыми *г, l̥*. В то время как у предков восточных славян *ѣ, ѥ* заменились обычного образования гласными *ѣ, ѥ* — сильными, у предков северо-западных славян *ѣ, ѥ* подверглись значительной редукции и с гласными *ѣ, ѥ* сильными они не совпали по своей судьбе: вместо *ѣ, ѥ* в *ѣrt, ѣrt, ѣlt, ѣlt* был слабой артикуляции гласный, подвергавшийся значительному воздействию следующего плавного, а также соседних артикуляций. Когда в фонетической системе этих славян слог стал концентрироваться около гласного в сочетании *ѣrt...*, то этот гласный, получив при этом более сильную арти-

куляцию, был не обычным заменителем сильных *ъ, ъ* (польск. *sen* вместо *съпъ*, *dz'en'* вместо *дьпъ*), а представлял разное образование, определившееся в предшествующее время в зависимости от соседних артикуляций. Ср. в польском языке: *targ*, *tarn*, (*търъ*), *ćirn'* → *ćern'* (*търъ*), *tvardy* (*търъд-*), *v'er'ba* → *v'ežba* (*върба*), *vilk* (*вълкъ*), *veľna-váľna* (*въľна*), *žółty* (*жълт-*), *długi* (*дълг-*). Сев.-кашубск.: *vouk*, *roucy*.

Итак, полагаем: в ранний период доисторической жизни славянских групп в их фонетической системе были сочетания *търт*, *търт*, *тълт*, *тълт*, — со слоговыми *г*, *л* и неслоговыми *ъ*, *ь*.

§ 95. б) Плавный *г* в сочетании *ьг* был палатализован в зависимости от артикуляции предшествующего гласного переднего ряда *ь*. Эта палатализация была невысокая, как и других палатализованных согласных, — палатализованных перед гласными переднего ряда: *ticho*, *pletetъ*, *lěpiti*, *nesete*. На то, что *г* в сочетании *ьг* был палатализован, указывают следы палатализации его в славянских языках, — в тех из них, в которых представлены мягкие согласные перед гласными переднего ряда, — в русском, в польском, в лужицких. Русск. *в'ер'ба* (и с позднейшим отвердением: *в'ерба*), *п'ер'вој* (и — *п'ервој*), на *в'ер'ху* (и — на *в'ерху*); польск. → *v'er'ba* → *v'ežba*, *v'er'ch* → *v'ešch*; верхн.-лужицк. *wjer'ba*, *čer'pać*, *wjēr'ch*.

В других славянских языках пережито было отвердение *г'* во всех сочетаниях. Во многих случаях, а по диалектам и во всех положениях, отвердели они и в русском языке. В старопольском языке и в верхнелужицком сохранялся *г'* перед губными и заднеязычными согласными и то при благоприятных условиях: если не предшествовали свистящий или шипящий согласный; после этих согласных *г'* отвердевал: польск. *šerp*, верхн.-луж. *serp*, *žerdź*.

Историческая фонетика славянских языков указывает на такое ограничение в процессе палатализации *г* в сочетании *ьг* и в давнее, доисторическое время: *г* не подвергался палатализации перед твердым небо-зубным согласным: *тъпъ*, *зьпо*, *дыпъ* и т. п. с твердым *г*.

В § 94 было отмечено изменение *л* перед согласным, происшедшее в языке предков восточных славян, поморян и полабян: он стал лабиовелярным (*л*), а в зависимости от такой артикуляции гласный *ь* → *ѵ*, *е* → *о*: *вълкъ* → *вълкѵ*, *melti* → *moŕti*.

§ 96. в) Слог *тъг-*, *тъг-*, *тъл-*, *тъл-* перед согласным был долгим слогом. Долгота этих сочетаний сохранялась в отдельных

славянских языках при условии сохранения долготы слога в других случаях. Так, напр., у сербо-хорватов, у чехов, у словаков долгота г, ! (и его замены) сохранялась перед прежним ударенным слогом: серб. *vŕba, oŕžati*; старо-чешск. *pridŕžati, kŕmiti*; словацк. *vŕba, kŕmit'*.

Но следует заметить, что долгота слога с г, ! имеет тенденцию в разных языках (и не славянских) к сокращению. Так, в чешском языке сократились все слоги с ŕ, ě.

§ 97. г) Долгота слога с т̑, т̑-, т̑!-, т̑!- перед согласным была с разной интонацией, нисходящей и восходящей. Следы этого различия отражаются в фонетике отдельных славянских языков. Так, интонация нисходящая отразилась в сербо-хорватском языке в виде $\simeq$ (нисходящее ударение на долгом слог): *drŭg, grād, zlāto*. Интонация давняя восходящая отразилась в этом языке в виде краткого нисходящего ударения: $\acute{}$: *vrāna, blāto*. Неодинаковость интонации т̑rt... была давнего происхождения. И в других индоевропейских языках представлено соответствующее различие. Ближе всего соответствия славянским интонационным различиям представляет литовский язык. Там славянским т̑, ьг, т̑!, ь! с нисходящим ударением соответствуют *uĩ, iĩ, uĩ, iĩ* — с ударением вида $\sim$. Славянским т̑, ьг, т̑!, ь! с восходящим ударением соответствуют литовские *ũg, lŕ, ũl, lĩ* с ударением вида $\acute{}$. (Соответствующее различие было отмечено выше и в судьбе ьп, ьп в славянских языках сравнительно с литовскими *iĩ, iĩ, lĩ, lĩ*; см. § 83.) Соответствующее различие представлял и др.-индийский язык: славянским т̑, ьг, ь! с нисходящим ударением, литовским *uĩ, iĩ, iĩ* в др.-индийском соответствовал г; в соответствии славянским т̑, ьг, ь! (с восходящим ударением), литовским *ũg, lŕ, lĩ* в др.-индийском были *ĩg, ũg*.

Полагаем: в основе др.-индийских *ĩg, ũg*, литовских *lŕ, ũg, lĩ*, славянских т̑, т̑, ь! с восходящей интонацией лежали слоги с гласным после плавного (т̑э, т̑!э; т̑ — какой-то слабый редуцированный гласный; э — какой-то гласный, получившийся вместо долгих а, о, е, подвергшихся редукации). Гласный, следовавший за плавным, подвергался затем редукации, а слоговые плавные становились долгими: т̑, т̑. Если за плавным не было гласного, в др.-индийском не появлялся долгий гласный в этом слог; был только слоговой г; в литовском и славянском в таких слогах была особая интонация: $\sim$ (лит.), $\simeq$ (нисходящая, слав.).

В других индоевропейских языках соответствия славянским ѣ, ы, ѝ, ѡ такие: в греческом ρα или αρ, λα или αλ; в замене ѣ, ѡ было αρα, αλα и ρᾱ, λᾱ; в латинском og, ul; в готском aúr из ur, ul. Примеры:

слав. skѣrbъ (— нисходящее ударение) — серб. skřb, русск. скорбь; лит.-жемайтское skuřbti — „быть в жалком состоянии“;

слав. sѣrdьce — словин. srčē (в словинском языке нисходящее ударение перешло на следующий слог: zlatō), чешск. srdce, русск. сердце; лит. širdis, греч. (гомеров.) καρδίη и καρδιή, лат. cor (родит. cordis), хет. kardi-s;

слав. dѣrѣъ — „разорван“ (dъrati) — сербск. dřt; лит.-жемайтское diřtas — „с ободранной кожей“, др.-инд. dṛta, др.-иран. dərēta — „расколотый“, греч. δρᾱτίς и δαρτός — „с ободранной кожей“;

слав. gŭlkъ — „гулкий звук“ — русск. голк, польск. zg'ełk; лит. gulksčioja — „ходит слух“;

слав. vŭlkъ — сербск. vřk → vřk, чешск. vřk, болг. вълк, русск. волк, польск. wilk, сев.-кашубск. wouk; лит. vilkas, др.-инд. vřkṣ, гот. wulfs;

слав. čŕvъ и čŕmъ — сербск. čřv (в сербо-хорватском языке čr → cr), словинск. čřm, старо-чешск. čřv, русск. червь; лит. kirmis, винит. kiřmi, др.-инд. křmi-;

слав. pŕstъ — „палец“ — сербск., словинск. přst; лит. piřštas — „палец“;

слав. gŕdlo, gŕlo (— восходящее ударение) — серб. gřlo, русск. горло, польск. gardlo; лит. gurklỹs, винит. gřrklij, др.-инд. gřrnāh — „проглоченный“;

слав. pŕsi — „грудь“ — сербск. přsi, словинск. přsi, старо-чешск. přsi, русск. перси; лит.-жемайтское pįřsys;

слав. zŕno — сербск. zřno, словинск. zřno, чешск. zřno, русск. зерно, украинск. зерно и зёрно, польск. zărno; лит. žrnis, лат. grānum, гот. kaurņ; — древнейшая фонетическая стадия — g'řn-;

слав. pŕlnъ — сербск. přn, чешск. plnř, русск. полно, польск. pełny; лит. pilnas, др.-инд. pūrṇāh, гот. fubls;

слав. dŕlgъ — „длинный“ — сербск. dřg, старо-чешск. dřhř, ново-чешск. dlouhř, польск. długі, русск. долго; лит. ilgąs, др.-инд. dīrghāh, хет. dalugaš.

§ 98. 2) Второй ряд сочетаний — это такие сочетания, в которых редуцированный ѣ и ѡ находился после плавного — trъt,

тътъ, ѣтъ, тѣтъ: крѣвъ (винит. ед.), крѣве (род. ед.), крѣвавъ, крѣтъ, крѣча, крѣшка, трѣхъ, трѣвога, рѣтъ, бѣча, слѣза...

§ 99. Из соответствий других индоевропейских языков наиболее близкие сочетания представляет литовский язык: гũ, гĩ, iũ, iĩ.

слав. крѣвавъ — лит. krūvinas;

слав. крѣтъ — лит. krutùs — „подвижный“;

слав. крѣча, крѣшити — лит. krūšti — „толочь“;

слав. трѣхъ — лит. trisù;

слав. рѣтъ — лит. plutà — „корка, толстая кожа“;

слав. рѣтъ — „плот, паром“ — латыш. pluts, др.-инд. plutà — „купающийся“, греч. πλωτός — „вымытый“.

§ 100. Все славянские языки в их истории представляют указание на то, что судьба этих сочетаний была не одинакова во всех случаях.

а) Сочетания, в которых после гъ, гь, їъ, їь следовал слог с гласным ѣ, ѥ слабым: крѣвъ, крѣтъ; крѣшка, трѣхъ, рѣтъ, слѣзь (родит. множ.). В этом положении носителем слога был ѣ, ѥ, а не плавный г, ї: крѣвъ, трѣхъ, слѣзь. В отдельных славянских языках судьба ѣ, ѥ в таких сочетаниях была одинакова с судьбою ѣ, ѥ в сильном положении. Напр., в русск. языке крѣвъ → кров', рѣтъ → плот', трѣхъ → тр'ох; польск.: krev' → krev, pęc.

б) В тех случаях, когда за гъ, гь, їъ, їь следовал слог с гласным полного образования, гласный ѣ, ѥ после плавного был тоже слоговым и имел судьбу обычного ѣ, ѥ слабого: он утрачивался в период утраты ѣ, ѥ в слабом положении: съпа → спа, їпа → їпа (ї'па)...; крѣвавъ → krvav, слѣза → slza... В тех славянских группах исторического периода, в фонетической системе которых были слоговые г, ї, такими стали плавные и в сочетаниях крѣвав, крѣве, крѣви, слѣза. Так обстояло дело в истории южнославянских языков и чешского со словацким. Если же в фонетической системе слоговые г, ї отсутствовали, то г, ї в этих сочетаниях (krvav, krvi, plti) стали безголосными, глухими (г, ї). Так в польском, в лужицких языках. Польск. křvi, břcha → pchla, trvoga, jabřko → jarřko → жарко. Или же при г, ї в таких сочетаниях, при сохранении голосового образования, развивался вторичный гласный: у (ы) при твердом плавном, і при мягком. Так было в украинском и белорусском языках — гу, їу, гі, їі: кривав, крива, блива, слиза.

Плавные с -лы- отразилось уже в житии Саввы освященного, XI в. Наличие вторичных гласных при плавных как раз свидетельствует о том, что фонетическая система этих языков не допускала слогообразующей функции для плавных. Плавные между согласными являются безголосными. Если в языке обнаруживается тенденция произносить в таком положении плавные с участием голоса, то г, л должны стать слогообразующими, как в южных или чешском и словацком языках, или же применялся другой способ для произношения г, л звонкими: развитие гласных при них. Фонетическая система восточнославянских языков издавна избегает слогообразующей функции плавных: это ясно отразилось на судьбе *tr̥t*, *tr̥t*, *tr̥t*. Та же тенденция действовала в истории этих языков и позднее. Некоторые полагают, что украинский и белорусский языки пережили в истории стадию со слоговыми г, л: *kr̥vi*, *s̥l̥za*, а затем слоговые плавные заменились посредством сочетаний *gu*, *li*, *ly*, *li*. Это — голая схема, построенная на параллелях с судьбою *tr̥t* в южнославянских языках, а не на основе изучения системы восточнославянских языков.

В истории отдельных славянских языков происходил процесс обобщения в звуковом виде основ, заключавших в себе замену прежних *tr̥t*, *tr̥t*, *tr̥t*, *tr̥t*. В южнославянских языках обобщились во всех случаях основы с г, л. Ср. с серб. *kr̥v*, как и *kr̥vi* и др. В чешском и словацком языках направление обобщения было не одинаково для отдельных слов: *kr̥t* („крот“), как *kr̥ta*, но: *blecha* — „блоха“, как *blecḥy*, *blech*; *pleti*, как *plet'* — „кожа на человеческом теле, цвет кожи, плоть“. В русском языке обобщились основы с заменой з, в в сильном положении: ро, ло, ре, ле (л'о) — кроха; как крох, крови, как кров' и т. п. Но в тех случаях, когда не было родственных форм с заменой з, в в сильном положении, г, л стали безголосными и утратились. — Пльсковъ → Плсков → Псков. То же явление в замене слова кръстити: кстит' (по сев.-русским говорам), Ксты, Кстьѣ, Кстово — названия деревень в разных северновеликорусских местностях, например, в бывш. Рыбинском, Юрьевском, Шуйском, Московском уездах.

or, er, ol, el перед согласными.

§ 101. Сочетания *or*, *er*, *ol*, *el* были между согласными (*vorpa...*), а также в начале слова перед согласным (*ordlo...*).

1) Сочетание *or, er, ol, el* между согласными — *tort, tert, tolt, telt*. Перед гласным в сочетаниях *or, er, ol, el* не происходило изменений, так как плавный относился к следующему слогу. Напр. *prostorъ* (*pro-storъ*), *prostora* (родит. ед.), *rozorъ* (*ro-zorъ*). Если за плавным находился *j*, то рано произошла ассимиляция плавного с *j* в один палатальный *l'*, *r'*: *voliti* — *volja* → *vol'a* (два слога: *vo-l'a*), *kolješi* → *kol'eši* (*ko-l'e-ši*).

Если же за плавным следовал согласный (кроме *j*), то *or (er, ol, el)* представляло собой дифтонгическое сочетание (сочетание одного слога) и подвергалось изменениям: *storna* (*stor-na*), *zorъkъ* (*zor-къ*), *merti* (*mer-ti*), *kolti* (*kol-ti*), *melko* (*mel-ko*)...

а) Слог с *or, er, ol, el* перед согласным был слогом долгим. Долгота его заменителя в отдельных славянских группах сохранялась в тех условиях, в которых не происходило вообще сокращения слога. Напр. перед прежним ударным слогом. Ср. долготу слога в сербо-хорватском языке: *brāda, brāna, vrāiti, mlāiti, srēda, trēbiti* — „чистить, теребить, лупить“, в чешском языке: *brāna, mlāiti, lřbiti* — „чистить, просеивать“; следы долготы (*ó*, т. е. *и*, вместо *ō*) в польском языке: *vróbić* (русск. воро-тит' вместо *vortiti*), *brózda*.

§ 102. б) *or, er, ol, el* между согласными были с разными интонациями. Следы интонационного различия отразились на фонетике отдельных славянских языков. Так, в восточнославянских языках ударение находится на первом или на втором гласном сочетаний *оро, ере, оло*, заменивших собою ранние доисторические *or, er, ol, el*: *ворон, зóлoto, гóлос, бéрег; ворóна, солóма, болóто, берéза (бер'óза)*. Были и безударные *or, er, ol, el*: *bórdà* — русск. борода́, *golvà* — русск. голова́, *melkò* — русск. молоко́... В сербо-хорватском языке *га, ге, ла, ле*, заменившие собою ранние доисторические *or, er, ol, el*, представляют под ударением в одних случаях нисходящую долготу (—) или нисходящую краткость (˘). Восточнославянские *óро, éре, óло* соответствуют сербским *gā, gē, lā, lē*: серб. *vrān, grād, zlāto, glās, brēg*. Восточнославянские *орó, ерé, олó* соответствуют сербским сочетаниям с *˘*: *vrāna, slāma, blāto, brēza*. В сербском *˘* отражается не только давнее краткое нисходящее ударение (*rǒl'e*), но и давнее дóлгое восходящее ударение: *līra* вм. давнего *līra*; *rūn* вм. давнего *rūpnъ*. Следы интонационного различия ударенных *or, er, ol, el* отражаются и в чешском языке.

Разным славянским интонационным слогам с *or*, *er*, *ol*, *el* соответствуют разные ударения в литовском языке: лит. *aĩ*, *eĩ*, *ai*, *ei* в соответствии славянским *or*, *er*, *ol*, *el* с нисходящим ударением; лит. *árg*, *érg*, *ál*, *él* в соответствии славянским *or*, *er*, *ol*, *el* с восходящим ударением. Примеры:

- а) слав. *gŭrdъ* — серб. *grād*, русск. *гóрод*; лит. *gar̃das*;
слав. *vŭrпъ* — серб. *vrān*, русск. *вóрон*; лит. *vaĩnas*;
слав. *dĕrvo* — серб. *dr̃evo*, русск. *дéрево*; лит. винит. ед. *deĩvą* (именит. *dervą*);
слав. *vŏlkъ* — серб. *vlāk*, русск. *вóлок*; лит. *vaĩksmas*;
- б) слав. *vŏrna* — серб. *vrāna*, русск. *ворóна*; лит. *várną*;
слав. *kŏrva* — серб. *krāva*, русск. *корóва*; лит. *kárvė*;
слав. *bĕrza* — серб. *br̃eza*, русск. *бер'óза*; лит. *bėržas*;
слав. *sŏlma* — серб. *slāma*, русск. *солóма*; латыш. *salms*;
в литовском было бы *šálms*;
- слав. *kŏlti* — серб. *klāti*, русск. *колóт'*; лит. *kálti*;
слав. *bŏlto* — серб. *blaĩto*, русск. *болóто*; лит. *báltas*.

В основе этих последних сочетаний, с восходящей интонацией, лежали сочетания с долгим слоговым элементом (*tŏrt*) или двухслоговая база, с гласным после *r*, *l*, — с гласным, позднее утратившимся в отдельных индоевропейских группах (*torət*, *tolət*, *terət*, *telət*). Ср., напр., греч. *κάλαμος* — „камыш“, *καλάμη* — „колос“, др.-верхн.-нем. *halam* — „стебель“, но слав. *solma*: серб. *slāma*, русск. *солóма* (*s* вместо давнего незаднего *k'*: слав. *desęť* — греч. *δέκα*). Греческая и др.-верхн.-немецкая параллели представляют замену двухслоговой базы без редукции второго гласного элемента. В славянской и балтийской группах отразился результат редукции второго гласного элемента, — но прежняя двухслоговость базы оставила след на особой интонации слога: в славянской группе он получил восходящую интонацию, как и в других подобных случаях. Ср. др.-верхн.-немецк. *birihha* — слав. *bĕrza*, лит. *bėržas*.

§ 103. в) Фонетическое значение сочетаний *tort* у славян в доисторическое время было не одинаково по группам того времени, — не одинаково в связи с разными способами, применявшимися в фонетической системе при осуществлении весьма значительной тенденции — избежать закрытости слога. Эта тенденция отразилась на изменении прежних дифтонгов

ou, eu, oi, ei в монофтонги и на изменении op, ep, yp в носовые гласные. В отношении дифтонгических сочетаний t-or-t, t-er-t, t-ol-t, t-el-t эта тенденция отражалась таким образом.

В речи предков южных славян, а также близких к ним издавна предков словаков и чехов долгота слога сосредоточивалась на гласном. Поэтому там были ar (вм. ōr), ěr, al, ěl. Для избежания закрытости слога с r, l (tar-t) происходило перераспределение слоговых элементов (образование монофтонга из or, er, ol, el было невозможно). Перераспределение состояло в том, что плавный отходил к следующему слогу: ta-rt, tĕ-rt... Но в таком случае возникала побочная слоговость r, ĭ в начале слога. И от нее фонетическая система избавлялась посредством перемещения артикуляций: гласные a, ě стали произноситься после плавного: ra, rĕ, la, lĕ (перестановка): vrapъ, vrapa, brĕgъ, brĕza, glava, mlĕko. Перестановка в сочетаниях гласного с плавным происходила в разных языках. Ср. в греческих диалектах ἀδέρφια — ἀδρέφια — „брат“, σαρπίζω — σαρπίζω — „рассеиваю“, δερπαύι — δρέπαυον — турецк. tərpaп — „коса“, σόρφα — σόρφα — „свинья“ и др.

В речи предков восточных славян, а также северо-западных (предков лужичан, поляков, поморян, полабян) долгота слога сосредоточена была на второй части слога, на плавном r, l. Стремление к открытости слога и тут повело к перераспределению слоговых элементов, а это вызвало побочную слоговость долгих r, l: to-řt, te-řt, to-ļt, te-ļt. Чтобы избавиться от побочной слоговости плавных в начале слога, была применена в фонетической системе этих славян не перестановка, а развиты были вторичные гласные неполного образования после плавных. Этому развитию способствовала долгота слогового плавного. Этот вторичного происхождения редуцированный гласный подобен был тому, какой находился перед плавным: o, e. В дальнейшей судьбе гласного при r, l было различие в системах восточных и северо-западных славян. У восточных славян второй гласный в количественном отношении стал таким же, каким он был и перед плавным, т. е. гласным o, e: появились ого, еге, оло — voropa, beregъ, gołova. Перед согласным плавный был лабиовелярным у восточных славян, как у северо-западных, — у поморян и полабян. В зависимости от такого образования гласный e заменен был гласным o, а гласный ъ гласным з (vylкъ → vylкъ): melko → moľko, melti → moľti. Поэтому у восточных славян moľoko, moľoti.

На то, что второй гласный в восточнославянском полногласии был в течение долгого периода времени не обычным гласным *о*, *е*, а более кратким, неполного образования гласным, свидетельствует украинская фонетика в ее истории. Давние гласные *о*, *е* подвергались в украинском языке удлинению в связи с ослаблением *ъ*, *ь* в следующем слове: *dvorъ* → *dvōr[ъ]* → *dvōr*; *рець* → *рѣць[ъ]* → *рѣць*. Но нет такого результата в удлинении *о*, *е* в полногласии: город, порог, берег. Ясно, в период ослабления гласных *ъ*, *ь* не было еще гласных *о*, *е* обычного образования (кратких) во второй части полногласия, а были гласные неполного образования: *о^о*, *е^е*, *о^о*. В отдельных именах в украинском языке находится *і* вместо *о*, *е* и в полногласии: порог и поріг, беріг и некоторые другие. Но появление в этих случаях *і* вместо *о*, *е* обусловлено не фонетическим изменением гласных *о*, *е* после плавных, а позднейшим воздействием ряда таких имен, в которых давние *о*, *е* чередуются с *і*; *о*, *е* в открытом слове, *і* в закрытом: носа — ніс, рога — ріг. По этому образцу появилось и новое чередование: порога — поріг и т. п. (Ср. подобное же явление в русском языке: под влиянием чередования *л'он* — *льна* в м. *льнѣ*, *льна*, *ден'* — *дн'а*, в м. *дѣнь* — *дѣне* и т. д. появилось чередование *л'од* — *л'да*, в м. *лѣдъ* — *лѣда* и т. п.) В памятниках украинской письменности XV—XVI вв. такое явление в отношении полногласия не отражается. Нет следов его и в украинских словах, перешедших в XVI—XVII вв. в польский язык: *derewn'a*, *Zaporōze* (но *Sicz*) и др.

Мы не можем принять и такое объяснение слов с *орі*, *олі*, *ері*: они появились под новоакутовым ударением (родит. множ. *голів*, *борін*, *сторін*, *черід*); под ударением новоциркумфлексным *оро*, *оло*, *ере* оставались без изменения (*ворон*, *колод*). (О видах ударения см. §§ 156—159.) Невозможно считать удовлетворительным такое объяснение потому, что ему противоречат многочисленные отступления от предполагаемой нормы: *сторѡжа*, *горѡжа*, *колѡсся*, *волѡсся* и другие с новоакутовым ударением; *доріг*, *корів* и другие с новоциркумфлексным ударением.

У предков северо-западных славян вторичный гласный усиливаясь, а гласный, предшествовавший плавному *г*, *л*, ослабевал и совсем утратился. Получилось *го*, *ре*, *ло*, *ле*: *vrōpa*, *br'egъ*, *zloto*, *bloto*, *mleko* (у поморян и полабян *młoko*), польск. *mleć* в м. *mleci* (у поморян *młoc*).

О том, что перед плавным был некогда редуцированный гласный, может свидетельствовать следующее явление, отразившееся в старопольских памятниках письменности XIV в. Предлоги и префиксы *vъ, съ* в сочетаниях со словами, имевшими в начальном слоге некогда *tort, tert, tolt, telt*, перешедшие в *t^orot, t^oret, t^otot, t^olet* (* слабый редуцированный гласный), представляют гласный *e*, как заменитель редуцированного в сильном положении, т. е. в слоге, за которым следовал слог с гласным редуцированным, подвергшимся затем утрате. Ср. также примеры: *ve błoce, ve vrota, se złotem* (из Флорианской пс. XIV в.). Следовательно, когда-то за *vъ, съ* шел слог с редуцированным гласным, подвергшимся утрате. Поэтому в предшествующем слоге *ъ → e*: *vъ v^orota → ve vrota*.

Сочетание *tort* имело еще иную судьбу на северо-западе. Вторичного гласного за плавным не представлено. Но перед плавным *г* гласный *а*: *tart*. Такие сочетания были в старопольском языке при *trot*. Более многочисленны сочетания с *tart* были у поморских славян. У их потомков, у кашубов и балтийских словинцев, такие сочетания представлены и в настоящее время: *varta, Starogard, karvinc* (польск. *krav'en'ec* — «коровий навоз»). Далее на западе, у полабских славян, в преимущественном употреблении были сочетания с *tart* (*tort, tart*): *gorch, korvo, starna...* Известен только один пример с гласным после *г*: *brōda*. Гласный *о* в полабском *tort* не представлял собою непосредственного заменителя давнего гласного *о*: если бы он был непосредственным продолжателем этого гласного, то он изменился бы в *ū*: ср. полаб. *slŭvŭ* (*słovo*), *smŭla* (*smoła*) и др.; *tort* или *tart* явилось у полабян вместо *tart*, вследствие удлинения гласного *а* (*ā → â → o*). Условия появления *аг* на северо-западе неясны. Проф. Я. Розвадовский видел в этом *аг* результат давнего сокращения слога *ог* (в *tort*), — результат, образовавшийся в фонетических системах польской, поморской, полабской. Этот результат оказался одинаков с тем, что получилось в этих группах вместо давнего *tȃrt*: *tart* (*targ* вм. давнего *tȃrgъ*)¹.

В немногих славянских группах в отдельных словах иначе отражалась тенденция избежать закрытости слога: посредством

---

¹ J. R o z w a d o w s k i, *Historyczna fonetyka czyli głosownia języka polskiego* (в изд. „Encyklopedia Polska“, t. II, Kraków, стр. 388). То же в издании Краковской Академии наук „Gramatyka polska“, Kraków, 1923, стр. 163.

развития вторичного гласного ъ после г, л. Такому изменению подверглись некоторые сочетания в языке предков славян болгарских, в частности в той группе этих славян, которые водворились на северо-востоке Балканского полуострова. Результат такого изменения представлен следующими примерами, находящимися в памятниках славянской письменности, отражающей черты языка славян на востоке Балкан: *вѣлѣтнѣмъ* (в дошедшем списке с пропуском ъ и с постановкой ' : *вѣл'тнѣмъ*), *мѣлѣднѣмъ* (*мѣл'днѣмъ*), *пѣлѣтъ*, (*пѣл'тъ*), *сѣлѣность* (*сѣл'ность*) — в Шестодневие Иоанна экзарха (X в.), а также *зѣлѣтаринѣ* (*зѣлтаринѣ* — греч. χρυσόχόος — „мастер золотых дел“) — в переводе слов Афанасия Александрийского (в переводе, относящемся к X в.). Но нет полной уверенности, что такая передача восходит к давнему, доисторическому периоду: не явилась ли такая передача в результате воздействия фонетики не славянской, — фонетики тамошних, балканских романов (предков румын)? В иноязычной среде славянские сочетания с ра, ла, рѣ, лѣ нередко передавались посредством аг, ал, ег, ел. Так, напр., переданы были некоторые славянские слова в албанской среде: *gardh* (*garth*) вместо слав. *grad[ъ]*, *daltë* вместо слав. *dlato*; ср. и передачу таких слов: слав. *krupa* — алб. *kërpiñ* — „солю“; слав. *trup[ъ]* — алб. *turp*; греч. *κλεισόβα* („ушелье“) — алб. *Këltësürë* и др. Совсем нет необходимости видеть в этой передаче указание на славянские сочетания с аг, ал, ег. (Подробнее об этом говорится в моей книге „Славянское население в Албании“.)

Но не исключена возможность, что *вѣлѣтнѣмъ*... восходит к доисторическому *bal'etiny*, — с развитием вторичного ѣ после плавного (в некоторых сочетаниях в языке предков болгарских славян). То же явление отразилось у них и на судьбе ал в начальном слоге: *алѣкати*.

Неясно, как надо объяснить написание *зѣлѣта* — единственный пример в Синайской пс., при обычном *златѣ*.

§ 104. *čelt-, želt-*. После шипящих согласных произошло в этих сочетаниях изменение е в ѓ. В тех языковых группах, в которых происходило удлинение гласных о, е в tort, tert (см. § 103), удлинялся и ѓ. В связи с изменением лабиализованных гласных переднего ряда в нелабиализованные (§ 51) изменился и čöl в čāl и затем в čal. Так было в говорах, легших в основу южнославянских, а также словацкой и чешской групп. Ст.-сл. *жааѣж* 1 л. ед. *жааѣти* — „платить, оплатить“: не имѣтъ унѣж *жааѣти* (Супр.

рук.). Сербо-хорв. *člān*, *člānak*, чешск. *člān*, *člānek* вместо *čelnъ*, *čelnъkъ*. Чешск. *žlab* вм. *želbъ* — „желоб“.

В основу польской группы легли те говоры, в которых не происходило удлинения *o*, *e* (см. § 103). Не удлинился там и *ö* в *žöl*; но раньше дислабиализации развился после плавного вторичный лабиализованный гласный, который позднее заменился гласным полного образования: *złobъ* (*žlób*). Развитие вторичного гласного после плавного находилось в этой группе в связи с общим фонетическим направлением в изменении сочетаний *tort*, *tert*, *tolt*, *telt*.

В южных и западных группах имеются и сочетания *člět*-, *žlět*-(в польской группе *žlet*-). Полагаем: изменения *čelt*-, *želt*— в *čölt*-, *žölt*- происходило перед твердым согласным: *čölnъ*, *cölna*, *žölbъ*; но *čelně*, *želbě*. С течением времени происходило обобщение для всех форм основы с одинаковым гласным после *č*, *ž* (ст.-сл. *жлѣдѣтъ*, *жлѣсти* (Супр. рук.). Старо-чешск. *člének*, словацк. *člienok*; чешск. *žlibek*, словацк. *žliebok*, *žleb*; сербо-хорв. *žlěb*, польск. *žleby* — „трещины, углубления в горах“.

§ 105. 2) *ort*-, *olt*-, в начале слова. Вследствие осуществления фонетической тенденции к открытости слога изменились у славян в доисторический период и *ort*-, *olt*- в начале слова. (Для *ert*-, *elt*- нет достоверных примеров). Изменения были не одинаковы по славянским группам.

В сочетаниях с *ort*-, *olt*- под восходящим ударением повсюду у славян получился одинаковый результат: происходило удлинение гласного и затем перемещение слоговых элементов: *ort*- → *rat*-, *olt*- → *lat*-. Ср. слова с корнем *or*- (из основного *ār*-): *or*- перед гласным не испытывало изменений, потому что *r* не заканчивал слога, а относился к следующему слогу: *orati* (*o-ra-ti* — „пахать“); ср. в других индоевропейских языках образования с тем же корнем: греч. *ἄρῳ* — „пашу“, *ἄρότης* — „пахарь“, *ἄρατρον* — „плуг“; лат. *arō* — „пашу“, *arātrum* — „плуг“; лит. *arti* — „пахать“, *artójas* — „пахарь“, *árklas* (вм. *ártlas*) — „соха“. Но перед согласным в славянской фонетике *or*- подверглось изменению: в данном случае *or*- было под восходящим ударением и заменилось посредством *ar*-, а это — посредством *ra*-. *ortai* — „пахарь“ → *ratai*; *ordlo* → *radlo* → *rafo* — „орудие пахоты“ (лит. *árklas*). Так, *ra*- во всех славянских группах. На то, что в этом корне *or*- перед согласным ударение было восходящее,

указывает судьба этого слога в славянских языках, с одной стороны, и литовская параллель — с другой: серб. *gàlo*, у чехов — долгота: *rādlo* (чешская долгота указывает в данном случае именно на восходящее ударение: *vrāna*, *līra*; серб. *vrāna*, *līra*); лит. *árklas* с '.

Другие примеры с восходящим ударением:

oŕmo → *ramo*, ст.-слав. *рамѡ*, серб. *gàmo*, *gàme* — „плечо“, чешск. *gāmě* — „плечо, рука“, украин. *рам'а*; ср. в сербском *ʹ*, в чешском долготу; ср. в литовском слог на стадии редукции, но с ударением: *lrmédė* — „ломота в костях“; др.-иран. *agəma* — „рука“, лат. *armus* — „лопатка“, др.-верхн.-нем. *aram* — „рука“.

olkati → *lakati* — „голодать, ощущать голод“, *olkomъ* → *lakomъ*. Во всех славянских группах *la*. Отметим серб. *lakom*, чешск. *lā-kati*. Ср. еще литовскую параллель с ударением: *álkti*.

Сочетания *ort-*, *olt-* с нисходящим ударением или без ударения изменялись не одинаково по славянским группам доисторического времени.

а) В одних группах произошло и в этих сочетаниях удлинение и перемещение слоговых элементов: *ort-* → *rat-*, *olt-* → *lat-*. Так было у предков южных славян — у болгар, сербов (хорватов), словинцев. Отчасти отразились те же результаты и у близких к ним предков словаков. Примеры:

ōldii- → *ladii*: серб. *lāda* (с *ā*, а не с *ǣ*); ср. безударное *al-* в литовском: *aldijà* (винит. *aldijà*);

ōlkūtī → *lakъtъ*: серб. *lākat*, болг. *лакът*, словин. *lakāt* (у словинцев произошел перенос нисходящего ударения на следующий слог: *zlatō*); ср. лит. *alkúnė*;

ōrvīno- → *gavъnъ*: серб. *gāvnt*, болг. *равен*, словин. *gavnpol'e*; ср. др.-прусс. *arwis* — „подлинный, навальный“;

префикс *orz-* → *raz-* — в языках южных славян;

orsti, *orstъ* → *rasti*, *rastъ*, серб. *rasti*, *rāst*, болг. *раст*, словин. *rāsti* (с переносом ударения к началу слова).

§ 106. В немногих словах в языке предков южных славян получился и иной результат: удлинения не происходило, *ort-* под нисходящим ударением или вне ударения заменилось посредством *rot-*. Такая двойственность была в передаче сочетания

orb-: rabъ и robъ, rabota. Условия этой двойственности неясны. У предков болгарских славян были и другие слова в двоякой передаче — с rat и rot, lat и lot. В Супрасльской рукописи, отражающей черты говоров восточной Болгарии, находится при словах с ра- (равѣ, раздати) не только роѣъ, но и приставка роз-, рос- (розбонникомъ, розмысливъ, растворить и др.), роѣъ.

В болгарских группах были два фонетических варианта в замене *olkŭti-*: *lakŭtŭ* и *lokŭtŭ*. На вариант с *lo* указывают некоторые македонские говоры: *lókot* (в Солунском крае, в Малой Реке — на западе Македонии).

б) В группах, которые легли в основу восточнославянских и западнославянских языков, в сочетаниях *ort-*, *olt-* под нисходящим ударением или вне ударения не было удлинения; произошла только перестановка. Примеры: *łodii*, *łodь*, *łokъть*, *łoni* («в прошлом году»), *gowъпъ*, *roz-*, *rosti*.

Корень *ог-*, отмеченный выше, с восходящей интонацией: *oŭ-
dlo*. Но в образовании с суффиксом *-lŭja* пережито было изме-
нение тона, как и в других словах с суффиксом *ja* (*-ja*), *-ŭje*:
см. ниже в отделе об ударении. Вследствие метатонии появи-
лась вместо восходящей интонации нисходящая (новонисходя-
щая): *goŭja* — „пахотное поле, пашня“, белорусск. *ралля*, ук-
раинск. *рілля*, старо-чешск. *ŕolie* → *ŕolt* (в чешском языке 'в сло-
ге с прежним нисходящим ударением слог краток), польск. *rolą*,
др.-русс. *ролна*, *рольн* — *хочеть погубити смерды и ролью*
смердомъ (Ипатьевский сп. летоп., под 6619 г.); было это слово
в русском языке и в XVII в., некоторые лица имели прозви-
ще от этого имени: да в той же пустоши по жеребью за Он-
тоном Игнатьевым сыном Рольиным (Рязанские писц. книги
XVII в.).

§ 107. В языке предков славян болгарских тенденция избежать закрытости слога в сочетании og-, ol- в начале слова отразилась еще в ином направлении: посредством развития вторичного гласного после плавного: aľkati, aľdii. На такой результат изменения ol- указывают данные старославянских памятников: aľkati, vľzalkati, aľuľiŝa, aľdii. Но и: ladii; в Синайской пс. lalũŝte, vľzalkaŝi; vľzaluľiŝe vko pesť, в Зогр. код. vľzalkati sľ. Такой способ избежания закрытости слога применялся в языке болгарских славян и позднее, как было указано выше (§ 36): norľdaniŝ, izperľmaloũmŝ, orľganiŝ, olťariŝ и др.

ПОЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ГРУПП СРЕДИ ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ В ОТНОШЕНИИ СОГЛАСНЫХ.

§ 108. 1) В языке славян согласным s, z в ряде слов соответствовали шипящие или свистящие в одних индоевропейских языках, заднеязычные или их замены — в других. Шипящие или свистящие представлены в языках древнеиндийском, древнеиранском, литовском, албанском. Заднеязычные или их замены были в языковых группах хеттской, тохарской, греческой, итальянской, кельтской, германской. Заднеязычные согласные представлял и язык того населения, весьма богатая культура которого в долине реки Инда (в Мохенджо-Даро и в Хараппе) открыта была недавними раскопками, — культура, относящаяся к первой половине 3-го тысячелетия до н. э.¹ Надписи на некоторых предметах этой культуры удалось несколько месяцев тому назад прочитать профессору Пражского университета Б. Грозному. (Он же прочитал иероглифические хеттские надписи.) На основании таких соответствий в разных индоевропейских языковых группах полагаем, что эти соответствия представляли собою замену более ранней фонетической стадии индоевропейских языков, — стадии с такими k, g, gh, которые отличались от k, g, gh в других словах, — отличались тем, что затвор производился ближе к твердому нёбу по сравнению с затвором для k, g в других случаях. Таким образом, в языковых группах восточноиндоевропейских — в др.-индийской с ее книжным языком — с санскритом (в группе более позднего появления в области Инда, по сравнению с населением, остатки культуры которого открыты в Мохенджо-Даро, — с населением протоиндийским), в др.-иранской, балтийской (литовской, др.-прусской и др.), славянской, албанской, — в судьбе образования для таких нелабиализованных, незадных k, g произошла передвижка вперед, их замена посредством согласных шипящих, свистящих или фрикативного th (dh). В некоторых других давних процессах восточноиндоевропейские группы также представляли общие направления.

В языковых группах протоиндийской, хеттской, тохарской, греческой, итальянской, кельтской, германской передвижки вперед

¹ B. H r o z n ý, O nejstarším stěhování národů a o problému civilizace protoindické. Praha, 1939, стр. 27. — Мой перевод этой статьи проф. Грозного напечатан (с сокращениями) в журн. „Вестник древней истории“, № 2 за 1940 год, стр. 15—34.

не происходило; незаднеязычные k, g, ch становились близкими к нелабиализованным заднеязычным согласным.

Итак, соответствия древнейшим k', g', g'h в отдельных индоевропейских языках таковы:

	др.-инд.	др.-иран.	лит.	слав.	алб.	тох.	греч.	лат.	гот.
k'	κ(ś)	s	š	s	s, th	k	κ	c(k)	h(g)
g'	γ(dž)	z	ž	z	z, dh, d	k	γ	g	k
g'h	h	z	ž	z	z, dh, d	k	χ	h	g

Примеры:

k':

а) слав. съто, *tysetja* в.м. *ty-setja*, ст.-слав. тысяща, лит. *šimtas*, др.-инд. *ṣatām*, др.-иран. *satəm*;

б) тохар. *kānt*, греч. *ἑκατόν* (*é-katón*), лат. *centum*, гот. *hund*;

а) слав. десѣть, лит. *dėsimt* (диал. *dešimtis*), др.-инд. *dāśa*; др.-иран. *dasa*;

б) греч. *δέκα*, лат. *decem*, гот. *taihun*;

а) *rysati, pišq* (1 л. ед.), лит. *piěšti, piešiù* — „углем проводить линию, чертить, писать“, др.-инд. *piṇṣāti* — „он украшает, придает вид“;

б) тохар. *piṇkam* — „он пишет“, лат. *pingō* (*pictum*) — „рисую, иглою вышиваю“.

g':

а) слав. *znati*, лит. *žinoti*; др.-инд. *jānāti* (*džanati*) — „он знает“;

б) греч. *γινώσκω* — „я познаю, знаю“, лат. *gnōscō, nōskō*, гот. *kann*;

а) слав. *zъno*, лит. *žl̃nis*;

б) лат. *grānum*;

а) слав. *zъbъ*, лит. *žambas* — „угол у перекладки“, латышск. *zuobs* — „зуб“, др.-инд. *jāmbhaḥ* — „зуб“.

б) греч. *γύψος* — „гвоздь“, др.-верхн.-нем. *kamb* — „гребень“.

g'h:

а) слав. *vezq, vozъ*, лит. *vežù*, др.-инд. *váhati* — „он едет“;

б) греч. *βῆχος* в.м. *φόχος* — „повозка“, лат. *vehō*, гот. *gawīga* (*ga-wīga*) — „я двигаю“;

а) слав. *zima*, лит. *žemà*, др.-инд. *himāḥ*;

б) греч. *χίων* — „снег“, *χειμών* — „зима“, лат. *hiems*.

§ 109. 2) Соответствия разных индоевропейских языков указывают, что в их фонетической системе некогда были такие *k, g, gh*, при образовании которых затвор производился в глубокой задней части мягкого нёба; а такая задненебная артикуляция согласных сопровождается активным участием губ,— их округлением: k^u, g^u, gh^u (значок ^{u} указывает не на отдельную губную артикуляцию, а на лабиализованные *k, g, gh*). Подвижка вперед заменителей таких согласных в отдельных индоевропейских языках не переживалась, если только не возникали особые фонетические условия, при которых происходила передвижка образования согласного в палатальный ряд (напр., у славян перед *j* и перед гласным переднего ряда: $ki \rightarrow \check{c}i$, $ke \rightarrow \check{c}e...$). След лабиализованного образования *k, g, gh* представлен в некоторых индоевропейских языках и в том, что при задненебном образовании согласного развился лабиальный элемент. Такой был в языках хеттском, латинском, германских: хет. *kuiš*, лат. *quis* — „кто“, гот. *hwas* — „кто“. Бывало и так, что губная артикуляция получала перевес: затвор велярно-лабиальный заменялся лабиальной артикуляцией. Так в оско-умбрской группе (*pis* — „который“), в греческой (*πόταρος* — „который из двух“), отчасти в кельтском (др.-валлийск. *reŷguar* в соответствии латинскому *quattuor* — „четыре“). В восточных же индоевропейских языках нет следов лабиального элемента в образовании *k, g*: если он некогда и был в фонетической системе этих языков, то он рано утрачен ими. Отсутствие или давняя утрата лабиального элемента *k, g, gh*, с одной стороны, и небо-зубные спиранты вместо k', g', gh' — с другой, в восточноиндоевропейских языках находились в связи с фонетической системой их. Примеры:

Ст.-слав. *отълихъ* — „остаток“, лит. *lėkù*; но греч. *λείπω* — „оставляю“, лат. *linquo* — „оставляю“;

гот. *leiŷwa* — „ссуживаю“;

слав. *govędo* — „рогатый скот“, латыш. *gūws* — „корова“, др.-инд. *gāuḥ* — „скот“; но греч. *βοῦς* — „бык“.

§ 110. 3) В славянской, балтийской, др.-индийской, др.-иранской языковых группах имеются слова с *k, g*, которым в западных индоевропейских языках соответствуют согласные, восходящие к задненебным согласным без лабиального элемента: в греч. *x*, в латин. *c (k)*, в герм. *h*.

Напр.: слав. *kry* (*krъvъ* — винит. ед.), лит. *kraĩjas* — „кровь“, др.-инд. *kravīṣ* — „сырое мясо“, греч. *κρέας* в м. *κρέας* — „мясо“, лат. *cruoŕ* — „кровь“;

слав. *lucъ* (ѣ в м. к перед гласным переднего ряда), лит. *laũkas* — „имеющий белое пятно“, греч. *λευκός* — „белый“, лат. *lũcere* — „светить“, гот. *liuhath* — „свет“;

слав. *stogъ*, *ostegъ* (*o-stegъ*) — „одежда“, лит. *stogas* — „крыша“, др.-инд. *sthaŕayati* — „он покрывает“, греч. *στέγα* — „покрываю“.

§ 111. 4) В др.-индийском, др.-иранском, греческом, латинском языках отразились следы более ранней фонетической стадии с придыхательными *kh*, *gh*, *gʰh* (лабиовелярный придыхательный *g*): в др.-индийском — придыхательные *kh*, *gh* и *h*, в греческом придыхательные *kh*, *gh* заменились задненебным спирантом *χ*, а лабиовелярный придыхательный *gʰh* заменился спирантом *φ* или *θ*; в латинском *h* вместо *gh* и губной *f(v)* вместо *gʰh*.

В языке славян, как и в языке литовцев, нет следов придыхательных *gh*, *gʰh*: в этих языковых группах имеется задненебный согласный *g*, а вместо незадного *gʰh* находится то же, что и вместо незадного *gʹ*: в литовском *ž*, в славянском *z*.

Примеры:

gh: слав. *stig-* (*stignŕti*), лит. *staigũti* — „торопиться“, др.-инд. *atistĩgham* — „переходить“, греч. *στέιχω* — „ступаю, иду“; слав. *тъгъла*, лит. *miŕlā*, др.-инд. *mēghaṇ*, греч. *θύγλη* — „туман, облако“.

gʰh: слав. *sněgъ*, лит. *snėgas*, греч. *νίψς*, лат. *nivem* (им. едм. *nix*);

слав. *gorěti*, лит. *gāras* — „пар“, др.-инд. *gharmāṇ* — „жар“, греч. *θερμός* — „теплый, горячий“, лат. *formus* — „горячий, теплый“.

gʰh: слав. *zima*, лит. *žėmā*, др.-инд. *hīmaṇ* — „холод, зима“, греч. *χειμῶν*, лат. *hiems*; другие примеры см. выше.

В литовском языке нет следа и от придыхательного задненебного *kh*. Но у славян есть след такого согласного: в ряде слов, в которых др.-индийский имел *kh*, греческий *χ*, у славян был *ch*, а не *k*. Напр.:

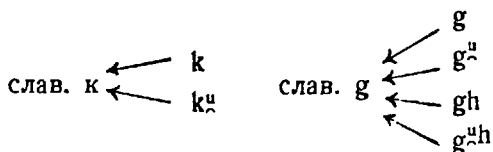
слав. *socha*, др.-инд. *śākha* — „сук, ветвь“, персид. *šāch*; лит. *šakà* — „сук, ветвь“.

В отношении значения „соха — ветвь, сук“ ср. русские прилагательные „россохатой, росошистой, росохивостой“ в значении — „ветвистый, суковатый“: на дравѣхъ росохатыхъ по-ясниа (Георг. Амартол); да попрошодъ налево стешкою да къ ивъ къ росошистой (из Белевских писцовых книг, 1584—1585 гг.); отъ тово дуба... на холмъ на росохивостай дубъ (оттуда же).

слав. *chochotati*, др.-инд. *kakhati* — 3 ед., греч. *καχάζω*;

слав. *řecha* (русс. прорѣха), *řěšiti* (*otrěšiti*), др.-инд. *gēkha* — „черта, линия“, *rikhati* — „режет“, но лит. *gēkti* — „резать хлеб“.

Итак:

§ 112. В ряде индоевропейских языков имеются ясные следы придыхательных согласных, находившихся некогда в фонетической системе этих языков. Так, в др.-индийском, др.-иранском, греческом, латинском, германских имеются указания на придыхательные звонкие согласные, когда-то находившиеся в этих языках — *bh*, *dh*, *gh* (*gh* и *g^uh*).

В др.-индийском были слова с *b*; но больше слов было с *bh*; в греческом им соответствовали слова с *β* и с *φ*; в латинском с *b* и *f*. Слова с др.-инд. *bh*, с греч. *φ*, с лат. *f* указывают на более раннюю фонетическую стадию с придыхательным *bh*.

У славян, как и у литовцев, — *b*. Например:

b: др.-инд. *bālam* — „сила“, греч. *βέλτερος* — „лучший“, лат. *debilis* (*dē-bilis* — „бессильный“), — слав. *bol'ii* — „большой, лучший“;

bh: др.-инд. *bhārami*, греч. *φέρω*, лат. *ferō*, — слав. *berq*;
др.-инд. *bhānati* — „он говорит“, греч. *φημί*, лат. *fāgī*, — слав. *bajq*, *bajati*;

др.-инд. *bhāvāmi*, греч. *φύω* — „давать бытие, рождать, производить“, лат. *futurus* — „будущий“, — слав. *byti*, лит. *būti*.

Ср. также в др.-индийском слова с *d* и *dh*, в греческом с *δ* и *θ*, в латинском с *d* и *f*, указывающие на более ранние *d*

в одних случаях и на придыхательный dh — в других. У славян, как и у литовцев, только d. Напр.:

d: др.-инд. *duvā*, *dvā*, греч. *δύω*, лат. *duo*, лит. *dù*, слав. *дѣва*;
др.-инд. *dāmaḥ*, греч. *δομος*, лат. *domus*, слав. *домъ*;

dh: др.-инд. *mādhū*, греч. *μέθυ*, лит. *medūs*, слав. *медъ*;
др.-инд. *dhāyati* „сосет, пьет“, *dhēnūḥ* — „молочный“, греч. *θήλαστο* — „он сосал“, *θηλή* — „грудь матери“, лат. *fēlāre* — „кормить молоком“, слав. *dojō*, *děte*;
др.-инд. *rudhirāḥ* — „красный“, греч. *έρυθρός* — „красный“, лит. *rudėti*, слав. *гѣдѣти*, *ruda*.

Замены придыхательных *g'h*, *gh*, *g^h* в др.-индийском, в греческом и латинском отмечены были выше: в др.-инд. гортанный *h* вм. *g'h* и вм. *g^h* (перед заменой давних *ē*, *ě*, *i*); *gh* вм. *gh* и *g^h*; в греческом *χ* вм. *gh* (*g'h*, *gh*); *φ*, *θ* вм. *g^h*; в латинском *h* вм. *gh* (*g'h*, *gh*); *f*, *v* вм. *g^h*.

У славян же *g'h* → *z*, у литовцев → *ž*, как и вместо непридыхательного *g'*; вместо же задних придыхательных *gh*, *g^h* у славян, как и у литовцев, *g*. Сравните соответствия славянским *zima*, *mygla*, *sněgъ*, *gorēti* — соответствия, указанные выше.

В др.-индийском и др.-иранском языках были представлены указания на глухие придыхательные *th*, *ph*, *kh*. В греческом имелись следы двух из этих глухих придыхательных; *φ* вм. *ph*, *χ* вм. *kh*. В фонетике славян есть след только давнего *kh*, — след в виде *ch*: *těcha*, *chochoṭati* и др. соответствия, см. выше. В отношении других глухих согласных нет следов придыхательного образования их: во всех случаях у славян *t*, *p*, как и вместо непридыхательных *t*, *p*. Примеры:

t: др.-инд. *tād*, греч. *τό*, лат. *istud*, слав. *to*;
др.-инд. *mātār*, слав. *mati*, лат. *māter*;

th: др.-инд. *mānthati* — „он двигает, перемешивает“, слав. *meṭō*;

p: др.-инд. *plavatē* — „он плавает“, греч. *πλέω*, лат. *pluit*, слав. *plōvō*;
др.-инд. *priyāḥ* — „дорогой, милый“, слав. *prijazнь*, *prijatel'ь*;

ph: др.-инд. *phēnaḥ*, слав. *pěna*;

др.-инд. *phālakam* — „доска“, греч. *σφέλας* — „скамейка“, слав. *polica*.

Итак, у славян, как и в некоторых других индоевропейских группах, система согласных не имела издавна придыхательных согласных. И следов не осталось от таких согласных, кроме одного: *ch* вм. *kh*.

Образование славянской фонетической системы сравнительно с системами других индоевропейских языков обнаружило следующие черты давней славянской системы в отношении согласных:

- 1) *s*, *z* вместо нелабialsных, задних *k'*, *g'*, *g'h*;
- 2) отсутствие следов фонем с лабиальным элементом *k^u*, *g^u*: были только *k*, *g*.
- 3) отсутствие следов придыхательных согласных:

b вместо *b* и *bh*,
p вместо *p* и *ph*,
d вместо *d* и *dh*,
t вместо *t* и *th*,
g вместо *g* и *gh*.

Только придыхательный *kh* оставил след в славянской фонетической системе: *kh* → *ch*, как и в греческом языке.

Небно-зубные.

§ 113. Согласные *t*, *d* соответствовали такого же типа согласным других индоевропейских языков.

- t*: слав. *to*, др.-инд. *tád*, греч. *τό*, лат. *istud*;
слав. *mati*, вин. *materь*, лит. *motė* — „женщина“, греч. (дорич.) *μήτηρ*, лат. *māter*;
- d*: слав. *domъ*, др.-инд. *dāmaḥ*, греч. *δομας*, лат. *domus*;
слав. *séděti*, лит. *sédėti*, др.-инд. *sádaḥ* — „место, жительство“.

Кроме того, как указано выше, в славянской системе *t*, *d* были в соответствии придыхательным *th*, *dh*, оставившим следы в системе др.-индийского (*th*, *dh*), греческого (*θ* вм. *dh*) языков.

- Слав. *meťq*, др.-инд. *mānthati* — „он перемешивает“,
слав. *medь*, др.-инд. *mádhu*, греч. *μέθυ* и др.; см. выше, § 112.

§ 114. Согласный *n* был продолжением такого же типа носового согласного более ранней фонетической стадии. В других индоевропейских языках ему соответствует *n*.

Слав. *nebo*, др.-инд. *pábhāḥ*, греч. *νέφος* — „облако“, лат. *nebula* — „туман, облако“, др.-верхн.-нем. *nebul* — „туман“.

слав. *сѣна*, др.-иран. *kaēna* — „штраф“, лит. *kainė* „цена“, греч. *ποινή* — „возмездие, штраф“.

Кроме того, у славян *n* появился в доисторическое время вместо *m* в конце слога. Ср. ясное указание на согласный *n* в предлоге (префиксе) *son* или *syn*: перед согласным *son* → *sq*: *sqśédъ*, *sqśékъ* и др. Что касается вида этого предлога (префикса) с гласным *ъ* (ступень редукции — *syn*), то *n* удержан перед гласным или перед *j*: *syniti*, *syn-jimъ* → *syn'-imъ* („с ним“). В других положениях *n* утрачен: *syn* → *съ*. Соответствие этому предлогу в других индоевропейских языках представляет согласный *m*: др.-инд. *sām*, греч. *ἄμα* — „вместе с ...“. С согласным *n* вместо *m* был и предлог *kъn*: *kъn-jemu* → *kъn'-emu*. Ср. в др.-инд. вид соответствующего предлога: *kām*. Возможно полагать, что *m* изменился в *n* и в середине слова перед согласным (см. § 80).

Процесс изменения конечного *m* в *n* переживался отдельными славянскими группами и позднее, в исторический период. Так было в сербо-хорватской чакавской диалектной группе (*sān* вм. *sām*, *znān* вм. *znām*) и по говорам словацкой группы (*tan* вм. *tam*, *robŋn* вм. *robŋm*, *chlaron* вм. *chlaronm* — дат. мн. — на юге среднесловацких говоров).

§ 115. Славянские *s*, *z* продолжали собою того же типа согласные более древней фонетической стадии. В других индоевропейских языках находятся такие же согласные, если не пережито тех или иных изменений их. Несколько примеров:

s: слав. *synъ*, лит. *sūnus*, др.-инд. *sūnūḥ*, гот. *sunus*, гр. *υῖος*, тох. *soyā*;

слав. *sejъ*, лит. *seju*, лат. *sēmen* — „семя“;

z: слав. *mъzda*, гот. *mīzdō*, гр. *μισθός* — „плата“;

слав. *mozgъ*, др.-иран. *mazga* — „костный мозг“.

Слов с *z*, которому в других индоевропейских языках соответствует такой же согласный или его замена, немного. При этом *z* находится только в сочетаниях *zd*, *zg*.

У славян согласные *s*, *z* были и иного происхождения.

а) В ряде случаев они появились вместо более давних незадных *k'*, *g'*, *g'h*, в соответствии с *ç* (*š*), *j* (*ž*) др.-индийских, *š*, *ž*

литовских, ж, у греческих: *dešęty, znatī, žyрно, žima, vezę.* Соответствия отмечены выше.

b) s в группе st обусловлено было диссимиляцией сочетания tt (вм. tt и dt → tt): *mesti* вм. *metti*, *vesti* вм. *vetti* ← *vedti*, *pasti* вм. *padti*.

s — ch.

§ 116. Согласный s пережил изменения у славян в доисторическое время: в определенном фонетическом условии s → ch. Таким условием было следующее: положение s после давних гласных высокого подъема (i, u) и после r, k. При указании на положение s после i, u имеются в виду не только давние гласные i, u краткие и длинные, но и дифтонги с этими гласными: eī, oī, eu, ou. Эти гласные и дифтонги изменились затем у славян так: i → ѣ, ī → ы, ū → у (ы), ū → ъ, eī → і, oī → ѓ, eu → ју → 'у, ou → u. Таким образом, ch у славян появился фонетически после i, ѣ, у (ы), ъ, ѓ (из oī), u, а также после r, k.

Возможно полагать, что появлению ch вместо s предшествовала фонетическая стадия с ж заднепалатальным.

В образовании s кончик языка опущен за нижние резцы; приподнятая часть у альвеол представляет теснину; одновременно приподнята и задняя часть языка. В положении после i, u, r, k редуцировалась работа передней части языка, а задняя часть несколько выше приподнималась. Но такого изменения s не было, если s находился в сочетании с затворным согласным: st, sk, sp; в этих случаях объединение артикуляции s со следующим затворным образованием удерживало переднеязычную артикуляцию s: *istina, iskatī, blęskъ* и др. Сравните фонетический процесс в греческом языке: s в начале слова и в середине слова между гласными изменился в гортанный h — с дальнейшим изменением (утрата между гласными). Но перед r, t, k сохранилось образование *si* греч. *ῥῆ* — „новая“ (др.-инд. *śāpaṇ*, лат. *seper*); но: *σῆμα* — „совершаю возлияние“, *ἀστὴρ* — „звезда“.

Сравните славянские формы так называемого сигматического аориста, т. е. аориста с суффиксами -зо, -з: *pęzъ* — I л. ед., *pęzę* — 3 л. мн. (ср. ст.-сл. *приваса, приваса* и т. п.) Но те же формы представляли ch в таких инфинитивных основах, которые оканчивались гласными i, u (у вместо более раннего ū), r, k — *bіschъ, bіšę* (ж вм. ch перед гласным переднего ряда); *kryschъ, kryšę*; *žerchъ* — ст.-сл. *жрахъ, žeršę* — ст.-сл. *жрѣна, řechъ* (вм.

rĕk — chъ), rĕšĕ. Но -ste — в форме 2 л. мн., 3 л. двойств., -sta — в форме 2 л. дв.: biste, bista, kryste, krysta, rĕste, rĕsta, ст.-сл. жръста, жръста.

Другие индоевропейские языки также указывают на s в соответствии славянскому ch.

Несколько примеров:

слав. tichъ, лит. teisùs — „справедливый“, лит. taisaũ, taisýti — „готовить, улучшать“;

слав. mucha, лит. musĕ, лат. musa;

слав. ucho, лит. ausis, гот. auso, лат. auris (вм. ausis);

слав. ruch — ruchaŭ; греч. φῦσα — „раздувательный мех“, φῦσάω — „дую“;

слав. мушь (š вм. ch перед гласным переднего ряда), др.-верхн.-нем. mūs, лат. mūs, греч. μῦς;

слав. bľъcha, лит. blusà;

слав. тьсчъ, лит. musaĩ, лат. muscus;

слав. porchъ, ст.-слав. прахъ (ср. тот же корень с гласным ъ и с суффиксом -t: рысть), герм. (скандин.) fors — „водопад“;

слав. окончание формы местного множ. числа -chъ вместо -su, на которое ясно указывают языки др.-индийский, др.-иранский, др.-литовский: слав. kostъchъ, gostъchъ, tŕъchъ, vŕlcĕchъ, supъchъ и др.; лит. akisù, sùpùsù; др.-инд. aṣvasu, sùnúṣu, vŕkeṣu, др.-иран. vāhrkaēšu.

В тех же условиях, как у славян, было пережито изменение s и в группах индо-иранской и балтийской, — в группах, в системе которых представлены были и некоторые другие черты, общие с славянской системой. Направление фонетического процесса в изменении s было одинаково: согласный s заменялся шипящим š в др.-иранской и балтийской группах и согласным š (вроде шипящего) в др.-индийской. Например:

др.-инд. várṣiṣṭaḥ — „самый высокий“, лит. viršùs, слав. vŕchъ; лит. garšvà, слав. gorchъ, ст.-слав. грахъ;

др.-иран. uši, лит. ausis, слав. ucho;

др.-инд. mūḥ (h вм. š в конце слова), лат. mūs, слав. мушь;

Ср. выше примеры с окончанием местного множ. числа.

В литовском языке изменение s → š после i, u представлено непоследовательно: при каких-то условиях s после i, u в балтийской группе сохранялся без изменения.

лит. *vėtušas*, лат. *vetus*, слав. *vetъschъ*;

лит. *juše*, слав. *jucha* — „уха“;

лит. *trišėti* — „дрожать“;

лит. *paĩšas* — „большой мешок“, этимологически соответствует славянскому *měschъ*.

Но: лит. *saũsas*, слав. *suchъ*, лит. *trisù*, слав. *igъschъ* и др.

В отличие от процесса индо-иранского и балтийского у славян изменение *s* в указанном положении было более интенсивным.

§ 117. На фонетическую сторону изменения *s* в *ch* может указывать такое позднейшее явление в славянских языках: изменение *šc* в *chc*. При этом имеются данные, свидетельствующие о переходной фонетической стадии, о *šc*. Так по болгарским говорам Македонии и Болгарии. Проследите судьбу названия таких сел в западной Македонии: Русци в XIV в. — Рухци позднее; Велмесци — Велмешци в XVI в., Велмехци позднее; Власци — Влашци в XVI в., (В)лахце позднее. То же изменение отражается на женском имени Бесцена: в записях XVII—XVIII вв. — Бехцена; прилагательное: пречуден камен бехцени (XVIII в.). На это явление указывает и передача слова „победоносца“ (винит.-родит.): победонохца и чудотворца Георгиа (XIX в.). Такой результат изменения представляет и сочетание *šč*: нохче (нофче) вместо ношче (ножче, уменьшит. к „нож“). Так изменились *sc*, *šč* и по говорам словинским и чешским: слов. *ichčem* („ищу“); чешск. *chčesit* вм. *ščestit* („счастье“), *jechče* вм. *ješče* („еще“); *chcāti* вм. *scāti*.

Отметим еще одну позднейшую параллель к изменению *s* в *ch*: один мальчуган (без дефектов в речи), волнуясь во время школьного экзамена, так прочитал заглавие рассказа „Садовник и его сын“: „Хадовник и его сын“.

Процесс изменения *s* в *ch* или в гортанное образование переживался многими языками. Из неиндоевропейских языков такое изменение в совсем недавнее время происходило в якутском языке, как на это обратил внимание О. Böhtlink: „*s* wird seit nicht gar langer Zeit von vielen Jakuten, namentlich von den Bewohnern der Stadt Jakutsk, zwischen zwei Vocalen wie *h* gesprochen“¹.

§ 118. В ряде случаев *ch* находится не только после *i*, *u*, но и после других гласных. Во всех этих случаях образования с *ch*

¹ О. Böhtlink, „Jakutische Grammatik“. SPB 1851, 158—159.

возникли по аналогии с родственными образованиями, в которых изменился фонетически (после *i*, *u*, *r*, *k*). Так, форма местного множ. числа имела окончание *-schъ* фонетически вместо *-su* в основах на *-ĭ*, *-ĭ̃*, *-o* (*-oĭ* → *ě*): *synъschъ*, *kostъschъ*, *vyĭscěschъ*. По образцу форм с такими основами стали образовывать форму местного множ. на *-schъ* и в основах на *-a*: *gubachъ*, *ženachъ*. Но в др.-индийском не происходило такого обобщения в окончании: *sūpūṣu*, *āviṣu*, но: *ācvasu*.

Хотя у славян процесс обобщения в окончании *-schъ* был интенсивен, но все же по славянским группам в некоторых случаях в именах собственных, относившихся к населению и к местам жительства его, доле держались формы местного множ. на *-sъ* в основах с суффиксом *-an*: *Dol'an-e*, *Vŕbъča-ne*, *Lŏžane...* (долее, чем в именах апеллятивных, нарицательных). Еще в историческое время для чехов засвидетельствованы такие формы местного множ.: *Dolās*, *Vrbčās*, *Luzās* и некоторые др. Позднее для всех имен стало служить окончание *-ch*.

По аналогии появился *ch* и в формах сигматического аориста с инфинитивной основой на *-a*: *bygachъ*, *znachъ*. Процесс обобщения *ch* в окончаниях форм аориста происходил и позднее, в исторический период славянских языков. Так, ст.-славянские памятники представляют после *а* окончание с *с*: *пропасаъ* — 1 л. ед., *пропаса*, *маса* (инфин. *мати*) — 3 л. множ. Но в говорах XI в., отражающихся в ст.-славянских памятниках, обычными были формы с *ch*: *мхъ* — 1 л. ед., *мша* — 3 л. множ.

ch вместо *s* находится и в начале слова. Напр., *choditi*. В жизни чаще приходилось применять образования с префиксами *pri-*, *u-*, т. е. такие образования, в которых *s* изменился в *ch*: *ou-sod* → *uchod* (*uchoditi*). От этих образований отвлечено и беспрефиксное *choditi*.

§ 119. *rychati*, *rysati*. В этих и некоторых других словах неодинаковость согласных, *ch* в одних словах, *s* — в других, после одинакового гласного, *i* или *u*, обусловлена была тем, что некогда после *i*, *u* находились неодинаковые согласные. Так, в слове *rychati* (производные: *ryšeno*, *ryšenica*) после *ri* находился согласный *s*, который изменился в *ch*. Ср. лит. *paisýti* — „выколачивать зерна ячменя“, др.-инд. *piṣṭáh* — „растолченный, разбитый усталостью“, лат. *pīnsō* — „толку“, *pīstus*. А в слове *rysati*, *rystrъ* в период фонетического изменения *s* → *ch* не было обычного образования *s*, а был иной согласный, — такой, какой нахо-

дился тогда в словах *desęty, tyseŭja* (ст.-слав. тысяща), *zygdse, slava*, т. е. такой *s*, которому соответствует в литовском *š*, в др.-индийском *ç* (*ś*), в греческом *χ* — заменители более давнего *k'*. Ср. лит. *piešiù, piëšti* — „углем проводить линию, писать“, др.-инд. *piṇçāti* — „он украшает, размещает“, лат. *pingō* (*pictum*) „рисую“; греч. *ποικίλος* — „пестрый“, слав. *ръсьръ*. Значит, в то время, когда в славянской фонетической системе происходило изменение давнего *s* по направлению к *ch*, в языке славян не было еще обычного образования *s* в соответствиях др.-индийскому *ç*, греческому *χ*, а был иной согласный, отличный от твердого *s*, а потому не подвергшийся изменению по направлению к *ch*. Совпадение заменителя давнего *k'* с *s* в славянской фонетической системе произошло позднее изменения по направлению к *ch*.

§ 120. В ряде случаев представлен звук *s* после *i, ě* потому, что некогда этот согласный не находился непосредственно после *i*. Например:

tisъ, лат. *taxus*; в этом слове согласному *s* предшествовал заменитель более давнего *k'*: *tik'so-*;

běsъ; согласный *s* находился после *d*: *ds* → *s*; так же изменилось сочетание *ds* и в литовском языке; ср. лит. *baidyti* — „пугать“ и лит. *baisūs* вм. *baidūs*, — „страшный“, „отвратительный“, лат. *foedus* — „скверный, отвратительный“.

§ 121. Иное происхождение *ch* в начале и не в начале слова отмечено было выше: вместо придыхательного *kh*: *chochotati*, *chorbъръ*, ст.-слав. *хръзъръ*, др.-инд. *kharah*, — „твердый, острый“, *socha* и др.

§ 122. Появление образования для согласного *ch* в начале слова могло также находиться в связи с экспрессивностью значения слова и с соответствующим его произношением: *ch* могло быть экспрессивным вариантом согласного *k* в начале слова. Таково происхождение, напр., начального *ch* в глаголе *chochotati*: ср. в др.-индийском и греческом *k*: *kakhati*, *καχάζω*.

Ономатопоэтического (звукоподражательного) происхождения *ch* в длинном ряде слов с *chor, cher-* → *šer-, chъrk-*: русск. хорохориться, *šerochъ* (русск. шорох), *chъrkati* — „хрипеть, кашлять“. Того же происхождения ономатопея для смеха, для гуканья: *chu! chu!* — русск. хи-хи!, глагол хихикать, чешск. *chuchati* — „дышать, дуть“, польск. *chuchać*, украинск. *хухати*, русск. *хухать*

и др. образования. Такого происхождения *ch* в русских (диалектальных) глаголах сильной экспрессивной значимости: ужаться, шарахнуться („броситься“).

Ономатопеического происхождения и глагол *chvastati* — „болтать“, „нести вздор“. Того же происхождения частица *šu* в имени *šu-chvostъ*: русск. шухвост, название пункта поселения, имевшего отношение к лицу с таким именем — Шухвостово. Что касается значения имени хвост, то здесь был корень тот же, то и в глаголе хвастати: хвостъ — „болтун“; частица *шу-* усиливала выражение такого значения.

В отношении эмоционального значения согласных *s*, *ch*, *š* можно получить ясные указания в именах с суффиксами, в состав которых входили *s*, *ch*, *š*. Суффиксы с этими согласными придавали слову эмоциональное значение — уменьшительное, ласкательное или увеличительное. Такое значение этих суффиксов было актуально в течение долгого времени у славян и в исторический период: *pol-chъ* (русск. полух, южн.-сл. *plach*), чешск. *brach* (*bratr*), *kmoch* или *kmocha* (*kmoir* — „кум“), Реч (*Petr*), польск. *Stach* (*Stanisław*), русск. шорох, бабёха, Иваха — Ивахно, Алексаха — Лексаха — Сашура — Шура и многие другие. Подробнее см. в отделе о словообразовании.

§ 123. *ch* появился у славян также вместо сочетания двух согласных *kch*: ср. формы сигматического аориста от инфинитивных основ на *-k*: *rek-*, *tek-*, *velk-*, *lęk-* (*lęk-ti*, ст.-сл. *лѣци*, *лѣци* *лжѣ* — „натянуть лук“ — *ѣтеуѣ то' тѣѣу*): 1 л. ед. *rěchъ* *вм.* *rěkcho* — из *rěk-so-n*; *těchъ*, 3 л. *мн.* *těše*; ст.-слав. *пѣтъ* (*вм.* *пѣтъ*) *завѣдаѣ твоѣхъ' тѣхъ* (Син. пс.) — „я отправился по пути твоих приказаний“; *потѣша воды* (Син. пс.) — „потекли воды“; *орѣжѣ извѣша* („извлекли“), *напѣша лжѣ своѣ* (Син. пс.) — „натянули свой лук“.

Посредством *ch* передан у славян германский *h*: *chyzъ* (*chysъ*), *chyza*, *chyža*, *chyžina*, — герм. *husa*;
слав. *chlěbъ* — гот. *hlaihs* (*hlaifs*);
слав. *chlěvъ* — гот. *hlaiw* и др.

Итак:

s после *i*, *u*, *г*, *к*
↙
слав. *ch*
↙
kh (придыхательный *k*)
экспрессивный вариант *k* согласному *k*.

§ 124. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов предполагали, что в славянском звуковом составе доисторической эпохи был согласный гортанный h. Согласный h, по их представлению, применялся в таких словах.

1) В указательном he-: hevo, heto; в частице hede, в числительном hedinъ, hedyнь.

К такому представлению побуждало Ф. Ф. Фортунатова отсутствие j перед e в начале этих слов и наличие согласного h в некоторых славянских языках: в украинском (hen), в белорусском (hetый), в чешском (hen, henky), в нижнелужицком (hyn, hynga).

Согласный h был и перед a в союзах ha (a), hako (ako).

С согласного h начиналось и наречие hešče, чередовавшееся с hošče; был звуковой вариант и с j: ješče.

2) Согласный h появился в эпоху доисторическую вместо придыхательного приступа, с которым произносились все начальные гласные. Согласный h развился вместо такого приступа перед o, u, q: hostrovъ, hulica, hqsy. „Возможно, что уже в общеславянском праязыке h в указанном положении было не особенно устойчиво. Вот почему, напр., h перед o во многих славянских языках совсем не нашло себе соответствия. Таковы сербские, болгарские, великорусские, польские и другие говоры“ (А. А. Шахматов).

3) Согласный h возник для избежания зияния в форме родительного пад. единств. ч. мужск. и средн. рода: too → toho и далее tovo в русских и кашубских говорах.

Все данные, на которые ссылались Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов в их утверждении согласного h в звуковом составе доисторической эпохи, не показательны. Они имеют иное значение.

1) В первом пункте, о h перед e некоторых слов, принято во внимание только отсутствие j перед e, но не принято во внимание особое значение этих слов в речи, особенность их произношения. Это частицы (e), наречия (ešče). Подробнее о произношении будет сказано ниже, в отделе о начале слова. Там дано будет объяснение особой артикуляции начального гласного некоторых слов, произносившихся с особой экспрессией, — указательной частицы e некоторых наречий. Начальному гласному таких слов предшествовало закрытие гортани, — предшествовал „крепкий приступ“. Звук j при такой артикуляции не

появлялся перед *е*. Согласный *h* перед *е* в этих словах развился позднее в фонетической системе отдельных славянских групп.

Нет достаточного основания полагать, что слова *jedinъ*, *jezero* имели в начале согласный *h* (*hedinъ*): они имели в начале согласный *j* или *ĭ*, как на это ясно указывает их судьба в восточнославянских языках. В то время как в украинском и белорусском языках появился вместо придыхательного приступа согласный *h* перед указательным *е* в *hevo*, *heto*, как и перед гласным *и* (*y*) (*hulica*), а в русском языке с утратой „крепкого приступа“ перед указательным *ето*, *ево* представлено сочетание с *е* (э) (это, этот, эвон), а не с *je* и не с *o*, слова *jedinъ*, *jezero* имели иную судьбу. Все восточнославянские группы в ранний период их жизни утратили *j* или *ĭ* в начале слова перед *и* (*y*) и перед *е*: *jucha* → *ucha*, *junъ* → *unъ*, *jezero* → *ezero*, *jesenъ* → *esenъ*, *jedinъ* → *edinъ*. В фонетической системе этих славян действовала тенденция не начинать слова с гласного *е* в нормальной, ровной речи (без особой экспрессии). В связи с этой тенденцией произошла замена гласного переднего ряда со средним подъемом языка иным гласным того же подъема. Таким гласным в славянской фонетической системе был только гласный *о*: *ozero*, *osenъ*, *odinъ*. Если же гласный произносился с повышенным подъемом спинки языка, *ѣ*, то замены его другим гласным не происходило. А такой гласный, *ѣ*, появлялся рано в языковой системе славян в связи с редуцией гласного в соседнем слоге: *jěľъ*, *jěžъ*. Ни в украинском, ни в белорусском нет *hezero*, а есть *ozero*. В русском нет *эзеро*, которое соответствовало сочетаниям с *э* в словах *это*, *эвон*. Следовательно, у всех восточных славян в давнее время эти слова произносились не так, как слова с *ето*, *ево*, а иначе: *jedinъ*, *jezero*, как и *jesenъ*, — с *j* или *ĭ*. Роль подъема спинки языка в фонетической системе славян в разные периоды имела большое значение. Сравните, например, судьбу гласных *о*, *и* после палатальных согласных: эти гласные подверглись воздействию палатальной артикуляции предшествующего согласного и передвинулись в передний ряд, но в фонетической системе того времени не было лабиализованных гласных переднего ряда. Поэтому произошла их замена нелабиализованными, но с таким же подъемом: *ö* → *е*, *ü* → *і*.

2) И сам А. А. Шахматов видел недостаточную обоснованность положения о придыхательном приступе перед каждым гласным в начале слова, в частности о согласном *h* перед лабиали-

званиями гласными. Нет данных для такого утверждения. Изучение фонетической системы славянских языков указывает, что начало слова с гласного, — слова, не окрашенного эмоционально-экспрессивным тоном, произносившегося ровным темпом, — производилось не одинаково по славянским группам. В группах, которые легли в основу украинского, белорусского, полабского, лужицких языков и некоторых чешских групп, такие слова начинались с предварительного открытия гортани; струя воздуха проходила через гортань ранее вибрации голосовых связок (ранее производства гласного звука). Глухая гортанная фрикация, предшествовавшая артикуляции гласного звука, могла с течением времени замениться согласным *h* или *v* (*h* обычно сопровождается губной артикуляцией), *j*. (Подробнее см. в „Славянском языкознании“.)

В польской группе начальный *v* перед *o*, *e* из более давнего *o* (*vqsy*, *veg'el*) не зависел от придыхательного приступа, а появился так же, как *v* перед *y* (*ы*) и *ъ* во всех славянских группах вследствие утраты или ослабления лабиальной артикуляции в гласном; эта артикуляция производится перед гласным: старопольск. *vâsy* → *vqsy*, *vag'ľ* → *veg'el*.

3) Тезис о *h* в форме местоимений *toho*, *koho*, будто бы вместо *too*, *ko*, вызван представлением о прямолинейности „фонетических законов“, вне учета значения слова и способа его произношения. Сочетание *ho* с дальнейшим его изменением в *vo* или с утратой сужения (для *h* или *v*) явилось в русском языке и в севернокашубских говорах вместо *-go*, которое было во всех славянских языках. Изменение *g* в *γ* → *h* вызвано было ослабленным образованием, которое свойственно в речи формам местоимений, а ослабление артикуляции вызывает замену затвора щелью, замену взрыва фрикацией. Сравните ясное указание на такое изменение звукового вида местоимений, представляемое местоимениями тебе, себе по русским говорам, — со слабосмычным редуцированным ⁶: те⁶é, се⁶é; представлены эти местоимения и с утратой ⁶: теé, сеé.

Ослабленная артикуляция местоимений отражается и на судьбе местоимений *me*, *te*, *se* в истории славянских языков. Так, в польских диалектах на северо-западе (в Коцевье и Борах) и на юге Галиции местоимение *m'e* представляет твердый согласный: *ma* на северо-западе, *me* (*me*) — на юге. Там же и в дательном падеже находится это местоимение с твердым *m*: *mu*. Произошло отвер-

ение согласного *с* в русском *с'а*, вошедшем в состав глагольной формы: *умойса* (диалект). Твердый согласный вместо мягкого — то одно из проявлений редукции. Не менее выразительны следы ослабленной артикуляции этих местоимений и в истории болгарского языка. В среднеболгарскую эпоху (XII—XIII вв.) эти местоимения стали произноситься как *мж*, *тж*, *сж*. Здесь в двух отношениях отразилась ослабленность образования этих местоимений: в отвердении согласного и в изменении гласного *а* в *ж*. Позднее *ж* заменился гласным *ъ* (→ *а*): *мъ* (*ма*), *тъ* (*та*), *съ* (*са*).

Местоимения могут становиться несамостоятельными лексическими единицами, объединяясь с глаголом в одно целое в акцентном отношении и служа одним из грамматических показателей — глагольным показателем лица или объектным показателем в глаголе. Такова была судьба форм вин. и дат. личных местоимений 1 и 2 л. и местоимения „его“, „ему“ в южнославянских и западнославянских языках. Будучи несамостоятельным словом в предложении, произносимые неполновесно, эти местоимения в разных языках подверглись редукции в артикуляционном отношении. Таково происхождение в вин. пад. *го* (болг.), *га* (серб.) вместо *мго*, *му* (болг., серб.) вместо *ммоу*. Как слова несамостоятельные, эти местоимения неотделимы от глагола. И отрицание не отделяет таких местоимений от глагола, — не отделяет потому, что они служат грамматическим показателем его. В особенности ясна грамматическая функция этих местоимений в болгарском языке, главным образом в говорах Македонии: *го*, *му* и другие конъюнктные местоимения находятся при глаголе как определительные элементы дополнения, — находятся при наличии дополнения именного, выражающего собою определенное конкретное название. В этих случаях дополнение — имя находится в членной форме или в сочетании с указательным местоимением. Например: *той ја виде книгата* („он увидел книгу“; *ја* — местоимение вин. ед. женск. р., ст.-сл. *ѣ*); *јас му-го дадоф на часкот и т. п.* Дополнением может быть местоимение личное или указательное для 3 л. В этом случае местоимение представлено в полной своей форме: — *јас тебе не те познавам*; и *нему му ја зеде* („взял“) *главата* (*ја* = *ѣ*, т. е. „голову“). Совершенно такие синтаксические сочетания представляют и другие восточнобалканские языки — новогреческий, албанский, аромунский. Такая судьба местоимений ясно указывает на их слабый удельный вес как самостоятельных членов

предложений, а это ведет к звуковому их изменению, — к редукции. С ослабленным произношением бывают и некоторые частицы, наречия, слова счета, титульные слова, названия лиц. См. подробнее § 152. Прямолинейностью фонетизма вызвано и такое неверное объяснение звукового вида имени „господарь“: осподарь в украинских и русских говорах: это слово без начального согласного указывает на *h* (хосподарь); а это значит, что это слово не русское, а пришлое, потому что в севернорусских говорах нет *h*; пришло оно от чехов (ведь в чешском языке $g \rightarrow h$), — пришло через Польшу (объяснение А. А. Шахматова). Нет: *hospodař* находится и в кашубских говорах и под чешским воздействием оно не находилось: $\gamma \rightarrow h$ вместо *g* появилось здесь в зависимости от способа произношения этого титульного слова, — его ослабленной артикуляцией. Ср. судьбу близкого титула — названия *государь* $\rightarrow$ *осударь* $\rightarrow$ *сударь* $\rightarrow$ *су* $\rightarrow$ *с*.

г, і.

§ 125. Плавный *г* в славянской фонетической системе продолжал собою такой же плавный более давнего времени.

г: слав. *bratrъ*, *bratъ*, лит. *brote*, *brėlis* — „братко“, др.-инд. *bhrāta-*, лат. *frāter*, греч. *φράτωρ*, *φράτηρ* — „член фратрии“;

слав. *berq*, др.-инд. *bhāgami*, греч. *φέρω*, лат. *ferō*.

В славянской фонетике появился палатальный *г'* вместо сочетания *гј*: *mogjo* $\rightarrow$ *mog'e*, *burja* $\rightarrow$ *bur'a*.

§ 126. Плавный *і* разного образования в славянской фонетической системе продолжал собою плавный *і* более ранней фонетической стадии.

Слав. *тъгъла*, лит. *miġlā*, *myġlā*, греч. *μίχλη* — „мгла, туман“;

слав. *ѡка* — „долина, луг, излучина“, лит. *lanġā*;

слав. *ѡгати*, *ѡзь*, др.-верхн.-нем. *lugi*;

слав. *ѡпъ*, лит. *linaĩ* (множ. ч.), греч. *λίον*, лат. *lūm*;

слав. *ліра*, лит. *lėra*, гр. *ἀλίφαλος*.

В давней славянской фонетической системе плавные были неодинаковы в своем образовании: перед гласным заднего ряда и перед гласным среднего ряда *у* (*ы*) был твердый *і* (языковое тело отодвинуто было к задней части полости рта): *ѡviti*, *ѡvъка*, *ѡgati*, *ѡко*... Перед гласным переднего ряда был „средний“ *і*, образовавшийся со средоточением языкового тела в средней части полости рта: *ліра*, *лєдіъ*, *ѡльъ*.

У славян возник и третий вид образования *l*: палатальный *l'*. Он появился вместо сочетания *lj*: слав. *l'udъ*, *l'udije*, латыш. *l'audis* — „люди“, др.-верхн.-нем. *liuti*; слав. *l'ubъ*, *l'ubiti*, гот. *liufs*, др.-верхн.-нем. *liob*, др.-инд. *lúbhyati* — „он ощущает желание, позыв“; *volja* — *vol'a*, ср. гот. *wilja*; *poljo* → *pol'e*...

Палатальный *l'* в славянской фонетической системе возник еще вместо *j* после губного согласного. Ср. форму *l* л. ед. наст. вр. в основах на *i*: *lovl'o*, *kupl'o* вместо *lovjo*, *kupjo*; ср. прочие формы *loviši*, *lovite*...; перед гласным *y* славян был *l* (*j*), а не *i*.

Слав. *bl'udō*, *bl'usti*; *bl'ud-* вм. *bjud-*, а это вм. *beud-*; ср. греч. *πειράομαι* — „испытываю, разужнаю, наблюдаю“, гот. *biuda*; слав. *pl'ujō*, *pl'uti*, лит. *spjáuoti*, *spjáuju*.

Губные *m*, *p*, *b*, *v*.

§ 127. Согласный *m* был продолжением такого же согласного более давней фонетической системы. В других индоевропейских языках ему соответствовал *m*.

Слав. *mati*, *domъ* и др. Соответствия других языков были отмечены выше.

В славянской фонетике доисторической эпохи *m* в конце слова изменился в *n* (см. выше § 114).

Согласные *p*, *b* были продолжением давних *p*, *b*, а также соответствовали придыхательным *ph*, *bh* и их заменителям некоторых других индоевропейских групп. См. выше, § 112.

О согласном *v* замечания сделаны в следующем, отдельном пункте.

u — *w* — *v*.

§ 128. История славянских языковых групп указывает на то, что в их фонетической системе издавна находились губно-зубной *v* и билабиальный *w* или неслоговой u. Образование билабиального *w* или неслогового u было некогда в сочетании с *ъ*, *ь* слабыми, подвергавшимися в течение времени все большей редукции. В историческое время по утрате таких *ъ*, *ь* неначальный слог стал оканчиваться билабиальным *w* или неслововым u. А в начале слова вместо uъ, uь, со слабым *ъ* или *ь*, по утрате их, развился тоже гласный, неслоговой u или слоговой *u*.

Неслоговой u в конце слога (в середине и в конце слова) представляют многие славянские языковые группы. Так в белорус-

ской, украинской группах, по говорам южнорусской, в некоторых говорах севернорусской, в восточночешских говорах, в лужицкой группе: *prauda*, *lauka* (вост.-чешск. *lauka*), *pou*.

В начале слова *u* (вм. *цъ*, *цъ*) находится по говорам южнорусской группы, в сербо-хорватских группах: *udova*, *upuk*. Слоговой *u* или неслоговой *ц* (или редуцированный *у*) представлен в группах белорусской и украинской.

Полагаем: в доисторическое время губно-зубной *v* находился в одних славянских группах во всех фонетических положениях (*voda*, *vъnikъ*, *vъdova*, *повъ*); в других такой согласный был только перед гласным полного образования и перед *ѣ*, *ь* сильными, не подвергавшимися редукции (*voda*, *vъшь*); но в сочетаниях с *ѣ*, *ь*, слабыми были в этих группах образования с билабиальным *w* или с неслоговым *ц* (*цъnikъ*, *цъdova*).

Губно-зубной *v* или билабиальный *w* представлял у славян замену более раннего *ц*. Ср. такие факты чередования:

оц перед гласным → *ov*,

оц перед согласным и в конце слова (т. е. в конце слога) → *u*:

ostrovъ (o-strov-ъ) — *struja* (stru-ja); *kovati* — *kuznica* и др.; ср. *ъ* вместо *й* перед согласным и в конце слова, *v* вм. *й* перед гласным, т. е. в положении, в котором *й* не составлял слога: *medъ* вм. *medŭs*, но: *medvѣdъ* (*medv-ѣdъ*).

§ 129. Другие индоевропейские группы представляют указание также на *ц*.

Слав. *повъ*, греч. *ῥέφος* — с утраченным *ф* вм. более раннего *ц*;

слав. *plovъ*, греч. *πλέω*;

слав. *vѣdѣti*, греч. *οἶδα* — „я знаю“ и др.

В других индоевропейских языках также пережит процесс замены неслогового *ц* более ранней фонетической стадии губно-зубным *v*.

§ 130. У славян в доисторическое время развилось в начале слова перед *ѣ* и *у* (*ы*) образование для неслогового *ц* (*w*) или для губно-зубного *vъ*: *vъpiti* (ср. с префиксом *vъz-*: *vъz-ъpiti*) *vъ* вм. *vъn* (ср. в других индоевропейских языках соответствия этому предлогу *in*, *en*); *vyknŭti* (корень *uk-*; тот же корень в чередовании с гласным *u-*: *uk-*: *na-uka*, *učiti*); *vydra* (ср. др.-инд. *udrāh* — „водяное животное“, лит. *údra*); *vysokъ* (ср. греч. *ὑψί* — „высокий“, др.-верхн.-нем. *ûf*).

Появление ц (v) в этом положении обусловлено было изменением более ранних й и й̄: при изменении й в ъ, а й̄ в у (ы) выделялся лабиальный элемент в начале образования: й → въ, й̄ → ву. По славянским группам доисторического времени развивался ц (v) и перед q в начале слова, — тоже в связи с ослаблением лабиализации в образовании этого гласного. Так было в группах, легших в основу северо-западных славянских языков, — польского, поморского: q̄t̄kk̄ → vq̄t̄kk̄ (польск. *vq̄tek*), q̄ž̄ → vq̄ž̄ (польск. *vq̄ž*), qsy → vqsy (польск. *vqsy*), q̄troba → vq̄troba (польск. *vq̄troba*) и др.¹

Условия появления v в глаголе *vęzati* неясны, если видеть в этом слове корень тот же, что и в слове *q̄z̄kk̄*: чередование ę с q̄. Но возможно полагать, что корень слова *vęzati* был иного происхождения, — того же, что и в имени *vq̄z̄*: *вжз̄*, *свжз̄* — „завязка, ремень“ в Клоцовом сборнике, *вжз̄* (дат. ед.) — „привязь, узы“ — греч. *δεσμός*: здесь v был не вторичного происхождения, а продолжал собою давний ц.

§ 131. В начале слова перед сонорным г, а может быть, и перед і утрачено было у славян в доисторическое время губное образование: цг → г, цл → л.

Слав. *rota* — „присяга“, др.-инд. *vratām* — „заповедь, постановление“, греч. (диал.) *φράτρα* — „договор“;

слав. *rodь*, др.-инд. *vrādhant* — „всходя, возвышаясь“.

слав. *lěska* — „ореховый прут“, ирланд. *flesc* — „прут“, др.-инд. *vlēṣkaṇ* — „петля“. Впрочем, это — единственный пример для сочетания цл, и полагать только на этом основании утрату ц перед л в начале слова нельзя с уверенностью.

і — ј.

§ 132. В фонетической системе славян в доисторическое время, как и в их истории, не было категорического разграничения между неслоговым і и согласным ј. В одних и тех же словах могло быть образование і или образование с более высоким подъемом спинки языка к твердому небу, — образование, при котором получалась теснина или щель, и воздух, проходя через

¹ Более позднее явление представляет по славянским группам v перед ц, o в начале слова: *vulica*, *vonьsa*. Это появление связано было с особым произношением начального гласного в слове. См. соответствующие отделы в „Славянском языкознании“.

эту теснину, производил трение (обычная черта артикуляции согласных): это было образование *j*.

ǰ или *j* мог быть перед гласным в начале слова и в середине его: *ǰama* (*ǰama*), *ǰaǝ* (*ǰaǝ*), *troǰe* (*troǰe*), *struǰa* (*struǰa*)...

В других индоевропейских языках славянскому *ǰ* или *j* соответствовал *ǰ* или *j* с их заменами.

Слав. *ǰupъ*, лит. *ǰaupas*, др.-инд. *yúvā*, лат. *juvenis*, гот. *juggs*;
слав. *ǰego*, *ǰemu...*, лит. *ǰõ*;

слав. *trǰe*, *troǰe* (русск.), лит. *treǰi*, др.-инд. *trayāṣ*.

В греческом языке *ǰ* более ранней фонетической стадии заменился придыханием *ʰ*, *ʰ*. Напр.: слав. именит. средн. ед. *je* (*jeǝ*), др.-инд. *yád*, греч. *ῑ*. Только в некоторых случаях, в начале слова, развился согласный *ǰ*, может быть, указывающий на *j* (а не на *ǰ*) более ранней фонетической системы. Слав. *ǰygo* → *igo* (*ǰgo*), др.-инд. *yugám*, хет. *yugan*, лат. *jugum*, греч. *ζυγόν*; слав. *roǰasъ* (*ro-ǰasъ*), др.-иран. *yāstō*, лит. *jūstas*, греч. *ζωστής* — „опоясанный“.

В языке славян неслоговой *ǰ* или *j* находился перед гласным в соответствии слоговому *i*, который был перед согласным и в конце слова. Так, формы наст. времени основ на *-i* представляли основу с таким гласным перед согласным (*posǰiǰi*, *chvalǰiǰi...*), но в форме I л. ед., перед гласным окончания (*ǰ*) основа была с *ǰ* (*j*), который палатализовал предшествующий согласный и ассимилировался с ним: *chvalǰj-ǰ* → *chval'ǰ*, *posǰj-ǰ* → *poǰǰ* и др. То же явление было представлено в причастии прош. вр. страд. залога в глаголах с инфинитивной основой на *-i*: перед гласным суффикса, перед *-eno*, гласный основы был *ǰ* (*j*): *chvalǰi-eno* → *chval'eno*, *posǰi-eno* → *poǰeno...*

§ 133. В славянской фонетической системе развился *ǰ* (*j*) в начале слова перед гласными переднего ряда, а также перед *a* (перед *a* в славянских языках исторического периода вторичный *ǰ* или *j* представлен непоследовательно).

Слав. *ǰestъ* (*ǰestъ*), лит. *ẽsti*, лат. *est*, греч. *ἔστι*, др.-инд. *ásti*;
слав. *ǰetro* — „печень“, греч. *ἔντερα* — „внутренности“;

слав. *ǰeti*; ср. с префиксом *vъz-*: *vъzǰeti*;

слав. *ǰьmǰ* → *imǰ* или *ǰmǰ*; ср. с префиксом *vъz-*: *vъzьmǰ*;

слав. *ǰaviti*, *aviti*; наречие *ǰavě*, *avě*; др.-инд. *āvīṣ* — „открыто“;

слав. *ǰagnьсь*, *agnьсь*, *ǰagne*; лат. *agnus*.

О *ǰ* в начале слова см. еще замечания ниже, в пункте о начале слова.

§ 134. Задненебные k, g, ch у славян в разные доисторические периоды подверглись изменению. В результате одного изменения получились палатальные согласные: č в м. k, ž в м. g, š в м. ch. В результате изменения, пережитого позднее, получились палатальные с в м. k, dž в м. g, s' в м. ch.

1) Изменение k в č, g в ž, ch в š. Это изменение происходило при таких фонетических условиях: а) в сочетании задненебного согласного с j: kj → č, gj → ž, chj → š. Такое изменение было вызвано ассимиляцией согласных k, g, ch с j: передвижкой в зону палатальную, в место образования для j. В отношении результатов этой палатализации у славян рано произошло изменение в аффрикате dž, получившейся вследствие палатализации g. Как при палатализации глухого k появилась аффриката č, так вследствие палатализации звонкого g появилась аффриката dž. Звонкая аффриката dž в разное время в речи славян утрачивала затвор. Так было у славян в давнее доисторическое время. Так было и позднее. Ниже будет отмечен такой фонетический процесс, пережитый предками восточных славян: у них tj → č, dj → dž; но dž утратил затвор: dž → ž: svěča, meža. Параллельное явление представляет судьба звонкой аффрикаты dz в отдельных славянских группах: в большинстве славянских языковых групп эта аффриката утратила затвор: dz → z: podzě → pozě. Но в глухой аффрикате с затвор сохранен. Как видно, звонкие согласные, в частности звонкие аффрикаты, представляли более слабую артикуляцию, чем глухие.

Примеры č, ž, š вместо kj, gj, chj: sěk'ja (sěk- + суфф. -ja) → sěča, tŭkja (tŭk-ja) → tьča, pritьča (корень tьk-, ср. tьkati, tьk-ŋti), suchja (souчh-ja) → suša, nosja → noša

Такой же фонетический результат получился у славян вместо k, g, ch перед гласными переднего ряда. Как и другие согласные, задненебные k, g, ch в древней славянской фонетической системе подверглись палатализации перед гласными переднего ряда. В особенности значительная подвижка к палатальной зоне происходила в образованиях вместо k, g, ch: k → č, g → dž → ž, ch → š: počiti (pokoiti), kričiši, pečeši, otroče (otrokъ), ležiši, možeši, tьžь (tьgati), dьžьnъ (dьlgъ), sušiti, myšь...

Особо отметим судьбу сочетаний kē, gē, chē, — с ē долгим: образование согласных передвинулось в ряд палатальных č, dž →

→ ž, š, а гласный ē, обусловив палатализацию предшествующего заднеязычного согласного, получил после этих палатальных согласных широкое образование,— образование гласного а: произошла диссимиляция между палатальной артикуляцией согласного и артикуляцией гласного долгого ē: *čadъ, kričati, žagъ, ležati, slyšati*....

§ 135. 2) Изменение k в с', g в dz', ch в s'. Когда-то в более поздний доисторический период в славянской фонетической системе обнаружилась прежняя тенденция передвижки заднеязычных k, g, ch в палатальную зону. Но результат этой передвижки получился не такой, который возник раньше. Теперь появились палатальные согласные с (с') вм. k, dz (dz') вм. g, s' вм. ch.

Такое изменение происходило в разное время при одном из следующих двух условий.

а) Положение k, g, ch перед гласным переднего ряда, заменившим собою более ранний дифтонг oĭ— позднее эта замена дифтонга oĭ получила образование гласного ě или в конце слова при особых интонационных условиях ě и i; см. выше об ě. Изменение же дифтонга oĭ в образование переднего ряда было вызвано ассимиляционным воздействием второго элемента этого дифтонга,— i: oĭ → ōĭ → ... ě (или при особых интонационных условиях в i в конце слова).

сѣпа (некогда, в период расцвета родового строя, это слово относилось к одному из явлений кровной мести и обозначало то, чем можно было откупиться за пролитую кровь); ср. тот же корень, в котором сочетание ōĭ (ōj) не представляло дифтонга, а, находясь перед гласным, относилось к 2 слогам: kajō (вм. kōjō), kajati— „мстить“; ср. соответствия в других индоевропейских языках того же значения: др.-иран. kāu— „платить, искупить“, kaēnā— „штраф, месть“, греч. ποινή— „искупление, штраф“, лит. kaina— „цена“.

сѣстити и čistiti в одном и том же значении. В старославянском языке переводчики применяли эти глаголы с семантической дифференциацией в соответствии различию в глаголах, употреблявшихся в переносном значении в греческом тексте: глагол *οἷσθαι* с винительным падежом дополнения служил для перевода греческого глагола *ἐξαλείφειν*— „вытирать, вычеркивать, уничтожать“; глаголом же *οὐκισθαι* в сочетании с предлогом *ἐκ* переводили греческий *ἐκκαθαίρειν τι τινα*— „вычищать что-нибудь от чего-либо, искоренять“, *καθαίρειν*— „очищать“: 1) *всѣхъ нечестивыхъ мѡзъ οὐκισθαι*

(Син. пс.) — *πάσας τὰς ἀνομίας μου ἐξάλειψον*; 2) *отъ грѣха моего оуисти мѧ* (Син. пс.) — *ἀπὸ τῆς ἀμαρτίας μου καθάρισον με*. В первом слове (*ocēstīti*) ё из дифтонга *oi*, в другом слове (*očistīti*) тот же корень представлял дифтонг *ei* или долгий *i* (чередование *e—o*: *ber-*, *bor-*, *byr-*, *bīr-*: *berq...* *izbirati*). Ср. соответствия в других индоевропейских языках: лит. *skýstas* — „тонкотекущий“, др.-прусск. *skīstint* — „чистить“. Тот же корень и в слове *cēdīti*: восходит к *koīd*; в других языках с начальным *s* — *skoīd*:- латыш. *skaidzs* — „ясный, светлый, чистый“, др.-инд. *kētūh* — „сияние, светлость“. В слове *cēstīti*, *čist* корень *koīd-*, *keīd-*, *kīd-* был распространен суффиксальным элементом *-t*, *-to*; *dt* → *st* (*ved-ti* → *vesti*).

dzēlo — „весма“; лит. *gailas* — „резкий, быстрый“, гот. *gailjan* — „увеселять, оживлять“.

Дат.-местн. ед. основ на *-a*: *gocē*, *podzē*, *mušē*. Ср. окончание этих форм в других индоевропейских языках — *-ai*: лит. *gaĩkai*, греч. *χώρα*, лат. *terrae*, гот. *gibai*.

Именит. множ. основ на *-o*: *vyłci*, *potoci*, *stodzi* (*stogъ*), *kožuši* (*kožuchъ*). Окончание этой формы было некогда *-oi*.

Ср. ясное указание на такое окончание в других индоевропейских языках: греч. *λόχοι*, лит. *vilkaĩ*.

Повелит. (желат.) накл. *ĩscĩ*! → в ед. числе, *ĩscēte!* — во множ. числе; *romodzi!* — *romodzēte!* Ср. соответствующее образование в греческом языке: *φέροις*, *φέροι*.

§ 136. По славянским группам доисторической эпохи *k*, *g* изменились в *č*, *dž* и в сочетании с *v*: *kvoī-* → *kvě-*, *gvoī-* → *džvě-*: *cvětъ*, *dzvězda*. Так было в группах, легших в основу восточнославянских и южнославянских языков. Памятники старославянского языка представляют пример и с *sv* вм. *chv*: *вльхви* (именит. мн., в ед. *вльхъ* вместо *vyłchvъ*). В группах, легших в основу западнославянских языков, такого изменения *kv*, *gv* не было: *květъ*, *gvězda*. Ср., напр., в чешском языке *květ*, *hvězda*, в польском языке *kv'at*, *gv'azda*.

Неодинаковость судьбы *gv*, *kv* перед ё по славянским языковым группам доисторической эпохи обусловлена была неодинаковой степенью близости в примыкании одного согласного к другому по этим языковым группам. В речи предков восточных и южных славян согласные *k-v*, *g-v* были в тесном объединении. Поэтому палатализация согласного *v* вызвала палатализацию и в согласном *k* (*g*). В речи этих славян были тесно объединены и артикуляции *tł*, *dl*. А такое близкое объединение *t* (*d*)

с 1 повело к замене их одним плавным 1 (l): radlo → rało, pleŭa → pleŭa. В речи предков западных славян не было такого близкого примыкания k(g) к v. Поэтому палатализация согласного v перед ě не отразилась на изменении согласного v. Такое свободное примыкание представляла речь этих славян и в сочетании ll (dl). Поэтому оно не подверглось изменению в 1 (l): radlo, pleŭa.

Тесного объединения в артикуляции сочетаний kv, gv с гласным в речи предков южных и восточных славян не было в ранний период доисторической эпохи, — не было тогда, когда актуален был процесс изменения k в č, g в dž (→ ž), ch в š перед гласным переднего ряда. О ст.-славянской звательной форме *кльше* см. ниже, в конце этого пункта. Поэтому сочетания kvīt-, kvīt- оставались без изменения в отношении согласного k. В период более поздний, — в период, когда появился новый гласный переднего ряда вследствие изменения дифтонга oĭ (ě), в это время фонетическая система предков южных и восточных славян представляла тесное объединение сочетаний kv, gv с гласным. Поэтому kv, gv перед гласным переднего ряда, появившимся вместо oĭ, изменились в этой системе в cv, dzv: cvětъ, dzvězda. Такой же результат в изменении kv, gv получили и перед другими гласными переднего ряда: kvīt- → cvět- (q) (1 л. ед. наст. вр.), cvitati: ст.-сл. *процѣтъ, процѣисти*, украинск. *цвиту́, цвісти*, серб.-хорв. *cvàtēm, cvàsti*; но чешск. *kvísti*; польск. *kviść*. Мы не можем объяснять cv в словах *cvětĕti, cvitati* тем, что на звуковом виде глагольных форм отразилось воздействие именных форм с *cvět*, — отразилось в обобщении сочетания cv (вместо kv-: kvīt-): изменение kvě-, gvě- в cvě-, dzvě- вызвано было не особенностью в образовании гласного ě по сравнению с i или ь, а палатализующим воздействием гласного ě, как гласного переднего ряда; такое же воздействие в этом сочетании производили и другие гласные переднего ряда, ĭ, ĭ. Такого же происхождения cv в глаголе *cvĕliti, cviliti* — „плакать“, „заставлять плакать“, „стонать“: — *Бѣстра твоѣ оумираютьъ козѣла мѣ та поштѣ за са; тако рече: ать нѣла (женщина) дѣти не цѣлать* (Ипатьевский спис. летоп., под 6770 г.); *люте бо бѣлаше, шко и дѣтишту цѣлани* (Слова Григория Богосл., XI в.); русск. *цѣлѣть* — „мучить“, „заставлять плакать“, болг. *цѣля* — „жаловаться“, „ржать“, сербо-хорв. *cviljeti* — „сестовать“, словин. *cviliti* — „пищать“, „визжать“; но в чешском *kviliti* — „визжать“, „вопить“; польск. *kvilić* — „плакать“, „виз-

жать*. Имеются в русских и украинских говорах слова, корень которых представлен в виде квил-, квѣл-: русск. квилить, квѣлить, украинск. квилити — „стонать“, квил — „стон“. Наличие к в этих словах обязано значению этих слов, — слов звукоподражательных. В таких словах в разных языках часто являются задненебные согласные.

Еще в большей степени выражен оноματοпоэтический элемент в глаголе kvičati — „пищать“, „щебетать“, „визжать“: и слоговую же «устрашают» просто малым канташа свинни (родит. ед.) поросата (из Слова Георгия Писиды, по русск. рукоп. XVI в.). Но и цв-: не имамъ оставити его и цвѣкнути (житие Федора Сикейского, по русск. рукоп. XVI в.). С kv этот глагол передается и в южных слав. языках: болг. квича — „визжать“, сербо-хорв. kvičati, словин. kvičati, но и cvičati.

Этот глагол применялся с оноματοпоэтическим элементом kv чаще, чем с результатом изменения kv в cv — перед гласным переднего ряда. Оноματοпоэтический элемент преобладал в этом глаголе. Тем же звуковым средством он выражался и в других языках, например, в литовском kvỹkti — „визжать“, в немецком quieken. То же значение представляло это сочетание и в глаголе kvakati — „квакать“, „гоготать“.

Оноματοпоэтический фактор отразился и на словах с gv, передающих сильные звуки. В южных и восточных славянских языках такие слова представляют корень не только с dzv (→ zv) перед гласным переднего ряда, но и с gv — в таком положении. Так и в глаголе со значением „свистеть“: zvizdati, gvizdati. Употреблялся у славян издавна и другой глагол со значением „свистеть“: svistati, сушеств. svistъ. Параллельный вариант к zvizdati, gvizdati представлен в русских говорах в отношении „свистать“: свистать — хвистать...

В старославянском языке были слова свѣрънѣ, свѣръность, свѣрънѣти. Сочетание рь в корне этих слов представляло замену более раннего сочетания -ьг-: skьгънѣ. Изменение kv (skv) в cv (scv) в этом сочетании не происходило потому, что носителем слога тут был плавный ě; в этом сочетании, перед твердым зубным согласным (п) он был твердым (sk-вьгъна), а гласный ь представлял неслогообразующую, скользящую артикуляцию гласного переднего ряда, — артикуляцию, которая не палатализовала предшествующего сочетания kv так, как палатализовали слогиобразующие гласные переднего ряда.

В старославянской Супрасльской рукописи находится звательная форма *въѡше*. Но это — вторичное образование, по образцу форм, в которых было чередование *sh* и *š*: *доухъ* — *доуше* и т. п.

§ 137. Фонетическая тенденция передвигать образование в палатальную зону вместо задненебных *k*, *g* действовала и в первые века н. э. Передача заимствованных слов с *k*, *g* перед гласными переднего ряда свидетельствует об этом.

Имеется несколько заимствованных слов с *c* (*ц*) вместо *k* перед гласным переднего ряда. В этом *ц* видят отражение славянского фонетического процесса изменения *k'* в *c* (*ц*) или славянскую субституцию — подстановку согласного *c* на место иноязычного *k'*. Слова с таким *c* (*ц*) объясняют заимствованием от германцев, а к германцам пришли они из романской среды, пришли тогда, когда в языке ее не было еще изменения *k* в *c* перед гласным переднего ряда: лат. *caesar*, гот. *kaisar* или *kaisāreis*, лат. *acetum*, гот. *akeit*; лат. *centum* (в значении *centenionalis*) = $\frac{1}{100}$ *libra* = $\frac{1}{3}$ *as* или народно-лат. *quintus* (в значении *quinarius*) = 5 римским *asses* = $\frac{1}{2}$ *denarius*, гот. *kintus*. У славян соответствующие слова — заимствования переданы были с *c* (*ц*): ст.-сл. *цѣсаръ*, *цѣсаръство*, *цѣсаръстѣню*, *цѣсаръствовати*. Имя *cēsarъ* пережило редукцию в языке южных и восточных славян: *цѣсаръ* → *цсаръ* → *царъ*. Другие слова: *оцѣтъ* („уксус“), *цата* („мелкая монета“).

Представленное выше объяснение заимствованных славянских слов с *ц* сомнительно. Сомнение вызывается тем, что в IX—XI вв. у славян иначе передавался мягкий *k'* (*g'*) в заимствованных словах, — передавался посредством *č* (*ž*). Такая передача мягкого *k'* была не случайной субституцией для мягкого *k'*, а вызвана была близостью артикуляции *k'* к артикуляции славянского *č*. Эта близость отражалась по славянским диалектам и в более позднее время. Так было, например, по говорам словинского языка: *gōce* вм. *goke* (вин. множ. — „руки“), *číslo* вм. *kíselo* и др. Артикуляция славянского согласного *c* (*ц*) была дальше от артикуляции *k'*, чем *č*. Нигде в славянской фонетике не происходило изменения *k'* в *c* в позднее время. О замене согласного *k'* (*g'*) посредством *č* (*ž*) свидетельствует много собственных имен, восходящих к VIII—IX—XI вв.

Эти имена были отмечены выше, в вводном отделе, § 9: Ничипоръ — греч. *Νικήφόρος*, Чуприанъ — *Κυπρίανος*, Чурило — *Κύριλλος*,

Чуръ — *Kóρις*, *Kór*, Чуриакъ — *Κυριαχός*, Чурикъ — *Κυριξ* (вм. *Κήρυξ*), Ижера — финск. *Inger*, Селижар[овка] — ср. эстонск. *Sär'gjärv*.

В старославянском языке отразилось и новое явление славянской фонетической системы 2-й половины IX в.: возможность артикуляции мягкого *k'*: *к'едръ*, *пзрск'вѣг'нл*. С таким согласным *к'* в старославянском языке было представлено и слово для названия римского императора *к'есар'ь*, греч. *καῖσαρ* (лат. *caesar*).

Различие в передаче слов с *k'* посредством *c* (*ц*) и *č* нет основания объяснять разными периодами заимствования: к более раннему времени относятся слова с *c* (*ц*), к более позднему с *č*. Эти периоды заимствований не были настолько отдалены один от другого, чтобы можно было полагать значительное различие в фонетической системе этих периодов.

Полагаем, заимствованные слова с *c* (*ц*) не представляют собою ни фонетического изменения у славян *k'* в *c*, ни славянской субституции. В таком звуковом образовании, с *c* (*ц*), славяне слышали эти слова в романской балканской среде. По романским группам на Балканском полуострове в VI в. был уже представлен результат изменения *k'* в *c*, как указывают на это названия мест, переданные в греческом сочинении Прокопия (VI в.): *Μουτζιάνι καστέλλον* около Ниша, *Λούτζολο* (*Luciolo*) около Remesiana в Верхней Мизии (где ныне Белая Паланка).

Через романскую среду прошло и народногреческое слово *κυριακόν* (вм. *κυριαχόν* — „принадлежащее господу, храм“), слав. сы́кѹ, ст.-сл. *чръкѹ*. В славянских областях на северо-западе, в Крайне, в Штирии, Каринтии, в Паннонии, Моравии и в других краях, на передаче этого слова могло отразиться немецкое посредство. На это посредство указывает гласный *i* перед *г*. В таком звуковом сочетании это слово было в старочешском языке (*cierv*), в старопольском (*cyrk'ew*). Моравизмом является *-nr-* в слове *чръкъвь*, как это отразилось в Киевских листках (*чръкъвьѡ*) и в Синайской псалтыри (*чръкъвьѡ*); *cirkuvah* находится и в Фрейзингенских отрывках X—XI вв., — в памятнике с чертами словинского языка. С гласным *i* это слово представлено и в современных кайкавских говорах Хорватии, а также в восточнословинских (*cirkva*). С гласным *i* это слово обязано было верхненемецкому воздействию: др.-верхн.-нем. *kiricha*, *chiricha*.

§ 138. Другое условие для изменения *k* в *č*, *g* в *dž*, *ch* в *š* заключалось в ассимиляционном воздействии пред-

шествующего гласного переднего ряда. Под таким воздействием происходила передвижка образования для *k, g, ch* в зону палатальную: *k* → *č*, *g* → *dž*, *ch* → *š*. В той или иной степени такая передвижка в палатальную зону под воздействием предшествующих гласных переднего ряда и мягких согласных происходила и позднее в некоторых славянских группах. Ср. в русских диалектах — *-jka* → *jk'a*, *-n'ka* → *n'k'a*: *gaj-k'a*, *rajk'u*, *Ван'k'a*, *Вас'k'a*, *Волот'k'a*. Ср. в болгарских говорах (преимущественно западных): *majk'a* (вм. *мајка* — „мать“), *л'ул'k'a*, *сен'k'a* — „тень“ и др. Ср. и поздний процесс у поморских словинцев: *k, g, ch* смягчились после гласных переднего ряда *e, ě, i, ĭ*: *sneg'*, *grěch'*, *bĭk'*, *rek'* вм. *гек* из *гакъ* (*га* → *ге*). То же явление представляет фонетика тюркских и некоторых других языков. Напр., турецкие *düşek'* — „матрац, постель“, *gümrük'* — „таможня, пошлина“, *k'östek'* — „цепь, тормоз“. Примеры славянские доисторической эпохи: *liko* → *lice*, *děvika* → *děviča*, *ovĭka* → *ov'ča*, *otĭka* (родит. ед.) → *ot'ča*, *ot'cu*, но звательная форма еще раньше имела звуковой вид такой: *ot'če*; *pol'dža*, *st'dža*, *v'ša*, *v'še*, *v'š'v*, *zajęč's*, *klićati*, *dvidžati*, *sędžati* — *osędžati* — „осязать“ и др.

Фонетическая тенденция *k* → *c'*, *g* → *dž'* после гласных переднего ряда была актуальна и в поздний доисторический период, в первые века н. э., в период встреч и взаимоотношений с германскими народами: германские слова с *-ing* передавались славянами с конечными звуками: *-ędžь*: *kъnędžь* — герм. *kūning*; *pēnędžь* — герм. *phenning*.

Старославянские памятники представляют ряд примеров итеративных глаголов на *-ати*, в которых находятся *ч* и *з* (*dž*) не только после *и* (*i*), *а*, но и после *рь* (доисторич. *ьг*): *мрьчати*, *тръзати* и др. Неясно, в результате ли фонетического процесса появились эти глаголы с *dž* после *ьг* или они вызваны влиянием ряда итеративных глаголов на *-ичати*, *-азати*: *вскличати*, *нарѣчати*, *осазати*... На возможность фонетического результата может указывать *с* (*ч*) после *ьг* в таком имени: *зыгcadlo* → *зыгcało*, но и *зыгkało*.

В ряде слов не представлено изменения *k* в *č*, *g* в *dž*, *ch* в *š*.

а) Не происходило палатализирующего воздействия гласного переднего ряда на следовавший за ними *k, g, ch*, если за этим согласным находился другой согласный: *тъгъla*, *тъгъnqti*, *stъgna* — „дорога, улица, переулок“, *sęgnqti*, *kliknqti*, *męknqti*, *vъchrgъ*. С этим сравните отсутствие изменения *s* → *ch*, если *s* был в сочетании с согласным: *blęskъ*, *istina*, *kryste* (аор.).

б) Можно полагать, что не происходило палатализующего воздействия гласного переднего ряда на следовавшие за ним *k, g, ch*, если за этим согласным были гласные *ъ, у (ы)*: *къ, ку, гъ, гу, чъ, чу*: *тѣкъкъ, тѣгъкъ* (ср. глагол *otegъčiti*), *lyguŋ'i* („легкость“), *kъpegyni*. В этом положении, перед *ъ, у (ы)*, согласные *k, g, ch* произносились с активным участием губ, а лабиализованное образование этих согласных удерживало их от передвижки в палатальную зону. На то, что лабиальный элемент был представлен в сочетаниях *къ, ку, гъ, гу, чъ, чу*, может указывать следующее явление: перед славянским *и* (из *ou*) в начале слова не появлялось губное сужение (*ц* или *v*), а перед *ъ, у (ы)*, получившимися из *й, ѱ*, был представлен *v*: *vъriti, vukhoŋi* (см. выше). При переходе лабиального гласного в нелабиальный (*й → ѣ, ѱ → у*) выделился лабиальный элемент, который в начале слова имел отдельную артикуляцию, а в сочетаниях *къ, ку, гъ, гу, чъ, чу* этот лабиальный элемент сопровождал артикуляцию заднеязычного.

В формах имен происходило обобщение основ с заднеязычным согласным или с палатальным согласным. Так:

Им. *liko* → *lice*

Род. *lika* → *lica*

Дат. *liku* → *licu*

С *с (ц)* и родит. множ. числа: *licь* вместо *likъ*.

Им. *polъga* → *polъdъza*

Вин. *polъgo* → *polъdъzo*

Род. *polъgy*.

Вследствие обобщения основы по всем формам проведена или основа с *dъ*: *polъdъza, polъdъze (polъdъze)* — родит. ед., или все формы стали образовываться с основой на *g*: *polъga, polъgy*... (Ср. по диалектам русского языка: *пол'з'а* — в одних, на севере, *пол'га* — в других). Так и в местоимении *въъego, въъeti, въъa*... Так и *въъ'ъ* вм. *въъчъ*. Но были славянские группы, в которых обобщалась основа с *ch*: *въъчъ, въъча, въъcho*... Так было по говорам, легшим в основу севернорусской группы. Еще в XII в. в Новгородском крае были формы *въъа, въъоу*: *въъоу тоу земаю хоутиньскую* во вкладной Варлаама Хутынского (1192—1207 г.). Позднее, под влиянием соседних говоров, имевших формы этого местоимения с *с'*, вышли там из употребления формы с *х*.

§ 139. В фонетике славян доисторической эпохи одним из ранних процессов была ассимиляция согласного со следовавшим j или j̄. Этот процесс весьма значительно отразился в славянской фонетической системе. Полагаем, этот процесс проходил таким образом. Во всех сочетаниях пережито ассимилирующее воздействие j на предшествующий согласный. При ассимиляции задне-небных место артикуляции языка подвигалось вперед, к области палатальной, т. е. к образованию j, а при изменении небо-зубных согласных место артикуляции языка отодвигалось назад, тоже к месту образования j. Затем происходила ассимиляция j с тем палатальным согласным, который появился в результате этой передвижки: получались палатальные аффрикаты или палатальные долгие согласные:

kj → k'j → č; gj → g'j → dž → ž̄; chj → ch'j → š; nj → n'j → ñ';
rj → r'j → r̄'; lj → l'j → l̄'; sj → s'j → š̄; zj → z'j → ž̄;
tj → t'j → t̄'; dj → d'j → d̄'.

В дальнейшем происходило сокращение долготы согласных. Долгие согласные ñ', r̄', l̄', š̄, ž̄ (сонорные и фрикативные) утрачивали долготу без изменения в укладе языка: kop'a (род. ед.), vol'a, mor'e, poša, vožq. Затворные же палатальные согласные долгие t̄', d̄' утрачивали долготу иначе: взрыв сопровождался легким фрикативным элементом š, ž или s, z: 1) t̄' → t̄'s̄, d̄' → d̄'z̄; 2) t̄' → t̄'s̄, d̄' → d̄'z̄. Первого вида изменение было свойственно тем группам, которые легли в основу восточной и южной славянских групп, а второго вида изменение происходило у предков западных славянских групп.

světja → svēt'a $\begin{cases} \nearrow \text{svět}'\text{š}\text{a} \\ \searrow \text{svēt}'\text{š}\text{a}. \end{cases}$
medja → med'a $\begin{cases} \nearrow \text{med}'\text{z}\text{a} \\ \searrow \text{med}'\text{z}\text{a}. \end{cases}$

§ 140. Процесс ассимиляции губных согласных с j заключался в осложнении губной артикуляции артикуляцией языка, поднимавшегося к твердому небу. Конечные результаты этой ассимиляции были неодинаковы в начале слова и не в начале его. Именно, в начале слова перед гласным язычная артикуляция

отстала от губной артикуляции; подъем языка был высокий; получился мягкий согласный l'. Итак, mj + гласный → ml' + гласный; pj + гласный → pl' + гласный; bj + гласный → bl' + гласный; vj + гласный → vl' + гласный: pjou → pl'u- (pl'ujq); ср. лит. spĩáuju; beud → bjud → bl'ud- (bl'udq), ср. греч. πεύθουαι. Так было, по всей славянской области. Но не в начальном слоге конечный результат изменения — губн. согл. + j перед гласным был неодинаков по славянским группам. В восточных и южных славянских языках zeml'a в м. земља. Западнославянские языки издавна не имеют l' в этом положении: zem'a. Неясно, был ли когда-нибудь в этих языках l' не в начале слова. Памятники письменности на западославянских языках идут от XIII—XIV вв. Может быть, l' не в начале слова был и в языке этих славян. Но к XII—XIII вв. он был утрачен, как утрачен он был в болгарском языке во 2-й половине X—в XI вв. (см. в отделе о процессах этого языка). Но возможно, что в языке предков западных славян и не появлялся j не в начале слова: zem'a → zem'a.

§ 141. Судьба сочетаний skj, zgj. В группах skj, zgj заднеязычный согласный в сочетании с j изменился в č, dž в связи с процессом изменения kj, gj. Согласные s, z ассимилировались с шипящими š, ž, находившимися в составе аффрикат č, dž. Итак, skj → šč, zgj → ždž. Такой же результат получился и вместо sk, sg перед гласным переднего ряда: dъždъ; ср. лит. duzgėti — „глухо звучать“; iščeši, ср. iskati.

stj, zdj. Когда вместо tj, dj стали произноситься t'j, d'j и далее t̄', d̄', то в сочетаниях st'j (st̄'), zd'j (zd̄') согласные s, z ассимилировались со следовавшими за ними дорсально-палатальными образованиями. Результат ассимиляции был такой же, какой получался в процессе ассимиляции s, z перед j, n', l': в м. s, z появились палатальные š, ž: nosjq → nošq; vъzl'ubiti → vъžl'ubiti; mysl'q → myšl'q; mysl'ень → myšl'ень; sьbъzniti, нo: sьbъžn'ati.

Дальнейшее изменение: št̄' → št̄'^š → št̄'^šš; žd̄' → žd̄'^ž → žd̄'^žž. Фрикативный элемент, развившийся за взрывом, был одинаков по всем славянским группам: он был из ряда шипящих. Это однообразие обусловлено было воздействием предшествующих шипящих š, ž: jěždžq, ср. jězditi; tьšča (tьšt'ša) в м. tьstja, ср. tьstь; pušča в м. pustja.

§ 142. Выше в §§ 134, 141 было указано происхождение палатальных č, ž, š:

1) č вм. kj и вм. k перед гласным переднего ряда (e, i, e ь).

ž вм. gj, zj и вм. g перед гласным переднего ряда;

š вм. chj, sj и вм. ch перед гласным переднего ряда. Примеры см. выше.

2) ž, š появились также вместо z, s перед палатальными l', n':
vžl'ubiti вм. vzl'ubiti; sžblāžn'ati, myšl'eno.

§ 142a. sk-|| k-.

В древней системе индоевропейских языков было сочетание sq (sqh, sk'), в начале слова чередовавшееся с q (qh, k'). Такое чередование было и в языке славян. Например:

ker-, koir-|| sker-, skēr-, skeir-, skir-: čer-, cēr-|| ščer-, ščar-, ščir-: cēpiti — „колоть“, cēr- — „палка“, ščera, ščapa, ščipati. Ср. греч. *οξέπαρος* — „топор“, *οξίπω* — „палка“, лит. skēpsnė — „кусоч материала“.

koir-|| sker- — „отделять, резать“: cēr-|| ščer-: cēriti — „скалить зубы“, ščeriti — в том же значении. Ср. греч. *κείρω* — „стригу, режу“, лит. skirti — „отделять, резать“.

kerz- → čerz-, kьrz-|| skьrz-, skroz-: русск. через, болг. кръз вм. krz из kьrzь, серб. kroz, словацк. kroz, украин. кріз; чешск. *akrz* („через“), русск. скрозь, украин. скрізь, польск. *skros'*. Ср. лит. skērsas — „поперечный“, skradžas — „сквозной“.

В славянской группе было больше слов с k-, чем в близкой к ней литовской.

čistь, cēditi, лит. skýštas — „тонкотекущий“, skáistas — „светлый, блестящий“.

kridlo — kriło — лит. skriūti — „летать изгибами, двигаться кругообразно“.

Группы согласных.

§ 142б. В славянской фонетической системе доисторического времени не было долгих согласных. Если встречались одинаковые образования согласных, то долгота утрачивалась посредством диссимиляции (при затворном долгом) или посредством сокращения (при фрикативном долгом согласном).

а) tt (место tt и dt) диссимилировалось в st: metti → mesti; наст. вр. meto, meteši...

čĭtĭi- (čĭt-tĭ) → čьstь — „честь“, корень čьt-, sьčĭtati — „считать“; это слово, как и сена, применялось в период расцвета родового строя в практике кровной мести: čьstь — то, что высчитывалось за пролитую кровь; соответствующее явление представляли и другие народы: ср. у греков τιμή — „цена, плата, месть“, позднее „честь“; глагол τιμάω — „оцениваю, определяю размер штрафа, мщу“ и позднее „чту, почитаю“.

vedtĭ → vesti; наст. вр. vedq, veděsi...

Такой же процесс диссимилиации tt был пережит и в литовском языке: vėsti, наст. vedù.

б) ss ассимилировалось в s:

2 л. ед. ĭessi (основа -es-, окончание -si) → ĭesi (jesi).

Такое же явление пережито было и другими индоевропейскими группами: др.-инд. asĭ, др.-иран. ahi, греч. аттич. ἄϊ; но в греч. гомеровском дорическом ἄσσι.

Другие славянские примеры представлены формами сигматического аориста с инфинитивной основой на s, z: nes-, vez-, — 1 л. ед. nĕsson → nĕsь; vĕzson → vĕsь, 3 л. множ. nĕssĭnt (ĭnt в.м. -nt) → nĕsĕ, vĕsĕ.

§ 143. Некоторые группы согласных неодинакового образования также подверглись изменению. Отметим следующие сочетания.

1) Сочетания из двух согласных, из которых вторым был t

$$\begin{matrix} pt \\ bt \end{matrix} > t$$

tepti → teti — „ударять“; наст. вр. tepq...

grebti → greti; grebq, grebeši...; pogrĕbati;

delbto или dolbto → delto, dolto; южнослав. dlĕto, dlato, русск. долото; корень delb-, dolb-, чередовавшийся с dьlb-: dьlbĭti; — русск. долбит’;

kt перед гласным заднего ряда и перед у (y) → t:

lekto → letь — „лет, полет“; от этого имени образован инфинитив letĕti; на -kt указывают параллели других индоевропейских языков: лит. lĕkti — „летать“, греч. λᾱκτίζω — „выпускаю“;

plekto → pletь, plokto → plotь; лат. plecto, др.-верхн.-нем. flīhtu, греч. πλέχω — „плету“, πλεκτή — „сеть, веревка“;

pĕtь — „пятый“; от этого порядкового числительного образовано и количественное pĕtь; лит. penktas, лат. quintus из quinctus.

Может быть kt было в ротъ — „пот (потеть)*, если корень тут был рок-, чередовавшийся с рек-: rekq, rešeži...

Такое же изменение сочетания kt происходило в истории итальянского языка: латинскому actus („сделанный“) соответствует итальянское atto (aīo), латинскому strictus („туго стянутый“) — итальянское stretto. В славянской фонетической системе давнего времени не было долгих согласных. Поэтому сочетание kt заменилось посредством t обычного образования.

Перед гласным переднего ряда судьба kt (из kt и из gt) была иная. В этом положении, перед гласным переднего ряда, согласный t был палатализован. Перед палатализованным („мягким“) согласным артикуляция для k передвигалась в палатальную зону, как это было перед j и перед гласными переднего ряда. Вследствие передвижки вперед получилось образование палатального t': kt' → t't'. Таким образом, получилось образование t't', ассимилировавшееся в долгий палатальный t̄'. Долгота палатального затвора утрачивалась так, что при отворе развивался длительный фрикативный элемент, неодинаковый по славянским группам: ṣ —

в одних, ṣ — в других — t̄' $\begin{matrix} \nearrow \text{ṣ} \\ \searrow \text{ṣ} \end{matrix}$. Т. е. происходило то же, что с t̄' вместо давнего tj.

noktī → noī'ь $\begin{matrix} \nearrow \text{po t̄'ṣ} \\ \searrow \text{po t̄'ṣ} \end{matrix}$, ст.-слав. ношъ, русск. ночь,
 (родит. ед. noctis);

dūktēr- (dūktēr-) → dъt̄'i (dъt̄'er-) → dъt̄'ṣi (dъt̄'ṣer-), ст.-слав. дъчи (дъчѣр-), русск. дъчи (дъчер-) → дочи...;

dъt̄'i (dъt̄'er-) → dъt̄'ṣi (dъt̄'ṣer-), зап.-слав. dъci (dъcer-) → dci (dcer-); лит. duktē (родит. ед. dukteĩs), гол. daūhtar, греч. θυγάτηρ;

pekti → peī'i, ст.-слав. поѣи, русск. печи — печь, зап.-слав. pec[i];
 mogti → mokti → moī'i, ст.-слав. моѣи, русск. мочи → мочь — помочь, зап.-слав. moc[i].

2) Сочетание двух согласных, из которых вторым был -п:

tn
 dn
 pn
 bn $\begin{matrix} \diagdown \\ \diagup \end{matrix}$ n

osvѣnqti → osvѣnqti — „засветить, рассветать“, корень svѣt-, чередовавшийся с svѣt-;

vѣdnqti → vѣnqti — „вянуть“; ср. uvѣdati;

prѣdnqti → prѣnqti — „воспрянуть“; корень prѣd-; prѣdati — „трясти“. Ср. в Супр. рук.: съзвѣкъше („раздѣв“) въздѣръствѣннѣго пѣкъ снѣтѣ („бейте“) дѣ възспранѣвъ повинѣтъ сѣ (53).

sŭrno- — съръ; корень съръ- (вм. sŭr-): сърати; греч. ὄρυς (‘ вместо σ);

kapnqti → kanqti; kapati, kapja — kapl’a;

topnqti → tonqti; topnja → ton’a; topiti, utopati;

gybnqti → gynqti; gъbnqti → gъnqti; корень gub-, gub-, gъb-: gubiti, gybati, gubѣlъ.

dŭbno → dъno; ср. лит. dubūs — „глубокий, пустой“.

В истории славянских языков актуальны были глагольные образования с суффиксом nq (с той или иной заменой гласного q). В особенности же часто применялся этот суффикс в истории западнославянских языков. В разное время по славянским языкам происходили новые образования с nq (с его заменой). В числе этих новообразований были и такие, в которых заменитель суффикса nq присоединялся к глагольному корню на губной или на небно-зубной согласный t, d: русск. гиб-нуть, кап-нуть, лип-нуть, зяб-нуть, чешск. kap-nouti (имеется и старое kapouti), словацк. ľŕpnut’ („потерпеть“), польск. żęb-nąć, stop-nąć и др. Нового образования и западнославянские глаголы с nq после t, d: чешск. zvadnouti („увянуть“), sednouti, моравско-словацк. čtnŭt’, словацк. kvitnŭt’ и др.; польск. kvitnąć, v’ędnąć. Гласный i в корне таких глаголов, как kvitnąć, ясно указывает, что это образование вторично, от звукового вида глагола итеративного значения, где был издавна гласный T, как удлинение гласного i (или ъ) корня глагола с неитеративным значением: kvitati, съvitati, lipati — при глаголах совершенного вида: квъnqti, свъnqti, ѡnqti. Но некоторые глаголы с суффиксом nq оставались в прежнем звуковом виде: польск. kinąć, chłonąć при новом chłódnąć (ср. гласный ó в новообразовании), старочешск. hlēnŭti (pahlengete sem do hrobu — „посмотрите сюда в могилу“, рукопись начала XV в.); ranŭti (panet a zhynie — „упадет и погибнет“, рукопись начала XV в. См. примеры в книге J. Gebauer’a, Historická mluvnice jazyka českého. I. Praha, 1894, стр. 410). На то, что и в речи предков западных славян был пережит процесс изменения pn(bn) в n, указывает и чешский глагол oslnouti вм. oslъpnqti и

польский глагол *oślnąć* — „ослепнуть“. В таком звуковом виде этот глагол датируется польскою письменностью от XVI в. вместо более раннего *ośl'nąć*, а это представляло собою фонетическую замену давнего *ośl'nqti*, — образование, в котором корень был на ступени редукции: *o-sl'p-nq-ti*; *pn* → *n*. Ср. полную ступень этого корня: *sl'p-*. Ср. такое же чередование *svěť* — *sv'etnqti* → *sv'etqti* и др. И наконец, ни один западнославянский язык не представляет *pn* в имени *śr'pъ* → *śt'pъ* („сон“), потому что рано это имя утратило этимологическую связь с видом корня *śr-* в глагольных образованиях *śr-a-ti*.

3) Сочетания двух согласных, из которых вторым был *m*:

$$\begin{array}{l} tm \\ dm \end{array} \rangle m$$

vertmę → *verme*: южн.-слав. *vrěmę*, др.-русск. *верем'а*, корень *vert-*, чередовавшийся с *vort-*, *vьrt-*; *verteno*: русск. *веретено*; *vor-titi*: южно-слав. *vratiti*, русск. *воротить*;

1 л. ед. *dadmī* → *damъ*, 2 л. мн. *dadite*, 3 л. мн. *dadetъ*;

roudmeño → *rumenъ*; корень *rud-* — „красный“; *ruda*;

pledmēn → *plemę*; корень *pled-*, чередовавшийся с *plod-* (*plodъ*, *ploditi*).

§ 144. Особое замечание о *sedmъ-seмъ*, польск.-кашуб. *setmъ*. Славянские языки представляют это числительное в таком виде: русск. *семь* — *семой*, русск. литер. *седьмой*, украин. *сім*, польск. *śedm* — *śedmy*, но в севернопольских говорах *s'etem* — *s'odmi*; в северно-кашубских говорах — *sétām*, *sétmā*, — порядков. *sódmi*; чешск. *sedm* (по говорам *sedem*, *sedum*), — порядков. *sedmū*; болг. *седъм*, по говорам *седем*, в центральной и западной Македонии *седом*, *седум*, — порядков. *сédми*; сербо-хорв. *sedam* — *sēdmī*. В старославянском *седмъ*, — порядков. *седмъ*.

Чем вызваны наличие группы *dm* и неодинаковость звукового вида основы в количественном числительном по сравнению с порядковым в сев.-польских и кашубских говорах (*-tm* в количественном, *-dm* в порядковом)?

Наличие *t* в количественном числительном при *d* в порядковом — это давнее явление. Ту же дифференциацию представляет и греческий язык: *ἐπτά* — *ἑβδομος*. С согласным *t* это числительное и в латинском (*septem*), и в литовском (*septyni*), и в др.-индийском (*sapta*).

Возможно полагать, что в давнее время у славян было то же отношение, как и в греческом: *septmī*, — порядк. *sebdīmo*. Сочетание *septmī* изменилось фонетически в *semy*; сочетание *sebdīmo* изменилось в *sedьmь*. К сочетанию *semy* восходят русское *семь*, украинское *сім*. У славян на ряде количественных числительных отразилось влияние порядковых: *peť*, с *t*, как в *peť* (а не с заменой *kt'* перед гласным переднего ряда); *osmь*, с *m*, как *osmь* (иначе не было бы *m* в количественном); *šestь*, *devetь*, *desetь* с *t*, как *šestь*, *devetь*, *desetь* (иначе не было бы *t* в количественном: ср. греч. *δέξα*, др.-инд. *daṣa* и др.). Такое же воздействие отражалось в разное время по славянским группам и на числительном „7“. В говорах, легших в основу поморских и близких к ним севернопольских групп, еще до ассимиляции *tm* появилось *seťmь*, с -ьm-, как *sedьmь* (порядков.). (Сев.-кашуб. *sētām*, *sētma*, сев.-польск. *s'etm* с основой косвенных падежей: *seťmi* → *setmi*; *em* или *mə* появилось вместо *m* в конце слова после согласного: *setm*.)

И в другом направлении действовало порядковое числительное: основа с *d* переносилась и в образование количественного числительного. Так в польском, чешском, в южнославянских языках. Старославянский язык указывает, что уже во второй половине IX в. были сочетания *sedьmь* — *sedьmь*. При этом *ь* отсутствовал не только в количественном, но и в порядковом числительном. Утрата *ь* в этих сочетаниях произошла рано, как и в некоторых других словах, — в наречиях, в словах-обращениях.

Восточнославянское *semyj* → *semoj* (русск.) — вторичного происхождения, в связи с количественным числительным *semy*. В XI—XII вв. уже существовали у восточных славян *semy* — *semyi* (примеры в Остромиров. ев., в Сборнике Святослава 1073 г., в Словах Григория Назианзина XI в. и др.).

§ 145. *tl*: 1) *tl*, 2) *tl* → *l*;

dl: 1) *dl*, 2) *dl* → *l*.

В одних славянских группах доисторического времени *tl*, *dl* → *l*. Так было в группах, легших в основу южных и восточных славянских языков. В тех же группах *kvě-* → *cvě-*, *gvě-* → *dzvě-*: *cvětь*, *dzvězda*.

В других славянских группах, — в тех, которые легли в основу западнославянских языков, *tl*, *dl* оставались без изменения

В тех же группах не изменились и kvě-, gvě-. Повидимому, в образовании tl, dl, kv, gv примыкание артикуляции первого согласного ко второму не было в этих группах таким близким, входящим в образование другого согласного, каким оно (примыкание в tl, dl, kv, gv) было в группах, легших в основу южных и восточных славянских языков:

gъrdlo — gъrlo; vedla — veta; padla — paŕa; metla — meŕa (наст. вр. meto, meteši...).

В литовском языке также произошло изменение в сочетании tl, но изменение в ином направлении по сравнению со славянским: tl → kl: лит. gurklỹs, слав. gъrdlo. В таком же направлении происходило изменение dl, tl в отдельных славянских группах, — изменение позднейшее. Так, в Псковском крае в XIV — XVI вв. поведгл, соустрѣгли — вместо вторичных образований — поведли, сустрѣтли, по образцу других форм с этими согласными: повед-ен, вед-у, стрѣт-ил... Так изменилось dl и в кашубских говорах: żądło — „жало“¹, mgłác вм. mdłác — „млеть“.

§ 146. 5) $\begin{matrix} ts \\ ds \\ ps \\ bs \end{matrix} \rightarrow s$

1 л. ед. сигматического аориста čilson → čisъ; наст. čyto, čyteši.

1 л. ед. сигматического аориста vėdson → vėsъ; наст. vedto.

2 л. ед. наст. datsi → dasi, kondso → koсъ — „кусок“; корень kond-, с формантом so; лит. kándu — „кусаю“.

1 л. ед. сигматического аориста grėbson → grėsъ; наст. grebto; osa, лит. vapsà, др.-верхн.-нем. wafsa.

$ks (gs) \rightarrow kch \rightarrow ch$
[kst → st]

1 л. ед. сигматического аориста rėkson → rėchъ; но 2 л. мн. rėste;

1 л. tėchъ (tėk-ch-); velk-ch → ст.-сл. вѣх-[ъ];

1 л. ед. сигматического аориста žachъ, но 2 л. мн. žaste, наст. вр. žegto.

¹ Псковское „жагло“ сюда не относится: здесь корень жег- и суффикс -лъ, как и в болгарском слове того же происхождения и значения „жегло“, „жегъл“. Подробнее см. „Славянское языкознание“, I, стр. 302.

§ 147. 6) *bv* → *b*.

obvortiti → *obortiti*: южн.-слав. *obratiti*, русск. оборот; *obvelkati*, *obvolčiti* → *obelkati*, *obolčiti*: южн.-слав. *oblēkati*, *oblāčiti*, русск. оболочит' (сев.-русск.), оболочка; *obvolko* → *obolko*: южн.-слав. *oblāko*, русск. оболочко (диал.); *obvoldti* (*ti* — суффикс) → *obolstь*: южн.-слав. *oblāstь*; *ob-vitali* → *obitати* — „жить где-нибудь“, *obitěľ* — „жилище“. Ср. значение глагола *vitali* в старославянских текстах: *І бѣваетъ дръво; ѡко прити птицимъ нѣскѣимъ і витати на вѣтахъ его* (Матф., XIII, 32; Зогр. код.); но ср. параллель Луки, XIII, 19: *І бѣсть дръво волье. І птица нѣскѣимъ вѣселишася въ вѣтѣхъ его* (Зогр. код.).

7) $\begin{matrix} kv\acute{e} & \swarrow & \acute{c}v\acute{e} \\ & kv\acute{e} & \end{matrix}$ $\begin{matrix} gv\acute{e} & \swarrow & dzv\acute{e} \\ & gv\acute{e} & \end{matrix}$

květъ, *gvězda* — западнославянские группы; *cvětъ*, *dzvězda* (*zvězda*) — южнославянские и восточнославянские группы. Ст.-слав. *цвѣтъ*, *звѣзда*, русск. *цвѣт*, *звѣзда*; чешск. *květ*, *hvězda*, польск. *kwiat*, *gwiazda*.

8) *dg* → *g*.

voǐdgoľso → *věgoľsь*: южн.-слав. *věglaśь* — „сведущий“, *ne-věglaśь* — „невежественный человек“.

9) Сочетания из трех согласных:

skn → *sn*: *plesknŭti* → *plesnŭti*; *toiskno* → *těsnь*;

kst → *st*: *rěkste* → *rěste*.

skl, skr, skv, stv, str.

В фонетической системе славян были сочетания *skl*, *skr*, *s'tv*, *stv*, *str*: ст.-сл. *истаскѣ* — „отошавший“, *iskra* — *iskra*, *skrebŭ*, *skvozě*, суффикс *-stvo* (*-ьstvo*): *отьсѣstvo*, *мъножьstvo*.

str. Это сочетание было разного происхождения. В одних словах оно было давнего происхождения: и в других индоевропейских языках было соответствующее сочетание. Слав. *strigŭ*; ср. др.-верхн.-нем. *strīhhan*. В других случаях *str* появилось в языке славян вместо более раннего *sr*: как переходная артикуляция от *s* к *r* появился затвор *t*.

struja, *ostrovъ* (*o-strov-ъ*); ср. вост.-лит. *sraujà* — „поток“, *prāsravas* — „незамерзшие места среди льда, — места, где есть течение“; др.-инд. *srāvati* — „течет“; греч. *ῥέω* — „теку“ (' в м. о);

sestra; др.-инд. *svasrē* (дат. ед.);

ostrъ; др.-инд. *ācṛiḥ*, греч. *ἄκρος* (слав. *s*, др.-инд. *ṣ*, греч. *χ*: *desēť* — *dāća* — *δέξα*);

ръстръ; корень рьс-; ср. греч. ποικίλος — „пестрый“.

Но sl отсутствовало в ранней фонетической системе славян. Сочетание sl не подвергалось изменению: slědъ, slava, pasti — paslъ.

str вместо st появилось и в других языковых группах. Так, в литовском sraujà, а в ближайшем к нему латышском strauja, strauji — „бурностремительно“, strauņe — „струя“.

В некоторых индоевропейских языках переходная артикуляция представлена и в передаче сочетания sl: sl → stl → skl. Ср. передачу славянских слов в греческом, латинском, албанском языках: Sclavi — в лат.; Σκλαβηνοί — в греч. (передача славянского slověne); албан. Sklivani — слав. Sliváne; алб. Škivovik. Škivovik — передача славянского названия холма Slivovik.

Как переходная артикуляция от z к г появился d. Старослав. из-д-ржѣти, из-д-ржѣ, въз-д-радовати сѧ, раз-д-рѣшѣти; ровъ издръ и ископа; без-д-ранъ;

возвода въздрѣу („взревел“) акы левъ (Супр. рук.);

бездрѣпѣтъное слоужѣние (Син. тр.).

То же явление отразилось и в передаче новых слов: издранъ, греч. Ἰσραήλ.

Согласные перед гласными переднего ряда.

§ 148. Согласные в этом положёнии испытывали в той или иной степени передвижку к палатальной области. Задненебные k, g, ch пережили значительную передвижку, такую же, как перед j. В результате k → č, g → dž → ž, ch → š. Небно-зубные, плавные и губные согласные также изменяли артикуляцию: они становились мягкими. На изменение небно-зубных согласных перед гласным переднего ряда указывает судьба сочетания kt в этом положении: kt → tt, которые затем t̃t̃ в зависимости от воздействия образования следующего гласного переднего ряда. Дальнейшая судьба t̃t̃ (t̃) была такая же, что и t̃ в см. tj: poktī → pot̃ъ → pot̃ъ̃ или pot̃ъ̃; ср. лат. pox, poctis; mogtī → moktī → → mot̃ъ → mot̃ъ̃ или mot̃ъ̃.

Степень мягкости согласных недвойных (недолгих) не была такой высокой, какая свойственна была палатальным согласным. Так, l' вместо lj, n' вместо nj были палатальными, а l, n перед гласными переднего ряда были согласными палатализованными

не в высокой степени. На такое различие указывает следующее явление древней славянской фонетики: *s, z* перед *li, le, lě, lь, ni, ne, ně, нь* оставались без изменения: *slědъ, mysliti, myslь, blazniti, bojazнь*; но перед *l', n'* согласные *s, z* изменились в палатальные *š, ž*: *myšleno, sьblazn'ati, оушникъ* (Зогр. лл.).

Начало слова.

§ 149. Начало слова по своей фонетике может представлять отличия сравнительно с соответствующими артикуляциями в середине слова. Особая фонетика начала слова связана была с абсолютным началом слова, а также с особым произношением некоторых слов, начинавшихся с гласного звука. Некоторые слова произносились в начале слова с эмфазой. Положение гортани при таком произношении слова, начинавшегося с гласного звука, было не обычное, при котором вибрация голосовых связок начиналась одновременно с поступлением струи воздуха. При эмфазе начальный гласный слова произносился так: перед его артикуляцией гортань закрывалась; струя воздуха взрывала препятствие в гортани и вслед за этим она (струя воздуха) производила вибрацию голосовых связок. Этой вибрации предшествовал гортанный приступ. Так произносилось указательное словечко *e* отдельно и в сочетании с *-se, -to, -vo, -no*: *ese — „вот“, eto, evo — „вот“, epo — „вон там“*. Это словечко бывало и в сочетании с местоименной формой: *eta, eto — откуда русское эта*, без *ĭ (j)* перед *e* (эта, это, этот). И в других славянских языках представлены следы такого образования *e*: без *ĭ* или с гортанным *h* (чешск. *hen — „там“, henten — „вон тот“, польск. hen — „смотри, вон там“, ниже-луж. hup — „вот тут, вот там“*). Ср. указание на *e*, без *ĭ*, в некоторых ст.-славянских памятниках, писанных кириллицей. В Супрасльской рукописи находится обычно *есе*, словечко для утверждения *en — „да“, местоимение етеръ*, местоимение, в котором суффикс *-ter-* присоединен был к указательному словечку *e*, а не к местоименной основе *je (jego, jemu...)*; (*етеръ — „какой-нибудь“, „один“*); в Остромировом ев.: *ѣдѣ*, а не *ѡдѣ*, *ен*, *етеръ* (3 раза).

Особая редуцированность, скороговорочное произношение некоторых наречий также не представляли условий для развития *ĭ* перед *e* в начале слова, хотя бы такое наречие находилось и в середине фразы. Такова судьба наречий *едѣва —*

edva, odъva — odva, ešče — ošče. По славянским языковым группам эти наречия представлены без *i* (*j*): edva, ešče (с той или иной заменой сочетания *šč*), с развившимся гортанным *h* (hyšče в лужицком языке). Но эти наречия имели образования и с *i* (*j*): jedva, ješče.

§ 150. У славян в доисторическое время для начала слова с гласного звука имело значение и то, что в середине предложения такому слову предшествовало слово, оканчивавшееся гласным звуком (у славян слово не оканчивалось согласным). Итак: за гласным одного слова следовал гласный другого слова. При таком фонетическом условии, именно после гласного переднего ряда конца одного слова появлялся неслоговой *i* перед начальным гласным следующего слова. Напр.: korva-i-agneč → korva-i-*i*agneč; dobroj-ěstī → dobrē-*i*estь. С *i* слово могло обобщиться и употребляться только в таком виде, с *i*:- *i*agneč; *i*estь...

i (*j*) появлялся перед *e*, *ē*, *e*, *ь*, повидимому перед *i*, перед *a*. es:- *i*estь; лит. *ėsti*, греч. *ἔστι*, лат. *est*.

ēd:- *jē-d* → *iad*-(*jād*); ст.-слав. ѡмь (вм. *jadmь*), ѡдъ — „ѣда“ (пища). Это слово применялось и к названию буквы *а* в глаголице, *ѡ* в кириллице: ѡдъ. Если же этот корень был в сочетании с префиксом, оканчивавшимся на согласный, то *ē* заменился посредством *ě*: *ъnēdъ*, *ъnēdati*, *obēdъ*. От таких образований отвлечено *ēd* и для слов без префикса: *ēdъ*, *ēda*, *ěmь*.

Русские рукописи XI—XII вв. также указывают на *ѡ* (ѡдъ, ѡмь, ѡсн...) их старославянских оригиналов. Часты и написания с *ѡ*. И эти написания идут из старославянских оригиналов. Несомненно отражением речи русского писца было написание *ю* в этих словах: ѡдъ — („ѣда“) (Минея, 1095), ѡмь, ѡсн, ѡждъ, ѡдѣть и др. в Арханг. ев., в Уставе (в Типике) и в других рукописях. В русском языке рано произошел диссимиляционный процесс в сочетании *j* + *ѣ* (*ě*): произошло понижение артикуляции в образовании гласного *ѣ* после *j*: *jě* → *je* (ср. давний процесс доисторической эпохи в судьбе гласного *ē* после *j* и других палатальных согласных: *jē* → *ja* — *stojati*, *kričati*...). Слово специального значения *jasli* (вм. *jad-sli*) удержалось вне этого ряда обобщения имен с *ēd*. Но то обстоятельство, что глагол „есть“ — *φτῡεῖν* — *edere* представлен с *ě* во всех славянских языках, кроме болгарского (ст.-сл. ѡмь, соврем. болг. *jam* и новообразование *jadъ*), побуждает предполагать, что образования с *ēd* обязаны

не одному только процессу отвлечения этого сочетания от образований с префиксом (oběd-, sŕněd-): вероятно, было какое-то обстоятельство, при котором существовали в речи сочетания с *ěd* без вторичного *ĭ* (*j*).

entro-: ĭetro (jetro) — „печень“; греч. *ἐντερα* — „внутренности“. *vъzęti* (*vъz-ęti*), но *ĭęti* (*jęti*).

vъzymq (*vъz-ymq*), но *ĭymq* → *imq* или *imq* (*i* — редуцированный *i*).

Что касается слов с гласным *i* в начале слова, то обычно этот гласный в таком положении появлялся при следующих условиях: 1) вместо *ei-*: *iti*; ср. лит. *eĩti*, *isklati* вм. *eisk-*; ср. лит. *ieškóti*, др.-верхн.-нем. *eiscôn* — „исследовать, спрашивать“; 2) вместо *ĭъ* с *ĭ* (*j*) давнего происхождения (*jъgo* → *igo*; лат. *jugum*) или *ĭ* (*j*) вторичным, появившимся перед начальным *ь*: *idq*, *ideši* вм. *ĭъd-*, с *ĭ* вторичного происхождения (*ь* — ступень редукции к полной ступени с *ei*; ср. др.-инд. 1 л. ед. *éti*, но 2 л. мн. *imáh*); *imq* вм. *ĭymq*, со вторичным *ĭ*; ср. *vъzymq*; *ime*, *imene* вм. *ĭmēn*, *ĭmene*, со вторичным *ĭ*; *iz* вм. *ĭъz*; ср. лит. *iš* (вм. *iž*) и др.

Если процесс развития *ĭ* перед начальным гласным переднего ряда был длительным, то такое сужение (*i*) появлялось и перед *i* всякого происхождения: *i* → *ĭi-*: *poti-ĭiskati*. Но *ĭi* затем заменилось образованием без особого сужения: *i-*. Так изменялось и давнее *ĭi*. Ср., напр., судьбу местоименной основы *je* (*ie*) из *jo*: *jego*, *jemu*; но твор. ед. муж. и средн. рода *im* вместо *joimī* (→ *jeimī* → *jimъ*), родит множ. *icъ*, восходящее к *oĭsŭ*, и др.

Перед *a* также развился *ĭ*-:

ĭagne (*jagne*), *ĭagnьсь*; ср. лат. *agnus*;

ĭagoda (*jagoda*); ср. лит. *ŭga*,

ĭaviti (*javiti*), наречие *javě*; ср. др.-инд. *āvíḥ* — „открытый, явный“;

ĭazъ (*jazъ*); ср. лит. *ąš*, др.-инд. *ahám*, греч. *ἐγώ*, лат. *ego*.

Но язык старославянских памятников и современные болгарские говоры представляют и сочетания без *ĭ* (*j*) перед *a* в начале слова: *azъ* — аз, по говорам на западе *jaz* (*язе*, *язика*); ст.-слав. *агити*, *агенти*; ст.-слав. *агньць*, *агньць*, совр. болгар. *jagne*, *agne*; ст.-слав. *агода*, *агода*, совр. болгар. *jagoda*. В отношении местоимения *azъ* заметим, что в Мариинском кодексе в одном случае

передано ѡзъ (ѡ — в соответствии ѡ кириллицы), но передано в зависимости от предшествующего гласного і: ѡпрошѡ и ѡзъ ѡы (Марк, 11, 29) — „спрошу и я вас“; при той же фонетической обусловленности находятся в этом памятнике ѡ и в таких случаях: и ѡшто (вм. и ашто) любите — „и если любите“ (Лука, 6, 32), и ѡшто идѡ — „и если иду“ (Иоанн, 14, 3); и ѡбѡ (вм. и абѡ) — „и тотчас“ (Лука, 5, 13).

Примем во внимание следующее явление: те слова с ја, которые восходили к давнему сочетанию с ј (і) (ѡръ, ѡрѣсть, ѡма, местоим. ѡже — „которая“), в старославянских памятниках передаются с ѡ (в глаголическом письме с ѡ — ѡ). Следовательно, отсутствие ј перед а в других сочетаниях (агньць, аѡнти...) представляло собою явление не исторического времени в судьбе болгарского языка, это не был результат утраты ј, происшедшей в X—XI вв. Если бы это явление происходило в X—XI вв., то в определенных фонетических условиях происходила бы и утрата ј в ѡръ, ѡма. Полагаем, что уже в доисторическое время по славянским группам, главным образом по группам, легшим в основу болгарских, некоторые слова с начальным а произносились при тех или иных фонетических условиях без вторичного ј: авѣ, агнѣ. Без вторичного ј произносился союз а по всем славянским группам. Реже этот союз произносился с ј (ја).

В позднейшее время по славянским группам происходит в определенных фонетических условиях утрата ј перед а. Так, в хорватском говоре острова Selve (Silba, Адриатика) местоимение 1 л. ед. представлено без ј (і): аз вм. јаз. В таком виде находится это местоимение в некоторых хорватских говорах Адриатического побережья; но обычно в сербо-хорватских говорах ја (ја).

В языке тех славянских групп, которые легли в основу групп славян поморских, вторичный ј (і) „появлялся и перед начальным ѡ: ѡза, јѡза; ѡтръ, јѡтръ; ѡду, јѡду („откуда“); ѡдоѡ, јѡдоѡ; ѡтроба, јѡтроба и др. Такие сочетания не были представлены во всех случаях с ј (і): произносили эти слова и без ј: ѡза, — явление, параллельное сочетаниям с ја — и с а: јагньсь — агньсь.

Неясна судьба дифтонга ој в начале слова, — неясна вследствие недостоверности этимологии немногих относящихся сюда примеров. Относимые сюда слова представляют ја и е.

Ст.-слав. ѡдра — „грудь“; с ѡ после предлога и префикса ѡп: ѡп’ѡдра. От таких сочетаний давно отвлечены сочетания пѡдро,

nědra; русск. нѣдро, нѣдра; серб. nědra — „грудь“, словин. nědrō — „грудь“ (jādro — „подгрудок, опухоль“), чешск. ěadra — „грудь“.

Одни из лингвистов сопоставляют это слово с греческим οἰδᾶω, οἰδέω — „пухну“ и с некоторыми другими, ведущими к положению, что давний вид этой основы был οἰδ-го-. Другие связывают слово jādro с греческим ἦτρον — „живот, выпуклость“, с др.-верхн.-немецким ādara — „жила“, inādiri — „внутренности, потроха“, т. е. видят основу с ēd-го-.

Ст.-слав. ѡдъ, серб. jād и jēd, словин. jād, чешск. jěd, польск. jad, луж. jěd. Сербские варианты представляют разные значения: jād (а в м. а; диалект. чакавское имеет ā): jād — „печаль, горе“, jēd — „яд, гнев“. По мнению одних лингвистов, в этой основе отражается давнее οἰd, соответствующее греческому οἰδός — „опухоль“. По предположению других, славянский jādъ восходит к ēdo, с корнем ēd — „есть“ — φαγεῖν. Может быть, на словах jēd отразилась связь со словами jēda, jēsti.

Ст.-слав. ѡзва — „рана“, ѡзвѣна — „рана, нора“. С ja (ja) это слово и в других славянских языках. Этимология его более ясна. Как и литовское aiža — „щель“, латышское aīza — „дыра во льду“, славянское jazva восходит к οἰζ'υα.

jasnъ вместо jas'no-. Восходит к oiskno-: ср. соответствия в литовском āiškus и со ступенью редукции iškūs — „ясный, видный“.

Итак, можно полагать, что ja или ja появилось в славянской фонетической системе и вместо давнего oī в начале слова. Процесс этой замены представляем таким образом. Вследствие ассимиляционного воздействия образования ĭ на предшествующий гласный o произошла передвижка для образования o вперед: oī → ōī. Фонетическая тенденция к замене дифтонгов монофтонгами отразилась так, что вместо ōī получилось образование монофтонга ō. А так как славянской фонетической системе не были свойственны лабиализованные гласные переднего ряда, то ō заменился гласным ē или ā. Перед ē или ā, как перед другими гласными переднего ряда и перед а, развилось сужение ĭ: jē, jā, а это заменилось посредством ja (ja).

Неясно происхождение ju и u в таких словах: utro, jutro, ст.-слав. ѡутро, ѡтро, чешск. jutro → jítro; слав. uže, juže. Лит. aušrà — „утренняя заря“, др.-инд. usrā — „утренняя заря“ соответствует иному славянскому имени для „утра“: ustro. На такое имя указывает старославянское наречие заѡузра = заѡузра („ут-

ром*) — в Синайской пс., современное македонско-болгарское на-
речие того же значения застра или дзастра.

§ 151. Происхождение вторичного $\text{ц}(\text{v})$ в начале слова и н о е
сравнительно с происхождением і в отмеченных выше положе-
ниях. Вторичный $\text{ц}(\text{v})$ появился перед ъ и $\text{у}(\text{ы})$ в начале слова, —
появился он вследствие выделения лабиального элемента при
изменении гласных лабиальных й в нелабиальный ъ и гласного
лабиального й в нелабиальный $\text{ѹ}(\text{ы})$: върѣти , $\text{въп}(\text{въ})$, вукноті ,
 vydra , vysokъ , см. § 130. В этом параграфе, а также в § 138,
отмечены следы выделения лабиального элемента и в изменении
сочетаний кй , гй , чй в къ , гъ , чъ и сочетаний кѹ , гѹ , чѹ в ку ,
 гу , чу : этот лабиальный элемент сопровождал артикуляцию
задненебных перед ъ , $\text{у}(\text{ы})$ и препятствовал передвижке их впе-
ред при нахождении после гласного переднего ряда: тѣгъкъ ,
 къпегун'і , тісѣъ ... По группам происходило появление $\text{ц}(\text{v})$ перед
начальным ѡ вследствие того, что там носовой гласный заднего
ряда становился менее лабиальным, чем о : $\text{а}(\text{ѡ})$: $\text{ѡ} \rightarrow \text{цѡ}$. Так
было в группах, которые легли в основу северо-западных славян-
ских языков (польского, поморского, полабского). Напр., польск.
 vqż , vqżki , vqsy , veğ'él — „уголь“ (ę заменяет в польском языке
давние гласные ѡ , ѣ в сократившемся слове), vezeł — „узел“,
 Vegry — Венгрия (Угрия)...

Неясны условия появления $\text{ц}(\text{v})$ в слове von'a — „запах“,
корень on- ; ср. перед согласными ŏchati ; лат. animus , греч.
 ἀνιμος — „дуновение“, др.-инд. ániti — „он дышит“.

О глаголе vezati см. в § 130. Полагаем, что тут был дав-
него происхождения корень vez- , чередовавшийся с vqz- (а не ęz-
в чередовании с qz- : qz-ъкъ).

Неясно условие появления согласного g в начале слова
таких слов: qosēnica („гусеница“) вместо qsēnica ; gqžь : русск.
гуж, польск. gqžvu — (мнж.) „ремень у цепа“, словин. gqž ,
серб. gūž , gūžva вместо qžь ; ср. ст.-сл. жѣ жѣзьно — „цепь“,
 жжик — „родственник“, т. е. „связанный родством“.

Конец слова.

· § 152. Значительные процессы происходят в конце слова, —
процессы, отличные от фонетики середины слова в отношении
одних и тех же звуков и звуковых сочетаний. Конец слова
может быть ослабленным в его произношении. Это ослабление

бывает более или менее значительно. Степень ослабления конца слова или всего слова находится в связи со значением слова или формы в речи, в связи с частотой его применения, с особым скороговорочным его произношением. Так, некоторые глагольные формы переживают большую редукцию конечного слога, чем формы имен. Значительной редукции подвергаются частицы. Наиболее сильная редукция отражается на наречиях по причине частоты применения и особого произношения их. При этом на наречиях редукция может отражаться не только на конечном слоге, но на всем слове. Такая же судьба бывает у имен счета (числительных) и имен, употребляемых при обращении к кому-нибудь.

Фонетические результаты в конце слова могут выражаться непоследовательно в разных словах: те или иные группы слов, связанных с родственными словами и формами, представляют в конце слова те же звуки, какие находятся в родственных формах не в конце слова. Так, форма 3 л. ед. и множ. числа наст. вр. у славян представляла в конце сочетание *-тъ*: *nesetъ*, *nesqъ*. Но по славянским группам и в раннее доисторическое время и позднее происходило отверждение окончания *-тъ*: *-тъ* → *-тъ*. Но в именах на *-тъ* такого отверждения не было, вследствие того, что в ряде других форм согласный *t* был перед гласным переднего ряда полного образования, а также не в конце слова: *nitъ*, *nitî*, *nitîi* (родит. мн.), *nitъmi* и др. Ср. подобный процесс позднего времени в чешском языке: по чешским говорам имеется мягкий *t'* в конце слова (*nit'*, *zet'*...) по образцу других форм, имевших окончание *-i*: *nitî*, *nitîi* — родит. мн. (перед *i* в чешском языке согласные *t*, *d*, *n* мягки).

Результаты ослабления (редукции) в конце слова выражаются в следующем: а) в изменении и утрате конечных согласных; б) в отверждении согласных; в) в редукции гласных, — в редукции не только в отношении количественной стороны, но и в отношении других сторон артикуляции: в появлении большой закрытости образования *o*, а в определенных положениях: *o* → *u* (перед *n*, *s*), *a* → *â* (перед *n*).

В словах, подвергающихся редукции в целом своем составе, отражаются те же явления: изменение и утрата согласных и редукция гласных, закрытость их образования, утрата. В отношении изменения согласных при редукции слова отметим следующее. Редукция слова может выражаться в замене затвора щелью

(тесниной). Это ясно обнаруживается в судьбе местоимений *себе, тебе* в русских говорах: по говорам они произносятся со слабым, неполного образования фрикативным (не смычным) ^б — се^бе, те^бе. В дальнейшем происходила утрата такой артикуляции: те^бе → те^е, в зависимости от большей или меньшей степени в силе произношения этого местоимения. В таком же направлении происходило изменение затворного *g* в *γ* и *h* в форме местоимения *кого* в русском и кашубском языках. Так изменялся *g* и в титульном слове, в словообращении *gospodar'ъ: γośpodar'ъ — hospodar'ъ — ospodar'*, см. выше § 124.

§ 153. Процессы конца слова в славянской системе донсторического времени.

1) Утрата конечных согласных. Такими согласными в конце слова были *t, d, s, r, n*.

Для утраты конечных согласных имела значение также фонетическая тенденция к открытости слога.

[*t, d*]: в 3 л. ед. ч. аориста: *pade, nese*; др.-инд. *ābharat*;

в 3 л. ед. ч. повелит. (желательного) накл.: *beri*, др.-инд. *bhāret*;

в 3 л. множ. ч. аориста *padq*, в сигматическом аористе: *se: vēse* — „они привели“; *q* в м. -*ont*, -*se* в м. -*synt* из -*s^hnt*;

местоимение именит.-вин. ед. ч. средн. р.: *to*; др.-инд. *tād(t)*, лат. *istud*;

родит. ед. ч. основ на -*o*: *vylka, voza*; др.-инд. *vṛkāḍ* (отложительный падеж).

[*s*]: в именит. ед. муж. р.: *vylkъ*; др.-инд. *vṛkas* → *vṛkaḥ*, лит *vīlkaš*, греч. *λύκος*, лат. *lupus*;

супъ; лит. *sūnūs*;

gostъ; лат. *hostis* — „чужой человек, враг“; гот. *gasts*;

именит. ед. женск. р.: *dvъgъ, danъ, bornъ* (южнослав. *branjъ*); лит. *dūris*, лит. *dūnis*, лит. *barnis*;

именит.-вин. ед. средн. р.: *nebo, slovo*; др.-инд. *nābhas* → *nābhaḥ*, греч. *ναῦας*; греч. *νέφος, κλέφος*;

во 2 л. ед. повелит. (желат.) склонения: *beri!* др.-инд. *bhāres* → *bhāreḥ*, греч. *φέροις*;

во 2 л. ед. аориста: *pade, nese*; др.-инд. *ābharaḥ*, греч. *ἔφερес*.

[*r*]: именит. ед. жен. р.: *mati, dūkti* (*dūt'i*) — „дочь“, греч. *μήτηρ* (*μήτηρ*), *θυγάτηρ*, лат. *mater*.

[*n*]. Конечный *n* также подвергся редукции. Но осуществление ее не вполне ясно. Возможно, что произошла не утрата

артикуляции для *n*, а ассимиляция ее с предшествующей артикуляцией гласного. Очевиден результат такой ассимиляции после долгих *ē*, *ā* (ǣ):

sēmēn → *sēmē*, вин. ед. личных местоимений *mēn* → *mē*.

tēn → *tē*, *sēn* → *sē*; ср. др.-инд. *mām*, *tvām* — с долгим *ā*;

вин. ед. основ на *-a*: *gorq*, *vodq*; ср. окончания в др.-инд. *-ām*, в греч. *-āν*, лит. *-ą*;

повидимому к *-ān* (вм. *-ām*) восходит окончание *q* в форме 1 л. ед. наст. вр.: *berq*, *pesq*; этой форме соответствовала форма латинского конъюнктива на *-ām*: *ferām*.

В сочетаниях же *-in*, *-un* фонетические стадии неясны. Возможно полагать, что и тут произошла ассимиляция *n* с предшествующим гласным в одно образование — в носовой *i*, *u*. Ср. в литовском *pāktī* (вин. ед.), *mōterī* (вин. ед.), *sūnų* (вин. ед.). Если и в славянской фонетической системе возникали носовые *i*, *u*, то они позднее, но в доисторическое время, заменились неносовыми *i*, *u*. Эта замена, при сохранении носовых *ę*, *o*, была вызвана тем, что в славянской фонетике имела и имеется тенденция не опускать мягкого нёба, открывающего вход в носовую полость, не опускать при высоком подъеме спинки языка. См. подробнее выше, в § 77. Итак:

вин. ед.: *gostin* → *gostь*, *noktin* → *noťь* (ст.-слав. *ночь*, зап.-слав. *пось*, русск. *ночь*), *sūnūm* → *synь*, ср. окончание *n*, *m* в других индоевропейских языках: др.-инд. *matīm*, греч. *πόλις*, лат. *turrim*, лит. *pāktī*; др.-инд. *sūnūm*, лит. *sūnų*, лат. *manum*;

вин. множ. *gostins* → *gostins* → *gostj* [?] → *gosti*; *sūnūns* → *sūnūps* → *sūnų* [?] → *sūnū* → *syny*; об удлинении гласного перед *ns* см. ниже; ср. окончание *-ns* в готском (*anstins*, *sununs*), в греческом (диалект., критские *πόλις*, *υῖος*).

Отдельное замечание о предлогах-префиксах: 1) *on*, на ступени редукции — *vъn* (с *v* вторичного происхождения, перед *ъn*), 2) *son*, на ступени редукции — *съn*, 3) *kъn*. На носовой согласный в этих предлогах указывают и данные славянской фонетики и соответствия других индоевропейских языков: слав. *vъn*, греч. *ἐν*, лат. *in*, лит. *in*, *j*; слав. *съn*, др.-инд. *saṃ* — „вместе“, греч. *ἄμα* (‘вм. о), др.-прусс. *saṃ*; слав. *kъn*, др.-инд. *kām*.

В сочетаниях перед гласным и перед *j* согласный *n* сохранялся, примыкая к гласному или к *j* + гласный: *onutja* — ст.-слав. *онуча*, русск. *онуча*, чешск. *onuce*; ср. глаголы *uti* (*u-ti*), *obuti*; лит. *aĩti*.

Перед согласным *on* → *o*, как всякий *on* не в конце слова: *otrb* (*o-trb*; *-trb* — суффикс, чередовавшийся с *-tero*; *-togo*); ср. др.-инд. *ántaraḥ* — „внутреннее“ (от *antár*), лат. *interior* (от *inter*); *ot'bkъ* — „уток“, собственно, „что втыкается“; *qdoľъ* — „долина“ („вдол“), *qvozъ* — „ввоз, въезд“ и др. Перед гласным — *vъn*: *vъniti*, (*vъn-iti*), *vъnimati* (*vъn-imati* — „брать“), *vъnušiti* (*vъn-ušiti*; *ušiti* — образование от имени *ucho*; *zaušiti* — „ударить по уху“); ст.-слав. *уши имать і не въноушати* (Син. пс.); *vъnědro*, *vъnědra*; затем отвлечено *nědro*, *nědra*, так как префикс воспринят был в таком виде, в каком он находился перед словом, начинавшимся с согласного звука *vъ*.

Так же тесно, как префиксы, объединялись *vъn*, *kъn* с местоимением *iego*, *jemu*, *jъ...*: *vъn* + *jъ* → *vъn'ъ* (сочетание предлога *vъn* с формой местоимения вин. ед. мужск. р. *jъ*; ст.-слав. *вън'ъ*, чешск. *veň*, польск. *ven'*); *vъn* + *jemь* → *vъn'емь* (*vъn* + форма местного пад. ед. ч. местоимения *jemь*).

son перед согласным → *sq*: *sqsedъ*, *sqpyr'ъ* — „соперник“, *sqsekъ* — „сусек“, *sqgrobъ* — „сугроб“, *sqprogrъ* — „один из 2 волов в одном ярме“ и др.

sъn перед гласным и перед *j*: *sъniti* — „сойти“, *sъnimati*, *sъnъmъ* — „собрание“, (*sъn-ъmъ*: *-ъm* — корень, по значению тот же, что *ber-*, *bor-*, *by-*; ср. те же семантические элементы в слове *sъ-borъ*); *sъn* + *jimь* → *sъn'imь* — „с ним“.

kъn: *kъn* + *jemu* → *kъn'emu*.

По образцу сочетаний *vъn'ъ*, *vъn'емь*, *sъn'imь*, *sъn'imi*, *kъn'emu* стали начинать формы этого местоимения согласным *n'* и после других предлогов: в сочетаниях *vъn'емь*, *kъn'emu*... выделяли предлог в том виде, в каком он находился в других случаях, перед согласным, — в виде *vъ*: *za n'imь*, *o n'емь*, южн.-слав. *grědъ n'imь* и др. Ср. тот же процесс выделения предлога *vъ*, а не *vъn*, в сочетаниях *vъnědra*, *vъnědgrěchъ*. Выделению префикса в виде *vъ*, *sъ*, *kъ* содействовала и фонетическая тенденция к открытости слова: *n* относился к следующему гласному: *vъniti*, *vъn'емь* представляли такие слоговые единицы: *vъ-n'i-ti*, *vъ-n'e-ть*. Процесс пошел и далее. По славянским языкам позднее стали употребляться формы местоимения с *n'* и без сочетания с предлогом. Особенно широкое применение эта тенденция получила в южнославянских языках. Там формы *n'ego*, *n'emu*, *n'eј*... получили значение самостоятельных ударенных местоимений в отличие от безударных, конъюнктивных *go*, *mu*, *i* или *jeј* и др.,

потребляющихся не самостоятельно, а в сочетании с другим словом: *daj-mu* — „дай ему“.

Не перед гласным и не перед *j*, а перед всяким другим согласным *vъп*, *съп*, *къп* утратили *n*: *vъп* → *въ*, *съп* → *съ*, *къп* → *къ*. Процесс этой утраты неясен. Может быть, эта утрата произошла при положении *vŭp*, *sŭp*, *kŭp* после слова, т. е. в конечном слоге (*sŭp* → *sŭ* → *sŭ* → *съ*...). А в таком положении они бывали некогда в языке славян, как и в других индоевропейских языках, наподобие латинского сочетания с постпозитивным *sum*: *pe-sum*. Долее держались сочетания с послеименными *děŭ'a* (*dyŭ'a*), *radi*: *mene radi*. Может быть, содействовало утрате конечного *n* (через стадию *ц*) и то, что *vŭp*, *sŭp*, *kŭp* имели некогда самостоятельное значение отдельных слов, наречий.

2) В связи с редукцией конечного слога происходило отвержение согласного в этом слоге. Этот процесс происходил в разных славянских языках в разное время, и в доисторическое и в их истории. Так, напр., было с согласным *t'* в окончании 3 л. ед. и множ. наст. вр. (*-тъ*); в одних языках раньше, в других позднее происходило его отверждение. В раннее время, до IX в., произошло отверждение *t'* (в *-тъ*) в тех группах, которые легли в основу болгарских. В связи с таким изменением произошло и изменение гласного: *тъ* → *тъ*... Старославянские памятники представляют формы 3 л. ед. и множ. наст. вр. с окончанием *-тъ*: *несетъ*, *несѣтъ*, *хвалѣтъ*... Рано отвердел *t'* в этих формах и в тех группах, которые легли в основу западославянских. Позднее происходило отверждение *t'* в восточнославянских. Так севернорусские памятники письменности XI—XII вв. представляют это окончание в виде *-тъ*.

В этой категории форм редукция отражалась и в дальнейшем изменении: в утрате *t* из *тъ* (из *тъ*). Эта утрата происходила в славянских языках тоже в разное время. Так, в старославянском языке эти формы были с окончанием *-тъ*, при весьма редких случаях без *t*. По указанию памятников XI в., в среднеболгарскую эпоху чаще применяются формы без *t*. В современных болгарских говорах формы 3 л. ед. числа не имеют *t*. Только говоры на западе Македонии до сих пор представляют форму 3 л. ед. с *t*. В форме 3 л. множ. числа во многих болгарских говорах *t* не утрачивался. Но по говорам произошла утрата *t* и в этой форме.

На фонетическое изменение *-тъ* в *-тъ* или *-t'* в *-t* (после утраты редуцированных гласных) может указывать также сле-

дующее явление: в некоторых русских говорах мягкость согласного -t' удержалась в связи с напряженностью артикуляции предшествующего гласного — гласного высокого подъема. Так было по говорам Заонежья в форме 3 л. множ.: несут', жнут', могут', выпишут', но — стучат, грем'ат. Отметим параллельное явление в южнорусских говорах: в 3 л. ед. и множ. во многих из этих говоров не происходило отвердения и утраты t' после гласного высокого подъема, — после i, u (y): спит', гарит', в'алит' („велит“) — 3 л. ед.; н'асут', знајут', пашут', вѣд'ут', ход'ут' — 3 л. мн. (-ут' в вид'ут', ход'ют' и др. по образцу с формами глаголов с основой на -е: н'асут' и др.), но без -t — сп'а, глѣд'а, („гледят“) — 3 л. множ.; нисѣ, знаја, паша, вѣд'а, ход'а — 3 л. ед. (вид'а, ход'а, с -а по аналогии с формами глаголов с основой на -е: несѣ...). Так и в говорах украинских и белорусских. См. в отделе примечаний к „концу слова“, а также замечание в отделе о глагольных формах.

По севернорусским говорам процесс отвердения согласного t' в конце слова был пережит и формой инфинитива. В 70-х годах прошлого века М. А. Колосов писал в своем диалектологическом отчете о севернорусских говорах между прочим следующее: „т в окончании неопределенного наклонения глаголов местами отвердевает. Так, в Грязовце вместо пѣтъ, быть я слышал почти пет, быт“.

3) Усиление лабиализации для гласного o в конечных сочетаниях -оп, -os: -оп → -ип, -os → -us с дальнейшим изменением -йп → -ѣ [ʔ] → -й → -ъ; -йп → -ѣ [ʔ] → -й → -у (ы); -os → -йс' → -й → -ъ;

-оп: вин. ед. основ на -o муж. р.: vylkъ, vozъ; ср. окончание -п, -т в других индоевропейских языках: др.-инд. vṛkām, греч. λύκον, лит. vilka;

1 л. ед. числа аориста: padъ, mogъ, ср. др.-инд. ābharam, греч. ἄβραρον.

-оп: каму вм. kamōn; ср. в греч. ἄκμιον, лит. актиū.

-os: имен. ед. муж. р.: vylkъ, vozъ; в других индоевропейских языках окончание этой формы -s; др.-инд. vṛkaḥ (ḥ вместо конечного s), греч. λύκος, лат. lupus, лит. vilkas и др.;

окончание 1 л. множ. числа -тъ в соответствии латинскому -tus (вм. -tos): beremъ, pesemъ...

Форма имен.-вин. ед. средн. рода на -o в давних основах на -o и на -os (-es). В основах на -o окончанием был носовой

согласный, в основах на -os не было особого окончания для этого падежа. 1) Слав. *igo* с основой на -o, 2) *slovo* с основой на -oa. Ср. соответствия других индоевропейских языков: 1) др.-инд. *yugám*, греч. *ζυγόν*, лат. *jugum*; 2) др.-инд. *śrávas*, греч. *κλέφας*. Окончание -o в славянской форме появилось по связи с формой именит.-вин. ед. ч. местоимения: *to*, *ono*, где за гласным *o* следовал согласный *d*: *tod* → *to*...

-ons → -ūns (об удлинении гласного перед *ns* см. в § 85);
ūns → ū [ʔ] → ū → у (ы);

вин. множ. основ на -o мужск. р. *vozu*, *vyky*; ср. в греческом (в критском диалекте) -υς, в готском -ns; греч. *λύκοις*, гот. *wulfans*.

-onts: та же судьба, что и сочетания -ons, вследствие изменения *ts* в *s*: -onts → -ons → -ūns → -ц [ʔ] -ū → -у (ы), именит. ед. мужск. р. причастия наст. вр.: *nesonts* → ... *nesy*, *beronts* → ... *bery*; суффикс причастия -nt-, окончание именит. пад. ед. -s; др.-инд. *bhāran* (винит. *bhārantam*); греч. *φέρων* (вин. *φέροντα*), лат. *ferens* (вин. *ferentem*), гот. *bairands*.

-jons (-jonts). После *j* процессы, пережитые сочетанием -ons, неясны. Звуковой вид формы причастия наст. вр. именит. ед. мужск. и средн. рода в основах на *je/jo* указывает на изменение -jons (из -jonts) в -jens, а это в -jēns (вследствие удлинения гласного перед -ns); -jēns → -jē: *znaje*, *dělaje*. Но в других формах причастия -jq- (-jqtj-): *znajqtja* (ст.-слав. *знаѣща*); *znajqtju* (ст.-слав. *знаѣщую*) и в форме 3 л. мн. наст. вр. *znajqť*, *rišqť*. Неясно, чем вызвано такое различие в звуковом виде этих сочетаний с давним -jo-. Полагают, что такое различие зависело от положения в слове: *jons* → *jē* в конце, -*jontia* → *jqtja* не в конце. Но вполне возможно полагать, что это различие в носовом гласном было обусловлено связью с формами других основ, хотя и при таком объяснении пока трудно уловить направление этой связи. Может быть, при -jē в именит. пад. ед. ч. (*znaje*) появились основы с *q* (*znajqtia*) после палатального по образцу форм с основой на *e/o*: *nesqtja*, *nesqtju*...

Винит. множ. основ на -o мужск. р. имел окончание -ns, как было отмечено выше: *vozu*, *vyky*. После мягкого согласного окончание этой формы было не одинаково по славянским группам: *konjons* → ... *kon'ę* в группах, легших в основу южнославянских языков; *konjons* → *kon'ě* в группах, легших в основу восточнославянских и западнославянских групп. Такая же двойственность по

диалектам была представлена формами родит. ед. и винит.-именит. множ. в основах на -ja: zeml'ę, ulicę в группах, легших в основу южнославянских языков, zeml'ě (zem'ě), ulicě в восточнославянских и западнославянских группах. Ф. Ф. Фортунатов полагал, что в западнославянских и восточнославянских формах ę был некогда носовым. А. Мейе видел в ę и ь диалектические варианты результата фонетического изменения -jons (kop'ons), -jās (zeml'ę, -ě). Но эти попытки объяснения -ě в указанных случаях нет возможности считать удовлетворительными: они даны вне связи с другими фактами фонетических и морфологических процессов.

-ois. Форма творит. множ. основ на -o у славян имела окончание у (ы) после твердого согласного, i после мягкого: vozu, kop'ī. В др.-индийском окончанием было -ais → -aiḥ, в др.-иран. -āiš, в литовском -aīš. Может быть, славянское окончание появилось фонетически вместо -ois, появилось вследствие усиления лабиализации перед s в конце слова и вследствие одновременной с этим редукции дифтонга -ois → -uis. Дифтонг ui вообще близок к гласному⁴ у (ы), а получив ослабление, он совсем совпал с этим гласным.

О близости славянского у (ы) с ū, uī (i — редуцированный i) свидетельствует ряд явлений. Лица из неславянской среды, не имевшие в фонетической системе своего языка гласного ы, слышали в нем элементы ui. Так по наблюдению последних лет. Так было и раньше. Посредством ui передан гласный ы в Фрейзингенских отрывках (памятник славянского языка X — XI вв.); так и в передаче чешских слов, находящихся в латинских документах: см. § 35. Проф. А. И. Томсон определял славянский гласный ы, как дифтонг. Мы не можем признать дифтонгичность русского и польского ы, как и соответствующего гласного более ранней фонетической системы других славянских языков. Гласный, заменивший собою более давний ū, был не лабиальный гласный: отсутствие лабиализации в этой замене, в ы, и вызвало развитие перед ним в начале слова v: vuknōti.

Лабиализация -āp. В конечном слоге перед p на долгом ā также отразилась тенденция лабиализации: āp → āp → q. Таково происхождение окончания -q в форме винит. ед. основ на -a: gogq, žeq, vol'q. Соответствия других индоевропейских языков отмечены были выше, § 85. Вместо -āp и окончание формы I л. ед. наст. вр.: berq, pesq, vedq; ср. латинский конъюнктив ferām.

-ās. А. Мейе полагал, что лабиализация пережита была в конечном -ās: -ās → -ōs → -ūs → -у (ы). Таково происхождение, по его мнению, окончания -у в форме родит. ед. основ на -а, в соответствии др.-индийскому -āḥ и греческому -ās, и окончания -у (ы) в форме именит. множ. тех же основ (ženy...) в соответствии др.-индийскому -āḥ, литовскому -os. Но славянская форма именит. множ. женск. рода во всех основах — по происхождению форма винительного падежа и некогда имела одинаковое для всех основ окончание -ns. Окончание южнославянских форм в основах после мягкого согласного, — окончание -е (stru|e) также указывает на наличие носового п в окончании. Поэтому положение А. Мейе об изменении -ās → -ūs → -у (ы) считаем неприемлемым.

4) Редукция конечных долгих гласных. Долгие гласные, оканчивавшие собою слово, сократились у славян, — сократились рано:

trāvā → trāvǎ, sȳnū → sȳnǔ, sȳnŭ → sȳnŭ, byīt → byīi, trāvō → → trāvō, sēmē → sēmē, trāvé → trāvē (с кратким ě) и т. д.

Количество слога.

§ 154. В древней фонетической системе славян слог был долгим, если в его состав входил один из долгих гласных: а, и, у, о, е, і, ё или сочетание or, ol, er, el, ъr, ъl, ъr, ъl перед согласным: matī, sȳnū, vōgnā, bēzǎ, bōltō, gŭrdlo, vŭba, vŭlkъ.

Кратким был слог, если он заключал в себе один из кратких или редуцированных гласных: е, о, ъ, ь, ѱ, і: sĕlō, rŏi'ĕ, sŭpъ, dŭpъ.

Гласные краткие ŭ, і удлинились в таком фонетическом положении: перед группой согласных -ns: вин. мн. sūpŭ-ns (-ns давнее окончание винительного множ. в индоевропейских языках) → sūnūns → sūnū[ns] → synu; вин. мн. gostī-ns → gostins → → gos'i[ns] → gostī. См. § 85.

Отдельные славянские языки, сербо-хорватский, словинский, польский, кашубский, чешский, словацкий, представляют указания, что с давнего доисторического времени они имеют в ряде случаев слоги краткие, вместо долгих более раннего времени. Можно полагать, что уже в доисторическую эпоху произошли сокращения долготы слога в следующих положениях.

1) Долгие гласные сократились перед ударным слогом, имевшим акутовый (восходящий) тип ударения на долгом гласном

(о видах ударения см. ниже). Ср. передачу давнего слова *dobina*: польск. *dębina* (в польском яз. *ę* находится в старопольском кратком слоге), сербск. и чешск. *dubina*, *malina* (с краткими *й*, *я*). То же явление представлено в ряде форм имен сущ. женск. р. с основой на *-а*: в формах твор. ед., дат., твор., местн. мн.: чешск. *říkat*, серб. *říkati*. Здесь издавна находится в первом слоге краткий гласный *й* вм. *я*.

2) Сократился долгий гласный, не находившийся непосредственно перед ударением. Напр. *dalekó* → *dǎlekó*; *širokó*, *čistotǎ*, *slěpotǎ*. Ср. краткость *а*, *і*, *е* в этих словах в сербо-хорватском и чешском языках.

3) Сократился долгий гласный под ударением в третьем или четвертом слоге от конца: *jǎgoda* → *jǎgoda*; ср. чешск. *jǎhoda*, сербо-хорв. *jǎgoda*; чешск. *mǎtefe* (но *mǎti*), чешск. *sěmene* (но *sĕmĕ*), чешск. *vǎdnouti* — „вянуть“.

4) Сократился долгий гласный в конце слова вне ударения и под ударением: *mǎti* → *mǎti*, *řybǎ* → *řybǎ*, *vedǎ* → *vedǎ*, чешск. *vedŭ*...

§ 155. Если в сербо-хорватском, словинском, чешском, словацком, старопольском языках слово оканчивалось долгим гласным, то эта долгота вторичного происхождения. Так, она получалась в результате стяжения двух гласных: *dobrǎ* и др. Она могла возникнуть по образцу других форм и близких по значению слов. Напр., окончание *ǎ* в форме имен. множ. существ. средн. рода в словацком языке: *slovǎ*, *mestǎ*, *plecǎ* — „плечи“, — с долгим *ǎ*, как в *slovǎch*, *slovǎm*...

В некоторых случаях долгий гласный в открытом слоге был давнего происхождения, — именно там, где открытость конечного слога с долгим гласным появилась позднее, вследствие утраты согласного. Напр., чешск. форма 3 л. мн. ч. наст. вр. *pesŭ* → *pesou*, *chvalŭ* и др. Эти формы имели некогда такой вид: *pesŏŭ*, *chvalĕŭ*. Или чешское местоимение *jǎ* с долгим *ǎ*: еще в XIV—XV вв. оно произносилось с согласным в конце слова: *jǎz* вм. *jǎzŭ*.

Позднее славянские языки переживали дальнейшие сокращения долготы слога; — переживали при тех или иных условиях. Некоторые славянские языковые группы совсем утратили этимологическое различие между долгими и краткими слогами. Такая утрата пережита в языках восточнославянских, болгарском, польском, лужицких.

§ 156. Для понимания языковых явлений, связанных с давними интонационно-акцентными различиями, сделаем замечания о славянских интонационных отношениях в доисторическое время, — замечания, основанные на сравнительно-историческом изучении ударения и количества слога (долготы и краткости его) в славянских языках.

Долгие гласные и долгие слоги (слоги с долгими гласными или с сочетаниями *og, ol, eg, el, ѣг, ѣl, ыг, ыл* между согласными) произносились некогда не с одинаковым движением тона: 1) в одних слогах они имели интонацию восходящего вида, т. е. тон повышался и в конце несколько понижался; 2) в других случаях тон, начавшись с высокой ноты, понижался и в конце слога несколько повышался. Интонацию первого вида будем обозначать посредством акута ' и называть акутовой, или восходящей, интонацию второго вида — посредством циркумфлекса ^ и называть циркумфлексной, или нисходящей.

Различные следы давних интонаций имеются под ударением во всех славянских языках. Об этих следах будет речь в обозрении отдельных славянских языковых групп. А пока ограничимся следующей справкой. Сербо-хорватский и словинский языки до сих пор представляют под ударением различие в интонации: в одних словах ударение бывает нисходящее, в других восходящее. Сочетания, имеющие нисходящее ударение на долгом гласном в сербо-хорватском и словинском языках, восходят к соответствующим давним сочетаниям с циркумфлексным ударением: сербо-хорв. *grād, brêg, glâs, drûg, vîd*. То же и в словинском языке. Сербо-хорватским и словинским сочетаниям с ударенными *ga, la, rê* соответствуют в русском языке сочетания с *оро, оло, ере* („полногласие“) с ударением на первой части полногласия: *оро, бло, ере: город; голос, берег*. В чешском и словацком языках в соответствующих слогах произошло сокращение: чешск. *hrād, břeh, hlās, drůh, vîd*.

Сочетания, имеющие в словинском языке ударение долгое восходящее, а в сербо-хорватском краткое нисходящее, отражают прежнее акутовое ударение. Словин. *kráva, bláto, bréza, sîla*. Сербо-хорв. *kràva, blàto, brèza, sìla*. Словинским *rá, lá, ré*, сербо-хорватским *rà, là, rè* соответствуют в русском языке сочетания с „полногласием“, имеющим ударение на второй части: *корòва*,

болѣто, берѣза (береза). В чешских соответствиях представлена долгота гласного: *kráva, bláto, bříza, síla*, а у словаков краткость: *bläto, brěza, síla*.

Наконец, заметим еще следующее. Если нисходящее ударение находилось на начальном слоге неодносложного слова, то оно в словинском языке перенесено на следующий слог: *brêg*, род. *bregâ, zlatô*. Такой же перенос в этих случаях пережит и болгарским языком: *златѡ, брѣгѣтъ, гласѣтъ*. Но в словинском и болгарском *kráva, síla*, без переноса ударения, потому что в этих последних сочетаниях интонация ударенного слога была иная, восходящая (акутовая).

§ 157. В середине слова интонация восходящего типа (акутовая) в речи славян была в слоге, гласный которого восходил к более давнему долготому гласному или к дифтонгу с долгим гласным или к долготому слоговому сонанту: *ōŭ, āŭ, ōī... ī, *ŏ, *ĕ, *ī*. Такая же интонация была и в замене двухслоговой базы, с утраченным гласным э.

bŭti: чешск. *bŭti*, словин. *bŭti*, сербо-хорв. *bŭti*; ср. лит. *bŭti*, др.-инд. *bhŭtīh*;

bérza: чешск. *břza*, словин. *bréza*, сербо-хорв. *brèza*, русск. берѣза; ср. лит. *béržas*, др.-верхн.-нем. *birihha*; основная двухслоговая база *beræg'h*-. Другие примеры см. в отделе чередования.

Нисходящая (циркумфлексная) интонация у славян была в середине слова в тех случаях, если гласный слога восходил к более давнему дифтонгу с кратким гласным или к краткому слоговому сонанту: *ōŭ, āŭ, ēŭ, ōī, ōr, ěr, ōl, ěl, *ŭ, *ŏ, *ĕ, *ī*.

sŭchъ: чешск. *sŭcho*, сербо-хорв. *sŭh*; ср. лит. *saũsas*, греч. *αῖσς*; основное — *săũs-*;

vŏgnъ: чешск. *vřn*, сербо-хорв. *vřn*, словин. *vřn*, русск. вѡрон; — *vŏgnъ*. Другие примеры см. в отделе чередования.

Нисходящую интонацию представляли и краткие слоги, с давним кратким гласным: *pŏl'e, slŏvo, lèdъ*.

§ 158. В давний, доисторический период славянских групп, до их расселения по восточной, южной и западной Европе, произошли значительные изменения в интонации, произошла смена ее (метатония) в некоторых положениях. Именно, в ряде случаев ударенная циркумфлексная интонация перешла в интонацию иного типа, акутовую. В отличие от старой акутовой интонации назо-

вем ее, вслед за Я. Розвадовским, новоакутовой. Следы ее представлены говорами чакавского и кайкавского наречий сербо-хорватского языка в виде долгого восходящего ударения. В штокавских сербо-хорватских говорах Посавья в этих случаях имеется особого вида долгое восходящее ударение. В других штокавских говорах эта интонация изменилась в долгую нисходящую. (А старая акутовая интонация под ударением перешла во всех сербо-хорватских говорах в краткое нисходящее ударение, $\grave{}$; см. выше).

Эта новоакутовая интонация в словинской и восточнославянской группах совпала с прежней акутовой: в словинском языке вместо нее, как и вместо староакутовой интонации, под ударением представлено долгое восходящее ударение ($\acute{}$), а в русском языке в случаях, когда она находилась в словах с *toft*, *tolt*, *tert*, *telt*, ударение находится на втором гласном сочетаний *ого*, *ою*, *еге*. С прежней акутовой интонацией совпала новоакутовая интонация и в чешской группе: под ударением, имевшим такую интонацию, гласный является долгим, как и гласный, бывший под старым акутовым ударением. В словацком языке под новоакутовым ударением долгота сохранялась. (Под старым акутом она сократилась.) То же в старопольском языке: гласный под новоакутовым ударением сохранял долготу; гласный же под ударением с давней акутовой интонацией сократился (*vrōna*, *sļōma*, *blōto*).

Такая метатония была пережита, например, в форме *stōřža*, *stōřža*, с новоакутовой интонацией на *ог* ($\acute{}$). Поэтому в посавско-штокавских, чакавских и кайкавских сербо-хорватских говорах и в словинском языке представлено долгое восходящее ударение, *strāža*; в чешском и словацком — долгота: *strāža* (чешск. *straže*), в польском — след долготы в изменении гласного *о* по направлению к *и* и совсем в *и*: так изменялся долгий гласный *о* — *strōža* (*struža*); в русском — ударение на второй части полногласия: *сто́ржа*. Или еще сравните образования с суфф. -ѣ : *prōtje* → *prōtje*; сербо-хорв. чакав. *prūtje*, словин. *prōtje*; соответствующее явление отражается в чешском *dūbt* → *doubt* вм. *dobyje*, в русском *колòс'я* вм. *kol'sje*; ср. именит. *kol'sь*, русск. *кóлос*. В форме род. п. мн. ч. некоторых имен с основой на *а*: *stōrnъ* → *stōrnъ*, *řōkъ* → *řōkъ*... На то, что здесь было некогда циркумфлексное ударение, указывает перенос акцента на следующий слог: *storná*, *řoká* (см. ниже о месте акцента). В сербо-хорватских

посавских и чакавских говорах, в словинском языке замена этих форм имеет долгое восходящее ударение: *strān*, *rūk* (*rók* — в словин.). В чешской и словацкой группах — долгота: *strān*, *rūk* (чешск. *rūk* → *rouk*). В русском — ударение на второй части полногласия: *сторѡн*.

Тип новоакутовый был в течение продолжительного времени в жизни славянских языков не только традиционным, но и актуальным типом. Он появлялся в таких сочетаниях, которые были унаследованы с циркумфлексной интонацией, а также в сочетаниях (в словах), появлявшихся в историческое время в стдельных славянских языках: напр. чакав. *kral'* (шток. *krâl'*), чешск. *krāl* (пошло от имени Карла Великого).

В определенных условиях произошла метатония и по отношению к давней акутовой интонации: она заменилась интонацией циркумфлексной, которую назовем новоциркумфлексной. Следы этой интонации в славянских языках представлены в таком виде. В некоторых сербо-хорватских говорах, а также в словинской группе эта интонация под ударением отразилась в виде долгого нисходящего ударения; давнему же неизменившемуся акутовому ударению соответствует в сербо-хорватском языке краткое нисходящее ударение ˘ (*krava*), а в словинском — долгое восходящее (*kráva*). В чешской и словацкой группах под этим новоциркумфлексным ударением гласный сократился, как и под прежним циркумфлексным (под прежним акутовым неизменившимся ударением долгота сохранялась у чехов: *kráva*). Но в русском языке следы новоциркумфлексного ударения не представлены: оно совпало с прежним акутовым, ср. ударение на второй части полногласия: *орѡ*, *олѡ*. Так, в глагольных формах наст. вр., имевших ударение не на окончании, акутовая интонация изменилась в новоциркумфлексную. Ср. в чакавских и словинских говорах *vêneš*, *zimûješ*, чешск. *vădneš*, *zimûješ* (с краткими *ă*, *û*). Форма родит. мн. таких, напр., имен с акутовым ударением: *kŏŕva*, *dělo* (чешск. *dŕlo*, словин. *dělo*): в этой форме (род. мн.) произошло изменение акутовой интонации в новоциркумфлексную: словин. *krâv*, *děl*; чешск. *krāv*, *děl*; ср. в чешск. краткость *ă*, *ě*; но в русском — *корѡв*. Ср. новоциркумфлексную интонацию (в чешском краткость, в сербо-хорватском и словинском нисходящее ударение) вместо акутовой в именах на *-ъje*: *sъdŏŕvŕje* *běŕzje*: сербо-хорв. *zdrâv'l'e*, словинское *zdrâvje*; *brězje*; чешск. *zdrāvŕ*, *břězŕ*; но без суффикса *-ъje* слова этих корней имели

акут: sŕdōrŕvŕ, bĕrza: ср. чешск. zdrāv, bĕrza, русск. здрѡв, бер'ѡза.

Метатония пережита в ряде имен прилагательных. Если в именной форме двухслоговое прилагательное имело акцент (ударение) на окончании, то в сложной форме ударение переходило на коренной слог; при этом интонация этого коренного слога становилась из циркумфлексной новоакутовой. Имен. форма: чакавск. bĕlŕ, golŕ, русск. бѣлŕ, голŕ; но сложн. формы: чакавск. bĕlŕt, русск. бѣлой, голŕой (гѹлой, — по некоторым говорам). Если двухслоговое именное прилагательное имело ударение на коренном слоге, то судьба интонации и акцента была не одинакова во всех случаях:

а) если корень имел акутовую интонацию, то акцент (ударение) оставался на прежнем слоге, но происходило изменение интонации: она стала новоциркумфлексной: имен. форма чакав. sĭto (вм. sĭto), словин. sĭto, чешск. sŕto, русск. сѣто; сложн. форма: чакавск. sĭtŕ, словин. sĭtŕ, чешск. sŕtŕ, русск. сѣтой;

б) если корень имел интонацию циркумфлексную на долгом или на кратком слоге, то в одних случаях акцент переходил на окончание: имен. форма сербо-хорв. чакавск. bŕso, чешск. mlādo, bŕso, sŕcho, русск. мѡлодо, бѡсо, сѹхо; сложн. форма сербо-хорв. чакавск. bosŕ, чешск. mlādŕ, русск. молодѡй, босѡй; в других случаях акцент сохранялся на корне, но интонация становилась новоакутовой: имен. формы сербо-хорв. mlŕdro, skŕpo, mlādo; сложн. формы сербо-хорв. чакав. mlādŕt, штокав. mlŕdŕt, skŕpŕt (= вместо нового акута); польск. mŕdry, skŕpy; чешск. mlŕdŕŕ → moudŕŕ, skŕpy → skoupŕ.

§ 159. Краткие гласные. Слог с кратким гласным имел некогда, в доисторическую эпоху, одинаковую интонацию, — циркумфлексную (нисходящую). Когда происходила при тех или иных обстоятельствах метатония долгих гласных, то ею были охвачены при определенных условиях и краткие гласные в кратком слоге. Так изменилась циркумфлексная ударенная интонация в именах на -ja (-a): развивалась новоакутовая интонация гласного в корне, — гласного долгого или краткого. Ср. вышеприведенный пример stŕŕŕa → stŕŕŕa. Примеры с кратким гласным (в кратком слоге): чакав. kŕŕa, vŕl'a, словин. kŕŕa, vŕl'a, vŕn'a, чешск. kŕŕe, vŕle, vŕpe с долгим ŕ вм. долгого ŕ; долгота появилась под ударением восходящего типа. Русские диалект. кѹѡжа, вѹѡл'a — с ѹѡ

или с закрытым $\hat{o}$; такое $\hat{o}$ ($\hat{y}\hat{o}$) находится в русских говорах в тех случаях, когда $\hat{o}$ был раньше под восходящим ударением. Или сравните еще форму родит. мн. с изменившейся интонацией циркумфлексной в новоакутовую. Примеры с долгим гласным сообщены выше ($\text{storn}\hat{y}$, $\text{r}\hat{o}\text{k}\hat{y}$). Краткий гласный: $\text{gog}\hat{y}$, $\text{žep}\hat{y}$. Словин. и чакав. $\text{g}\hat{o}\text{r}$, $\text{ž}\hat{e}\text{n}$.

Форма именит. ед. основ на $\hat{o}$ муж. р. с ударением на окончании: $\text{dvog}\hat{y}$, $\text{vo}\hat{t}$, $\text{kon}'\hat{y}$ ... Ср. чакав. $\text{dv}\hat{o}\text{r}$, $\text{v}\hat{o}\text{l}$, $\text{k}\hat{o}\text{n}'$ (с восх. $\hat{o}$), русск. диалект. $\text{dvu}\hat{o}\text{r}$, $\text{stu}\hat{o}\text{l}$, $\text{ku}\hat{o}\text{n}'$.

В связи с таким ударением появились в русском языке во вм. $\hat{o}$ в словах $\text{v}\hat{o}\text{семь}$, $\text{v}\hat{o}\text{стрый}$.

Причины, вызвавшие метатонию, неясны. В зависимости от каких-то причин происходило перераспределение сонорно-интонационных волн в отдельных частях предложения. Те или иные изменения в сочетании слов, изменения в построении формы слова, уменьшение сонорной волны слога в связи с редукцией гласного могли обусловить метатонию. Ср. интонацию в $\text{d}\hat{o}\text{b}\hat{y}$, $\text{pr}\hat{o}\hat{t}$, $\text{m}\hat{o}\hat{l}\hat{d}$ (русск. $\text{м}\hat{o}\text{л}\hat{o}\text{д}$) и в $\text{d}\hat{o}\text{b}\hat{y}\text{je}$, $\text{pr}\hat{o}\hat{t}\text{je}$, $\text{m}\hat{o}\hat{l}\hat{d}\text{je}$ (чешск. $\text{ml}\hat{a}\text{d}\hat{t}$). Ср. также разные интонации в именных формах прилагательных по сравнению со сложными: $\text{s}\hat{y}\hat{t}\hat{o}$, но $\text{s}\hat{y}\hat{t}\hat{y}\hat{i}$ и др.

Итак, славяне в своей речи в доисторический период имели долгие слоги с такими интонациями:

- 1) с акутовой: $\text{k}\hat{o}\hat{g}\text{va}$, $\text{s}\hat{i}\hat{l}\hat{a}$;
- 2) с циркумфлексной: $\text{g}\hat{o}\hat{r}\hat{d}$, $\text{dr}\hat{u}\hat{g}$;
- 3) с новоакутовой: $\text{st}\hat{o}\hat{r}\hat{z}\hat{a}$;
- 4) с новоциркумфлексной: $\text{k}\hat{o}\hat{g}\text{v}\hat{y}$ (род. мн.), $\text{d}\hat{e}\hat{l}\hat{y}$ (род. мн.).

Новоциркумфлексная интонация была, повидимому, близка к старой циркумфлексной: в отдельных славянских группах судьба старой и новой циркумфлексной интонации была одинакова.

Более значительно было различие старой акутовой и новой акутовой интонации. Следы этого различия в ударяемом слоге ясно различаются в сербо-хорватском, словацком и польском языках: слог со старой акутовой интонацией сократился ($\text{kr}\hat{a}\text{va}$), а слог с новой акутовой интонацией остался долгим (словацк. $\text{str}\hat{a}\hat{z}\hat{a}$, польск. $\text{str}\hat{o}\hat{z}\hat{a} \rightarrow \text{stru}\hat{z}\hat{a}$).

На кратком слоге была одна из двух интонаций:

- 1) старая циркумфлексная: $\text{r}\hat{o}\hat{l}'\hat{e}$;
- 2) новоакутовая: $\text{v}\hat{o}\hat{l}'\hat{a}$, $\text{dv}\hat{o}\hat{g}\hat{y}$.

§ 160. В языке славян доисторической эпохи пережиты были изменения также в месте акцента (ударения).

1) В словах с разными слоговыми интонациями акцент (ударение) перешел со слога с нисходящей интонацией на слог с восходящей интонацией. Так было и в литовской группе.

а) Акцент перенесен на следующий слог в тех сочетаниях, в которых прежний ударенный слог был кратким или долгим, но с интонацией циркумфлексной, а следующий слог имел акутовую интонацию, как это определено было Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. де-Соссюром (последний указал это по отношению к фактам литовского языка).

medjá (med'á) с дальнейшим изменением, — русск. межа́; ср. др.-инд. mādhyā, греч. μέση; vđovā — др.-инд. vidhāva; zimā — лит. žẽmā; греч. χεῖμα; golvā (русс. голова); прилагат. povā.

Но ср. форму винит. ед. с циркумфлексной интонацией корня и с такой же интонацией окончание ô: zîmô, golvô, pŏvô, сербо-хорв. zîmu, glâvu, русск. зѣму, гѡлову.

Ср. также solma, — с акцентом на корне, так как он имел интонацию акутовую; русск. солѡма, чешск. slāma, словин. slāma (с восход. ударением).

Сравните ударение на суффиксе: goréti, smýrdéti, tŕpéti, но ударение на корне с акутовой интонацией: vídēti, slýšati; сербо-хорв. vîdeti, slîšati, — с краткостью гласного, указывающей на акутовую интонацию, при которой в этом языке долгота сокращалась (krāva); ср. литовскую параллель к суффиксальному гласному é, — параллель в виде ě, соответствующем славянскому акутовому ударению: лит. smirdėti.

1 л. ед. наст. вр. pišq̃, češq̃, vežq̃; повелит. наклон. piš! pišite! češ! veži! Коренной слог в этих случаях имел циркумфлексную интонацию, а окончание акутовую. — Сербо-хорв. 3 л. ед. rîše, čēše. Если же коренной слог имел акутовую интонацию, то акцент не переходил на следующий слог: vídjq̃ (сербо-хорв. vîđu, русск. вѣжу), mážq̃ (серб. mážem, русск. мажу...).

б) Акцент перешел на предшествующий слог, имевший акутовую интонацию, — dýmъ, dýma: чешск. dým, сербо-хорв. dîm; лит. dúmai, но ср. др.-инд. dhūmāḥ, греч. θῦμός; слав. býti; чешск. býti; сербо-хорв. bîti; лит. būti; но ср. др.-инд. bhūtīḥ.

2) Происходили передвижки акцента в связи с метатонией. Так, напр., в сложных формах прилагательных: если именная форма прилагательных имела акцент на окончании, то в сложной

форме акцент падал на коренной слог и интонация являлась новоакутовая: *béló, goló*; но — *béloje, béliyi, góloje, gólji*; ср. чакав. и словин. *bélt, gólt* (с восходящ. удар.), диалект. русск. *гѹолой*. См. выше.

3) Особое замечание следует сделать о мене места акцента в сочетаниях имен с префиксами или с предлогами, — имен, имевших акцент на начальном слоге. В сочетаниях, в которых начальный слог имени имел издавна акутовую интонацию, передвижки акцента на префикс или предлог не произошло: *béřza*, на *béřzq* (ср. русск. на бер'óзу), *boľto*, на *boľto* (русск. на бо-лѣто) и др. В сочетаниях, в которых начальный слог имени имел циркумфлексную интонацию, произошло следующее.

а) В одних случаях переноса акцента на префикс не произошло, — только интонация изменилась в новоакутовую: *rovōřť* → *rovōřť*; ср. русск. поворѣт, словин. *rovřat*; но без префикса: *vōřť*, русск. вѣрот, серб., слов. *vřat*; *potōř* (*to* — с нисходящей интонацией) → *potōř*; ср. словин. *potōr, potōra*; ср. диалект. русск. покуой (покой), налѣг, поклѣн..., указывающие на некогда бывшее восходящее ударение в слоге с *o*, явившееся в эпоху доисторическую вм. более раннего нисходящего.

б) В других сочетаниях акцент перешел на префикс или на предлог: *gōřđ*, *zāgordđ*, ср. русск. за-город; *otkūr* → *otkup*, ср. русск. откуп, сербо-хорв. *otkup*.

Неодинаковость судьбы акцента в сочетаниях префикса или предлога с именем, начальный слог которого имел циркумфлексную интонацию, зависела, вероятно, от того, что образование этих сочетаний происходило в разное время. Одни из них относятся к раннему времени. Это — сочетания без переноса акцента на префикс. Другие возникли позднее. Это — сочетания с переносом акцента на префикс. Сюда же относятся сочетания с предлогами: во всех случаях представлен перенос акцента на предлог, если первый слог имени имел циркумфлексную интонацию. Но со слога с акутовой интонацией акцент не переходил на предлог.

Чередование гласных.

§ 161. Чередование гласных — определенная мена их в словах одного корня. Эта мена отражается и в корне, и в суффиксе, и в окончании. Некогда она имела большое значение в системе индоевропейских языков, — значение грамматическое, служа одним

из элементов для определения грамматической категории слова. Напр.: слав. *berq*, *berēši...*, *nesq*, *nesēši...*, *rekq*, *rečeši...* с гласным *e* в наст. времени, но *borgъ*, *posъ* (*prinostъ*), *gokъ*, *otrokъ...* в существительных; греч. *φέρω* — „несу“, но *φόρος* — „подать, дань“; чередование не в корне: греч. *λύκος* — именит. ед. — „волк“, *λύκε* — зват. ед.; слав. *vykъ* — *vyčel*; греч. *πατήρ* — „отец“, с *ē* в именит. ед., *патэра* с *ē* в винит. ед., *πατήρς* — с отсутствием гласного в слогe перед окончанием *-ος* — родит. ед., *πατράσι* — с иным видом суффикса в дат. множ. числа и др.

Все индоевропейские языки представляют указание на определенную систему рядов в чередовании гласных. Чередовались — *ē||ō||ē||ō* редукция этих гласных. Реже в чередование входил гласный *a*. Но применение этих чередовавшихся гласных по грамматическим формам часто не совпадает в отдельных индоевропейских языках, — не совпадает вследствие обобщений в звуковом виде основы и суффикса в применении их к разным формам. А эти обобщения проходили не в одинаковом направлении в каждой индоевропейской группе. Происшедшие обобщения в звуковом виде корня и суффикса в разных формах затрудняют определить условия, при которых возникло это явление (чередование гласных). Есть основание полагать, что наличие *e* или *o* первоначально находилось в связи не с грамматическим значением, а было обусловлено фонетической системой, — положением гласного в отношении к ударению (к акценту): под ударением — *e*, вне ударения — *o*. Ср. греческое чередование: *πατέρες* — „отцы“ (именит. множ.) || *εὐπάτορες* — „знатные“; *φρένες* (именит. множ.; ед. *φρήν*) — „сердце, ум“ || *ἄφρονες* — „безумные“; *μέω* — „пасу“ || *βοεύς* — „пастух“; *σπένδω* — „совершаю возлияние“ || *σπονδή* — „возлияние“; в латинском *terra* — „земля“, „страна“ || *exsterris* — „изгнанный“.

В течение времени происходило обобщение, выравнивание в отношении звукового вида основы по родственным формам. В результате этого морфологического процесса произошли весьма сильные изменения в отношении чередовавшихся гласных в прежних рядах родственных форм: одни формы обобщили основу с гласным *o* вне ударения и под ударением, другие формы обобщились с гласным *e*. Напр., в греч. *φόρος* — „подать, дань“, с *o*, как и *φρά* — „несение, подати, уплата“, *φρεύς* — „носилищик“; *φόνος* — „убийство“ с *o*, как *φονεύς* — „убийца“ и т. п. Фонетическое значение чередования *e||o* (*e* под ударением, *o* вне ударения) сменилось во многих случаях значением грамматическим: тот или

иной звуковой вид основы или окончания стал указывать на грамматическую категорию слова.

Фонетического происхождения была и ступень редукции: она появлялась когда-то вследствие ослабленной артикуляции гласных ё, ѓ, е, ѓ, а. Гласный, получавшийся в результате редукции ё, ѓ, невозможно определить в его образовании в наиболее ранних фонетических системах индоевропейских языков, — невозможно по той причине, что судьба его в отдельных языках различна. Условно обозначаем этот редуцированный гласный посредством буквы *а* (иное обозначение: *е*). У славян этот гласный изменился в *ь*, *ѣ*. Редукция гласных *е*, *о* иногда доходила до нуля звука. Напр.: 3 л. мн. *soŭъ*, причастие наст. вр. *su* (съ), но 3 л. ед. *jestь*; ср. и в др.-инд. *sānti||āsti*. Гласный, получившийся в результате редукции долгих ё, ѓ, а, тоже невозможно определить для давних систем индоевропейских языков по причине различной замены его по языкам. Условно обозначаем этот гласный посредством *э*. У славян вместо него получился *о*, в др.-инд. *і*, в греч. и лат. *ă*. Ослабление артикуляции в образовании гласных ё, ѓ, е, ѓ, а было вызвано каким-то положением слога с этими гласными в отношении ударения в слове. Но позднее морфологические акцентологические передвижки отразились и на применении ступени с результатом давней редукции: в некоторых случаях эта ступень оказалась не только вне ударения, но и под ударением или обобщена для той или иной грамматической категории некоторых слов.

В зависимости от положения в отношении к ударенному слогу находилось некогда и чередование кратких гласных с долгими.

Если чередуются гласные, образование которых различается в укладе органов речи, то такое чередование называют качественным: ё||ѓ, е||ѓ: *běr-||bŏr-*, *sĕd-||sŏd-* (*sĕd-||sad-*).

Если чередующиеся гласные различаются в количественном отношении, то это будет чередование количественное: ё||ѓ, ѓ||ѓ (*ŏ||a*); чередование кратких или долгих гласных с результатом их редукции: ё||*а* (слав. ё||*ь* или *ъ*), ѓ||*а* (слав. ѓ||*ь* или *ъ*), е||*э* (слав. е||*о*), ѓ||*э* (слав. а||*о*): *sĕd-||sĕd-* (*sedyŏ||sĕdĕti*), *g^hhŏr-||g^hhŏr-* (*gorĕti||garь*); *berq||byrati*; *gon'q||gъnati*; *spĕti||sporь* (о вм. э).

Бывает и чередование смешанное, качественно-количественное: *sedyŏ||sadь* (а вм. ѓ), *žegavь* („раскаленные угли“) || *garь*.

§ 162. При изучении чередования гласных по отдельным индоевропейским языкам приходится выделять особо слова с дифтонгами в широком значении этого термина, т. е. сочетания *e*, *o* с *i*, *u*, *m*, *n*, *g*, *l* в разных фонетических положениях. Сущность чередования здесь та же, что и вне сочетаний с *i*, *u*, *m*, *n*, *g*, *l*. Но фонетические процессы, пережитые отдельными языками, сильно изменили звуковой облик этих чередований.

В индоевропейских языках имеются следы таких чередований, в которых в состав корня или базы входило сочетание: гласный + согласный шумный или сонорный *i*, *u*, *m*, *n*, *g*, *l* + гласный. В этой базе один из гласных представлял собою результат редукции: если в первом слого был гласный *e* или *o*, то во втором находился редуцированный *э* (результат редукции *ē*, *ō*, *ā*): *etā-*, *otā-*; если во втором слого был *ē*, *ō*, *ā*, то в первом слого был результат редукции *э* или нуль звука: **tē-* (*tē-*), **tō-* (*tō-*) **tā-* (*tā-*).

Если за базой *etā*, *otā* следовал гласный, то *э* отсутствовал: *et*, *ot*, **t* (*t*). Например:

греч. *πεσέομαι* (вм. *πετέομαι*) — „упаду“: отражение базы *peṭā-*;

греч. *πεπτῆώς* (*пе-пτη-ώς*) — „упавший“: отражение базы *ptē-*;

греч. *πέπτωχα* (*пé-пτω-ха*) — „упал“: отражение базы *ptō-*;

др.-инд. *patitāḥ* (*pati-taḥ*) — „упавший“: отражение базы **tā-*.

Особо нужно учитывать двухслоговые базы с *i*, *u*, *m*, *n*, *g*, *l*: различные фонетические процессы пережиты этими сочетаниями в отдельных индоевропейских языках.

Отметим звуковой вид ступени редукции двухслоговых баз при положении между согласными: *T* вм. *eīā-*, *ū* вм. *euā-*; *m̄* (**m̄*) вм. *emā-*; *n̄* (**n̄*) вм. *enā-*; *ḡ* (**ḡ*) вм. *eḡā-*; *l̄* (**l̄*) вм. *elā-*: *tīt*, *tūt*, *tīm̄t*, *tīn̄t*, *tīt*, *tīt*; в фонетике славян *T* → *Т*; *ū* → *у* (*у*); *m̄*, *n̄* (**m̄*, **n̄*) → *е*; *ḡ* (**ḡ*) → *ыг*, *ыг*; *l̄* (**l̄*) → *ыл*, *ыл*; интонация в этих слогах, как и в слогах с *or*, *ol*, *er*, *el* вместо двухслоговых сочетаний, была у славян восходящая; в литовской группе *lm*, *ln*, *lg*, *lr*, *ll*, *ul*. Например:

слав. *ры̋пъ*; лит. *pilnas*, др.-инд. *pūrṇá* — вм. *pīn-*;

но ср. др.-инд. *párlnam* (*párl-nam*) — вм. *peṭā-*;

греч. *πολύς* (*пол-ός*) — „многий“ вм. *pol-*;

лат. *plēnus* — „полный“, греч. (гомеров.) *ἐπλητο* (*э-плη-то*), др.-инд. *āprāt* — „он наполнил“ — вм. *plē-* (с редукцией первого гласного).

§ 163. 1. Во всех индоевропейских языках имеются слова, представляющие особый ряд чередований: именно, долгие гласные ē, ō, ā и их редукция э (вместо э в славянской группе о, др.-инд. i, греч. α, лат. ā). Это чередование представляло некогда такой вид:

ē||ō||э

ō||э

ā||э

Перед гласным э в этих случаях, как и в других сочетаниях, утрачивался. Слав. 3 л. мн. *dadęť* (da-d-ęť вм. dō-d-^hnti), др.-инд. *dādati* (da-d-ati вм. dō-d-^hnti), восходящие к основному *ṛdōd^hnti*. Другие примеры отмечены будут ниже.

§ 164. В славянской языковой группе ряды чередования, возникшие в более ранней системе, подверглись сильному изменению вследствие фонетических процессов, происходивших в этой группе. В ряде случаев фонетические изменения затемнили связь одних и тех же корней, суффиксов, окончаний в разных словах и формах, как это покажут примеры, сообщаемые ниже.

Но в славянской группе грамматическое применение принципа чередования гласных имело в некоторых случаях актуальное значение, служа приметой для грамматической категории. Так, долгота коренного гласного в глаголах была связана в ряде случаев с итеративным значением основы: *lipęti* → *lipati* (*prilipati*), *gnęť* → *ugnętatī*, *prosiť* → *prašati*. Так возник и новый ряд глагольных основ с долготой гласного, с *i* в чередовании с *ь*, с *y* (ы) в чередовании с *ъ*: *byrati* — *birati* (*izbirati*), *dъmъ* („дую“) — *dъmati* (*vъzdъmati*). Но не во всех случаях гласные *i*, *y* (ы) в глагольной основе представляли результат удлинения: они могли представлять собою замену давней ступени редукции двухсловных баз: *i* замену *eјэ*; *ū* (→ *y*) замену *eуэ*; гласный *i* у славян заменял также гласный *i* и дифтонг *eј*.

žiti; *i* того же происхождения, как и в прилагат. *živъ*; др.-инд. *jivah*; давняя база *g^hi-* — редукция базы *g^heјэ*, *g^hie-*;

tъti — „становиться жирным“; серб. *titi* (вм. *ti*), чешск. *tъti* (долгота прежнего восходящего ударения); ср. др.-инд. *tъyañ* — „сильный“, греч. *tъlъ* — „опухоль“; с тем же суффиксальным элементом *-l-* слав. *tuľъ* — „затылок“ (чешск. *tъл*); в основе лежит давняя база *tъi-* — редукция баз *teуэ*, *toуэ*, или *tōу*; ср. указания на *toу* — *tōу*: слав. *tovъ*, серб. *tōv* — „тучность“, чешск.,

русск. otava, словин. otáviti — „подкреплять силы“, чешск. otaviti se — „выздороветь“.

Отметим теперь примеры чередования гласных, относящихся к славянской группе. В начале представляем столбец основного ряда чередования, в следующем столбце — чередование с результатами процессов славянской группы. При этом заметим, что не все ступени с чередованием гласных удержались в том или ином индоевропейском языке: многие слова с разными степенями чередования вышли из употребления.

§ 165. ě — e

ǫ — o

ě — é, а (а после палатальных согласных)

ō — a

* (ступень редукции) — ъ, ѓ, нуль звука.

tekŋ||tok, potokъ, otokъ — „остров“ ||těchъ — 1 л. ед. сигматического аориста (těk-s-on), utěkati||tak-, tačati (ст.-сл. истагати) ||tъci|| повелит. накл. ||ticati;

godъ („определенное время“), godina (то же значение): поздѣ же съѣхшю припада оутѣ[ни]ци сго глѣше поусто е мѣсто н годъ юже минѣ. отъпѣсти народы (Савв. кн.). В соответствующем мѣстѣ (Матф., XIV, 15) других старославянских памятников находится година (напр., в Маринин. ев.) ||žьdati||židati, ožidati; мене ждѣтъ грѣшници погубѣти мѣ (Син. пс.), ждѣтъ тебе (Син. тр.);

pletŋ||plotъ, zaplotъ||sъplětati, zaplětati||sъplitati;

rekŋ||rokъ, otrokъ||rěchъ — 1 л. ед. сигматич. аориста (rěk-so-n) rěkati (ст.-сл. изръкати) ||rъci||ricati, proricati;

grebŋ||grobъ — „яма“ ||grēsъ — 1 л. ед. сигмат. аориста (grēb-so-n), grēbati, progrēbati||grabiti||grъbēti — „быть погребаемым“ ||gribati;

pled-mę → plemę||plodъ;

tepŋ (tep-ŋъ) ||topŋъ, topiti;

пазнегътъ ||паз ногътъ („ноготь“);

česati||kosa — „волосы“;

lemechъ||lomiti;

sedъlo||sěsti||sadъ;

skel- (ščel-ъ)||skōl- (skala). Ср. лит. skélti „колоть“ ||skalà — „щепка“;

de- в основе с удвоением корня de-d- (d вм. d* — нулевая ступень в чередовании) ||dē-, dē-dē (перед гласным dēd-). Это

чередование *вм.* основного чередования *dhē- (dhēdh-)|| dhē-, dhēdhə- (dhēdh- — перед гласными) — „класть, ставить“.* Ст.-сл. *дежд* — „кладу“, ст.-сл. *нажда, оджда; і одеждѣ съ ѡдеждѣ* *стоудомъ своѣмъ* (Син. пс.), *вѣджди прѣсты въ оухѣ егѣ* — „всунь пальцы в его ухо“ (Син. тр.) || *dēti — „класть“, „ставить“, dē̃q, dējati|| sq̃d̃z (sq-d-ъ; sq- префикс как в sqsēdъ, sqsēkъ) — „суд — iudicium“ и „vas — сосуд“.* Ср. др.-инд. *dadhmaḥ*, лит. *deste* — 2 л. множ.|| др.-инд. *ádham* — „я положил“, греч. *τίθημι (-θη-)* буд. вр. *θήσω*, лит. *dēti*||, др.-инд. *nidhiḥ (ni-dh-i-ḥ) — „сбережение, сокровище“;*

poziti, požь (вм. poz-jo-), p̃ziti (ст.-сл. прѣнѣжити)|| pronizati;

choditi||prichadjati (ст.-сл. прижадати) ||šьdъ, šьdъša (ср. русск. „хаживать“) || ст.-сл. оуиндъ — „беглец“;

leg-: legti (ст.-сл. леши) ||logъ, põlogъ, lože||lèg-: nalègati||tag-: põlagati;

jesmь||sq̃tъ, sy(сѣ) — именит. ед. мужск. р. причастия наст. вр.

В суффиксах и окончаниях.

neseši (nese-ši), nesetъ...|| 3 л. мн. nesq̃tъ (вм. neso-nti); основа причастия наст. вр. nesont- (именит. ед. мужск. р. nesу, род. ед. мужск. р. nesontja, ст. сл. несѣща...).

kaмy (вм. kamōp) в именит. ед. ||kaмен- — в других формах: kaмене, kameni и др.; sēmę (вм. semēn) в именит.-вин. ед., но в других формах semen-: semene, semena...

nebo (вм. nebos) — в именит.-вин. ед. ||nebes- — в других формах: neбese, neбesa...

vykъ (ъ вм. -os) в именит. ед., vykomъ — дат. мн.|| звательный ед. с -е: vyčel (ср. греч.: λύκος — λύχε!)|| им.-вин. двойств. числа не -ѡ, а -ō → а: vyka — „оба волка“, voza; ср. греч. λύκω.

Перед гласным:

Перед согласным:

§ 166. II. *em (en)*

em (en)

е

om (on)

om (on)

о

ēm (ēn)

ēm (ēn)

е с восход. интѡн.

ōm (ōn)

am (an)

о с восход. интон.

*m (или m, *n или n)

ьm, ѣm, (ьп, ѣп)

е

*m̃ (m̃, *ñ, ñ)

удлинение um, im е с восход. интон.

В этих рядах чередования гласных были замены давних однослоговых и двухслоговых баз. О двухслоговых базах и о результатах их редукции (*m̃, ñ...*) см. выше, § 162.

em-: emati: — „братъ“: емати плоды (Савв. кн.), заемъ, заемодатель, лихоимство (Син. пс.) || ым-: въз-ым-q, съп-ым-ъ, ср. синонимическое имя съ-bor-ъ („собор, собрание“), съп-ым-išče („место соборания, сонмище“), j-ым-q → imq, imq || ę — перед согласным: въз-ę-ti, j-ę-ti.

mьnėti || pamėti || pomėnati || pominati. Ср. лит. minėti, atminti. gromъ || gr̃mėti.

stremę || stromъ — „дерево, ствол“ || strъмь.

ženq, ženeši — „гоню, гонишь“ || gonъ, goniti || gan'ati || gъnati.

zvон || zvq'ъ (zvон-ko-) || zvęкъ || zvьnėti-; ср. чередование в литовском: žvėngti — „ржать“ || žvangėti — „звучать“ || žvėngti — „заржать“.

pon-, opona (o-pon-a), ors-pon-ъ (распонъ), zaponъka || poto (ponto || || pėti || pьno — „натягиваю“ || pinati, propinati.

kop-, копъ или копъ („начало“): поконъ („начало“) прамждростн (Син. пс.), копсь („маленькое начало, конец“), iskonі || čėti, pačėti (восходит к kеп- или k'п-) || пацьно || pačinati. Ср. латышск. atkan — „снова“.

tęga, tęgati || toгъ, toga, tožiti.

seк-: seқonti — „течь“, чешск. sáknouti — „просачиваться, иссякать“, русск. сякнуть („вода сякнет ис катки“ — Среднее Поволжье) || soқ-: sočiti, ст.-сл. исжунти, пръсжунти — „прекратить течение, высушить“: ты вако рати („соблаговоли“) мнъ пръсжунти истоуиннъ крѣн сви (Син. тр.). Ср. лит. seika, sekti — „падать, течь вниз“.

blędъ — „заблуждение“ || blqдъ.

pręgъ, zapręgati || prqгъ, sqpręgъ — „один из двух волов в одном ярме“: друугъ рече сѣпрѣгъ воловъныхъ коупныхъ пать — „другой сказал: я купил 5 пар волов“ (Маринин. ев.); Константин (Кирилл), умирая, говорил своему брату Мефодию: „сз брате въ сѣпрѣгъ въдохеъ юдинъ брѣдѣхъ тажаща, и азъ на лѣсъ падахъ свои днь съкончавъ“ — „Вот, брат, мы с тобой были два вола, тянущие одну борозду, и я на борозде падаю, закончив свой день“ (житие Мефодия).

tręsq, tręseši || trqсъ.

męto, męteši, mętežъ || mqtiti, съmqta.

lęq — „сгибаю“ || lqкъ — „лук“, lqка — „излучина, луг“: налматъ лжъ свои — „натянет свой лук“, (Син. пс.). Ср. лит. lenkti — „сгибаюсь“ || lanká — „луг“, как renkį — „подбирать“, „собирать“ || ranká — „рука“, слав. rōka.

čestъ — „частый“ (k⁴ṡ-sto-)||комъ; ср. в литовском kīṃštas — „набитый“, kīṃšti — „набивать“, „затыкать“ ||kams — „ком, глыба“, kamūti — „давить“, „набивать“.

čestъ||kqsoъ — „кусок“, kqsati: корень kond- — суффиксальный элемент -so-. Ср. в литовском: kānda, kṣti — „кусать“, др.-инд. knādati — „он раскусывает“.

dqti (dq- — восходит, может быть, к dom-, перед согласным, а не к d⁴ṡ-)||dъmъ — „дую“, падъменъ (na-dъm-енъ)||dumatī, vъzdumatī. Отметим образование того же корня в литовском и др.-индийском языках: лит. dumiù, dūmti, др.-инд. причастие dhamitá, аорист adhīmasīt. Все эти формы указывают на давнюю слоговую базу с ее редукцией dhema-, dhom-, dh⁴m-.

Перед гласным:

Перед согласным:

§ 167. III.

er (el)	er (el)	eṛ (e)
or (ol)	or (ol)	oṛ (o)
ēr (ēl)	ēr (ēl)	eṛ с восх. интон.
ōr (ōl)	ar (al)	oṛ с восх. интон.
er (или r), *l (или)	ьr, ьr (ьl, ьl)	ьṛ, ьṛ (ьl, ьl)
*ī (или ī), *ī (или ī)	удлинение ir, yr, (il, yl)	ьṛ, ьṛ (ьl, ьl) с восход. интон.

Сочетания eṛ, e|, cṛ, o|, ьṛ, ьl, ьṛ, ьl подверглись изменениям в славянских языковых группах. См. выше §§ 94—97; 101—107.

В рядах чередования er, or, ol и т. д. были сочетания, одни из которых восходили к однослоговым базам (er-, or-, r-...), другие к двухслоговым и их редукциям (erə-, *te-, orə-, *rō-, r̥-, |):

berq, bermę (ber-mę; ст.-сл. бръма)||borъ||bьrati||birati, nabirati; žeravъ — „раскаленные угли“||gorēti||žarъ (žēr-, а это вм. g⁴hēr-). Ср. отражение g⁴her-||g⁴hor — в др.-индийском, греческом, латинском: др.-инд. gharmaḥ — „теплота“, греч. θερμός, лат. for-mus — „теплый“.

stergo, steržeši (ст.-сл. стръга)||storža (ст.-сл. стржа).

verēja, verti: южн.-сл. vrēti — „запирать“||vorъ, zavorъ — „запор“, vorta: южн.-сл. vrata, вост.-сл. vorota.

verteno (vert-eno): южн.-слав. vrēteno, вост.-слав. веретено, vermę (вм. vert-mēn; южн.-слав. vrēmę)||vortiti (южн.-сл. vřatiti||vъrtēti, vъrsta (вм. vъrt-ta). Те же виды корня отражаются и в других индоевропейских языках: vert-: лит. veĩsti — „что-“

нибудь вертикально вращать*, лат. *vertō* — „поворачиваю, вращаю“, др.-инд. *vārtate* — „вращаться“, *vārtman* — „колея, путь“; *vort*: лит. *vartūti*; *vrt*:- лит. *virtaũ*, *viřsti* — „падать“, „опрокидывать“, др.-инд. *vṛta* — „образ жизни“.

mer-, *merti* (южн.-сл. *mṛēti*, русск. мереть) || *mor̃g*, *moriti* || *umar'ati* || *umirati*. Ср. лит. *mėrdeti* — „быть мертвым“ || *nematus* — „бессмертный“ || *miřti* — „умирать“.

žer:- *žer-dlo* („пасть“, „отверстие“, „устье реки“): ст.-сл. *жръло*, *жръло*, белорусск. *жерелó*, русск. *ожерёлок* („ошейник“), украин. *джерело* („жерло“, „источник“), чешск. *žrídlo* → *zřídlo* („источник“) || *žy*:- *žy-a-ti* — „глотать“, *žy-dlo* (то же значение): ст.-сл. *жръло*, др.-русс. *жърло*, украин. *жорло*, серб. *ždřlo* || *gyr-dlo*, *gyr-jo* („горло“); тот же корень, распространенный посредством *t* — *gyrt-anь*. Ср. в литовском чередование *ger*-||*gur*:- *gerklė* („горло“), *gurklỹs* („зоб“), др.-прусс. *gurkle* („горло“). Основное *g^uer*-||*g^ur*:-

szporog (*sz-por-ъ*) || *pyrēti*, *sqpyr'ъ* (*sq-pyr'ъ*) — „противник в споре“ || *pirati*, *perpirati* (ст.-сл. *прѣпирати*).

per-, *perti* (южн.-сл. *prēti*, вост.-сл. *перети*) || *por*-, *oroga* || *pyq* — „подпираю“.

čert-, *čersti* (вм. *čert-ti*; *čert*- вм. *kert*-) — „резать“ (ст.-сл. *чръсти*; русск. *очерести* — „определить границу, провести пограничную черту“) || *kort*-, *kortьkъ* (южн.-сл. *kratъkъ*, вост.-сл. *короток*); *kortъ* — „раз“, „удар“ (южн.-сл. *kratъ*, ст.-слав. *дѣла краты*) || *čyrt*-, *čyrt-a* — „черта, штрих“; *čyrtadlo* — *čyrtalo* — „нож“: русск. *чертало* — „сошной нож“, болгарск. *чертало* — в том же значении. Ср. литовские соответствия: *kertũ* || *kiřsti* — „рубить“ || *kařtas* — „раз“, в др.-индийском: *kṛntāti* — „он режет“, *kṛtīh* — „нож“.

vel-, *velēti* || *voliti*, *vol'a*, *dovolъ* — „достаточность, довольствие“: да в'сегда в'сѣмъ доволя имѣше (Син. тр.); ѿ своего добола (Галицкое ев. 1266—1301 гг.) || *vylēti*, *dovylēti* — „удовлетворять“: довьляють намъ си — „нам достаточно этого“ (Супр. рук.), довьляють ти подвѣннати са (Син. тр.), дѣвѣма сътома сѣребрянникъ хлѣбъ не довьляють имъ — „им недостаточно на 200 серебрянников хлебов“ (Остром. ев.).

mel-, *melti* (южн.-сл. *mlēti*; русск. *молотъ*) || *molъ* || *mēl'ъ* || *mylinъ* — „мельница“.

stel-, *stel'q* || *stoľ* || *stylați* || *stilați*.

delb-, *delto* (вм. *delbto*; южн.-сл. *dlēto*) || *dolto* (вм. *doľbto*; южн.-сл. *dľato*) || *dyľbiti*.

telk-, telkti (ст.-сл. тѣлѣти) || tolčiti (южн.-сл. тѣčiti) || tьlkъ.

velk-, velkti (ст.-сл. вѣлѣти) || volkъ (южн.-сл. vľakъ), obolko (вм. obvolko; южн.-сл. oblako) || vьlk-, обьлѣно (вм. obvьlčeno). Ср. те же ступени чередования в литовском: veikù — „волоку“ || ūžvalkas — „наволока“ || vilkti.

ter-, tĕrti (ст.-сл. трѣти, чешск. třiti, русск. тереть) || torъ, zatorъ || tьrъ-, tьrti, прич. прош. врем. страдат. зал. tьrtъ (серб. tŕti, с. в. вм. давнего -) || tьrъ-, tьrъ. Того же образования корень отражается в других индоевропейских языках: лат. terō — „тру“, греч. торб; — „проницательный“, греч. τρᾶνής — „проникающий“ (греч. ρᾶ, как и слав. бѣ, указывает на более раннее *ṛ или ṛ̥). Имеются и другие варианты этого корня: греч. τέρετρον — „бурав“, лат. terebra — „бурав“, восходящие к базе terə-; греч. τρητός — „пробуравленный“, др.-верхн.-нем. drājan — „вытачивать“, восходящее к базе trā- или tʳā-; греч. τιτρώσκω (τι-τρῶ-σκω) — „раню“, восходящее к базе trō- или tʳō-. Следует полагать, что в основе индоевропейских образований с этим корнем лежала двухслоговая база terə- || torə- и ее изменение.

der-, derq, dereši; dervъn'a (русск. „деревня — поле, полевые угодья, поселок с полевыми угодьями“) || dorъ, orzdorъ (южн.-сл. razdorъ, название пункта поселения русск. Дор — пункта, возникшего на месте, на котором выдраны деревья) || déra — „дыра“, украинск. діра, чешск. díra || darъ, udarъ || dьrati — „драть, колоть“ (лит. dūrti — „колоть“) || dyra || dьrati — „сдирать“ (лит. dirti — „сдирать“), дыгъ (дыгъ-нъ) || dirati, sьdirati, zadirati. Ср. еще лит. dúriau (в прош.врем.), греч. δῆρις — „борьба, спор“, греч. δέρω, аорист ἐδάρην — „сдирать кожу“, др. инд. dṛṇāti — „трескается“, „лопается“. В семантическом соответствии славянскому dervъn'a — „деревня“ находится лит. dirvā — „поле“. Во всех этих сочетаниях отражается давняя база derə- || dorə- || der- || dor- || dʳə- || dʳ-(dr-).

vor-, — южн.-сл. izvorъ — „ключ, источник“ || varъ — „кипятток, жара“, variti || vьrĕti — „кипеть“ || viгъ — „водоворот, пучина“. Ср. лит. vėrdu — „варю“ || varūs — „кипящий, варящийся“ || vīrti — „кипеть, бить пеной, варить“ (восходит к базе verə- и к результатам ее изменения).

zor-, zorъ, rozorъ, zor'a || zorkъ (zor-kъ; южн.-сл. zrakъ) || zar'a || zьrĕti || zirati, nazirati. Ср. лит. žerėti — „лучезарно сиять“, žarijā — „раскаленные угли“. Восходят к базе gʳherə- и к результатам ее изменения.

dervo (южн.-сл. drĕvo) || sьdorvъ (sь-dorvъ; ст.-сл. съдравъ) || dьrva.

Семантическую параллель представлял др.-индийский язык: *darūnaḥ* — „крепкий, жесткий“ — *dāru-||dru* — „дрова“. Ср. лит. *dervà* — „сосновое дерево“ || латыш. *darva* — „деготь“ || латыш. *dūore* — „посудина, выделанная из одного дерева“. Ср. греч. *δέντρο* — „дерево, балка“ || *δρυός*, родит. ед. к *δρῦς* — „дуб“; др.-инд. *dru-vāyaḥ* — „посуда из дерева“; гот. *triu* — „дрова, дерево“. Во всех этих словах отражается в основе база *derəu-* || *dorəu-* || *dʰrəu-* или *dreu-* (гот. *triu*) || *dru-*. Неясны условия, при которых появились в литовской группе гласные *i*, *u* при *r*, *e* (*ir*, *ur*, *il*, *ul*), а в славянской в соответствии с этим *ь*, *ѣ* (*ьr*, *ѣr*, *ьl*, *ѣl*). Неодинаковость гласного бывала иногда в одном и том же корне. Выше отмечены *ḍyati* и *ḍʰyati*, лит. *ḍirti* и *ḍūrti*. С разным звуковым видом стало различаться в значении основы слав. *ḍyrti*, лит. *ḍirti* — „сдирать“, слав. *ḍyrti*, лит. *ḍūrti* — „колоть“. Еще пример такого различия гласного при плавном на ступени редукции: слав. *sḳŕbь* — „скорбь“ (серб. *sḳrb*); ср. лит. — жематийское *skụrbti* — „находиться в жалком состоянии“, латыш. *sḳūrbt* — „становиться бессильным“; но слав. *ṣ̌ŕbь*, *ṣ̌ŕba* — „зазубрина, щербина“, латыш. *ṣ̌k'irba* — „трещина, щель“ || *sḳaifbs* — „острый“. Ср. также др.-верхн.-нем. *scirbi* — „черепок“ (*Scherbe*) || *scarbō* — „резать на куски“. Выше было отмечено также чередование *žer-* || *žьr-* || *gьr-*: *žerdlo* — *žerlo* || *žьrdlo* — *žьrlo*, *žьrati* || *gьrdlo* — *gьrlo*, *gьrtanь*. Чередование гласного на ступени редукции представлено было и в др.-инд.: *girāti* — „проглатывает“, *gūrtāḥ* — „съеденный“, „проглоченный“.

§ 168. IV.

	Перед гласным:	Перед согласным:
eu	ev, ov	ju → 'u
ou	ov	u
ēu	ěv перед гласн. передн. р.	ju → 'u с восходящ. интонацией
ōu	av	u с восходящ. интонацией
й	ѣv	
ū	ѣv, uv в глаголах итеративного значения.	у (разного происхож- дения)

В ряду этих чередований имеются слова, одни из которых восходят к однослоговой базе, другие к двухслоговой с ее редукцией: *eu-*, *ou-* и к их изменениям: **e-* (*e-*), **ō-* (*ō-*), *u-*, *ū-*.

В славянской группе, кроме корней (баз) с у (ы) вместо ѱ, представлявшего ступень редукции двухслоговой базы, появились основы с новым коренным у (ы) в итеративных глаголах, имевших основу с ѣ: бѣу-(zabъvепъ)||byvati, как дѣмѣ — „дую“, падѣмѣ||dymati, въздымати:

гудѣ, guda||гудѣти, гудѣ — „красновато-желтый“; гудѣа — „ржавчина“||гудѣо → гудѣ — „рыжий“. Ср. в литовском gauda — „красная краска“||gūdas — „краснобурый“, греч. ἐρυθρός — „красный, темнокрасный“||лит. rūdis — „ржавчина“.

дупа, duplo, дупѣка — „отверстие, дыра“||дѣпо (вм. дѣрно). Ср. лит. dubùs — „глубокий“ и dūgnas вм. dūpnas — „почва, грунт“.

губити, sugubъ — „двойной“, собств. „согнутый“; такое же значение su- отражается и в таких прилагательных по болгарским говорам: суголѣм — суголем — „довольно большой“, сумалечок — „маленький“ (примеры из Македонии; того же значения слово было в древнеиндийском sū (на ступени редукции) — „хорошо“ ||гѣб-, гѣпѣти (вместо гѣб-пѣ-ти)||gybati, gybѣль. Ср. значение литовского linkas в таких словах: dvilinkas — „двоякий“, „двойной“, trilinkas — „троякий“, „тройной“; тот же корень на полной ступени в глаголе lenkiù, leĩkti — „гнуть“.

bl'udъ, bl'usti (восходит к bheu-d-) ||buditi (восходит к bhou-d-) ||бѣдѣти, бѣдѣ (бѣд-гѣ).

kruchъ, ukruchъ — „ломоть хлеба“, krušiti — „ломать“||кгѣча, кгѣщѣка.

трѣу- ||троу-: натроути („накормить“, синонимическое напѣтити), натроушѣти („накормишь“): натроушѣти нѣмѣ хлѣба слезѣна I напоишѣ нѣмѣ слезѣ въ мѣрѣ (Син. пс.); truti, otruti („травить, отравить“); otrovъ („яд“) ||трѣу-: trѣva (ст.-сл. и совр. болгарск. трѣва первоначально имело значение „корм“, затем „трава“) ||трѣу-: trava („корм“, затем „трава“), potrava, съtrava („пища“), otravъ („яд“), otraviti.

дѣжг-||douzg-: — ст.-сл. дѣжа — (дѣждѣ)||доужа-: доужадскѣнѣхъ вѣдѣ (Супр. рук.);

studъ, studja → stūđa (руссск. стужа)||стыдѣ.

нупѣ||пѣпѣ — русск. (диалект.) нѣне, пѣ — „но“. Ср. чередование в других индоевропейских языках: др.-инд. ní — „ныне“, греч. νῦν — „ныне“, лит. nūnai, сев.-герм. nūna||др.-инд. ní — „теперь“; греч. νῦ, νῦν — частицы усилительного значения: „ну, же“, лит. nū — „теперь, ну!“ — Производные имена прилагательные др.-инд. návan — „новый“, греч. νέος, лат. novus, слав. новъ.

ѣка — „выпуклость, горная вершина“ (вм. кеѣка)||кука (вм. коѣка) — „выпуклость“, кѣса (вм. коѣкја)||кука, куѣька, кука — „макушка головы“; раба... постригаѣши кѣкы главы своеѣ (Син. тр.) ||кѣка значение то же, что и слова кука: „выпуклость“, затем „крюк“. — Ср. лит. каѣкас „выпуклость“ ||кѣкис — „навозный крюк“. Восходят к двухслоговой базе и ее редукции кеѣэ-|| коѣэ-|| кеѣ-|| коѣ-|| кѣо-|| кѣ-.

kovati||kujo (ku-jō), kuznica (ku-znica)||кѣзнь (кѣ-знь) — „кознь“ || ку-знь: разрази кѣзни („козни“) вражни (Син. тр.) — διαλυται τὰς καὶ ἡμῶν μηχανὰς τοῦ ἐχθροῦ. Для понимания этимологии слова „кѣзнь“ (кѣ-знь) ср. слово „ковь“ в том же значении: кови же ѣ съвети („советы“) зѣли на на плетомн кѣвѣзѣхъ (Супр. рук.), сохранинъ отъ всего дѣвѣнѣ и кова I дѣхъ неуста (Син. тр.). — Ср. в лит. káuju, káuči „ударять, ковать“.

оур-: upiti (up-i-ti) — „вопить“. В таком виде корень был представлен в сочетании с префиксом вѣз-(вѣzuriti) по болгарским говорам X—XI вв. В старославянских памятниках не отразился этот глагол с таким видом корня. Но был в том старославянском оригинале, к которому восходит сербское Мирославово ев. (XII в.), представляющее вѣзупити (ю пишется в этом памятнике и вместо оу). || Слабая ступень корня ѣр-: вѣр-: вѣriti; ст.-сл. вѣрѣти, вѣзѣрѣти, русск. диалект. вопить.

choul-: chuliti — „унижать“ (собственно „склонять“), „ругать“, словинск. hula — „сгиб“ ||chul-: chyliti — „наклонять“, chyľ — „согбенный“, „слабый“.

pjōu||pjū-: pl'u-(pl'uti)||pl'i-(pl'inoti). В старославянском языке отражаются формы с той и с другой ступенью чередования: пѣ'юнѣти, пѣ'инѣти, пѣ'инѣснѣи; пѣинѣзѣти на хомѣхъ хомѣзѣти снѣинами (Син. треб.). Ср. лит. spiauti.

govъ||runo (ru-no)||гѣvati||ryti||ryvati, poryvati; ст.-сл. съинидѣтъ ѣко дождѣ на роуно рѣвѣтѣ рѣвѣтъѣ (Син. пс.); недѣгоу рывѣщѣмоу дѣлѣ (Син. тр.).

uk-, nauka, učiti||vyknoti.

navъ — „мертвец“, unaviti — „утомить“ ||nyti — „ныть“, nyľъ. slovъ, sloveši||sluti||slava||slyti.

gou-: gov-огъ; gu-кѣ, gu-kati||geu-: žukъ||gū-: gykati||гѣv-: гѣvaga. krovъ, pokrovъ||kryti||кѣvепъ, сѣкѣvепъ||кѣ'jo, кѣ'ješi. —

Ср. лит. kráuju, kráuči — „класть рядом“ ||krūvā — „груда“.

reveši, revъ||ruti; вѣздрѣуѣтъ же ковевода на конѣхъ (Супр. рук.). plōvъ||plūti||plāviti||plūti||plътъ — „плот, паром“. — Ср. латыш.

plevināt — „заставлять лететь“, греч. πλέω — „плаву на корабле“, др.-инд. plāvate — „плавает“ || лит. pláuti — „полоскать“, греч. πλώω — „плаваю на корабле“ || др.-инд. plāvayati „пускает плавать“ || греч. πλώω — „мою“, латыш. plūts — „плот, паром“. Эти образования восходят к двухслоговой базе pleuə- || ploue- и к ее редукции.

zovə || zývati || zyvati, prizyvati. Ср. лит. žavėti — „говорить, пересушивать“, др.-инд. hāvītavē — „кликать“, havih — „жертва“. Двухслоговая база и ее редукция g'heuə-.

byti || baviti || bьvenь, zabьvenь || byvati. Ср. лит. būti, būvo — „был“, др.-прусс. buvinaiti — „жить, обитать“, др.-инд. bhāvati — 3 л. ед. „ест, становится“ || буд. врем. bhaviṣyāti || аор. ábhūt. Эти и другие образования для глагола „быть“ имеют основы, восходящие к двухслоговой базе bheuə- || bhoуə- и к ее редукции (bhū-, bhū-).

kvasь || kysnoti. База давняя keuəs- || kuōs- || kūs-.

chvatati || chutь — „желание“ || chotėti || chьtėti || chytiti, chytrь (chyt-рь). Ср. значение lovькь и loviti. — Восходят к сочетаниям с заменой базы khouət- || khуōt- || khouт- || khūt- || khūt- || khət-.

kuōp-: kvariti — „спешить“, „торопиться“ || kūr-: kupėti; ст.-чешск. кургь — „старательный“, „деятельный“. Основной вид — двухслоговая база k'уēp- || k'уōp- || kūr- (ступень редукции).

chuog- (вм. ch'уog), chvogь — „больной“ || choуг (вм. choу'г), chur-: чешск. churavь — „больной“ || chūr (ступень редукции двухслоговой базы): chyr-: chyrėti — „слабеть“.

В суффиксах: в основах на- ū: в именит. ед. основа с -ū → ь: супь, ср. лит. sūpūs; в родит. ед. основа с -ou: супи; ср. лит. supaūs; в дат. ед., в именит. множ. основа с -ov перед гласным: супові (дат. ед.), супове (именит. мн.); в местн. ед. основа с -ōу: супи; ср. др.-инд. sūpū; в именит.-вин. двойств. основа с -ū: супу.

§ 169. V.

Перед гласным:

Перед согласным:

eĭ	ьj (ьĭ)	i
oĭ	oj (oĭ)	e
ēĭ	ěj (ėj)	i с восходящей интонац.
ōĭ	a, (aĭ)	ě с восходящей интонац.
ĩ	ьj (ьĭ)	ь
ī	ьj (ьĭ)	i

i появился и в новых образованиях, в итеративных глаголах (nabirati...)

В рядах этого чередования были образования с заменами данных основ с односложной или двухсложной базой.

lèpiti||lèpèti, lèpŋti (вм. lèpnŋti)||lipati. Ср. латыш. pēlaire — „припек в хлебе“ || лит. limpū, lip̃ti.

svètŋ||svytètŋ, svynŋti (вм. svytŋti) — „блеснуть“ (о свете, о заре): свѣтъло свѣтатъ са (Син. тр.) || svit̃ti. Ср. лит. švaisà — „проблеск“ || švintū, švist̃i.

slèpŋ||slpŋ-: oslèpnŋti → oslŋti — ст.-сл. ослъпнѣти, аор. ослъпъ, чешск. oslnouti, польск. oślepnąć вместо oślnąć.

tiskŋ||tèsk-no → tésno, tèsk-to → tèsto, тѣснѣ — „пресс“ — в среднеболгарском Търновском ев.

tichŋ||tèch-: utècha, tešiti.

strig-(strŋg-, streŋg-)||strèg-(stroŋg-): пострѣжи власы, пострѣганица, пострѣженне (Син. тр.).

čistŋ||cèditi, cèstiti — „чистить“. Ср. лит. skýstas — „жидкий“ || лит. skáidyti — „отделять“, skaidrūs — „светлый, ясный“

viti||vŋjŋ||voi (вм. voŋ-ь)||vèpŋсь.

piti||pŋjŋ||poi (вм. poŋ-ь); napoi||pajati; papajati.

rinŋti||roi (вм. roŋ-ь)||rèjati.

pŋsati, pŋstrŋ||pisati.

pŋchati, pŋšeno||pichati.

liti||lŋjŋ||lèjŋ||loi (вм. loŋ-ь) — „сало“. Ср. лит. lėju, lėjan, lėti||lyjū, lijaū, lýti. — Двухслоговая база lejə-.

žiti, živŋ||goiti (вм. goŋiti) „выращивать“, goi (вм. goi-ь) — „мир, изобилие“ || gai (вм. gai-ь) — „лес, роща“; ср. в семантическом отношении русск. роща (вм. orstja; orsti → rosti). Ср. образования с соответствующим корнем в других индоевропейских языках: др.-инд. jīvaḥ (džīvaḥ) — „живой“, лит. gývas, лат. vīvus || др.-инд. gāvaḥ — „дом“, др.-иран. gayō — „жизнь“. База g^hejə- || g^hoŋə- и результаты ее изменения.

В суффиксах: в основах на -й в именит. ед. основа с -й → ь: gostŋ; родит. ед. основа с -ej → i: gosti; в именит. множ. основа с ej перед гласным окончания (-es); gostŋje (вм. gostej-es), в именит.-вин. двойств. основа с -T: gosti.

§ 170. Выше была отмечена схема чередований таких баз, в которых чередовались только долгие ē, ō, ā с их редукцией, с э. Перед гласным э утрачивался. Замена этого чередования у славян:

I. è — è или а после палатального согласного

ō — а

э — о или отсутствие его (перед гласным).

řezati||razъ, raziti. Ср. чередование в греческом: ῥήμα — „разрыв“ || ῥωμός — „ущелье“ || ῥαγῆναι — „быть сломанным“ (греч. а вместо э).

čadъ||kaditi.

lèzq||łaziti.

spèti||sporъ — „изобильный“. Ср. лат. spēs — „ожидание, надежда“, др.-инд. arhātiḥ — „ожидание“ || др.-инд. sphirāḥ — „жирный, богатый“ (в др.-инд. э → i).

dati||dadetъ (da-d-etъ; d в м. дэ перед гласным), pridъ (prid-ъ) — „приданое“. Ср. греч. δίδωμι, лит. dūti||лат. dedi (ded-I).

II. а

э

stati||stojq. Ср. лат. stāre, др.-инд. āsthāt||лат. status (в лат. э → ā), др.-инд. sthitāḥ.

bajati, basнь||bobony (bo-bo-ny) — „суеверис, связанное с говорением“. Ср. греч. дорич. φᾶμι „говорю“ || φᾶμες „говорим“.

В суффиксе: в основах на -а звательная форма представляла основу на -э (в греч. э → ā, в слав. э → ѓ): žepa||ženoi! Ср. зват. форму в греч. υἱμφᾶ! — „невеста!“, „невестка!“

Неясны условия чередования e||o||ē с e||o||. Такое чередование было представлено, например, в таких корнях.

ker-||koip-: čer-||cēr-, čeriti, русск. чепъ, укр. чепіти — „виснуть“, чепкий — „ловкий, цепкий“; польск. čerić śę — „зацепляться“. Ср. латышск. k'ert — „приставать“. Слав. čeriti, русск. цѣпъ, укр. ціплятися.

Иное значение слов с корнями čer||cēr-: čeriti — „колоть, рассекать“, cēriti, cēpati — в том же значении; cērъ — „цеп“, „палка“, ocērēti или ocērenēti — „одеревянуть“; ср. синонимические слова o-kol-ēti, koł-ъ; ср. также значение kol — „рассекать“ (kolti — „колоть“). Ср. греч. σκίπων — „палка“, σκίπαρος — „тесла, топор“.

skēr-||skēr-||skop-||skeip-||skoip-||skTp-: ščer-||skop-||ščip-||scēr- — корень с значением „колоть“, „резать“: ščerati, ščera, ščerъ, ščara (è → а), ščipati, skopiti. Ср. σκίπαρος — „топор“, σκίπων — „палка“, лит. skēpsnė — „кусочек материала“, skópitі — „вырезать ножом“, skāptas — „вырезной кривой нож“.

sker-||koip- — „отделять“, „резать“: ščer-||cēr-: ščeriti, cēriti — „отделять, скалить зубы“, русский глагол ощеряться — „зубо-

скалить", имя Ощера. Ср. лит. *skirti* — „отделять, резать“, греч. *κείρω* — „стригу, режу“.

ǣ. Чередования с кратким ǣ в данной системе индоевропейских языковых групп были в немногих случаях. Так, в начале слова было в некоторых группах чередование ǣ||нуль звука. Напр.: греч. *αἵψα* — „увеличиваю“, лит. *áukštas* — „большой“||др.-инд. *úkṣant* — „растущий“ и некоторые др. Для чередования ǣ||ǝ нет достоверных примеров. Если такое чередование и было когда-то, оно совпало в славянской группе с чередованием о||е, так как ǣ заменился тут гласным ѓ.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СТАРОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

§ 171. Звуковой состав старославянского языка был охарактеризован выше, в §§ 35—40. Там же определено отношение старославянского языка к другим славянским языковым группам и отмечена генетическая связь элементов этого языка с говорами славян Македонии и Болгарии.

Звуковая система старославянского языка второй половины IX в., за исключением немногих черт, представляла те же элементы, какие находились в системах и других славянских языков в ранний период их жизни, — элементы, возникшие в доисторическое время. В предшествующем отделе рассмотрены были главнейшие процессы и явления древнейшей фонетической системы славянских языковых групп. Нижеследующий же отдел посвящен изучению фонетической системы старославянского языка в его основе второй половины IX в. и в дальнейшей судьбе в X—XI вв. по указанию памятников этого языка.

ѣ.

§ 172. ѣ — в кириллице, ▲ — в глаголице, — буква, называвшаяся славянскими книжными людьми „едью“ (▲Ω ѣ — ѣдь, ѣдь — „еда“).

В Битольской триоди (XIII в.) в одном месте (на л. 93^{об.}) три буквы, п, р, ѣ (в слове прѣставленъ) написаны вместе. Против этой лигатуры писец заметил: „покон (т. е. букву п) и рѣѣ (т. е. букву р) и ѣдь (т. е. букву ѣ) заедно написаша прѣставъ ма“.

Звуковое значение старославянского ѣ — широкий гласный переднего ряда а с мягкостью предшествующего согласного. На

такое образование ꙗ указывают графика, некоторые черты правописания, дальнейшая судьба этого гласного в болгарском языке, а также некоторые факты графики древнерусских и древнесербских рукописей.

В отношении графики важное указание представляет глаголица. Она имеет один знак ѧ для замены давнего ѣ и 'а (а после мягкого согласного) и ја. Составитель глаголицы ограничился одним знаком для передачи этих звуков потому, что они были близки один к другому, — близки потому, что вместо а после палатального согласного произносился гласный переднего ряда или близкий к нему, — явление, свойственное фонетической системе многих славянских языковых групп, в том числе и болгарской. Можно полагать, что не совсем тождественны были в болгарских группах, или по крайней мере в некоторых из них, образования ѧ вместо давнего ѣ (вънъ, горъ) и ѧ вместо а после палатального согласного (конъ — род. ед. от конъ, коуръ — имен. ед.). Разница была повидимому и в предшествующем согласном и в самом гласном: согласный перед ѧ вм. ѣ не являлся таким сильно смягченным (палатальным), как перед ѧ вм. 'а; возможно, что гласный ѧ вм. 'а не был того же места образования, как ѧ вм. ѣ, а был близок к среднему ряду (ѧ).

В кириллице имеются два знака: ѧ для замены ѣ, ѧ для замены 'а и для ја (ја). Но в кириллических памятниках встречаются написания с ѧ и вместо ѧ. Показательны в этом отношении листки Ундольского: они имеют только ѧ; ѧ отсутствует: в одних случаях пишется ѧ, в других ѧ: ѧко, твоѧ (=твоѧ) сспѧбрь — род. ед., съѧконъѧнне, слышавъѧшн, ѧвѧщавъ... И в других кириллических памятниках, имеющих ѧ и ѧ, находятся написания с ѧ вм. ѧ: колъ — им. ед., моръ — род. ед.; но: моѧ, ѧсѧ, ваѧ, ѧлоѧуще. (Савв. кн.)

§ 173. В Киевских листках ѧ вместо давнего а находится не только после ј (ѧко), но и после ч, ш, ж; ѧшь — им. ед., нашъ... Но имеются и написания с а после шипящих согласных: съѧръшати, папѧжа. В других памятниках обычно пишутся ѧѧ, шѧ, жѧ при редких вариантах с ѧ, вероятно, перенесенных из более ранних оригиналов. При этом наблюдается такое различие в передаче замены того же гласного после мягких м', л', р': в глаголических памятниках после этих согласных пишется ѧ (а): конъ — род. ед., колъ — им. ед., коуръ (коуръ) — им. ед.; после же ч, ш, ж — а: ѧша, наша, жѧль, при редких написаниях с ѧѧ, шѧ, жѧ. Из кириллических

памятников листки Ундольского представляют то же явление. Но в Саввиной книге ѡ пишется обычно после р, л: морѡ — род. ед., волѡ — им. ед. Но после н' — ѡ: конѡ. После шипящих и после ј в этом памятнике ѡ: ташѡ, ташѡ, жалѡуѡще, ѡко. В Супрасльской рук. только в отдельных случаях, — в словах, перенесенных из более ранних оригиналов, — встречается ѡ после н', л', р'. Обычно пишется ѡ: волѡ. Таким образом, в кириллических памятниках нашел себе отражение результат дальнейшего развития того явления, на которое указывают и глаголические памятники: замена ѡ вместо давнего 'а после шипящих согласных, а также после других мягких согласных посредством ѡ. Во 2-й же половине IX в. и несколько позднее, как указывают Киевские листки, ѡ вместо давнего 'а был представлен не только после ј, п', л', г', но и после шипящих согласных. В XI же в., по указанию глаголических рукописей, после шипящих согласных произносился гласный а или близкий к нему: ѡа, ѡа, ѡа: ѡаша. Изменение это (ѡа → ѡа...) было вызвано особой артикуляцией шипящих согласных, — особенностью, независимой от их отвердения: и при мягком их произношении происходила диспалатализация гласного переднего ряда ѡ в ѡ (ѡѡа и др. в Савв. кн.); несколько позднее, с XII в., после ѡ, ѡ отражается веляризация ѡ: ѡѡ вместо ѡа, ѡѡ вместо ѡа: ѡѡѡа... В таком же направлении изменялся и тот гласный ѡ, который в течение какого-то периода времени произносился вместо давнего а: ѡѡ → ѡа, ѡѡ → ѡа, ѡѡ → ѡа. Следовательно, до этого изменения, до веляризации его, это был гласный не е, а гласный ѡ или близкий к среднему ряду ѡ. В кириллических памятниках отражается более широко такое изменение ѡ (вм. 'а): такой ѡ изменился в ѡ не только после шипящих согласных, но и после ј, л', н' р' (Супр. рук.).

Примерами могут служить формы повелительного наклонения с таким гласным (ѡ). Саввина кн.; пиште! плаште! покажите! Из Супрасльской рук.: постелѡѡѡ вместо пиште! плаште! покажите! постелѡѡѡ! Гласный ѡ появился вместо ѡ. А с этим гласным (ѡ) стали вновь образовывать во множественном числе формы повелительного наклонения под влиянием форм с основой е/о: несѡѡѡ! несѡѡѡ! бѡѡѡѡѡ! Гласный же ѡ = ѡ после мягкого согласного получил более открытое образование, близкое к а.

В Саввиной книге и в глаголических памятниках имеются также примеры форм повелительного наклонения с ѡ после этих согласных: ѡѡѡѡѡѡѡ! ѡѡѡѡѡѡѡ! ѡѡѡѡѡѡѡ! ѡѡѡѡѡѡѡ! (Савв. кн., Остро-

мир., Зограф., Маринин., Ассеман.). Это — более позднего времени новообразования, когда **ѣ** не переходило уже в **ѧ** после **ј**, **ч**, **ж**, **ш**, **шт**.

Того же времени были и новообразования формы сравнительной степени с **ѣ** после шипящего согласного: **мъножьнѣ** в Маринин., **множьнѣ** в Савв. кн. Это новообразование (вместо **мъножан**) возникло под влиянием форм сравнительной степени с **ѧ**: **добрѣн**, **старѣн** и т. п.

Ссылаются иногда на написание с **рѧ** вм. **рѣ**, находящиеся в Синайской пс.: **прѣвратѣ** вместо **прѣвратѣ** (л. 103), **погрѣвѣмѣ** вместо **погрѣвѣмѣ** (л. 106), **времѣ** вместо **врѣмѣ** (л. 110). Полагают, что в этих написаниях отразилось фонетическое явление: изменение **рѣ** в **рѧ**. Но эти написания Синайской пс. не показательны: в этой рукописи в многочисленных случаях отразилась невнимательность писцов: часто буквы недописываются, пропускаются, путаются; в особенности много графических заскоков вперед: написание буквы следующего слога: **кото** вм. **къто**, **гога** вм. **рога** и др. Полагаем: **прѣвратѣ**, **погрѣвѣмѣ**, **времѣ** относятся к числу таких же описок.

Не показательны для суждения об изменении **рѣ** в **рѧ** и написания **травѣ** и **трѣвѣ**: здесь отражается давнее чередование **ѣ** (**ѣ**) с **ѧ** (**а**); см. в отделе о чередовании гласных, § 168. В языке славян Болгарии издавна употреблялись **травѣ** и **трѣвѣ**. В таком виде это слово представлено и в современном болгарском языке. Это слово с **ѣ** находилось и в тех старославянских рукописях, которыми пользовались на Руси. Написания **трѣвѣ**, **трѣвѣномѣ** находятся в Остромировом ев., в Сборнике Святослава 1073 г., в Словах Кирилла Иерусалимского. Представлено это слово и с **ѧ**: **травѧ**.

Такое же чередование отразилось в глаголе **подрѣжати** — греч. **ἐπιμυκτηρίζω** („насмехаться над кем.-н.“), в Зограф. ев., в Саввиной кн., в Остром. ев.; **подрѣжати** в Маринин. ев.

§ 174. В передаче греческих слов с **αι** неодинаково передается в старославянских памятниках греческий гласный, заменивший собою этот дифтонг. В Ассеманиевом кодексе, в Саввиной книге, в Остромировом кодексе в передаче таких слов пишется почти всегда **ѧ**. Савв. кн.: **галилаѧ**, — **Γαλιλαία**; **ѧвѧнѣ** — **ἐλαία**; **завѧдовѧ** — **Ζαβεδαῖος**; **кѧсарѧ** — родит. ед. — **Καίσαρεῖας**; **прѣторѧ** — **πραιτωρίου** и др. В Марининском и Зографском кодексах эти слова передаются неодинаково: и с **ѧ** и с **ѣ**. Такое колебание в передаче представлено

и в окончании и в корне: *галилем* (родит. ед.) — *галилѣмъ*, преторъ — прѣторъ. Примеры с *ѣ* и с *ѣ* в этих случаях не указывают на изменение гласного *ѣ*. В этих написаниях *ѣ* обязано было переписчику или справщику, который стремился внести дифференциацию в славянский текст (писать *ѣ* в соответствии греческому *αι*) подобно дифференциации греческого текста, где различались *αι* и *α*, хотя в то время греческое *αι* имело значение гласного *ε*. Непоследовательность такой искусственной дифференциации была обусловлена проникновением элементов живого произношения этих слов с *ε*. Отражение такого произношения, *ѣ* вместо *αι*, славянские переводчики и справщики могли найти и в греческих оригиналах.

§ 175. В старославянских памятниках не отразилось изменение *ѣ* (вместо *ѣ*); он оставался гласным *ѣ*: — *мѣсто*, *нѣмъ*, *лѣто*, *жѣнѣ*, *рѣцѣ*. Различие в судьбе *ѣ* в м. *ѣ* и в судьбе *ѣ* в м. *'а* (*нѣмъ*, *вѣнѣ*, — *кон'ѣ*) обусловлено было тем, что неодинаково, повидимому, было образование этих *ѣ*: гласный вместо *'а* был ближе к среднему ряду, чем *ѣ* в м. *ѣ*; кроме того, неодинаковость палатализации перед этим *ѣ* имела значение в судьбе этих гласных: перед заменителем давнего *'а* согласный был более мягким (был палатальным), чем перед заменителем давнего *ѣ*; после палатального согласного происходил процесс диссимилиации, — процесс диспалатализации гласного *ѣ* или *ѣ*, подобный давнему доисторическому процессу изменения *ѣ* в *а* при таком условии (*stojati*, *kričati*...). Итак: *kon'ѣ* или *kon'ѣ* → *kon'a*. *ѣ* же, как заменитель давнего *ѣ*, не находился после палатальных согласных; согласный перед этим *ѣ* образовывался не при высокой палатализации; мягкость его была средняя (обозначим ее условно маленькой буквой *с*, а не апострофом *'*): *p'ѣmъ* (*нѣмъ*), *d'ѣlo* (*дѣло*). Происходило взаимное приспособление артикуляции согласного и гласного. Такой гласный *ѣ* был представлен всеми группами славян болгарских и на севере от Дуная, и у Балкан, и во Фракии, и в Македонии, и в Греции, и в Албании: славянская топонимия в Румынии, Греции, Албании, славянские слова с *ѣ*, находящиеся в румынском, новогреческом, албанском языках, с *ѣ*, переданным посредством *ѣ* (*ѣа*) или *а*, — судьба *ѣ* в разных болгарских группах свидетельствует о таком образовании *ѣ*, — об *ѣ*. Примеры топонимические и лексические были указаны выше: см. § 7.

Только в одном фонетическом условии обнаружилось ранее, чем в других положениях, изменение *ѣ*: в сочетании *ѣѣ*. В этом

сочетании $з \rightarrow а$ в зависимости только от отвердения $ц$, — от отвердения, происшедшего раньше, чем отвердение шипящих согласных: $цѣна \rightarrow цана$, $цѣлоунте \rightarrow цалоунте$. Результат такого изменения обнаружился не в старославянских памятниках, а в среднеболгарских (Добрейшово ев. XIII в.). Но несомненно, процесс изменения $цз$ по направлению к $ца$ действовал в фонетической системе некоторых болгарских групп и в XI—XII вв.

Грамматик Константин Констанчский (конец XIV—первая половина XV в.), знавший хорошо болгарскую речь, указывал, что в то время $з$ имел широкое произношение, $ѣ$, и таким образом следует произносить эту букву $з$, а не смешивать ее с $с$, как это допускали сербские писцы, и не растлевать писания. Звуки, близкие к $з$, он указывал в тамошних балканских языках: в турецком $кѣнь$ — „я“ (1 л. ед. ч.), в греческом $крѣсъ$ (т. е. $κρέας$ — „мясо“), в румынском $кѣ$ (т. е. bea — „пить“): $ѣѣ ѡупниши съ ѣ$, или $ѣѣ рѣши ѣѣ съ ѣ глѣть, съ ѣ не мѡжешн прѣво рѣшн, съ ѣ же тако глѣть$.

§ 176. В среднеболгарскую эпоху и позднее, в разное время, во отдельных болгарских группах, в одних раньше, в других позднее, происходило общее изменение $ѣ$ ($\ddot{a}$). Направление этого изменения было такое.

1) $ѣ$ ($\ddot{a}$) $\rightarrow е$ во всех положениях. Так в говорах западной Болгарии, Македонии, Албании. В полосе говоров, находящихся в западной Болгарии, в соседней части восточной Македонии, $цѣ$ ($цѣѣ$) ранее общего изменения $а$ в $е$ заменилось посредством $ца$: $цана$. Но в то время было еще $хлѣб$, $сѣно$ ...

2) $ѣ \rightarrow е$ в одних фонетических условиях (перед мягким согласным или перед слогом с гласным переднего ряда), $ѣ \rightarrow 'а$ в других условиях (перед слогом с гласным непереднего ряда или в закрытом слоге перед твердым согласным: $недел'а$, $верен$, $бели$; $б'ал$, $л'ато$. Так на востоке Болгарии, в Прибалканье.

3) На юго-востоке Албании (в районе Корчи) и на юго-востоке от Солуня (в Родопском крае) находится $'\ddot{a}$ во всех положениях.

По говорам на юго-востоке Болгарии и на северо-востоке ее наличие $\ddot{a}$ обусловлено таким фонетическим положением: перед слогом с гласным переднего ряда или перед мягким согласным: $л'ѣтен$, $б'ѣли$, $нед'ѣл'а$. В других положениях $\ddot{a} \rightarrow 'а$ (или $'\ddot{a}$, $'ъ$ — вне ударения): $б'ѣли$, но $б'ал$.

Замены гласного ѣ (ѣ) в современных болгарских группах также свидетельствуют, что в ранней фонетической системе их этим заменам предшествовал гласный переднего ряда â.

На звуковое значение гласного ѣ в старославянском языке, как на гласный â, указывают и древнерусские и древнесербские рукописи.

В языке восточных славян образование ѣ было иное: это был гласный закрытый, произносившийся при подъеме языка, более высоком, чем при е, — гласный ê (e'). В старославянских памятниках нет написаний, которые указывали бы на гласный ѣ вместо ѣ в речи их писцов. В русских же рукописях встречаются написания с ѣ вместо ѣ. При этом смещение ѣ и ѣ находится главным образом в словах, которых не было в обыденной речи восточных славян, — в словах церковных, книжных. Восточнославянские писцы при передаче этих слов руководствовались не своим произношением (с ê), а тем произношением, которое они слышали от своих учителей, от славян, прибывших из Болгарии. То было произношение с â, — с гласным, который русские книжники передавали буквою ѣ, так как гласный е был ближе к â, чем ê (e'). — Арханг. ев. «ѣтъ», «ѣтъ», «ѣтъ», «ѣтъ»; Сборн. Святосл. 1073 г. гн'ѣтъ, ѣтъ, ѣтъ, ѣтъ, ѣтъ. В речи восточных славян слово, соответствовавшее старославянскому ѣтъ, представляло иное образование: ѣтъ, послухъ. Словам же с суффиксом -ѣе соответствовали восточнославянские с суффиксом -ѣе ('ѣе). Часто писали русские книжники ѣ вместо ѣ в передаче старославянского рѣ в соответствии восточнославянскому ере. Реже находятся в русских рукописях примеры с ѣ вместо старославянского ѣ в соответствии восточнославянскому оло: на-среду, требу, трево, жребни, урѣсь в Сборн. Святосл. 1073 г. и др.; павелы, павенни, ѣвекостъ ед, привѣтъ в Минеях 1095—1097 гг.

Возможно, что написание с рѣ вызвано тем же, чем вызвано и написание с рѣ в соответствии русскому оро и южнославянскому ра: в ст.-сл. градъ, врата — в русск. городъ, ворота. Стремясь подражать старославянской передаче, русский книжник писал свое слово без гласного перед р: гродъ, врата. Параллельно с этим он писал и рѣ, пропуская знак для первого гласного в русском ере: ерема, ереки. Причина того, что написания с ѣ в русских рукописях находятся реже, чем рѣ, заключалась в том, что в речи русского писца не было слов с ере, которое соответствовало бы старославянскому ѣ, а были слова с оло: павелы,

полонъ — в ст.-сл. *пльвалъ, пльнѣ*. Объяснять же частое написание с *рѣ* при редком с *лѣ* тем, что в произношении славян из Болгарии русские книжные люди слышали *р* твердым перед *ѣ*, а *л* мягким, не представляется возможным: данные болгарской диалектологии не дают основания для такого объяснения; перед *ѣ* все согласные в болгарских диалектах представляли мягкость, такими они являются и до сих пор не только перед *'а* вместо *ѣ* (*бр'аг*), но и перед *ѣ*. Так по говорам Солунского и Леринского районов на юго-востоке Македонии; так в болгарском говоре изолированных сел на юго-востоке Албании, — в районе города Корчи: *b'āgam, l'āto, r'āka, r'āč, ped'āla*, повелит. накл. *pos'ājle*. Так и в говорах Родопского края на юго-востоке Болгарии и на северо-востоке, к югу от Дуная: *p'āsni, l'āten den, vr'āme*, повелит. накл. *plet'ātel gor'ātel pišātel*

Часто встречаются в русских рукописях написание с *е* в формах с основами *телес-*, *делес-*: *телесе, телеса, телесьныи, делесе*, но с *ѣ* в написаниях форм *тъло, дѣло*. Можно полагать, что в речи русского писца были формы, вновь образованные от основ *дѣло, тѣло*: *тъла, тѣлу, дѣла, дѣлу*... вместо основных *тѣлесе* и т. д. Формы *тѣлесе, дѣлесе* считались книжными, старославянскими, произносившимися по болгарскому образцу *t'ā-, d'ā-*, что книжник и в произношении и на письме передавал посредством *тѣ-, дѣ-*. И памятники сербо-хорватские XIV—XVI вв., написанные на юге, где *ѣ* изменился в *је*, и современные сербские говоры юга также представляют такие книжные формы, с гласным *е*: *telesas, telesne*. Но в именительном единств. ч. применялось что имя в местном звуковом виде: *tijelo* (*tijelo*).

Нередки в русских рукописях написание дат. и местн. единств. числа личных местоимений *тѣбе, себѣ* вместо ст.-сл. *тѣбѣ, себѣ*. В написаниях русского книжника отразилось смещение книжных форм родит. ед. с дат.: в его речи форма дат.-местного имела вид *тѣбѣ, себѣ*; встретив в старославянской рукописи форму *тѣбѣ, себѣ*, русский переписчик мог счесть ее за форму родительного единств. (*тѣбе*).

Написания форм сравнительной степени и повелительного наклонения с *ѣ* вместо *ѣ* после шипящих и после *ј*, — написания, встречающиеся в русских рукописях XI—XII вв., были перенесены из старославянских оригиналов; а там они отражали речевую черту, но не фонетическую, не результат изменения *а* в *ѣ*, а морфологическую — *множьшиа, покажьте, пишѣ* и др.

Древнесербские рукописи также указывают на то, что в старославянском языке ѣ произносился не так, как сербский соответствующий гласный. В сербском языке это был гласный, как и на славянском востоке, — гласный ê. Стремясь к книжному произношению некоторых слов, сербские книжные люди подставляли для старославянского ѣ свой гласный е, как это было и в книжной среде восточнославянской: к этому гласному был ближе ѣ (ā), чем к сербскому ê (e'); произношение же старославянских слов с ѣ могли слышать ранние сербские писцы от лиц, прибывших из Болгарии, из Македонии и утверждавших среди сербов письменность на старославянском языке. В Мирославовом ев. (XII в.) нет примеров, которые указывали бы на изменение в сербском языке гласного ѣ. Написания с е вместо ѣ имеются в этом памятнике. Но такие написания относятся к передаче форм и слов, перенесенных из старославянских оригиналов. Так, встречается написание формы сравнительной степени с е после шипящих: *множеншихъ* (176^{об.}). Такой формы, с гласным е, не было в сербском языке; но в старославянских памятниках они отражаются, — с ѣ: *множаншихъ*... С ѣ пишутся они иногда и в сербском памятнике. Такого же значения и передача повелительного наклонения с е: *ѡузишь* (127): в старославянском оригинале было *ѡузишьъ*, — с ѣ (вместо ѣ) морфологического происхождения, как отмечено было выше. Сравните и восточнославянские параллели в передаче этих форм, — параллели, идущие от старославянских источников с ѣ = ā, произносившимся в сербской и русской среде как е, а не как свой ѣ = ê.

По-книжному, с е, произносили в сербской среде слова с корнем *вѣт-*. Такое произношение отразилось на письме Мирославова ев.: *отвѣдати, ѡуѣщати, съѣщати, ѡвѣть, ѡвѣта*. С гласным е произносили в книжной сербской среде слова с этим корнем и позднее, как указывают грамоты XIV—XV вв. с чертами таких сербских говоров, в которых в то время на месте ѣ произносился је, і.

Как уже было выше отмечено, книжного происхождения были у сербов и хорватов формы *telesa, telesne*, при форме существительного в именительном единств. числа *tijelo*.

Ранее общего процесса изменения в артикуляции гласного ѣ происходило изменение в положении после ц и по другим славянским языковым группам, — изменение в таком же направлении, как и в болгарских диалектах: в связи с отвердением согласного ц произошло понижение в артикуляции гласного ѣ. Такое

изменение происходило и на славянском востоке, в группах южно-великорусской и северновеликорусской, и на юге, в группах сербо-хорватских. В северновеликорусских говорах, в которых замена гласного ѣ является в виде ê, е, і, находится иной результат в судьбе гласного ѣ после ц: ѣ в этом сочетании (цѣ), вследствие отвердения ц, понизил свою артикуляцию: ѣ → е или ä. Такой же процесс происходил и в южновеликорусских говорах, как подробнее об этом говорится в моем курсе истории русского языка. Позднее по северновеликорусским говорам ца̑ → ца: цалова́ти, цалко́вой, цана. В других северновеликорусских говорах слова с *це-* вошли в ряд со словами, представлявшими гласный *о* вместо давнего *е* перед твердым согласным; стали произносить *цо-* и вместо *це-* из *цѣ-*: цоловати, цолковой, — без цоловань — в Стоглаве (XVI в.), не чолоую — в Новгородской 4-й летописи.

На такой процесс в изменении сочетания *цѣ* в областях сербских указывает Мирославово ев. своим написанием *цѣлывати*. Эта передача указывает на фонетическую черту (*це-*) и на морфологическую (глагольное новообразование с суффиксом *-ыва-*, *-ива-*). Такое изменение пережито было не только в сербском говоре писца Мирославова ев., но и в говорах других сербо-хорватских областей: глагол *celivati* представляют не только говоры на востоке сербской области (с *е* вместо ѣ), но и на юге (с *је* вместо ѣ).

ж, а.

§ 177. В системе старославянского языка были носовые гласные. Один из них был заднего ряда, другой переднего. Можно полагать, что после палатальных согласных произносился носовой гласный не заднего ряда, а переднего или среднего: *chran'ǫ* или *chran'ǫ̆*. В глаголице для передачи этих гласных служили знаки **Ѣ** для носового гласного заднего ряда, **Ѧ** для замены носового гласного заднего ряда после палатальных согласных, **Ѣ**, **Ѧ** для носового гласного переднего ряда. В кириллице — ж, ѡ, а, ѡ.

Название буквы для носового гласного „юс“ прошло сербскую или восточнославянскую языковую среду, с *у* вместо носового гласного заднего ряда. Название буквы ж (ѡ) представляло не только звуковой вид *жсъ*, но повидимому и *жсъ* („юс“). См. ниже, § 200а. Начертания глаголических **Ѣ** и **Ѧ** ясны по их происхождению: первый состоит из **Ѣ** (*о*) и **Ѣ**; второй — из **Ѣ** (*е*) и **Ѧ**. Одинаковая вторая часть начертания для того и другого юса указывает на

общий элемент передаваемых звуков, на носовое произношение их. Эта часть служила иногда и для передачи согласного *н*. Так неоднократно передан *н* в слове *ангелъ* в Синайской пс.: **ⲛ ⲉ ⲙ ⲉ ⲛ**. Происхождение левой части глаголического йотованного юса большого неясно. В первоначальной глаголице не было **ⲉ** в значении носового гласного переднего ряда после палатальных согласных: пользовались одним знаком **ⲉⲛ**, параллельно тому, как употреблялся один знак **ⲉ** для *e* после непалатальных и после палатальных согласных, а также и для передачи *je* (*je*). Только один этот знак применялся в Киевских лл., в Синайской пс. Позднее этот знак стали употреблять в начале слова и после гласного, а после согласного носовой гласный переднего ряда стали передавать посредством одной второй части этого знака.

Знаки юсов кириллицы находились в зависимости от глаголических начертаний. В первоначальной кириллице также не было йотованного юса малого. Его нет в старославянских кириллических памятниках. В лл. Ундольского находится один знак **▲** — *дсате, са...* В других памятниках отразилась потребность в передаче йотации (i или j) перед е: введен второй знак для носового гласного переднего ряда, **▲** или **▲**. Прежний же знак **▲** применялся в значении **м** (je), а для е после согласного писали **▲** или **▲**. Так в Саввиной книге: *азыкъ, своа* вин. мн.; *нма, са*. Так и в Супрасльской рукоп. В Хиландарских же лл. **▲** употребляется в значении **м**, а **▲** особого начертания находится после согласного: *подъати, оуподѣл'ѣа, съваза са*. В Зографских лл. после гласного находится **▲**, а после согласного **▲**, как **▲** в Хиландарских лл.

§ 178. Носовой гласный заднего ряда ж представлял собою в языке славян болгарских в VIII—IX вв. носовой гласный заднего ряда лабиализованный. Можно полагать, что этот гласный был тогда не обычного образования носовой гласный ɔ, а лабиализованный носовой ɔ̃. К XII—XIII вв. определилось иное образование носового гласного заднего ряда,—образование носового нелабиализованного ɔ̃ или по говорам неносового нелабиализованного ɔ̃. После палатального согласного образование носового гласного было в среднем или в переднем ряде полости рта. На то, что ж в XI—XII вв. в болгарских говорах был носовым ɔ̃, указывает судьба его в среднеболгарскую эпоху: он заменился по говорам в разных болгарских областях гласным ɔ̃: памятники XII—XIII вв. представляют замену ж посредством ɔ̃, или пишут иногда ж вм. ɔ̃. Несколько примеров: съѣхъти (Боянское ев.

XIII в. из собрания Григоровича); *лѣжъ* в.м. *лѣжъ*; *вѣдръ* в.м. *вѣдръ*, *тъма* в.м. *тъма* из *тъма* (там же); *нѣжда* (Болон. пс. XIII в.).

На такую замену гласного *ж* указывают и все современные болгарские говоры: они представляют *ъ* или замену его (как и всякого другого *ъ* вторичного происхождения) посредством *а*, *о* (*о* в центральной части Родопской области и на западе в Македонии — в Дебре.)

В юго-восточной Македонии (по говорам Солунского края) и на юго-западной окраине ее (в Костурско-Корчанских говорах) судьба носовых гласных была такая. Перед затворным согласным в отношении небной занавески происходило то же, что и в польском языке в таком же положении: она стала опускаться не в момент произношения гласного (как это бывает при образовании носового гласного), а после него: развился вторичный носовой согласный *п*, *т* (*т* перед губным согласным). В польском языке носовые гласные *о*, *е* образуются перед *s*, *ś*, *š*, *ch*, *z*, *ź*, *ż*. Но перед затворным согласным образование носовых гласных раздвоилось на две артикуляции: гласный *+п*, *т*. Что касается гласного, то это был такой, какой произносился и раньше; но теперь он произносился при поднятой небной занавеске (при закрытом входе в полость носа). У поляков гласный *о* перед *п*, *т* в.м. *о* и гласный *е* (по диалектам *а*) перед *п*, *т* в.м. *е(а)*: *sond* (*sont*), *žond* (*žont*), *domb* (*domp*), *reŋce*, *gemba*. Так по типу варшавского произношения. Иначе в фонетике типа краковской речи: там гласные *о* и *е* назализованы: *domp*, *reŋce*. В указанных македонских говорах перед затворным согласным представлены сочетания *ъп*, *ът* вместо *ж* (может быть по говорам и дальнейшая замена гласного *ъ*), *еп* (*ān*), *ет* (*ām*) вместо *а*. Напр., *дѣмр* в.м. *дѣъ*, *гѣмба* в.м. *гѣъа*, *тѣндѣг* в.м. *мѣдръ*, *сѣт* в.м. *сѣъ*, *дгѣнк* — „жердь“ — в.м. *дрѣгъ* и др.

Гласный *ъ* или его дальнейшая замена (*а*) и *е* (*ā*) могут быть назализованы как в польской речи краковского типа (польск.-крак. *domp*, *reŋce*...). Носовой согласный элемент может быть неполного образования. Так, напр., в говоре села Бобошница и Дреновене в юго-восточной Албании, недалеко от города Корчи: *сѣт* в.м. *сѣъ*, *гѣъа*, *гов'ādo*, *з'āt* в.м. *зѣт* и др.

Гласный *ъ* в *ън*, *ъм* указывает ясно, что в предшествующей фонетической стадии был гласный носовой *ъ* (а не носовой *о*). Возможно возражение: глаголический *ѣ* указывает на какой-то гласный *о*, — на носовой *о*. На возражение заметим, что в этом

лучае наличие знака для *o* в комбинаторном начертании носового гласного не обязательно указывает на носовую *o*: ведь тот же знак находится и в написании для *ъ*: ъ.

В связи с утратой лабиального образования в гласном *ъ* перед ним гласным в начале слова появилась в XII—XIII вв. фрикативная артикуляция *v*: *qʰ* (или *ʔʰ*) → *vʔ* → *vъ*. Таким образом возникли сочетания с *v* — в начале слова: *въже* (*ъже*) — „веревка“, *въдица* (*ъдица*) — „крюк“ (в говоре района Корчи в Албании, — *đak* — „вязанка“), *въс* (*вс*) — „усы“, *вътък* — *въток* — „уток“, *въглен* — „уголь“ (*вънга* — в говорах сёл Сухо и Висохо, в Соунском крае), *въгарец* (*văgărec* — в районе Корчи) — „угорь“; *възел* — „узел“. Ср. в польском яз. *v* в соответствующих словах, возникший тоже в связи с утратой лабиализации в образовании носового гласного заднего ряда. В польском языке в давнее время носовой гласный *o* изменился в *a* (*â*), который затем олучил образование, как *o* в долгом слове, как *a* или *e* в кратком слове: *vęda* („удочка“), *vqsy*, *vqtek*, *vęg'el* („уголь“), *vęgoż* („угорь“), *vęzeł* и др.

Иначе было в середине слова после гласного: лабиальный элемент не появлялся перед *ъ* — *ъ*. Перед гласным *ъ* развилась патальная артикуляция *ɟ* или *j* — *paqʰkъ* → *raɟk* → *raɟk* (паяк — паук). Ср. и в польском языке — *raɟk*. По болгарским говорам не появлялся *v* и в начале слова. В фонетике этих говоров перед начальным *ъ* или *ъ* стало производиться образование для *ɟ* или *j*: *ɟъже* (по говорам *ɟъже* → *ɟаже*), *ɟъдица*, *ɟъзел* и др.

§ 179. Гласный *а* (ЭЕ) имел такое значение: носовой *e* (*ä*) открытого образования: *ä*. Ср. передачу ап посредством *а* в заимствованных словах: константи^на (Клоцов сб. и в др.), александр^оу Мариин. ев.). Учтите и такое явление среднеболгарской эпохи: в определенных фонетических условиях, после шипящих согласных, произошло сближение артикуляции для *а* и для *ж*, — сближение в гласном заднего ряда: *штати*, *штѣ* и др.; такое же сближение происходило при ослабленном произношении безударных местоименных энклитик *ма*, *та*, *са*: *мж*, *тж*, *сж* (в современных говорах *лъ*, *тъ*, *съ*). Такое сближение указывает, что гласный *а* был открытого образования и был близок к среднему ряду (*ä*).

И в современных говорах имеются следы, ведущие к гласному *ä* (а не к *e*): *äⁿ* (*ä^m*) или *ä* вместо *а*. Так в говорах района Корчи (Бобошница, Дреновене): *gl'äⁿda* — „глядит“, *gov'äⁿdo*, *äⁿt* вм. *затъ*; *jäzik*, *m'äso*.

§ 180. Старославянские памятники не представляют указаний на значительные изменения в образовании гласных **ѡ** и **ѧ**; нет указаний на их изменение в носовые гласные; нет указаний на их „смещение“, которое обнаружится позднее, в среднеболгарскую эпоху (XII—XIV вв.).

Отступления в отношении применения знаков **ѡ**, **ѧ** имеются в старославянских памятниках. В некоторых из этих отступлений видят отражение фонетических явлений. Мы отрицаем такое показательное значение отступлений в отношении **ѡ**, **ѧ** в старославянских памятниках. Важно такое общее указание этих памятников: отступления в отношении **ѡ**, **ѧ**, главным образом **ѡ**, представляют глаголические памятники; таких отступлений нет в памятниках кириллических, — нет потому, что не было ничего общего в написаниях букв **ѡ** и **ѡу**, **ѡ** с одной стороны, **ѧ** и **ѡ** — с другой. В глаголице же знаки **Ѣ** и **Ѥ**, **Ѣ**, **Ѥ** и **Ѥ** имеют общие черты. Все отступления в употреблении **ѡ** и **ѧ** разбиваются на 2 группы. 1) Одни из отступлений появились вследствие того, что писец спутал формы или не понял значения слова. 2) Другие отступления представляют собою описки переписчика: а) он не дописывал второй части глаголических знаков для носовых гласных, а иногда лишнюю часть присоединял к знаку для **о** или **е**, — часть в виде **ѡ** или только кружка, смешивал букву для **о** носового („юс большой нейотированный“) с буквой для **и** (в кириллице **ѡу**), не дописывал он иногда и знака для **и** (в кириллице **ѡу**), так что оставался один знак для **о** (в кириллице **ѡ**); б) он переносил букву одного слога в другой, — явление, нередкое при недостаточно внимательной переписке.

Из глаголических памятников наиболее многочисленны отступления в **ѡ** и **ѧ** в Синайской пс. и в Маринском кодексе.

В Синайской пс. в длинном ряде написаний представлено **Ѥ** (ѡ) вместо **Ѣ**; имеется немало написаний с **Ѥ** вм. юса малого нейотированного. В написаниях с **ѡ** вм. **ѡ** обычно видят указание на замену гласного **о** носового посредством **о** в говоре писцов этого памятника. На фонетическом значении написаний с глаголической буквой для **е** вм. юса малого нейотированного не настаивают, хотя и нет основания для особого выделения этой группы написаний. Не можем усматривать фонетическое значение не только в написаниях с буквой для **е** вм. юса малого нейотированного, но и для **о** вм. юса большого нейотированного в Синайской пс.

Сделаем небольшое отступление, в котором отметим одну

особенность письма Синайской пс.— особенность, в свете которой следует рассматривать и случаи отступлений в написаниях ж и л (м). Синайская пс. изобилует разными описками; они находятся тут в таком большом количестве, как ни в каком другом старославянском памятнике. Смещение букв, пропуски отдельных букв и целых слогов, лишние написания, многочисленные исправления, недописки букв, смещение форм и основ испещряют памятник. При решении вопроса о фонетическом значении написаний необходимо иметь в виду эту черту письма Синайской пс. Отметим несколько примеров.

1) Пропуск титл: гла (12 — 2 раза, 132^{об.}), церь (24) и др.

2) Пропуск букв: дргоу (8, в.м. врагоу), тве (28^{об.}, в.м. теве), тьз (21^{об.}, в.м. теъз), тьего (32, в.м. тьего), олтръ (65^{об.}, в.м. олтарь), сленъ (28^{об.}, в.м. славенъ), домъ арнь (150, в.м. аро'ъ), възвед мѣ (19, в.м. възведе мѣ), скоушѣ (11, съкроушѣ), стасъ (4^{об.}, в.м. страсъ), оусташѣмъ сѣ (103^{об.}, в.м. оустраш...), стѣлы (18^{об.}, в.м. стрѣлы), разгъдѣшѣ (91^{об.}, в.м. разгръдѣшѣ), оушѣта (101^{об.}, в.м. оуръшѣта), жезъ (92^{об.}, в.м. жезлъ) нежеж (54^{об.}, в.м. нежеж), оебѣзѣсте сѣ (114, в.м. оебѣзѣсте сѣ), възгъшѣ сѣ (141^{об.}, в.м. възгнѣшѣ сѣ), кѣнижѣмъ (52^{об.}, в.м. кѣнижѣмъ) и др.

3) Пропуск слогов: оутарѣшѣ (19, в.м. оутерѣдѣшѣ), заваѣтъ зъштѣшѣ (111, в.м. закъштѣшѣ), съкатъ (138, в.м. съкажетъ), рлетъ сѣ огнь (51, в.м. ржежетъ...), ржѣ (140^{об.}, в.м. ржѣмѣ), прърънѣ (100, в.м. пръръканѣ), оуѣ (21, в.м. оумѣмѣ), врьште (82^{об.}, в.м. врьштѣ), боѣ ждемоу (57^{об.}, в.м. боѣ тоуждемоу), възтокъ нѣца (148^{об.}, в.м. слънѣца), не поувѣнъ (19, в.м. попероувѣнъ), оуслѣтъ (122, в.м. оуслѣшѣтъ), деснѣ (76, в.м. деснѣца) и др.

Не заметил переписчик и таких пропусков, которые искажают смысл текста: зане ѣсѣмъ вѣрѣ (101, в.м. зане не ѣсѣмъ); нѣнеможете (20, в.м. и не нѣнеможете) и др.

4) Путаница в буквах. Она вызвана такими обстоятельствами:

а) Переписчик смешал формы или основы. Напр.: сѣдѣтѣ людемъ (8, в.м. сѣдѣтъ); не ѣсѣ вѣрѣ (102, в.м. не ѣсѣ...); възвѣхъ (конец строки) ржѣ твоѣ (121^{об.}, в.м. ржѣмоу твоѣмоу); възнесѣтъ (95^{об.}, в.м. възнесѣтъ); прѣвѣзѣтъ (10, в.м. при-); может быть и иного происхождения прѣ-: под графическим воздействием написания следующего слога, что весьма часто отражается в памятнике.

б) Переписчик не дописал букву. Это часто бывало в отношении ѣ: ѣзѣтъ (25^{об.}; ѣ надписано над строкой); оуслѣшѣ (13, 16, недописано ѣ); възсѣтъ (118); штедрѣтъ твоѣмъ (29); въз ѣзѣхъ (125^{об.}).

Переписывая слова с буквой для о, он снабжал иногда этот знак крючком. Иногда он замечал свою описку и стирал этот крю-

чок для ѣ. Так в слове въхѣмъ (23 об.) имеется буква со стертым крючком для ѣ, мѣмъ (53, вм. мѣмъ), крючок выскоблен слабо. Таково происхождение ѳ (ѣ) или э вм. о и обратно с буквой для о с недописанным крючком вм. ѳ (ѣ) в написаниях: въды (133, вм. воды), съхвѣса (20, вм. словеса), мѣмъ (117, вм. мѣмъ), вѣѣмъ (44 об., вм. вѣмъ), възнесетѣ сѣ (21, вм. възнесетъ сѣ).

О недописке букв могут свидетельствовать и такие примеры: на л. 14 недописана часть второй буквы э (ѳ) в слове вѣзакѣнѣтъ; недописан нижний овал в букве для о (ѳ) в префиксе до- (допѣдъ 15).

с) Случайная путаница: троухъ (103, вм. троудъ), вѣрма (110, вм. вѣрма) и др.

б) В особенности часты случаи графического воздействия следующего слога на предшествующий. Вследствие такого воздействия пишется вместо одной буквы иная (буква следующего слога), появляется лишняя буква или несколько букв: грагъ (31 об., вм. врагъ); рога (95 об., вм. рога); похнахъ (174 об., вм. познахъ); мюждю (81 об., вм. междю); кѣто (20, вм. кѣто); лѣтъ на кроу-леу (18 об., вм. крѣлеу); прѣкратѣмъ (104, вм. прѣвѣра...), въ нѣзѣла сѣдѣца (105 об., вм. въ нѣзѣла) под влиянием окончания следующего слова; ѳтъ рѣтрѣкы (25 об., вм. ѳтъ жѣтрѣкы); дѣшѣтерѣ (92 об., вм. дѣшѣтерѣ); дѣврѣ (90, вм. дѣврѣ); прѣложѣмъ троупѣ рѣрѣкъ твоѣхъ (105 об., вм. прѣложѣмъ троупѣ рѣкъ); сѣа прѣсѣдѣа (110, вм. посѣдѣа — ѳумѣѳ); хрѣрѣстѣмъ (140, вм. хрѣстѣмъ); гѣгорѣ (89 об., вм. горѣ); ѣмѣжѣтъ (105, вм. ѣмѣжѣтъ); мѣмѣмъ-ѣ-ѣ (167, вм. мѣмъ ѣ-ѣ); нѣмѣмѣго (20, вм. нѣмѣго); сѣмѣтѣа (11 об.), сѣмѣтѣа (141 об.); ѣзѣрѣа дѣа рѣа (105); лѣмѣгѣ (133, — а слегка зачеркнуто; — греч. ѳухѣро); прѣмѣсѣмъ (101; м в первом слове полустерто). Из других подобных написаний отметим только 3: въ гѣслѣхъ (127 об., вм. въ гѣслѣхъ), въ гѣслѣхъ (121 об., с лишним ѣ в первом слоге и с пропуском ѣ во втором), тѣмѣмѣ (14): ѣ переделано из р, написанного под воздействием следующего рѣ.

Вот при таких-то недописках, описках, переписках и путанице в письме невозможно безоговорочно выбрать отступления в отношении написаний с юсом большим и юсом малым нейотированными и истолковать эти отступления как отражение фонетических черт речи писателей. Нет: все случаи смешения

ѣ — э, ѣ — э являются описками, относящимися к тем рядам их, которые отмечены выше. Мы отметили многочисленные примеры путаницы букв разных начертаний. Тем легче было появиться смешению э — ѣ — ѳ, появиться при наличии общей

То же явление и в отношении Э — Эс — посредь их (176 об.,
вм. см).

Другие случаи недописанных знаков — юс большой и юс малый нейотированные: прози (137, 145 об.), вы закладшиа (141), молнто ихъ (140 об.), роками (128); лѣтъ (96); възци (1 об.); съпешти (прич. наст. вр. имен. мн.); нато (28 об., вм. наты) и др.

Историческая диалектология болгарского языка также возражает против фонетического объяснения написаний с *о* вм. *я* в Синайской пс.: нет болгарских языковых групп, которые бы указывали на *о*, как на непосредственную замену гласного *я*. Такой заменой был повсюду в этих группах гласный *ѣ* → *ѣ*. Позднее в Дебре (в Западной Македонии) и в некоторых местностях восточной Албании, в связи с местной албанской фонетикой, вторичный гласный *ѣ* всякого происхождения изменился в *о*, — в гласный, который находится там и в албанских говорах вместо *ѣ* (*ѣ* — глухой с базисом *e*) других албанских говоров.

Те же группы отступлений в отношении ж и л представляет и Мариинский кодекс с тем отличием от Синайской псалтыри, что тут писец смешивал юс большой нейотированный чаще со знаком для и (ю), юс большой йотированный с буквой для ю и реже не дописывал вторую часть в юсе большом нейотированном, т. е. писал только э (ю): *сжж ржж* (вм. *соухж...*); *мжж* (дат. ед.); *доуноу* (вм. *доуж*); *слоука* (Лука, XIII, 11) — „согбенная“; но это прилагательное своим необычайным значением привлекло внимание переписчика, и он исправил опisku: знак для и (ю) заменил посредством юса большого нейотированного; *вжръ, жжамтъ, джжъво, лжбжю, вж нжжж* и др.;

О (у): бодеть, соднѣть, прикосноса, раздѣвахѣ и др.

Недописывался иногда и знак для и (ю): помилон (вм. помилонун), охѣ (вм. оухѣ), оуеникъ (вм. оууеникъ) и др.

Смешивались также **э** и **ѣ**: **гроуѡу** (вм. **гробу**), **поуѡутати** (вм. **пооутати**).

Если бы в говоре писца Мариинского кодекса не было носового гласного *ѡ*, то не было и носового *ѡ*: в славянских языках положение небной занавески было одинаково в образованиях замен *ѡ* и *ѡ*: если небная занавеска не опускалась при произношении заменителя гласного *ѡ*, то она не опускалась и при произношении заменителя гласного *ѡ*. Между тем, писец Мариинского кодекса ни разу не спутал *ѡ* и *ѡ*, — не спутал потому, что это были разные гласные: один носовой гласный, другой неносовой.

Но почему нет графического смешения, подобного тому, какое отмечено было в Синайской пс.? Нет потому, что в Марииинском кодексе буква юс малый нейотированный имела значение $\text{и} = \text{je}$, употребляясь в начале слов и после гласного, а после согласного в этом памятнике, как и в других глаголических, пишется знак ѣ , графически не похожий на Э . В Синайской же пс. юс малый нейотированный был единственным знаком для носового гласного переднего ряда.

Следует принять во внимание и другие языковые черты, отразившиеся в Марииинском кодексе, главным образом замену ѣ и ѥ в сильном положении: многочисленные примеры их замены посредством ѣ , ѥ указывают на юго-западные болгарские области. В таких областях, в которых были бы о , е вместо ѣ , ѥ и гласный у вместо ѣ , нет ни в Болгарии, ни в Македонии, ни в Албании.

В Зографском и Марииинском ев. встречается особый значок для глаголического ѣ , с дужкою у левой стороны ѣ . Такой значок написан в передаче немногих примеров причастия наст. вр., в именительном ед. мужск. рода: гра ѣ а (вместо грады), ѣ а (вместо сы), ѣ а (вместо ѣ а) (Зограф.). Как ниже показано (§ 214), этот значок ѣ указывал на твердое произношение предшествующего согласного: grędę , а не gręd'ę .

В памятниках отражается и изменение в образовании гласного ѣ в этой форме: в Марииин., Ассеман., Син. пс., Син. тр. находятся примеры с ѣ : гра ѣ а, с ѣ а, ж ѣ а, стр ѣ а. Гласный ѣ появился здесь не от прочих форм причастия (гра ѣ ѣа, гра ѣ ѣю), а представлял собою результат фонетического изменения гласного ѣ после твердого согласного.

§ 181. сѣбота — сѣбота . „Суббота“ в языке кирилло-мефодиевских переводов называется сѣбота . Представлено оно было ѣ в мужском роде: сѣбота (Син. тр.). Образцом было народно-греческое σάββατον . В Марииинском кодексе это слово передано с сѣ : сѣбота . Так и в Син. пс. В таком звуковом виде это слово проникло в некоторые старославянские памятники в областях моравских или паннонских, где оно было иного происхождения, — из латинской терминологии этих и соседних юго-западных областей: слав. сѣбота восходит к латинскому слову sabbata (именит. множ. к sabbatum).

§ 182. ѣ — ѣу . В старославянских памятниках, глаголических и кириллических, имеются слова, переданные с ѣ и с ѣу :

мѣдѣти , мѣуѣти — „медлить, мешкать“;

пѣдѣти, поудѣти — „принуждать, заставлять“;

гнѣшати, гноушати — „пренебрегать“.

В этих словах носовой гласный появился вместо *и* вследствие ассимиляции с предшествующим носовым *м*, *п*. В других славянских языках эти слова представлены с давним *и*. Показательны соответствия словинского языка (*nuditi* — в словинском языке *о* вм. *о*) и польского (*nudzić*). Но в польском языке, как и в старославянском, находятся слова не только с *nud* (*nuda* — „скука“, *nudzić* — „возбуждать отвращение“), но и с *nęd* вместо более раннего *pod* (*nędza* — „нужда“, *nędzić* — „доводить до бедности“). На то, что сочетания с *и* (*nud-*) не явились в давнее время вместо *pod*, может указывать и готское соответствие, с *paud-*; *paudithaurfts* — „нужда, потребность“, немец. *Notdurft*.

сѣмьнѣти(сѣ), *соумьнѣти(сѣ)* — „сомневаться, опасаться“. Обычно объясняют это *соу-* диссимиляцией со следующим *м*: *сѣмь* → *соумь*, но неясным остается при таком объяснении, почему появился гласный *оу*, а не иной гласный заднего ряда (*ѣ*, *ѡ*). Кажется, будет ближе к истине полагать, что *соу-* в этом образовании не фонетического происхождения, а то же, что и в *соу-гоуѣ* (*соугоуѣ*). Это значение *су-* представлено и такими прилагательными в болгарских говорах: *суголѣм* — „довольно большой“ („суголѣми уши“); *сумалечок* — „маленький“ (из Македонии). Славянскому *su* соответствовало в др.-индийском *sū* (*ū* — ступень редукции дифтонга *ou*, *au*). Значение же этого *sū* было такое: „хорошо“.

§ 183. *-мѣнѣти*, *-мѣнѣти*. В старославянских памятниках глагол „помянуть“ встречается в двух вариантах относительно гласного после *м*: *помѣнѣти*, *помѣнѣти*. В гласном *ѣ* видят результат диссимиляции носового гласного *ѣ* со следующим носовым *н*. Полагаем иное происхождение этих вариантов: они были разного образования: *помѣнѣти* давнее образование, с *-мѣнѣти*, как и в слове *вѣмьнѣти*, восходящее к *-mēn-*; ср. др.-верхн.-нем. *meīnan* „думать“, „сказать“, др.-сакс. *mēnīan*. Образование *помѣнѣти* не первоначальное образование, а возникло от основы *mē*, как в образовании *рѣмѣти*. Были по славянским языкам и более поздние образования от слова, заменявшего собою ранее *рѣмѣти*: ср. болгар. *памет* и глагол *паметувам*, *паметвам* — „памятую, помню“, сербо-хорв. *рѣмѣти* и глагол *рѣметовати* и др. Были такие давние образования, в которых основа была некогда с инфиксом *п* или без него. Таково происхождение основ с *ѣ* или с *ѡ*, в в словах: *сѣдѣти* — *сѣсти*, *оѣрѣдѣти* — *оѣрести*, *сѣрѣдѣти*, *лѣдѣти* — *лѣсти*.

Неясно происхождение звуковых вариантов с ѣ в старославянском языке, с а в русском и сербском языках в таких случаях:

1) в наречии *прѣмо* — ст.-сл., *прѣмо* — др.-русск. и др.-сербск. *сѣмо* — в древнесербском Мирославовом ев., с ѣ вместо а);

2) в суффиксе прилагательных — *ѣнѣ* в ст.-сл., *анѣ* в др.-русск. др.-сербск.: *камѣнѣ* — *камѣнѣ*, *мѣдѣнѣ* — *мѣдѣнѣ* и др.;

3) в суффиксе существительных -*ѣнинѣ* (*ѣнинѣ* после палатальных), -*ѣнинѣ*: *самарѣнинѣ*, *граждѣнинѣ* — *самарѣнинѣ*.

Полагают, что некогда в доисторическую эпоху не одинаково менялся по славянским группам долгий *ѣ* перед носовым согласным: в одних группах он изменился в *ѣ* (ѣ) перед всеми гласными (после палатального согласного *ѣ* еще ранее изменения в *ѣ* получил открытое образование — а: *kričati*, *gordjaninѣ* г.-сл. *граждѣнинѣ*); в других славянских группах *ѣ* перед носовым гласным назализировался, — стал гласным *ѣ*: *grѣмо*, *kamѣнѣ*.

Мены ж и а, при определенных условиях отражающейся среднеболгарских памятниках XII—XIV вв., не было в старославянском языке IX—XI вв. Только в одном положении, после твердого согласного в форме именительного пад. единств. м. мужского рода причастия наст. вр., а стал близок к ж: *радѣнѣ*), см. выше.

Русские рукописи XI в., списанные с южнославянских оригиналов, также не представляют указания на смешение ж с а. Немногочисленные случаи отклонения в употреблении ж или его русской замены ѣ и в употреблении а или его русской замены ѣ появились вследствие непонимания текста или вследствие пропусков. Например: *творѣти* ж вместо *творѣти* а; *хѣнѣ* *хѣнѣ* да *творѣ* вместо *творѣти* (Арх. ев.). Писец, не вникнув в текст, в первом случае подставил местоимение в форме множественного числа (а) написал по своему произношению ж. Спутал он тут и форму редшествовавшего слова, написав *творѣти* вместо *творѣти*. В другом случае он прочитал глагольную форму как форму 1 лица единств. числа (*творѣ*) вместо 3 лица множеств. числа. Другие случаи (их немного) „смешения юсов“ (их русских замен) совсем не показательны. Нет указания на мены ж и а и в старославянском оригинале сербского Мирославова ев.

ѣ, ѣ.

§ 184. В системе старославянского языка были редуцированные гласные: заднего ряда ѣ, переднего ряда ѣ. Составитель

глаголицы для передачи этих звуков воспользовался буквою ѣ (ѣ):
ѣ для ѣ, ѣ для ѣ.

Начертания *ѣ, ѥ* послужили образцом для *ъ, ь* кириллицы. Были еще редуцированные *ы, и*; но о них говорится в следующем разделе.

Во 2-й половине IX в. в славянском говоре, легшем в основу кирилло-мефодиевских переводов, редуцированные гласные были в тех же положениях, в каких они находились и в более раннее время. Об этом с несомненностью свидетельствуют старославянские памятники. В Киевских листках эта норма соблюдена во всех многочисленных случаях их применения (за исключением двукратного написания *ъъхъ* — написания, представляющего опisku; см. § 28, 1). В других памятниках имеется много отступлений от прежней нормы в отношении *ъ*, *ь*. Но длинный ряд написаний, перенесенных из более ранних оригиналов, свидетельствует о наличии *ъ*, *ь* в тех положениях, в которых они были и в доисторическое время в славянских языковых группах. Итак: как и раньше, были в IX в. сочетания, напр.: *върати*, *зъвати*, *сѣпати*, *сѣхъ*, *мъного*, *тѣхъ*, *рѣхъ-тѣхъ*, *правдѣхъ*, *сѣхъ*, *принѣхъ*, *днѣхъ*, *вѣхъ* и др.

Кроме давних славянских ѣ, ѥ, в системе старославянского языка были ѣ, ѥ такие, которые появились при передаче заимствованных слов,— появились для избежания закрытости слога и некоторых групп согласных, как это отмечено было выше, см. § 36. Напр.: *псалмъ* — греч. *ψαλμός*; *органъ* — греч. *ὄργανον*; *каперъна-ѹмъ* — *καπερναούμ*; *ег'ѹпѣтъ* или *ег'ѹпѣтъ* — *Αἴγυπτος* и др. Выше было отмечено, что написание ѣ, ѥ в передаче этих слов указывало действительно на редуцированные гласные, которые затем разделяли судьбу, одинаковую с ѣ, ѥ более давнего происхождения: ср. замену их в сильном положении гласными ѡ, ѡ в глаголических памятниках: *псалмъ*, *ег'ѹпѣтъ*, *землю* *ег'ѹпѣтъска* или *ег'ѹпѣтъска*. О том, что и перед слогом с гласным полного образования был ѣ, ѥ в таких словах, могут свидетельствовать такие написания XI в: *ѡ псалмѣтъри* (Син. пс.), *ѡ* вместо *ѡ* указывает на утрату редуцированного гласного в слове *пѣ-псалмѣтъри*.

В немногих случаях вторичный гласный *ъ* появился еще ранее в языке группы славян, предков славян болгарских, — в передаче сочетания *ai-* перед согласным в начале слова: *алькати*, *альднн*, *альннн* и, может быть, в середине некоторых слов: *зальтарннъ*, *сальтннн*.

В XI в. обнаружались результаты изменения в редуцированных гласных,—изменения, подготовлявшего в течение длительного периода времени. Эти результаты в языке болгарском, как и в других славянских, весьма сильно изменили фонетическую систему. Изменился звуковой облик слов: после утраты ъ, ь многочисленные слова стали оканчиваться на согласный; стали возможны такие сочетания согласных, которые избегались раньше: пс, вн и др.

Старославянские памятники XI в. представляют указания на такие изменения в отношении ъ, ь: 1) на утрату ъ, ь, 2) на смещение ъ, ь 3) на замену ъ, ь гласными о, е.

§ 185. 1) Утрата ъ, ь происходила в определенных условиях,—в таких, в каких утрачивались ъ, ь и в других славянских языках: в конце слова и перед слогом с гласным полного образования или с ъ, ь сильными, т. е. не подвергшимися утрате: *мѣного* → *много*, *бѣрати* → *брати*, *правдѣнѣ* → *правдѣн* → *правден*, *писати* → *писати*, *зѣло* → *зло*, *зѣлѣ* → *зѣл* → *зол* и т. п. Положение, в котором происходила утрата ъ, ь,—положение для слабых ъ, ь. Старославянские памятники XI в. представляют многочисленные примеры утраты слабых ъ, ь. Меньше примеров с отсутствием ъ, ь в конце слова. Но малочисленность написаний без ъ, ь в конце слов не имеет фонетического значения. Книжнику было легко запомнить правило, что в конце слова следует писать ъ, ь. Немало написаний без ъ, ь в конце слова находится в Ассеманьевом кодексе: *градѣт*, *глаголютъ*, *живот*, *работ*, *лѣт* и др.

Утрата ъ, ь перед слогом с гласным полного образования происходила в болгарских говорах, отразившихся в старославянских памятниках, не одновременно во всех словах. При некоторых условиях редуцированные гласные утрачивались раньше, в других позднее. Повидимому, не одновременно во всех словах (во всех положениях) они утрачивались и в других славянских языках. Были такие фонетические условия, при которых ъ, ь утрачивались раньше сравнительно с общим фонетическим процессом утраты ъ, ь в слабом положении. Полагаем, фонетические условия, благоприятствовавшие более ранней утрате артикуляции для ъ, ь, были такие.

а) Нахождение ъ, ь в начале слова между такими согласными (разумеется, если далее следовал гласный полного образования): п-с, п-ш, п-т, м-н, в-с. Наибольшая частота пропуска ъ, ь в рукописях наблюдается между этими согласными. Пропуск ъ, ь в этих случаях восходил к тем более ранним рукописным оригиналам,

в которых слабые *ъ, ь* еще не совсем были утрачены между другими согласными: *псати, пшеница, птица, много, все* и др.

б) В суффиксе перед сонорным *н, л* (далее следовал гласный полного образования). Многочисленны примеры пропуска *ъ, ь* в передаче прилагательных *върна, правьдна (праведна), подобно*.

в) В конце слова: *градет, работ...*

г) Более ранняя утрата *ъ, ь* перед слогом с гласным полного образования была обусловлена не только артикуляцией соседних согласных и положением в начале слова, но еще иным обстоятельством: значением слова, способом его произношения. Выше, в отделе о возникновении редуцированных гласных (§ 88—90), и в пункте о конце слова (§ 152—153) отмечена была ослабленная артикуляция при произношении некоторых слов-частиц, некоторых наречий, местоимений, слов счета (числительных), слов-обращений, титульных слов. При таком произношении происходила редукция слова в отношении артикуляционном. Результаты редукции бывали и бывают разные. Одним из таких результатов является ослабление гласного полного образования или его утрата. Редукция в таких условиях, в связи со значением слова, переживалась всеми славянскими группами,— переживалась в разное время — и задолго до общего процесса ослабления и утраты *ъ, ь* перед слогом с гласным полного образования и после этого процесса. К ранним результатам редукции, связанной со значением слов и ослабленным его произнесением, относится редукция, пережитая именем *čelověkъ* в южнославянских языках. В IX в. в области славян Болгарии это слово произносилось без *ь*: *человѣкъ*, как свидетельствуют все памятники старославянского языка. (На славянском востоке в то время и позднее это слово произносилось без результата редукций: *человѣкъ, чолвѣкъ*.) Гласные *ъ, ь* перед слогом с гласным полного образования произносились в особенности слабо в местоимениях, в наречиях. В IX в. гласные *ъ, ь* в этих частях речи еще были, по крайней мере в речи славян Солунского района. Но в местоимениях и наречиях, в связи с более слабым их произношением сравнительно с именами, глаголами, происходила утрата их,— происходила ранее общего процесса утраты слабых *ъ, ь*. Много примеров с утратой и со смешением *ъ, ь* представляет Зографское ев.—памятник довольно консервативный в отношении передачи слов с *ъ, ь*. Несколько примеров: *ито, уто, кде, тѣмю* (вм. *тѣтъю*), *когда, тогда, иногда, въсегда—всегда* и др.; *празднникъ, празднныи*;

празникъ, праздни. В старославянских памятниках находятся такие 2 варианта имен: 1) праздникъ, праздни, непраздна („беременна“). Так в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом и Остромировом ев. 2) Представлено это имя и с сочетанием зп: праздниъ (Ассеман. ев., Саввина кн.), праздни, непразна (Саввина кн.).

Едва ли сочетания с -зп- явились вследствие фонетического изменения -здън-. Вероятнее полагать, что это — давние образования с разными суффиксальными элементами: с -ьп- и с -п-: porzdyп и porzdp → porzp. На давние варианты porzdyп- и porzp- могут указывать их замены в древнерусском языке, отразившиеся в древнерусских рукописях: порождатьъ, порозитъ в Уставе патриаршей библиотеки № 330, XII в. Перед палатальным п' (из п' в суффиксальных элементах -пј-) z → ž в давнее время. И на это указывают древнерусские рукописи и современный русский язык: опорожняють в Уставе патриаршей б-ки № 330, соврем. русск. порожний, опорожнять, порожняком.

Во второй половине X—в XI вв. на Русь приходили с юга, из Болгарии, книжные люди вместе со старославянскими рукописями. Среди этих рукописей были и такие, в которых отражалась утрата ъ, ь в слабом положении, как можно судить по русским копиям с этих рукописей. Таким был оригинал Сборника Святослава 1073 г. Написания без ъ, ь здесь многочисленны.

Русские рукописи XI—XII вв. представляют определенные указания и на то, что процесс утраты редуцированных гласных в старославянском языке (как и в других славянских языках) проходил не в одинаковой степени интенсивно во всех случаях. В некоторых условиях ослабление артикуляции было более значительно, и гласные ъ, ь утратились раньше, чем в других положениях. И русские рукописи указывают на такие положения, в которых ъ, ь утрачивались раньше, чем осуществился общий процесс утраты ъ, ь перед слогом с гласным полного образования.

а) В начале слова между п-с, п-ш, п-т, м-н, в-с. С пропуском ъ, ь в этом положении были старославянские рукописи и у русских книжных людей XI—XII вв. В некоторых из русских списков, при написаниях с ъ, ь перед слогом с гласным полного образования, встречаются написания без ъ, ь в начале слова в указанном выше положении. Так, например, в 1-м почерке Арханг. ев. пси, птица, вси и в ряде других русских рукописей XI—XII вв. представлены многочисленные примеры с про-

пуском ъ, ь в этих сочетаниях. Из Слов Кирилла Иерусалимского: *многъ, птица, всего, вселенныя* и др.

б) Многочисленны написания форм с утраченным ь в суффиксах с сонорным н, л перед слогом с гласным полного образования: *оумна, върна, подобно, тъмннца, (тъмннца), козлнца* (Арханг. ев.).

в) В конце слова: *сътвориѣ* (Арханг. ев.), *разѣум, отълеуѣиѣса гъл'* (Сборн. Свят. 1073 г.).

г) В местоимениях и наречиях, в связи с ослабленным произношением их. Во всех русских рукописях, кроме Остромирова ев., представлены многочисленные примеры без ъ, ь в местоимениях: *миѣ, мною, кто* в наречиях *тъмю* (вм. *тъмюю*), *дондеже* (вм. *дон'ѣдеже*). Так в разных древнерусских рукописях, в том числе и в первом почерке Архангельского ев. при редком пропуске ъ, ь в других случаях.

Может быть, не все написания с пропуском ъ, ь в этих положениях перенесены были из старославянских оригиналов: некоторые из них могли отражать соответствующее явление речи восточного славянина. Но детали совпадения слов и форм с утраченными ъ, ь в русских рукописях, с одной стороны, и в старославянских — с другой, указывают, что во многих случаях написания с пропусками ъ, ь перенесены в восточнославянские рукописи из старославянских оригиналов. Так было с написаниями разных форм местоимения *всь, всьего* и др. Даже в Остромировом ев. (в первом почерке) находится это местоимение без ь: *в'семоу, всакъ*. Весьма часто представлено это местоимение без ь в других русских рукописях. По образцу старославянских оригиналов без ь передано в некоторых русских рукописях и именит. единств. мужск. р. *в'сь* или *вь* (Сборн. Святосл. 1073 г.). Ср. *в'сь* в Зограф. ев., *вь* в Саввиной кн.

Деталь совпадения написаний в древнерусских текстах с текстами старославянскими отражается в пропуске ь в формах *дне, дни* и др. и в передаче формы именительного единств. без ь в корне: *днь*. Такая передача появилась в старославянских текстах, — появилась вследствие уравнивания звукового вида основы по другим формам, как в местоимении *вс-его, всь*. В виде *днь* эта форма находится в Зографском ев., в Саввиной кн. и в русском Сборнике Святосл. 1073 г.

Во всех этих случаях пропуска ъ, ь такое же показательное значение представляет и текст древнесербского памятника письменности — Мирославова ев. И в этом памятнике чаще всего

отсутствует ъ, ь в начале слова между пс, пш, пт, мн, стъ (пшн, пшеница, птица, створити, много); местоимение кто написано без ъ 141 раз и только 3 раза в виде кѣто; также почти последовательно мнѣ, мною (мною); местоимение всего, всемоу и др. в 405 случаях без ь и только в 48 написаниях с ь.

§ 186. В некотором фонетическом положении редуцированный ъ перед слогом с гласным полного образования оставался и после окончательной утраты слабых ъ, ь. В этом гласном ъ в таком особом положении был не только *давний ъ*, но и *сопавший с ним давний ь*. Так, по диалектам был ъ между д-ф, т-ф, д-н, т-м, т-н, м-ст, м-зд, м-г, а- начального слога перед слогом с гласным полного образования: дѣшери, дѣшница, тѣша „теща“, тѣшаниз, дѣно, тѣм, тѣмѣ, тѣмѣти (прѣтѣмѣни), мѣстниш (вм. мѣстниш), мѣзда, мѣгла (вм. мѣгла), лѣсти. С гласным ъ такие сочетания сохранялись и позднее в языке славян болгарских: тѣкъ, тѣчеш, тѣкач („ткач“), дѣштерѣ, дѣно, дѣниште, пѣси сине! („собачий сын!“ — при ругани), именит. мн. пѣсове — песове, мѣгла, мѣглив — на востоке Болгарии; мѣгла — магла, могла — (с гласным о в Дебре, на зап. Македонии), тѣшча, (тѣшта) — ташча (ташта) — тошта (с о в Дебре, — „старуха“, вместо тѣшча с тем же гласным и форма для имени мужского рода — тѣст — таст, тост — „старик“, вместо тѣстѣ).

Показательно в этом отношении и древнесербское Мирославово ев. (XII в.): при частых пропусках ъ, ь в слабом положении последовательно переданы со знаком редуцированного гласного сочетания лѣж- (лѣжа, лѣжи...), лѣст- (лѣсти, прѣлѣшени), мѣзд- (мѣзда...), мѣст- (мѣсти...), тѣф- (тѣша, потѣшася, отѣштети). Со знаком редуцированного гласного переданы и формы имени дѣшн (дѣшн, дѣшерь...). Некоторые из таких написаний соответствовали сербской речи того времени: лѣсти, лѣжа, тѣшта („теща“), отѣштети[ѣ]. Но написаний дѣшн, дѣшерь не было в сербской речи. Эти написания взяты из старославянского оригинала. Находились в этом оригинале и сочетания с ъ в указанных выше словах. Подобное явление представлено и в других славянских языковых группах. Так было у словаков (дѣска, позднее daska и др.), у полабян.

§ 187. 2) Смешение ъ, ь. В старославянских памятниках XI в. обнаруживается весьма часто смешение ъ и ь: написан ъ вм. ь и обратно. Смешанное применение ъ и ь вызвано было разными причинами.

а) ѣ вместо ъ в сильном и слабом положении, после ш, ж: шѣтъ, пришѣан, шѣстѣи; жѣзла, жѣнѣ — *δερῖζω*. Это — несомненно фонетическая черта: результат воздействия шипящих согласных ш, ж на следовавший за ними ъ, который становился в этом положении веляризованным, близким к ѣ. Такое же воздействие шипящих отразилось и на том гласном â или â (средний ряд), который был раньше вместо а после палатального согласного: шѣ → ша, жѣ → жа; таша, ѡужасѣ (см. выше в отделе о ѣ). Несколько позднее веляризирующее воздействие согласных ш, ж сильно отразится на а: ша → ша, жа → жа (XII — XIII вв.). Веляризация гласных ъ, ѣ (вм. 'а) могла не быть связана с отвердением ш, ж: и после мягких ш, ж, как и после ј, бывал подобный процесс веляризации: ср. давний доисторический процесс изменения ё в а после ј, љ, љ, љ. Изменение шѣ в шѣ — процесс, отразившийся с несомненностью в языке писца Саввиной книги. Отмеченные выше примеры взяты отсюда. Такое явление отразилось в ряде случаев и в восточноболгарском оригинале Остромирова кодекса: шѣзѣ, сѣрѣзѣ, нашѣ, кокѣшѣ, дѣжѣ, матѣжѣ и др. Немногие примеры такой замены ъ в сильном положении имеются также в Марииинском кодексе, в Синайском требнике: шѣзѣ, пришѣша... часты в Супрасльской рук. (там же шѣзѣ...). Ряд написаний с шѣ, жѣ представляют и другие памятники, — но представляют в слабом положении: дѣжѣникѣ, грѣшѣнѣмѣ, нашѣ, мѣжѣ. Нет уверенности, что написания с ѣ в этом положении отражали когда-то соответствующее фонетическое явление: такие написания могли появиться позднее, после утраты слабых ѣ, ѣ, — появиться вследствие путанного их применения в письме.

б) Смещение *ъ*, *ь*, бывших в слабом положении,—смещение, вызванное утратой их. Отсутствие в языке гласных звуков в этом положении, недосмотр по отношению к оригиналу (переписчик читал чаще целые слова, а не отдельные буквы)—все это имело следствием пропуски *ъ* и *ь* и смешанное их употребление: дѣни — дѣни — дни, зѣриши — зѣриши, въсѣхъ — въсѣхъ — всѣхъ, дѣва — дѣва — дѣв, мѣного — мѣного — много и мн. др.

ъли; дѣва — дѣва; вѣрѣни — вѣрѣна; бѣрати, вѣдѣница и т. п. В. Ягич другие лингвисты полагают, что такая мена отражала соответствующее явление речи: ассимиляцию слабых *ъ, ь* со следующим слогом; это была своего рода гармония гласных. Явление же это относилось ко времени более раннему, чем время написания дошедших до нас памятников, — ко времени, когда в фонетической системе были еще *ъ, ь* в слабом положении. Во время же написания дошедших до нас памятников слабых *ъ, ь* уже не было в речи. Поэтому нет выдержанности в передаче мены *ъ, ь* в зависимости от следующего слога. Пишут *дѣва* и *дѣва*, *дѣни* и др. Но отмечают для более раннего времени и две группы сочетаний, в каких эта мена не отразилась:

1) после задненебных согласных *к, г* написан *ъ* и перед слогом с гласным переднего ряда: *кънижъниѣтъ, къназь — къназь, къде, жгъниѣтъ*;

2) после палатальных согласных пишут *ь* и перед слогом гласным заднего ряда: *ка'въотина, домоу коуп'ьнаго, запл'ьваша, оидон'ьшамъ, тѣто, вращьно, рождѣство* и др.

В подтверждение того, что мена *ъ, ь* в зависимости от следующего слога представляла собою когда-то фонетическое явление, ссылаются на такие написания: *въртопъ* (в Син. пс.) — вертеп, пещера^а, предполагая, что такое сочетание (с -*о*-) получилось вместо *въртѣпъ*, а это вместо более раннего *въртѣпъ*; ср. русск. вертеп. Получилось же *въртѣпъ* (с -*тѣпъ*) от косвенных падежей: *въртѣпа, въртѣпоу* вследствие обобщения основы в одинаковом звуковом виде. Следовательно, в косвенных падежах был гласный *ъ* в м. *ь* перед слогом с гласным заднего ряда.

въпа'ь вместо *въпа'ь* (Савв. кн.), при среднеболгарской книжной передаче *вѣпа'ь*.

сѣдоуъ — род. множ. (Син. пс.) вместо *сѣдѣуъ*, а это по аналогии к другим формам: *сѣдѣа, сѣдѣах...* в м. *сѣдѣа, сѣдѣах*.

възъмн, възъмѣтъ (напр., Марин. кодекс). С последними формами сопоставляют диалектические болгарские формы *везми* (по некоторым говорам Софийского района и в северносолунском эле Сухо).

Нам неясно происхождение написаний *въпа'ь* и *сѣдоуъ*. Что же касается *въртопъ*, с *о*, то, несомненно, гласный *о* не из *ъ*, а продолжал собою такой же гласный (*о*) доисторического времени. Гласным *о* это слово было в разных местах болгарских славян, и на юго-западе и на северо-востоке. Этим именем называли

и некоторые пункты поселений, в гористых ущельях. Так было у славян Албании (соврем. Vrtop). Так у славян Болгарии, — в Видинском и Софийском районах. В говорах этих местностей Болгарии замена сильного *ъ* не *о*, а *ѣ*. Так и к северу от Дуная. Многочисленные топографические имена в Румынии: *Vîrtopul*, *Vîrtuápele*, *Hîrtopul* — свидетельствуют об этом. Тут тоже славянские элементы не указывают на *о* из *ъ*. В давних славянских группах образование этого слова было с разным гласным после *t*: *e* — *о* — *ѣ*: *vyrtěъ* — *vyrtopъ* — *vyrtьъ* (чередование гласных).

В языке старославянских памятников был представлен с разными гласными и суффикс в слове *скѣдаль* — *хѣраѣос* — „черепок“, „черепица“: -*ел-*, *скѣдаль* в Марини., -*ол-*, *скѣдаль* в Зограф., -*ѣл-*, *скѣдаль* в Саввиной кн., -*ѣл-*, *скѣдаль* (винит. множ.) в Ассеман.

Болгарское диалектическое *везми* появилось не в результате фонетического процесса вместо *възми*. Формы глагола *възати* в говорах Болгарии и Македонии разнообразны по своим элементам. На этих формах отразились результаты фонетических и морфологических процессов.

1) Результат фонетического изменения представляют формы аориста и причастия с *з*: *зех*, *зе*, *зелъ* вместо *възакъ*, *въза*, *възакълъ*. Утрачен *в* и в формах *въземеш* — с основою *ем-*, как *емати* (плоды *емати* (Савв. кн.): *земеш*, *земе*. Основа *зем-* обобщена и для других форм: *земи!* — повелит. накл. В таком виде эти формы являются общераспространенными на востоке и на западе Болгарии и в Македонии. Утрата *в* в сочетании *въз* пережита всеми болгарскими группами, как и утрата *в* в сочетании *вс-*: *секи* — „всякий“.

2) По говорам юго-восточной Македонии представлены формы *зева* — 3 ед., *зеви!* — повелит. накл., — с суффиксом *ва*, — продуктивным в болгарской глагольной системе: *чуваш*, *купва...* Ср. контекст из Леринского края (в южной Македонии): *си зевал пу двај-сетина пари на ден и на вечера си купвал [х]лепче* — „брал по 20 денежек в день и вечером покупал хлебца“.

3) *зве*, *звел* при формах *зева*, *зеве* — в южной Македонии.

4) *вземеш*, *везми* — в немногих солунских говорах; *взе* — аорист, *везехте*, *везели* — в говорах Софийского района. В формах наст. вр. и повелит. накл. в софийских говорах употребляется только основа *земе*: *земеш*, *приземе*, *земи!* С *зе-* бывают там и формы аориста и причастия: *зех*, *зе*, *зел*.

5) *вени!* — повелит. накл., в говоре солунского села Сухо.

Оставляя пока в стороне солунское возьмеш, наблюдаем, что в говорах Македонии и Болгарии все формы образованы от основы с утраченным ъ: в[ъ]з-, з-. Полагаем, и вез не представляет собою замены въз из въз: образования с ве появились при фонетической тенденции этих говоров сохранить губно-зубную артикуляцию в вз: эта артикуляция стала сопровождаться артикуляцией гласного, который был во многих формах после з: зе, земеш — окружающих говоров.

Форма вени! связана с формами возьмеш: отсутствует з подобно сочетанию излени! вместо излѣзни!

Вопреки В. Вондраку, Н. Ван-Вейку, считаем тезис Авг. Лескина („Archiv für slav. Philologie“, XXVII, 345—349) относительно мены ъ, ь в старославянских памятниках более обоснованным, чем фонетическая теория В. Ягича и его последователей. Авг. Лескин склонялся к такому мнению: эта мена не была вызвана изменением гласных ъ, ь в слабом положении в зависимости от следующего слога; эта мена — явление более позднее, относившееся ко времени, когда слабые ъ, ь были уже утрачены. Если и была зависимость этой мены от следующего слога, то эта зависимость была не та, о какой думал В. Ягич: она указывала на твердость или на мягкость согласного, после которого писался ъ (после твердого) или ь (после мягкого); мягкость же согласного в одних случаях была давней, в других она появилась под влиянием следующего смягченного согласного. Итак: дѣни могло обозначать д'н'и; зѣли — з'л'и, зѣло — злѣ с твердым з и т. п.

При таком понимании мены ъ, ь будет понятно отсутствие ее после к, г и после палатальных согласных: к, г не палатализировались перед мягким согласным (книга — на письме кѣнига); прежние палатальные согласные были мягкими и в XI в. (кроме ч, з, ѣ, которые по диалектам отвердели); поэтому и писали ь после л', н' независимо от образования следующего слога (с гласным переднего и заднего ряда). Палатальность согласного не препятствовала веляризации гласного, как не препятствовала ей и в других языках, где действительно была пережита веляризация: ср. русск. мѣшѣкъ → мѣшѣкъ, мѣшок...

Отметим еще один факт графики в отношении мены ъ, ь. В Супр. рук. почти последовательно, за исключением весьма немногих случаев, предлог „к“ в сочетании с местоимением ѡмѡу, ѡн, ѡмѡ, ѡнѣ передается без ъ: к ѡмѡу, к ѡнѣ, к ѡнѣмѡ... как и князь. Писец не находил нужным писать какой-нибудь знак после к,

так как в этих сочетаниях был обычный твердый согласный и. Иное отношение писца было к передаче сочетаний того же местоимения с предлогом „в“: он также последовательно пишет **въ**; пропуска **ь** нет: **въ н'сѣмъ**, **въ н'си**, **въ н'шъ**, **въ н'в...** В этих сочетаниях не был обычный твердый **в**, а был мягкий **в'**, в передаче которого нельзя было ограничиться написанием **в**, а нужно было еще написать **ь**: **ьъ**.

§ 188. 3) **ъ**, **ь** в сильном положении. Это было положение, когда в следующем слоге находился **ъ** или **ь** слабый или редуцированный и слабый: **вънъ** (после **в**), **тъкъмѣ** (после **т**), **шѣдъ**, **шѣдъша** (после **ш**), **върънъ** (после **р**), **коньць** (после **н**), **прншьльць** (после **л**), **тъстнѣ** (после **т**) и т. п. Еще было одно фонетическое положение, в котором **ъ**, **ь** были сильными: в начале слова под ударением: **дъсѣмъ**. В тех же условиях **ъ**, **ь** были сильными и в других славянских языках. В сильном положении **ъ**, **ь** в болгарских языковых группах, отразившихся в старославянских памятниках XI в., имели такую замену.

а) **ъ** → **о**, **ь** → **е**. Так в глаголических памятниках. Киевские листки сюда не относятся. Исключаются также македонские глаголические отрывки: Македонский листок и Охридские отрывки: в них недостаточно данных, чтобы судить о судьбе сильных. Отметим примеры из Синайской пс.

ъ: **вонъ** = **вон**, **вѣпъль**, **дѣждъ**, **зѣлъ** — род. множ., **лѣмъ**, **сонъ**, **сонъе**, **нсохъ** (ВМ. -**сѣхъ**);

сѣзъда = **созда** (ВМ. **сѣзъда**), **солъгашмъ**;

вѣзъдахъ = **возвах**, **вѣзгрьмъ**, **вѣзъмъ**, **вѣнъмъ**, **во сѣмрътѣ** = **во смрти**, **во мнѣ**, **во нъ же дѣнъ** (ВМ. **въ н'ъ же дѣнь**), **во вѣжъ**, **во сѣвѣтъ**, **во тѣмъ**, **во крѣбѣ**, **во стѣзѣхъ**;

ото вѣстоа = **ото всток**, **ото вѣсѣхъ**, **ото сѣрмшѣ**;

крѣпѣкъ (ВМ. **крѣпѣкъ**), **крѣтѣкъ** (ВМ. **крѣтѣкъ**), **пѣсѣкъ**, **устѣрѣтокъ**, **пѣутокъ**.

ь: **вѣсь дѣнь** (ВМ. **вѣсь дѣнь**), **мѣстѣника**, **лѣстѣ**, **лѣстѣмъ**, **тѣмънѣ** = **темна** (ВМ. **тѣмъна**), **отсѣствѣ**, **отъ стѣзѣ**, **пѣсѣмъ моухъ**: **нѣустѣмъ**, **прншьльцѣ**, **сѣнѣмъ** = **снем** (ВМ. **сѣнѣмъ**, „собрание“), **но** — **сонѣмъ** = **сонма** (ВМ. **сѣнѣмъ**);

вѣурѣнъ (ВМ. **вѣурѣнъ**), **красѣнъ** (ВМ. **красѣнъ**), **мѣдѣнъ**, **подѣвѣнъ**, **прѣвѣдѣнъ** (ВМ. **прѣвѣдѣнъ** — „справедлив“), **но** — **прѣвѣдѣнъ** = **правед'нѣ**;

конѣць = **конец** (ВМ. **коньць**), **прѣвѣнѣць**, **тѣлѣць** = **телец** (ВМ. **тѣльць**), **прншьльцѣ** = **пришлец** (ВМ. **прншьльць**; но ср. отмеченное выше **прншьльцѣ**).

Знаки ѣ, ѡ писались в Син. пс. иногда в значении о, ѡ: естъ-становъ (48^{об.}) вместо естъ-становъ; отъ бышедъшнхъ (38^{об.}) вм. отъ-бышедъшнхъ; о нмъ (78^{об.}) = о н'ем (вм. о н'емъ).

Подобные примеры с о, ѡ вместо ѣ, ѡ в сильном положении представляют и другие глаголические памятники XI в. Только в Зографском кодексе таких примеров мало. В небольших македонских отрывках нет достаточно данных по вопросу о сильных ѣ, ѡ. В Македонском листке нет слов с сильным ѣ; немногие примеры с ѡ сильным не отклоняются от обычной орфографии. В Охридских отрывках вместо сильного ѡ есть ѡ, а слов с сильным ѣ нет.

На гласные о, ѡ вместо сильных ѣ, ѡ в языке писателей глаголических рукописей указывает и такое морфологическое явление, находившееся в связи со звуковым видом слов в разных их формах, — слов, имевших в одних формах ѣ, ѡ сильные, в других ѣ, ѡ слабые: сънъ — съна, днь — дне, върънъ — върна. В XI в. такие формы имели звуковой вид сон — сна, днъ — дне, върнъ — върна. По образцу чередования форм с о, ѡ и без о, ѡ появились формы с „беглыми“ о, ѡ и в других случаях, в которых эти гласные не восходили к ѣ, ѡ. Такое явление отразилось в говоре писца Синайской псалтыри: врьма — им. вин. множ. 136^{об.}, на камнѣ 52. Это — не описка. То же явление отразилось и на имени демонъ — δαιμόνιον: и пожръша („и принесли в жертву“) сѣтъ своа и дѣшвери своа демонъ, 140. Ср. такое же явление в судьбе некоторых слов с давними е, ѡ в русском языке: ледъ — леда, камень — камне, ровъ — рова стали изменяться подобно словам с е, ѡ вместо ѡ, ѡ: лёд — л'да, камен' — камн'а, ров — рва.

Старославянские рукописи македонского происхождения, с о, ѡ вместо ѣ, ѡ сильных, были под руками и в Южной Сербии. Следы их отразились в древнейшем сербском памятнике, в Мировославовом ев., — отразились в ряде написаний с о, ѡ вместо ѣ, ѡ: ланотъ, созда, сонмишнхъ, вонъ (вм. вонъ из вѣнъ), сънемъ (вм. сънемъ из сънмъ — „собрание“), праведъна и др.

б) ѣ → ѣ, ѡ → ѡ. Редуцированный гласный заднего ряда не подвергся значительному изменению в укладе языка и губ; но он стал полнее в своем образовании, сохранив прежнюю характерную черту — более короткую вибрацию голосовых связок. Такая замена сильных редуцированных гласных отразилась в Супрасльской рукописи. Во всей рукописи нет примеров с заменой ѣ сильного посредством о. Только в 3 словах оказалось ѡ: в суф-

фиксе -ок- прилагательного *крѣпокъ* (464) и -ов- в.м. -ъв- в прилагательных *любѣтъни* (166), *смоковѣнаго* (345). Повидимому, эти слова не находились в связи с результатом фонетического процесса, пережитого в говоре писца: слова с основами *любѣв-*, *смоков-* были словами книжными, идущими из глаголических оригиналов с *ѡ* вместо сильного *ъ* или были словами книжного языка, формировавшегося там, где *ъ* в сильном положении изменился в *ѡ*. Прилагательные с суффиксом -ок- находятся и в среднеболгарских рукописях, при этом в таких, которые изготовлены писцами, не имевшими *ѡ* вместо *ъ*; то же явление представляют и современные восточные болгарские говоры, в которых нет *ѡ* в.м. *ъ* (сын, дъжд). Образование прилагательных на -ок- распространилось от таких прилагательных, как *высокъ*, *широкъ*, *жестокъ* с давним -ок-; с таким же суффиксом стали образовывать и другие прилагательные: *крѣпокъ*, *кротокъ*. В отношении сильного *ъ* многочисленные примеры с *ѡ* свидетельствуют о фонетической черте писавшего (Супр. рук.) — *ъ* → *ѡ*: *темници*, *темьници*, *дньсь*, *мсть*, *шедь*, *правдѣни*, *конецъ*, *силень* и многие др. Так в первой части рукописи (до стр. 285 по изданию Северьянова). Но во второй части примеры с *ѡ* редки. Повидимому, перед писцом был оригинал, не представлявший такой замены сильного *ъ*.

Вероятно, одну группу с Супрасльской рукописью составляют листки Ундольского и Хиландарские. Они также представляют примеры с *ѡ* в.м. *ъ* в сильном положении. Но примеров с *ъ* в сильном положении в этих отрывках нет. Предполагаем только, что *ѡ* в.м. *ъ* в них не было, подобно данным Супрасльской рукописи.

в) *ъ* → *ъ*, *ь* → *ь*. Таковы данные Саввиной книги. Сюда не относятся формы имен существительных на -*ьмь* (творит. ед. и дат. множ. в основах на -*ъ* и на согласный), на -*ьхъ* (местн. множ. в тех же основах): *именемь* (и — *именьмь*, *именьмъ*), *людехъ*, *временехъ* и некоторые другие.

Эти формы образованы вновь, по образцу форм с давней основой на -*jo* (-'ъ, -'ѡ): *кон'емь*, *кон'емъ*, *отьцемь*, *пол'емь*...

Находится *ѡ* и в двух основах слов книжного происхождения: *смоковни*, *смоковѣнна* (-ов-), *книжовы* — *тоѡ хѣрусу* (книжь, книжьсь — *χῆρουσος* — „дань, подать“).

Не представляют замен *ъ* и *ь* в сильном положении и Зографские листки. В Македонском кириллическом листке один знак *ъ* для *ъ* и *ь* во всех положениях.

Надпись Самуила 993 г. не представляет данных для определения судьбы **ѣ** и **ѥ** в живой речи того времени. В немногих имеющихся тут примерах **ѣ**, **ѥ** во всех положениях, в слабом и сильном, употреблены правильно. Только в одном случае написан **ѣ** вместо **ѥ**: **накрѣстахъ**, **рѣ** вм. **рѥ**. Если процесс утраты слабых **ѣ**, **ѥ** после **р**, **л** проходил одновременно с утратой **ѣ**, **ѥ** и в других сочетаниях, то можно полагать, что уже в конце X в. слабые **ѣ**, **ѥ** были утрачены. Следовательно, такие написания, находящиеся на этой плите, как **ѣтъца**, **азѣ**, **ниѣди**[кта], представляли собой только орфографию.

§ 189. Глаголические памятники с заменой сильного **ѣ** посредством **ѡ**, сильного **ѥ** посредством **ѡ** были написаны лицами, происходившими из Македонии или из нынешней юго-западной Болгарии. Мы располагаем памятниками XII — XIII вв., написанными в Македонии (Охридский апостол, Болонская пс., Битольская триодь и др.). Они представляют ту же замену **ѣ** и **ѥ**, как и глаголические памятники XI в.: **ѡ**, **ѡ**. О той же замене свидетельствуют и современные говоры Македонии и юго-западной Болгарии.

Супрасльская рукопись отражает говоры восточноболгарской области. Среднеболгарские памятники, происходящие из восточной Болгарии, представляют такую же замену **ѣ**, **ѥ** в сильном положении — **ѣ** → **ѣ**, **ѥ** → **ѡ**: **сѣнѣ**, **кряпѣнѣ**, **денѣ**, **силенѣ**. Такое же указание извлекаем и из современных восточноболгарских говоров: **сѣн**, **дѣжд**, **тѣкмо**, **ден**, **вѣрен**, **силен**.

К какой области относился говор, отразившийся в Саввиной книге и в Зографских листках? Памятников среднеболгарских с такой судьбой **ѣ**, **ѥ** в сильном положении (**ѣ** → **ѣ**, **ѥ** → **ѡ**) не известно. Нет и говоров, в которых были бы представлены гласные **ѣ**, **ѥ** вместо сильных **ѣ**, **ѥ**. Повидимому, продолжатели говора, отразившегося в Саввиной книге и в Зографских отрывках, восприняли в течение времени некоторые черты соседней диалектической области, в том числе замены сильных **ѣ**, **ѥ**: или восточноболгарские или юго-западноболгарские, вероятнее восточноболгарские (**ѣ** → **ѣ**, **ѥ** → **ѡ**).

Примечание к предшествующему отделу. Смещение **ѣ** и **ѥ**, вызванное разными причинами, повело к тому, что в некоторых памятниках XI и последующих веков стали пользоваться одним знаком, **ѣ** или **ѥ**. Так, в лл. Ундольского, за исключением немногих случаев с **ѥ**, пишется **ѣ**, в кириллическом Македонском листке применяется только **ѥ**.

§ 190. Кроме редуцированных њ, ѣ, в старославянском языке, как и во всех других славянских языках, были редуцированные ŭ (ы) и і. В характеристике языковых процессов доисторической эпохи отмечены были фонетические условия, при которых появились эти редуцированные ŭ, і: вместо њ, ѣ перед j (і) и перед і: mъjŭ → mŭjŭ, dobrъ-i → dobrŭi, vъ-inŭ → vŭinŭ, dobrъ-ichъ (родит. множ.) → dobrŭichъ, mъ-i (mъ-іi) → mŭi (повелит. накл.), bъjŭ → bŭjŭ, sin'-ъ-i → sin'ŭi, sin'-ъ-ichъ → sin'ŭichъ, znamenъje → znamenŭje, bratъja (bratъja) → bratrŭja (bratŭja), bъ-i (bъ-іi) → bŭi (повелит. накл.), sqdy (sqdyi) → sqdŭi (именит. ед.) и т. п.

Эти редуцированные в старославянских памятниках передавались посредством *ы* и *и*: *крышн*, *добрын*, *выннж* („всегда“), *вынннж*, *вынннжн* (Син. пс.), *добрынхъ*, *крын* (повелит. накл.), *болнн*, *братнн*, *внншн*. Но это не были обычного образования гласные *ы*, *и*, как в словах *сынъ*, *бытн*, *внтн*. Это были гласные неполного образования, похожие в акустическом отношении на *ы*, *и* по причине высокого подъема спинки языка, при каком произносились эти гласные (под воздействием следовавшего образования *j*, *i*). О том, что это были редуцированные гласные, свидетельствуют следующие обстоятельства.

В старославянских памятниках представлена и иная передача этих гласных — посредством ъ, ь: нарѣтѣти и нарѣтѣи, гостѣи и гостѣю, люди (родит. мн.) и людѣи, абию и абѣю, пию и пѣю, зѣваню и зѣваню, ѿ коури зѣпѣти, по коури зѣпѣти (последние 2 примера из Син. тр.). Но передача посредством ъ, ь в некоторых случаях представляла обычного образования гласные ѣ, ѥ (как показано будет ниже).

Еще более показательным такое свидетельство о редуцированности *ы*, и в указанных выше сочетаниях: перед слогом с гласным полного образования такой гласный и утрачен был ко времени написания дошедших до нас памятников XI в., т. е. это был гласный неполного образования, находившийся в слабом положении (примеров с *ы* в слабом положении нет). Вот несколько примеров, ясно указывающих на утрату редуцированного *ы* в слабом положении. *голиъ* (Зограф.) *вм.* *ѣлиъ* (*въ-лĭja*); *кренне* *вм.* *ѣрнне*; *вснъвъшю* *вм.* *ѣснъвъшю* (примеры из Клоц. Сб.); *неуветиъ* *вм.* *неуѣтиъ*, *во снъ*, *ѣо тѣмъ свѣтъ* (Син. пс.); *привъствено* *вм.* *привѣстѣне*, *кренне*, *іс трестнъ*, *трестнъ* *вм.* *трѣстнъ*.

донне нши, цѣлѣниѣ, любѣвиѣ вм. цѣльѣниѣ, любѣвиѣ (Син. тр.). прише-
ственѣ, нашествѣ, цѣсарственѣ (Супр. рук.) и др. Гласные ѣ, ѡ в вм. ѣ, ѡ
появились потому, что в следующем слоге произошла утрата
редуцированного гласного. Это был редуцированный и, как вспо-
минает о нем традиционная графика, копируя прежние написания
-ниѣ, -нѣ... Писец иногда писал и ѣ, ѡ в этих случаях, тоже не
обозначавших в XI в. гласного звука в слабом положении.
Например: донѣ вм. дѣниѣ, лѣстѣ вм. лѣстниѣ, брѣнѣ (Клоц. Сб.,
Мариин., Син. пс., Син. тр.), сонѣ (Син. пс.). Знак ѣ или ѡ в этих
написаниях в XI в. имел то же графическое значение, как в на-
писаниях земѣиѣ, земѣиѣ: он указывал на наличие і (j) после со-
гласного: лѣст'-jѣ, зем'-jѣ.

Итак, в XI в. редуцированный гласный и в слабом по-
ложении не существовал в фонетической системе говоров,
отразившихся в старославянских памятниках: было тогда зна-
мен'је вм. знаменниѣ, брат'ја вм. братниѣ, здрав'је вм. здравниѣ.

Такой же процесс пережит и другими южнославянскими и
восточнославянскими языками (за исключением некоторых запад-
ных хорватских говоров и некоторых словинских). У западных
славян и в некоторых говорах хорватских и словинских процесс
проходил иначе: там рано произошла утрата і между гласными;
два гласных, из которых предшествующий мог быть редуциро-
ванным і, стянулись в один долгий гласный: znamen'je → zna-
men'ie → -n'ē, znamen'ia → -n'ia → -n'ā...

§ 191. В сильном положении редуцированные были при
таких условиях: а) в начале слова под ударением, б) перед і,
который в заударном слоге после гласного становился реду-
цированным (а позднее неслоговым). В таком положе-
нии редуцированные ѣ, и стали обычными ѣ, и полного образова-
ния. Так было в истории всех славянских языков.

а) мѣиѣ, мѣиѣши; бѣиѣ, бѣиѣши; мѣи (повелит. накл.), бѣи (повелит.
накл.).

б) добрыи (=dobyri вм. dobyři); бол'ни (=bol'ii вм. bol'ii).

На письме эти ѣ, и передавались попрежнему, буквами ѣ, и.

Стяжение. Сочетания ѣі, іі или позднее уі, іі подверглись
ассимиляции и стяжению в один гласный ѣ или и. Именит. ед.
добрѣ, другы, нѣмы, боли, боли, трети; повелит. накл. оумѣ (Зограф.);
кѣ (местн. ед.; именит. кѣ в вм. vŭja — „шея“); сѣди в в. сѣди;
мѣни в в. мѣни (последние примеры из того же памятника),
кѣи в в. кѣи.

Так было и в других славянских языках.

Если же стяжения не происходило, то редуцированный *i* (из *i*) становился неслоговым: *imyī* → *imuj*, *piī* → *pij*, *dobyī* → *dobryj*.

Формы повелит. накл. с *-uj*, *-ij*, (*myi!* *bij!*) находятся в разных славянских языках. Но формы именит. ед. мужск. рода прилагательных на *-uj*, *-ij* (*dobryj*, *sin'ij*) представляют только восточнославянские группы (в русском языке с дальнейшим изменением сочетаний *uj*, *ij* всякого происхождения в *oj*, *ej*: *dobroj*, *sin'ej*). В других славянских языках эти формы представляют результат стяжения, указанного выше: *dobyū* (*dobry*), *sinī* (*sini*), *pěši* (*pěši*).

В старославянском языке, по указанию памятников XI в., нередко были представлены формы в именах существительных без результата стяжения и без изменения гласного *i* в *j*. Напр.: ♦ *спасени*, на *распятихъ* и т. п., но и: ♦ *спѣсєнни*, на *распѣтнѣхъ*... В последнем написании (с *-ни*) может отражаться графика более ранних оригиналов; но такие написания могли служить и для передачи сочетаний: ♦ *спасєн'jн*, на *распѣт'jнхъ*. А такие сочетания — с *i* (или с *j*) перед окончанием — появились вследствие обобщения основы в одинаковом звуковом виде: как в родит. *спасєн'ja* (вм. *спѣсєнѣjа*), как в дат. *спасєн'ju*, так и в местном: *спасєн'ju*.

Сравните отсутствие стяжения и в таких формах, как *вѣн*, *братѣн* (дат. и местн. ед.) и т. п. Причина наличия *-ѣн*, *-ни* та же, что и в предшествующих примерах, т. е. объединение основы в отношении звукового вида ее: как в именит. *вуja*, в родит. *вуjє*, основа *вуj*- и в дат. местном: *вуj-i* (*вѣн*); как в родит. *bratjє* (вм. *bratijє*), в винит. *bratjō* (вм. *bratijō*), так в дат. местном *bratji*.

В старославянских памятниках сложные формы прилагательных представлены с результатами стяжения *-ѣн* в *-ѣ*, *-ни* в *-н*: *добрѣхъ*, *добрѣмъ*, *тоуждѣхъ*, *тоуждѣмъ*. Но имеются и формы с *-ѣн*, *-ни*: *добрѣнѣмъ*, *тоуждѣнѣмъ*. Эти последние формы могли быть перенесены из более ранних оригиналов; но были и такие случаи, когда формы на *-ѣн*, *-ни* (*-ѣнхъ*, *-ѣнѣмъ*) представляли собою выражения соответствующего явления современной речи: то были образования нового формирования, под воздействием форм местоимений *ихъ*, *имъ*, *имѣмъ*: *добрѣнхъ*, *добрѣнѣмъ*... Связь сложных форм прилагательных с формами местоимений отражалась в разные периоды во всех славянских языковых группах, связь в том или ином направлении. Ср. в севернорусских говорах формы

позднейшего происхождения на -оему, -ым, -ых (-ыјех)...: в другѡјом мѣстѣ, за нѡвым домом, нѡвыјех домов.

В старославянских памятниках находится наречие *вѣннѣ* и с дальнейшим результатом *вѣнѣ* — „всегда, постоянно“. Иная судьба была сочетания предлога *въ* с именем истина: тут происходила только ассимиляция с *и* (*въ истинѣ*, *въ истинѣ*), но не представлено *въ* *вм.* *вѣи* (*кѣстинѣ*), не представлено потому, что сочетание с предлогом *въ* или *в* не отрывалось от прочих случаев применения этого имени, — случаев беспредложных; сочетание *вѣистинѣ* не стало обособленным наречием, каким стало *вѣнѣ*, а потому не произошло и объединения *вѣи*-*н*[*стинѣ*] в *вѣи*(*стинѣ*). Но по говорам *вѣи*-*н*:*стинѣ* отрывалось от формы истина, истинѣ... и становилось наречием. В таком случае *вѣи*-*н* → *вѣи*. На это указывает современное болгарское наречие вистина — „поистине, действительно“.

§ 192. Выше были отмечены сочетания с *ъ*, *ь* перед *и*, *ю*, *ѣ*, — отмечены с указанием, что в одних случаях посредством *ъ*, *ь* обозначались редуцированные *ы*, *и*, в других — *ъ*, *ь* могли не указывать на гласный, а на утрату слабого редуцированного *и*: *пѣхъше вѣиѣ* (Син. пс.), *пѣхъю* — *пѣхъь*, *пѣхъь* = *пѣхъѣ*. Но были и такие случаи, в которых *ъ*, *ь* перед *и* передавали собою редуцированные *ъ*, *ь*.

Зограф.: *нарѣхънѣ*, *стѣи* (*святѣи*), *ускѣи*, *болъи*, *вѣи*, *зѣповѣды* (*-ъ* + *и*) — родит. множ. и др. Наличие *ъ*, *ь* в этих формах обязано связи с родственными формами и основами, в которых *ъ*, *ь* не находились перед *и*. Для формы именит. ед. мужск. рода имен прилагательных типа *добрѣи* имела значение связь с формой того же падежа в именном ее образовании: *добрѣ*; для *болъи* — формы косвенных падежей: *болъша*, *болъшу*. Формы родит. множ. с *-и* вызваны связью с другими формами множ. ч.: дат., твор., местн.: *костѣмъ*, *костѣмн*, *костѣхъ*; с основой *кость* — образована и форма род. мн.: *кость-и*, *дѣнь-и* (Савв. кн.).

На то, что в таких образованиях действительно был гласный *ъ* или *ь*, а не *ы*, *и*, указывает их дальнейшая судьба в XI в. В глаголических памятниках, представляющих *ѣ*, *е* вместо сильных *ъ*, *ь*, отражаются иногда *ѣ*, *е* и в указанных выше формах. Напр.: Зограф.: *стои*, *крѣплъѣи* (при наличии в написании и более ранних образований: *крѣплъ-и* — *крѣплъи*), *костѣи*, Маринин.: *стои*, *нарицаѣи*, *болѣи*, *вѣлѣи*, *лоуѣи*, *крѣплѣи*, *оудѣи* (именит. ед. мужск. рода сложной формы причастия прош. *оудѣрь*, сложная

форма *оударъи*, с -ъ под влиянием *оударь*, *оударьша...*; *людси*, *дънси...*; Син. *пс. лжзвон*, *прѣмѣдрѣи*, *нечѣстивѣи*, *грѣшнѣи*; *велси*, *вышыси*, *нишси* (имеются и написания с ъ: *ништѣи*; были и именные образования: *ништѣ*, *ништа...*); *врабѣи* (как глосса к „птица“, 11 об.); *песталси*, *скръбѣи*, *заповѣден*, *хлѣбен твоѣхъ*, *сѣвѣдѣнси*, *дънѣи*. Син. тр.: *велси* *страхъ*, *връгъ бж҃и*, *отъ сѣтен*, *скръбѣи* причастие именит. ед. мужск.: *грядѣши покон*, *створѣи*, *помолѣи сѧ*, *изволи*, *запрѣши* и др.; -*ѣи* (*ої* или *ој*) -*ѣи* (*еї* или *еј*) были и в старославянском оригинале сербского Мирославова ев. Несколько написаний с -*ѣи*, -*си* в именит. ед. мужск. рода и в родит. множ. прежних основ на -ї (*пѣтъ*, *двѣрь*), находящихся в этом памятнике, не могло быть внесено сербским писцом, так как в сербском языке судьба *ъ*, *ь* была иная. Эти написания перешли из старославянского, македоно-болгарского оригинала: *болен*, *велен*, *бжен*, *оумерѣи*; *пютен* (в ст.-сл. оригинале было *пѣтен*), *людѣи*, *дѣврѣи*, *дѣрен* (*вм*, *дѣврѣи*), *всен* (*всь* — „село“, „деревня“).

В болгарских диалектах формы прилагательных на -*ој*, -*еј* вышли из употребления. В современном болгарском языке имеются только формы именные (*нов*) и сложные с результатом стяжения: на -*и* из -*ы* (*нови*). Формы имен существительных на *еј* употребляются и поныне в болгарских говорах: *връбей*, *слѣвий* и *славей*, *сѣпей* — „обвал“, „обсыпающееся место“, *чѣрвей* — „червяк“.

Формы на -*еј*, происходящие из -*ыј*, имеются и в восточнославянских языках. Так, в украинском: *соловѣй*, *инѣй*; родит. множ. *ночей*, *дверей*, *дней*; в белорусском: *салавѣй*, *вирабѣй*, *сам-третѣй* (старобелорусск.); родит. множ. *гасцѣй*, *людзѣй*, *канѣй*. Но в этих языках имеются и формы на -*іј*: *соловій*, *гусій* — *гус'ій* и др. (украинск.); *коній*, *грошій* (белорусск.). В русском языке сочетание *іј* всякого происхождения изменилось в *еј*: *биј* → *беј*, *сам-третиј* → *сам-третѣј*; *Кіјев* → *Кејев*, *Купријан* — или *Кипријан* или *Чупријан* → *Купрејан*, *Кипрејан*, *Чупрејан* и др. (Параллельно с этим *ыј* → *ој*: *дурный* → *дурној*, *мыј* → *мој*). Но в южнорусских (южновеликорусских) говорах имеются следы разного происхождения сочетания -*еј*: 1) из -*іј*, 2) из -*ыј*. Следы эти выражаются в том, что перед ударенным *е* в форме именит. ед. мужск. рода и родит. множ. находится по говорам в одних словах *и*, в других — *'а*.

и: *сам-тритѣј*, *пличѣј* (ед. *пл'ачѣ*), *свичѣј*, *дитѣј*, *двирѣј*.

'а: *ар'апѣј* — „репейник“, *чарвѣј*, *чартѣј*, *зил'анѣј* (именит.

множ. зилин'а — „хлебные посевы“), н'а-бѣј („не бей!“). Гласный *и* в предударном слоге указывает, что под ударением был некогда гласный не *и*, а *е* из *е* или из *ь*: ср. в таких говорах звуковой вид сочетаний: бирѣш, нисѣш, плитѣн' („плетень“), типѣр'а („теперь“), винѣц; также перед 'о из *ь*: дин'ок („денек“ — дьнькь).

Гласный 'а в предударном слоге в таких говорах указывает на гласные *и*, *ы*, *у*, *ѣ*, которые были в следующем, ударенном слоге: ба'рѣ! н'асѣ! вил'акѣ („велики“), с'астры, т'амнын' („темнота“), гл'адѣл, в'алѣл, б'алѣја — сравн. степень... Следовательно, диалектические южнорусские (южновеликорусские) тритѣј, двирѣј... с *и* в предударном слоге, восходят к сочетаниям с -ѣі: третѣі, двирѣі; -ѣі (-ѣі) изменилось затем в -еј.

Сочетания же ар'апѣј, зіл'анѣј, н'а-бѣјл, с 'а в предударном слоге, восходят к сочетаниям с -іі: рѣпніі, зелениі (родит. мн.); -іі (-іі) затем изменилось в -еј.

§ 193. Дополнение. Изменению в редуцированные *ѣ*, *и* подверглись также *ѣ*, *ь*, которые оканчивали собою слово в сочетании со словом, начинавшимся с *и* (*і*, *ї*): поставѣты *и*, осждаѣты *и*, слышаѣмы *и*, вѣдаѣты *и* вси (из Маринин.); поѣоуѣты *и*, вѣдѣѣты *и* (Супр. рук.); азѣ вамѣ прѣдаѣи *и* (вм. прѣдаѣи *и*), памѣти нѣмѣ (вм. памѣть нѣмѣ, из Клоц.). В этих случаях происходило то же явление, как и в сочетаниях предлогов с именем или местоимением, начинавшимся с -и: ѣты истинѣѣ, ѣты нѣѣѣ → ѣтынѣѣ, ѣты исправленѣю (последний пример из Клоц.). И в этих случаях отражалась связь с формами, находившимися вне сочетаний со словом, начинавшимся с *и* — принесѣты *и*, но было и: принесѣтъ хлѣѣѣ; по образцу последних сочетаний говорили также с *ѣ* и: принесѣтъ *и*. В сочетании с местоимением винит. ед. мужск. р. *и* это последнее, объединившееся с предшествующим глаголом в одно акцентное целое, было неслоговым, несколько ранее оно было редуцированным в таком сочетании: prinesetŷ-i → ty-i; или prinesetŷ-i — prinesetŷ-i; věmŷ-i → vēmŷ-i → vemŷ-i (-i) или vēmŷ-i. Вследствие изменения конечного *і* после гласного в *ї* → *ј*, редуцированный *ѣ* или *ѣ*, *ї* или *ь* в предшествующем слоге оказывался в сильном положении. На то, что *ѣ*, *ь* были в таком сочетании сильными, указывают примеры с *ѣ*, *ѣ* вместо них в глаголических памятниках: ѣубѣѣѣ *и* (Ас-семан.); азѣ вамѣ прѣдаѣи *и* (Маринин.). Имеется ряд примеров с -ѣ и *и* в Син. пс.: сѣмѣѣѣѣ *и*, помѣѣѣѣ *и*, изѣѣѣѣѣ *и*, помѣѣѣѣѣѣѣ *и*. Но для этого памятника не исключена возможность и графической

причины появления написания с ѣ (э), вместо ѣ (э), как отмечено было выше.

В сочетаниях с -ы, -и в конце слова, а также предлога (вы, кы) перед словом, начинавшимся с и, следует иметь в виду и то, что эти -ы, -и могли в некоторых случаях не представлять собою замен более ранних ѣ, ѣ, а могли появиться позднее утраты конечных ѣ, ѣ, появиться при сочетании конца слова, оканчивавшегося на согласный, или при сочетании предлога в, к со словом, начинавшимся с и. В таких сочетаниях вторая часть в образовании согласного конца слова или предлога, рекурсия его, сливается с артикуляцией гласного следующего слова. При твердом согласном предшествующего слова или предлога в, к гласный и изменялся в ѣ; при мягкости согласного предшествующего слова артикуляция гласного и примыкала без особого изменения к артикуляции предшествующего мягкого согласного: дам'-и → дам'и. Такое явление представляет фонетика современного русского языка (при наличии гласного ѣ): подывој („под ивой“), с -ы-ваном („с Иваном“), з братом-ы-ваном („с братом Иваном“), пит'-и-ѣ'с'т' („пить и есть“). Подобное явление было и в болгарских говорах XI в., после утраты конечных ѣ, ѣ. Такого происхождения -мы в сочетании: ѣмы и в. ѣмы-и, а это вместо ѣмы и (Ассеман.). Мы не может поддерживать такое объяснение этих сочетаний: ѣ здесь вместо ѣ, вследствие раннего изменения конечного ѣ в ѣ (еще при наличии редуцированных гласных). Полагаем, что губные согласные отвердели в конце слова ранее, чем в середине слова, но все же отвердели после утраты слабого ѣ: ѣмы → ѣм' → ѣм; дамы → дам' → дам. Сочетание же ѣм'и → ѣмы, что передано писцом, желавшим выделить местоимение и, таким образом: ѣмы и, прадмы и. И в других славянских языках губные, заканчивающие слово, отвердевали раньше, чем перед гласным переднего ряда, но отвердевали после утраты конечных ѣ, ѣ. Для восточнославянских языков имеются указания на существование мягких губных согласных не только в XI—XII вв. (отсутствие замены ѣ посредством ѣ в этом положении), но и в XIII—XIV вв. Напр.: нѣкимъ, цѣлымъ и др. в духовной грамоте Калиты 1328 г.; пуднымъ товаромъ, с мѣштеремъ и др. в Полоцкой грамоте около 1330 г. По говорам на юге и на западе у восточных славян были в XIII—XIV вв. и сочетания с отвердевшими губными согласными в конце слова.

утверждают некоторые из лингвистов. Нет следов ни в одном из славянских языков мягкости *г*, *л* перед твердым зубным согласным: *skъŕno*. Между тем, в Киевских листках, близко отражающих древнейшую орфографию старославянских памятников, находится *ръ*: *скрънѣстн*. Мы не отрицаем некоторой мягкости плавных *г*, *л* в сочетании с *ь* не перед твердым зубным согласным (*въгѣа*, *въгѣшѣ...*), но если она была перед твердым зубным согласным, то наличие ее указывает опять-таки на положение *ь* после плавного: некоторая мягкость согласного, в том числе и плавных, была вызвана здесь положением перед гласными переднего ряда. Итак, если было *г'* перед твердым зубным согласным, то не потому, что ему предшествовал *ь* (*ivъgdъ* — такого произношения с мягким *г'* не было у славян), а потому, что за ним следовал *ь*: *тврѣдъ* — *ivъgdъ*, *влькѣ* — *vъlkъ*, *мльчѣти* — *ml'čati*.

§ 195. Старославянские памятники XI в. указывают на то, что в языке их списателей слоговые *г*, *л* были без *ъ*, *ь*: эти слабые неслоговые гласные были утрачены. Сохранялась только графическая традиция писать *ъ* или *ь* после плавного. Писали *мрътъѣ* и *мрътъѣъ*, *зръно* и *зръноъ*, *отръзи* и *отръзиъ*, *дльгъ* и *дльгъъ*, *наплъни* и *наплъниъ* и т. д. Встречаются и написания без *ъ*, *ь*: *врхѣу*, *сръдѣце*, *сръдѣца*, *цръкѣе* (Зограф.), *скръпаштаа*, *милосръдѣа* (Мариин.): *тврѣдъ*, *съртѣ* (Син. пс.). Еще более важно указание Македонского кириллического листка. Писец отступил от прежней традиции писать *ь* после плавного: он пишет его перед плавным — *врхѣъ*, *дърѣстнѣъ*, *гърѣдъ*. Таким же способом он передал *л* и в слове *рлѣи*: *мльчѣи*. Но и такое написание он считал неудовлетворительным для передачи слогового свойства плавного. Он пишет *ь* по обе стороны *л*: *дльѣлаю*.

Итак, в XI в. в языке старославянских памятников были сочетания с *г*, *л*: *врх*, *длг*. Во 2-й половине IX в. за слоговыми *г*, *л* следовали *ъ*, *ь* неслоговые. Их значение в фонетической системе было не то, что обычного образования слоговых *ъ*, *ь*. Слоговые *ъ*, *ь* или подверглись утрате (в слабом положении), или заменились гласными полного образования (в сильном положении). Гласные же *ъ*, *ь* после слоговых плавных были очень слабыми неслоговыми гласными элементами. Утрата их произошла во всех положениях: не только *врхѣу* — *врхѣу*, но и *врхѣъ* — *врх*. Утрата *ъ*, *ь* не вызывала удлинения гласных *ъ*, *ь* в предшествующем слоге, — удлинения, связанного с утратой слабых *ъ*, *ь*, бывших раньше слоговыми. Поэтому: *дльѣ* → *дѣ* [ѣ],

но съмрътъ → смрътъ[ь], съмръти → смръти. Ср. фонетическое значение **ъ** и **ь** в сочетании въ съмръти: в XI в. вместо этого сочетания было во смрти (три раза в Син. пс.), отъ съмръти (Син. пс.): после **е** гласный **ъ** был в слабом положении, перед слогом с **гъ**; после **в**, **т** гласный **ъ** был в сильном положении в связи с ослаблением и затем утратой гласного **ъ** в следующем слове (в съ-); ср. в Синайской же псалтыри отъ слезъ.

§ 196. От доисторической эпохи язык славян болгарских, как и другие славянские языковые группы, унаследовал такие сочетания плавного с **ъ**, **ь** между согласными, в которых редуцированные находились после плавного: **кгъвъ**, **кгъвавъ**, **сльза**, **сльзь**... Слоговое значение плавного и редуцированного в этих сочетаниях было не одинаково в зависимости от образования следующего слова.

1) Если в следующем слове был слабый редуцированный **ъ**, **ь**, то носителем слога в сочетании **гъ**, **гь**, **лъ**, **ль** был гласный **ъ**, **ь**: **кгъвъ**, **сльзь**. Так было во всех славянских языках. Так было и в языке кирилло-мефодиевских переводов. На такое значение сочетаний **ръ**, **рь**, **лъ**, **ль** в этом положении указывает то обстоятельство, что тут **ъ**, **ь** в памятниках XI в. не смешиваются, как смешиваются они в передаче **grd**, **tvrd**, **v!k**: **грьдъ** — **грьдъ**, **вльнъ** — **вльнъ**. О том, что в сочетаниях **кръвъ**, **плъть**, **сльзь** слогаобразующим элементом был **ъ**, **ь**, свидетельствуют примеры с заменой их посредством **о**, **е** в глаголических памятниках: в этих сочетаниях **ъ**, **ь** были такими, как и в первом слове слов **сънъ**, **днь** и т. п., — слоговыми, сильными: **кровъ**, **плоть**, **слезъ**, **брань** (Син. пс. и в др.), **стрельтикъ** (Син. пс.).

Встречаются написания со смешанным применением **ъ**, **ь** и в этих случаях: **плъть**, **кръвь**. Но такие написания отражали более позднее состояние болгарских диалектов. Такие написания передавали сочетания с **гъ**, **!ъ** слоговыми (**p!t'**, **kgv'** — **kgv**). А такие сочетания появились по образцу **p!ti**, **kgvi** и др.; см. ниже.

2) Сочетания **гъ**, **гь**, **лъ**, **ль** находились перед слогом с гласным полного образования. В таких сочетаниях **ъ**, **ь** были слоговыми слабыми гласными. Так было во всех славянских языках. Так было и в языке славян болгарских в IX в.: **кръво** (род. ед.), **кръви** (дат. ед.), **плъти**, **сльзми**. В отличие от сочетаний типа **t!rt**, **t!t** (ст.-сл. **трѣтъ**, **тлѣтъ**) редуцированные гласные в сочетании типа **trgt**, **tlgt** перед гласным полного образования были носителями слога в то время, когда в фонетической системе славян имелись

ъ, ъ слабые (ъ, ъ перед слогом с гласным полного образования). Они составляли слог, как ѣ, ѣ в других сочетаниях: съпа, дьпе. Когда на следующей фонетической стадии утратились слабые редуцированные гласные, они утратились и в сочетаниях kŕ[ъ]vi, sl[ъ]zami. Но след того, что они были некогда слоговыми (носителями слога), остался такой: если в предшествующем слоге был ѣ или ѣ, то он был сильным и заменялся гласным полного образования: възгъѣмъ (Син. пс., 2 раза), во крѣви (Син. пс., 2 раза), сокръ-вѣнѣхъ и другие сочетания с ко-, коз-, кос-, со- (вместо въ-, въз-, въс-, съ-). В этих сочетаниях изменение ѣ в ѣ обусловлено тем же, чем такое же изменение и в других сочетаниях: во въсъѣхъ и др. в той же Син. пс.: наличием слабого ѣ, ѣ в следующем слоге и утратой его; этот слабый ѣ, ѣ был некогда слоговым: въ[сѣ]чѣхъ, дѣ[пѣ]... Таким он был и в сочетаниях kŕ[ъ]vi... Сравните иное фонетическое значение ѣ, ѣ в сочетаниях tŕ[ъ]t, tŕ[ъ]t (ст.-сл. трѣтъ, трѣтъ): тут ѣ, ѣ издавна не были слоговыми и потому не имели значения для усиления (для продления) гласного ѣ, ѣ в предшествующем слоге: съмръти, съмръть → смръти; въ съмръти → во смръти (см. выше).

§ 197. В судьбе отдельных славянских языков происходила утрата ѣ, ѣ в замене сочетаний tŕ[ъ]t перед слогом с гласным полного образования. Так было в южных, в западных и отчасти в восточных славянских языках. В тех языках, в системе которых были слоговые ě, ě, такими стали ě, ě и в сочетаниях с утраченными ѣ, ѣ: kŕvi, kŕvav, slza. Так в языках сербо-хорватском, словинском, словацком, чешском. Так было и в языке старославянских памятников XI в., отражающих черты болгарских диалектов того времени. В передаче замен рѣ, рѣ, лѣ, лѣ со слабыми ѣ, ѣ (перед слогом с гласным полного образования) знаки ѣ, ѣ смешанно применяются на письме: дръкольми и дръкольми, крѣви и крѣви, съзъи и съзъи, съзъами и съзъами, плѣти и плѣти; накрѣ-стѣхъ, с рѣ вместо рѣ в надписи Самуила 993 г. Изредка встречаются и написания без ѣ, ѣ: ѣутри (Маринин.), крѣта, крѣта. (Жлоц., Ассеман.). В Македонском кириллическом листке: плѣти с ѣ перед л, как и в върѣхъ, гърѣхъ.

Памятники XI в. представляют указание на объединение звукового вида основы для разных форм, — основ с заменами сочетаний tŕ[ъ]t, tŕ[ъ]t. Такое объединение происходило в разных славянских языковых группах. Направление, в каком происходило это обобщение, было в южнославянских языках одинаково для всех слов: обобщалась основа с ě, ě: kŕvi, так и kŕv' — kŕv;

p|ti, так и p|t'—p|t; s|za так и s|z и т. д. Старославянские памятники отразили результат такого морфологического процесса: крѣвь, т. е. крѣв'—крѣв; плѣть, т. е. плѣт'. Имеются примеры написаний и без ъ, ь: крѣвъ, крѣстисѣвъ (Маринин.), крѣтъ как и крѣста, крѣтъ (Клоц., Ассеман.).

В XI в. процесс объединения основы с г, ъ не отразился еще на всех словах: держались по диалектам и сочетания с ро, ло, ле вм. рѣ, лѣ, лѣ: крѣв'—крѣв, крѣвѣж, плѣт', слѣз. См. выше.

Слоговой плавный ъ после утраты гласного элемента ъ, ь был в болгарских группах, как и в других южнославянских, твердым, велярным (ѣ), а в некоторых говорах лабио-велярным. Таким (лабио-велярным) он был в говорах западной Македонии (см. ниже).

Слоговые плавные г, ѣ в фонетической системе болгарских групп не удержались: они заменились неслоговыми, а носителем слога стал вторичный гласный, развившийся при плавном,— гласный ѣ. В западной Македонии, где ѣ был лабио-велярным, ѣ→→ оѣ—оѣ: воѣк. Вторичный гласный ѣ в этих сочетаниях часто не совпадал в своем образовании с гласным ѣ в другом фонетическом положении (сѣн, рѣка вм. рѣка...): перед плавным согласным ѣ несколько подвинут к среднему ряду, вроде безударного, слабого русского ѣ: пѣрѣн; после плавного ѣ часто сильно редуцирован, а плавный имеет свойство слогообразующего элемента: зрѣнѣ, крѣф.

Положение вторичного ѣ во многих болгарских говорах постоянное: перед плавными: вѣрба, вѣрху, пѣрва, вѣлк, жѣлт, кѣрвав, кѣрв (кѣрф). В немногих говорах ѣ находится после плавного: вѣрху, вѣрба, вѣлк. Так в некоторых юго-западных говорах (напр., в говорах Горной Джумай). Во многих восточно-болгарских говорах положение ѣ после плавного обусловлено такой фонетической обстановкой: перед двумя согласными или перед одним конечным согласным: зѣрно, но зѣрнѣ; пѣрви, но прѣв (прѣф)...

Еще на фонетической стадии с г, ѣ отразилась в болгарских диалектах, как и в других славянских группах, тенденция избегать сочетания ѣг. Эта тенденция имела следствием появление гласного е, который стал слоговым: ѣг→ѣг: черни, червен', но вѣрба. Та же тенденция действовала и в чешском языке: ѣгпѣ, но tvrdý. Там (в чешском) и žr→žer: žerd', žernov...

В Супрасльской рукописи, изготовленной где-то на востоке Болгарии, находится в одном случае ѣр вместо ѣр: ѣрѣнѣнѣнѣ (119).

Если это написание не представляет описки, а отражает соответствующую черту речи писавшего, то приходится полагать, что на востоке Болгарии в XI в. были такие немногие говоры, в которых от сочетания *ѣг* избавлялись заменой его посредством *сг*. Но других указаний на такое изменение *ѣг* в говорах Болгарии не имеется. Позднее, в XIV—XIX вв., в Македонии слова с *ѣг* вытеснялись под сербским воздействием словами с *сг*-: *сгп*. В сербо-хорватских говорах сочетание *ѣг* изменилось посредством *сг*-: *сгп*, *сгеп*, а также *сгѣво*, *сгѣр*. Подробнее об этом сочетании — в моих „Македонских кодичах XVI—XVIII вв.“, стр. 102—111.

-tvьt- (двѣри, свѣтъи).

§ 197а. Подобно сочетаниям *trьt*, *trьt* изменялось по славянским языковым группам сочетание *tvь-* перед слогом с гласным полного образования: *dvьri*, *svьnqti* (*svьt-* в чередовании с *svѣt-*). По утрате слабого редуцированного *ъ* образовалось сочетание *dvr*. Это сочетание во всех славянских языках изменялось. Изменение проходило в таких направлениях.

1) В тех языковых группах, в фонетической системе которых существовала артикуляция билабиального *w*, происходило изменение *dwr* → *dur*, *cwt* → *cut*. Так по говорам западной Македонии: *цутиш* вместо *cwtiш* (из *svьt-*); так во многих говорах словенских (словенских): *dwri* → *duri*; так по лужицким группам: *durje*, *žuri* вм. *džuri* (нижне-луж.).

2) Сочетание *dvr* представляло губно-зубной *v*, который не заменялся слоговым гласным. В таком случае развился вторичный гласный перед *v*. Так в болгарских говорах было уже в конце XII—XIII вв.: *дѣврѣхъ* (Болонск. пс.), *процѣфть* (Норовск. пс. XIII в.); соврем. болгарские *цѣфтиш*, *сѣмне* вм. *сѣвне* (*сѣвнѣтъ*, *svьt-*). По словинским говорам *davri* — *dauri*, *dovri* — *douri*.

3) Или же для избежания слоговости губно-зубного *v* произошла перестановка: *dvьf-* → *dъv*. Так в чешском языке — *dъvi*, в польском — *dъvi* (*drzwi* — *dъvi*); старо-чешск. *kvu* вместо *kvu* (*kvьt*) — I л. ед. ч. наст. вр.

4) Обобщалась основа *dvьr* — с сильным *ь* или его заменой. Так в восточнославянских языках: *дверь*, *двери*, *дверка*, *дверци*; в чешском — *dvefe*, родит. мн. *dveřf*; в словацком — *dvere*, родит. мн. *dverf*, по словинским говорам *dveri*. Так было и в польских группах в прежнее время: *dъv'efi*; *ze dwirzy* — „из дверей“ (XV в.).

Сохраняется до сих пор в слове *džviski — dž'verki*, но и *džvički* (*drzwiczki*); русск. *цвѣтъ, цвѣтеш...*

5) Утрачивалась губная артикуляция. Так было в старопольском *kćeś* вместо *kvytėti*; так в польском диалектальном *tknoć* вместо *kvinoc*. Так в верхнелужицких *ktu*, *kćěš*.

В старославянских памятниках соответствующие слова переданы посредством написаний с *-въ-, -вѣ-*: *двъри, двѣремъ* (дат. множ.), *свѣтати, процвѣтати*. Что касается звукового значения *-въ-* или *-вѣ-* в этих случаях, то полагаем, что по болгарским говорам того времени, XI в., произношение таких сочетаний было неодинаково: в одних говорах это были сочетания с билабиальным *w* (*dwri, swtėti*), в других — сочетания с губно-зубным *v*, но со вторичным гласным *ѣ*, т. е. отражались результаты процессов, отмеченных в пунктах 1 и 2.

ы.

§ 198. Гласный среднего ряда *ы* был в системе старославянского языка. В некоторых старославянских памятниках XI в. находятся примеры написаний с *и* вместо *ы*. Наиболее показательны такие примеры в Саввиной книге: *рыѣъ, рыѣнць*, но чаще *рыѣы, рыѣѣ; отъкрѣти, отъкрѣи*, но и *отъкрѣштѣ са, отъкрѣшѣа* и др. В Зограф. кодексе также находится в одном случае *ѣѣъ рыѣѣ*. Имеются примеры написаний с *и* вм. *ы* в Клоц., в Марииин., в Син. пс., в Син. тр., в Супр. рук. Из этих примеров считаем наиболее показательными написания *ѣи* вместо *ѣы*: после *р* в некоторых славянских языковых группах, имеющих в своей системе гласный *ы*, отсутствует *ѣ*: вместо этого сочетания произносится *ри* с гласным *и*, несколько пододвинутым к среднему ряду: *риѣба*. Такое произношение этого слова можно наблюдать во многих русских местностях.

Примеры Синайской псалтыри, Синайского требника и Супрасльской рукописи *ѣикати* и другие образования с этим корнем, может быть, не представляют замены *ѣы* посредством *ѣи*: гук-восходит к *gŭk-*: ср. лит. *gŭkti*, латыш. *gŭkt* — „мычать, ржать“; славянское же *gik*, как и латышское *g'ŭk- (g'ŭkt-)*, могут восходить к более раннему *gŭk-*.

Написания с *и* вместо *ы* Марииинского и Клоцова кодексов не показательны. В Марииин. переписчик в ряде случаев не дописал *ы*: *сѣшати, вѣдѣнѣти* (вм. *ты*) и др. Недописку и описку представляет большинство и других примеров с *и* (*ѣ*) и с *ѣ* (*ѣ*). Переписчик за-

мечал свои описки и исправлял их, ставя ъ вверху над и: народиѣ (Матф., IX, 36), дрошатиѣ (Марк, XVI, 1), мнѣтаремѣ (Лука, VII, 34), жениѣ (Лука, XIV, 26) и др. Описки эти фонетическое значение могут представить в немногих случаях. В большинстве написаний спутаны окончания форм, и только в 5 случаях написано и в корне слова: мнѣтаремѣ, ииѣлъ, рнѣжѣ, сншашемѣ, нзвѣтъѣ. Из них возможно было особое произношение рнѣжѣ как рнѣжѣ. Что касается ѣиѣлъ (Иоанн, VIII, 42), то здесь описка очевидна: этому слову предшествует ѣи: ѣи ѣиѣлъ вѣм. ѣи ѣиѣлъ (сослаг. накл.).

Также ясны описки в употреблении ѣи вместо и: рѣзбонныѣ (Лука, X, 30), рѣбѣтъѣ (Лука, V, 2), ѣистыѣ (Лука, X, 30): тут написано ѣи под влиянием такого же написания в соседнем слове.

Непоказательны написания с и вѣм. ѣи и в Клоцовом Сб.

В кириллических Зографских листках пишется ѣи не только для ѣи, но и для и: ѣиѣшныѣхъ, съ ѣиѣми. Как видно, тут отражается новое не только в орфографии, но и в графике: в состав буквы входит не знак ѣ, а ѣ в сочетании с и, над которым ставят иногда точку. Может быть и такие примеры с ѣи вместо и не указывают на изменение ѣи в и. Эти гласные близки один к другому по типической черте своего образования, по высокому подъему языка, и эта близость может отразиться на письме: пишут один знак для этих гласных. Такое явление можно наблюдать в письме лиц из русской среды, не окрепших в обычной орфографии: „посилку от тебя я получил и открытку“ (из одного письма из Городецкого района, Горьковской области). Такие написания встречались у многих лиц этой местности. Образование же гласного ѣи в говорах этой местности обычное для русской фонетики.

е.

§ 199. Диссимиляция еѣ в заимствованных словах ѣиѣлѣсомѣ, г'ѣонѣ, об этом см. ниже.

В Зографском кодексе имеются случаи написания и вместо е. Невозможно усматривать в них указание на изменение е в и. Это смешение представлено в окончаниях и явилось по недоразумению и рассеянности списателя: хвалѣте вместо хвалѣти; пишѣти вместо пишѣте; спутаны отрицания: ни вместо не. Совершенно недопустимо объяснение и немногих написаний с и вместо а: в них некоторые из лингвистов видят тоже фонетическое явление, ставя его в связь с изменением неударенного е в и. Здесь ясно сме-

шение форм: в трех случаях употреблены формы множ. числа вместо единственного: *осѣдати* (Лука, XI, 31), *сѣззати* (Марк, XIII, 15), *скверѣнати* (Матф., XV, 20), *вм. осѣдѣти, сѣззѣти, скверѣнѣти*. См. тексты. В одном случае писатель этого памятника, а может быть и его предшественник, глагол „судить“ согласовал не с царицей южской, а со всем коллективом, который будет судить: *цѣсарѣца южска вѣстаетъ на сѣдѣ съ мѣжи [!]* рода сего. *осѣдати [!]* и.

Так же просто было спутать числа и во втором случае: — *иже на кровѣ да не сѣззати въ домъ...* Перед этим глаголы употреблены были во множественном числе: *иже бѣждѣтъ въ юудѣ да възгнѣтъ на горы*, — и далее следует — *иже на кровѣ...*

В третьем случае текст для писца был неясен: *си сѣтъ скверѣнашта ѣѣа. ѣ ѣже не оумѣвенами рѣками вѣти не сквернати ѣѣа*.

Наконец, писец раз написал форму единств. числа вместо множественного, *оузѣрѣти* (Матф., XIII, 15) *вм. оузѣрати*, имени при глаголе нет; не досмотрев списываемого текста, книжник прочитал единственное число: *егда кѣгда оузѣрѣти оуны...*

§ 200. *i* → *ī* → *ĭ*. В старославянском, как и в других славянских языках, гласный *i* после гласного претерпел редукцию (*ī*) и затем стал неслоговым (*ĭ*), если до этого он (*ī*) не ассимилировался с предшествующим гласным в один гласный долгий. В связи с редукцией гласного *i* происходило удлинение предшествующего редуцированного *ŭ* или *i*: они становились гласными полного образования *u* (*у*), *i*: *dobrŭi* → *dobryi*, *bolii* → *bol'ii*, *tvoi* → *tvoi* → *tvoi*, *boite se* → *boite se* → *boite se*. По славянским языкам удлинялся в таком положении и гласный *o*: чешск. *hnŭj* *вм. hnōj* из *gnoi* („навоз“), *lŭj* *вм. loi* („сало“) и др.

С неслоговым *ĭ* была и сложная форма именит. ед. мужск. рода причастия наст. и прош. вр. *градѣи* = *градѣи*, *глаголюи* = *глаголюи*, *хваляи* = *хваляи*, *сѣтвори* — *сѣтворѣи* = *сѣтворѣи*.

§ 200а. Начало слова. Выше, в §§ 149—151, были сделаны замечания о начале слова с гласного, о появлении вторичных *ĭ* (*j*) и *ѣ* (неслогового или билабиального *w* или губно-зубного *v*). Что касается слов со вторичным *ѣ* (*v*), появившимся в доисторическую эпоху, то они в старославянском языке представлены были в таком же виде, с начальным *в*-. *въ*, *вълѣти*, *высокъ*, *выкияти* (*выкияти*). Изменения были пережиты сочетаниями с *ĭ* перед гласным в начале слова.

Во всех тех случаях, в которых появился в доисторическую эпоху *і* в этом положении, он был представлен и в старославянском языке. Но в старославянском языке были более многочисленны случаи, в которых пользовались словами без *і*. В одних из этих сочетаний *і* и не появлялся. Без *і* издавна произносились некоторые эмфатические слова, союзы, наречия: *е*, *есе* союз *а*, *еѣще*, см. § 149. В других случаях получили более частое применение слова с начальным гласным *а* без *і*, отвлеченные от тех фонетических положений, в которых не появлялся *і* (начало слова): *агньць*, *азъ*.

а. В говорах славян болгарских сочетания с *і* в начале слова перед *а* и перед *в* переживали дальнейшие изменения. Изменения эти были неодинаковы во всех фонетических положениях. Различалось направление процесса в судьбе слов с *і* перед *а*- и перед *в*- также по диалектам. Так, не все слова старославянских памятников с *а*- таким же образом произносились в более раннее время. В некоторых случаях утрата *і* перед *а* произошла позднее. Сравните, напр., судьбу *ивити* (глаголич. *ѡвѣти*) — *авити*. Наблюдения над передачей этого глагола в глаголических памятниках с *ѡ* и *а* приводят к заключению, что в ранних старославянских оригиналах более часто применялся этот глагол с *ѡ*- (*и*-). Так, в Зографском кодексе, в наиболее архаичной его части (от Иоанна), почти исключительно употребляется *ѡвѣи*, утрата *і* могла происходить в сочетании с предшествующим словом, оканчивающимся на гласный не *і*. Напр., *законъ его авѣтъ имъ* (Син. пс. 29^{об.}); *егда авѣтъ мѣся* (Син. пс. 17), как и: *злаа* (Син. пс. 41^{об.}), *окаанаа* (Син. пс. 177), с позднейшей утратой *і* между гласными.

С другой стороны, после *і* могли появиться новые сочетания с *і*. Так, в языке славян болгарских издавна было местоимение *азъ* при *іазъ* других славянских языков. В виде *азъ* оно было и в языке кирилло-мефодиевских переводов. Но *ивъзъ* (Мариин.). То же явление в *авѣи*: *ѡвѣи* (Мариин.). Общая же тенденция, обнаружившаяся в старославянском языке, как и в болгарских говорах более позднего времени, — это тенденция к утрате *і*. На то, что в фонетической системе появление *і* перед начальным *а* не представляло актуального значения, может указывать передача греческих слов с *α* (эти передачи представлены с *а*-, а не с *ѡ*-, не с *ѡ* в глаголических памятниках): *авѣа* = *ἀββᾶ* — „отец“, *авѣръ* = *ἀήρ* — „воздух“, прилаг. *авѣрьнь* = *ἀέριον*; *ароматъ* = *ᾠσμῶς*; *архи-триклянъ* = *ἀρχιτρίκλητος* — „главный стольник“ и др.

Итак, слова с *а-* и *и-* (с *і-*, появившимся в разное время у славян перед *а* в начале слова): *а* (союз), *аеню* — *иеню*, *аенти* — *иенти*, *авъ* — *иавъ*, *азъ* — *иазъ*, *аще* — *ище*, *агньць* — *игньць*, *агода*, *акы* — *икы* в тех словах с начальным *і-* (*ј-*), которому было соответствие в других индоевропейских языках *і* или *ј* — были представлены в старославянском, как и в других славянских языках: *иже* (местоимение с основой *-јо*, *ја-*) — „которая“, *ико*, *иръ*, *ирестъ*, *ирьмьнѣти* (прилагат. от имени *јагьто*), *имѣ*...

Что касается вопроса об *і* или его отсутствии перед *е*, то старославянские памятники представляют большое затруднение в решении его вследствие своей графики: в глаголице *е* и *ю* не различаются: для них служит один знак *Э*; кириллические памятники, следуя глаголическим оригиналам, тоже не всегда различают *е* и *ю*. Совсем нет *ю* в лл. Ундольского, Зографских; в Хиландарских лл. тоже обычно *е*; *ю* только в двух случаях в середине слова; в Саввиной книге *ю* находится весьма редко. Только в Супрасльской рук. различаются в длинном ряде написаний *е* и *ю*. Это различие показательно: *е* пишется в передаче словечек *си* — „да“, „так“, *есе* (после *и* два раза *есе*: *и есе*) — „вот“; местоимение *отеръ* — образование от указательного словечка *е*; с *е* и с *ю* переданы слова *ѡдѣ* — „ли, чтобы не“, *ѡзеро*, *ѡлень*, *ѡшѣ* — „о, если бы“: *ѡшѣ моглѣ быхъ азъ касъ ѡувѣштати*. Выше, в § 149, дано было разъяснение написания *е*, выразившего собою гласный *е*, а не *іе* в словах *е*, *есе*, *ѡдѣ*, *отеръ*: они образованы от указательного словечка *е*, произносившегося эмфатически при начале фразы. Произношение же слов *ѡзеро*, *ѡлень* с *е* и с *ю* находилось в связи с положением во фразе: с *ю* внутри фразы после слова, оканчивавшегося на *і*: *при ѡзерѣ*. Повидимому, произношение с *і* (*іе-*) было неактуально в фонетической системе того времени. Греческие слова с *ε* переданы посредством *е*: *ѡуга* — *Εβγα*, *ѡлинь* — *Ελλιη*, *ѡлпиди* — *Ελπίδιος*, *ѡпитимни* — *ἐπιτιμία* — „наказание“, *ѡфесъ* — *Εφεσος* и др.; с *е-*, а не с *ю* переданы греческие слова с *ε* и в Остромировом кодексе по образцу восточноболгарскому.

В других случаях в Супрасльской рукописи употреблено *ю*: *юсь*, *юсть*, *юште*, *юдѣа* и др.

Следует полагать, что и в более раннее время были сочетания *ε. е-* (*ese*, *eterъ*...), с *іе-* (*iesъ*, *ješče* и *ešče*...). В течение времени сочетания с *е* стали чаще в речи. Но и до сих пор в фонетической системе болгарских говоров, как продолжателей старосла-

вянских говоров, отразившихся в памятниках XI в., не получили определенного положения сочетания с *je-* и с *e-*. В говорах, преимущественно западных, и в литературном языке обнаруживается тенденция в сторону сочетаний без *i-*.

Важное указание для суждения о начале слова с *e* или *je-* (*je-*) представляют „русские рукописи“ XI—XII вв. Во многих из них отражается различие между *е* и *ю*, как в Супрасльской рукописи. С *е* передаются в них греческие слова (*екиѣма*, *елиѣ* и др.) и следующие славянские: *ен*, *есе*, *еда*, *еѣдѣ*, *ели*, *еѣвѣ*, *елима* или *елими*, *еѣте*, *еѣръ*, *езеро*, *елень*, *единѣ*. Некоторые из этих слов: *еѣте*, *единѣ*, *елима*, *езеро* передаются и с *ю*. Весьма важное указание представляет передача частиц (*ен*, *есе*, *еда*...), отражается ясно их произношение в речи писцов старославянских памятников, — произношение без начального *j* (*i*). Колебание в передаче некоторых слов восходит к старославянским оригиналам, а не внесено русскими писцами. Русский книжник не мог руководствоваться своим произношением некоторых из этих слов: в его обыденной речи было не *езеро* или *юзеро*, а *озеро*, не *есень* или *юсень*, а *осень*, слова *еѣръ* совсем не было.

Везде с начальным *ю* переданы в русских рукописях формы местоимения *юго*, *юмоу* и т. д.; наречие *югда*; форма глагола *юсмь*, *юси* и т. д.

и. Перед *е* в начале слова *i* (*j*), как и в доисторическое время: *иѣтъ*, *иѣдѣ* — „боль“, *иѣтро* — „печень“, *иѣти*. Так переданы эти слова в памятниках, различающих *и* и *ю*, напр., в Мариинском кодексе (из ряда глаголических рукописей), в Саввиной книге (*и* в значении *и*, а *ю* в значении *ю*).

ж. Еше (§ 150) было отмечено, что в языке предков славян болгарских были сочетания с *jo-* и *o-* в начале слова, параллельно сочетаниям с *ja-* и *a-* (*jagnьсь*, *agnьсь*, *javitī*, *avitī*). Несколько примеров из памятников старославянских XI в.: *жѣтъ*: *вѣлѣжѣ самѣ въ жѣтрѣнѣжѣ клѣтъжѣ* (Супр.), *жѣдоу жѣ* (Клоц.), *отъ жѣдоу* (Супр. — „откуда“); *вѣнѣжѣдоу* („снаружи“): *гробѣи повѣнѣнѣни* („могильные склепы, выбеленные известью, окрашенные“) *жѣ вѣнѣжѣдоу оубо сѣтъ краснѣи*, *вѣнѣжѣдоу жѣ плѣни сѣтъ костѣи мѣтъжѣнѣ* (Мариин.); *жѣдоу родѣствѣ* (Син. тр.), *сѣ жѣдоу* (Син. тр.), *въ жѣдоу плачѣвѣнѣжѣ* (Син. пс.). Примеры с *ж-* в русских, среднеболгарских и сербских памятниках, списанных со старославянских (староболгарских), или восходящих к ним: *жѣдѣ* (Святослав. Сб. 1073 г.), *жѣтъ* (Минеи XI в.) вместо *жѣтъ* староболгарского

оригинала; жръѣдоу (Остромир.), ѡжѣка (Болонск. пс.), ѡдоу (Шиша-
тов. ап. XIV в.). Повидимому, с ѡ и ѡ произносился также жсъ,
жсъ („ус, борода“). Этим словом называли в азбучном славян-
ском перечне букву для носового гласного заднего ряда, а рус-
ские и сербские книжные люди передавали это название по своей
фонетике, с у вместо ж: юс или ус. На название в виде ус ука-
зывает книжная грамматическая традиция, отразившаяся в одной
русской рукописи XVII в. (Из собрания Тихонравова, б-ка
им. Ленина в Москве.): „жсъ. Сегд ѡ ѡбыкъша оупотреблати людіе
сѣрьбьстѣи ѣ волохове [румыны, пользовавшиеся славянским
письмом] въ мѣсто ѡ і ю. Аще лучѣтса в прилѣчѣхъ писѣтисѣ
бѣсѣ[!], ты же пиши жса сирѣчь бѣсѣ, псѣ, а' не ѡкъ ѡ, понеже
оуподобляй по дѣйстви[!] его і има ѣмѣ“.

ю, оу.с і (j) и без него находится в старославянских памят-
никах в слове ютро — оутро. В неодинаковом звуковом виде пере-
даны и наречие юже — оуже, ю — оу, нѣю и чаще нѣоу — „еще не“.
Более старые элементы представляют сочетания этого наречия
с ю. Так, в архаической части Зографского кодекса (от Иоанна)
находится ю, юже, в другой части обычно оу, оуже; в Клоцовом Сб.
юже (4 раза), 1 раз нѣ оу, обычно оуже. В Саввиной книге чаще ю
(юже), чем оу (оуже). В Ассеманиевом кодексе постоянно нѣ оу, но
обычно юже. Может быть, уже в доисторическую эпоху произ-
носились в некоторых фонетических условиях эти слова без j,
хотя j тут не был вторичного происхождения: и в других индо-
европейских языках имеется соответствующее образование с j
или его заменой: ср. лит. jай, гот. ju, др.-верхн.-нем. iu — „уже“. В
болгарских диалектах XI в. эти слова без j стали употребле-
ляться чаще, чем раньше, в особенности часто без j было оу, нѣ
оу. Внутри фразы, после гласного, в болгарских говорах XI в.
мог отсутствовать j в передаче с jе разного происхождения:
и в jес (jесѣ, jеси...) и в jего, jети.

В jесѣ... j был вторичного происхождения; он появился
в славянских группах в доисторическое время перед е.

в jего... j был более древнего происхождения: соответствия
ему имеются в других индоевропейских языках: ср. лит. jѡ, jѡs...
На отсутствие j в таких сочетаниях указывает результат ассими-
ляции е с конечным е или ѡ предшествующего слова. Такие
примеры представляет Син. пс.: азъ же-сѣ (вм. азъ же есѣ);
спнѣ-е-го (вм. спнѣ его, т. е. спсѣenne его); сѣздѣenne-го (вм. сѣздѣenne
его); сѣздѣenne-го (вм. сѣздѣenne его) и др.

§ 201. *i* в середине слова: аја (аѣ) → аа. В Киевских лл. не отразилась утрата *i*: вънѣтрнѣъ (= -иѣ), въѣнѣъ, ѣнѣстнѣъ.... Так же часты такие сочетания в Саввиной книге; но в ней находятся и сочетания с утраченным *i*: елааа. В других памятниках сочетания с аа часты: клаа, поклааннѣ — поклааннѣ, злаа, оклааннѣ....

aje → aa → a. Форма прилагат. родит. ед. мужск. и средн. рода: *дварего*. В таком виде (с *-его* или с *-го*) эта форма была свойственна языку кирилло-мефодиевских переводов. С окончанием *-аго* ее представляют некоторые глаголические памятники (Зограф., Марин., Син. пс., 1 раз в Клоц.). Но в этих и в других памятниках окончанием формы род. ед. является *-аго*, *-аго*. Только *-аго* в Киевских лл. и в Саввиной книге.

Форма 2 и 3 л. ед. и множ. числа: **подобзеть** (-зѣтъ, -зѣтъ) → **→ подобзѣтъ** → **подобзѣтъ** (в Зограф., Ассем., Син. пс., в Супр. и в особенности в Маринин.), **ѣи [ѣѣ]** → **ѣа: дѣяти** → **дѣяти, зѣлодѣа** (Син. тр.); **ѣе** → **ѣе** → **ѣи** → **ѣи**. Так в форме дат. ед. мужск. и средн. рода ед. ч. прилагательных: **доброуѣму** → **доброуѣму** → **доброуѣму**.

В форме 3 л. ед., 2 л. мн. наст. вр. другъ радуууть са; овуууть (3 л. ед.); инъ съвѣдѣтельствоууть; съвѣдѣтельствоуууть. (Из Маринн.).

яв изменилось или в яв и далее в я или в яа: местн. ед. мужск. и ср. р. прилагат.: добръмъ → добръмъ, добръмъ (см. еще ниже, в замечании о диссимиляции).

Палатальность согласного, а также гласный *i* в предшествующем слоге благоприятствовали удержанию образования *i* (*j*). Так, в Синайском требнике последовательно пишется *ѡ* после палатального согласного, а также *ъ* (а не *ѧ*) после *н*: *трасавицѣ ютрньѡ*. *послѣдньѡ ѡзв.* *хоудѡуицьѡа і хоудѡсиѡа*. Ср. *ѡ* после палатального *н'*, *ѧ* вместо *-ѡ* (*-ajā*) после твердого *н*, как и после других твердых согласных (*видниѡа*), *-нѡ*: *братнѡ житнѡ* (родит. ед.), *васнѡ* (родит.), *пласнѡ*, *враженнѡ* (родит. ед.), *похотѡнаѡ възьрѡннѡ* (именит. множ. средн. рода), *пиѡнѡство*, *виѡница* и др.

§ 202. Выше были отмечены ассимиляции гласных: $aa \rightarrow a$, $яе \rightarrow aa \rightarrow a$; $\text{ѣе} \rightarrow \text{ѣѣ} \rightarrow \text{ѣ}$, $уе \rightarrow уу \rightarrow у$.

Кроме того: ни → н: ѿ спасении → ѿ с[ъ]пасени, на распятихъ →
→ на распятыхъ, сѣди (ВМ. сѣднн) естъ, приде, приим.

ын → ы: добрын → добры и др.

66. В старославянском языке оказались новые, заимствованные слова с *ee*. Напр. греч.: *ѣеуна*, *Вѣдѣеѣ*. При фонетической тен-

денции к утрате *i* между гласными в передаче сочетания *ee* отразился процесс диссимиляции *ee* → *eo*: *г'вонд*, *внѣшѣомъ* — *внѣшѣомъ*. Но имеются в памятниках и передачи, близкие к греческому образцу, с *ee*: *внѣшѣомъ*.

Выше была отмечена судьба сочетания *эв*: происходила утрата *!* и ассимиляция: *эю → эо → ээ → э*: *добрэвѣмъ → добрэвѣмъ → добрэвѣмъ*, *въ поустыѣмъ грядъ нарицаемъ* (Супр.). И в ином направлении изменилось *ээ*: происходила диссимиляция: *ээ → эа*: *добрэвѣмъ*. Так передана эта форма в Ассеманиевом кодексе. Такой же результат в форме сравнительной степени и в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. *добрэа, оумэагъ*. (Маринин. и др.).

Результат стяжения гласных представлен некоторыми старославянскими памятниками в отношении не всех гласных. Так, в Синайском требнике обычно *ы* вместо *ѣи*, *оу* вместо *оуоу*, *ѣ* вместо *ѣѣ*, но *аз*, *ни*: *върѣшны*, *не гашѣшии огнь*, *строупивыхъ*, *живыхъ* и *мрътвыхъ* (дат. мн.), *нѣустыхъ* (дат. мн.) на *нѣсѣныхъ* и *назѣмныхъ* и *трѣторѣскихъ* (прилагат. от существ. *трѣторѣ* — *тѣртарос*, „ад, преисподняя“), *словесныхъ* и *жизотныхъ*; *живоумоу*, *соухоржимоумоу*, *сѣторжимоу*, *зѣжжимоу*; *въ страшныхъ* и *тропѣныхъ* *сѣдѣши*; но: *живаго*, *глаголаго*, *привѣдшаго*; *рождающихъ* *са* (твор. ед.), *богдыхъ* (дат. мн.), *оутѣшенно сръбѣвшихъ* и *ладѣвшихъ* *са* *оубѣтъ*; *сѣмьровныхъ* *моладшихъ*.

Выше было отмечено, что в старославянском языке конец одного слова во фразе тесно примыкал к началу следующего слова. Вследствие такого объединения происходил процесс ассимиляции: конечный **ъ** перед начальным **н** изменился в редуцированный **ы**; **възаль н** → **възальн**. Конечный **ь** изменился перед **н** в редуцированный **и**: **прѣдаль н** → **прѣдальн**. И позднее, после утраты конечных редуцированных **ъ**, **ь** действовал процесс объединения конца слова с началом следующего слова: **нѣсет н** → **нѣсет -ы**.

После гласного и одного слова мог появиться **і** перед **а** другого слова: **н азъ** → **н изъ** (см. выше).

Происходила и другого вида ассимиляция и стяжение гласных внутри фразы: дѣшторѣ — ѿ в.м. дѣшторѣ — съ, рече — н в.м. рече — ен; единого — ѣъ в.м. единого — отъ и др. Сообщенные примеры взяты из Марийского кодекса. Еще чаще такое явление отражается в Синайской пс.: спитѣ — го в.м. спитѣ — его; азъ же — смъ в.м. азъ же — смь; срътанъ — го в.м. срътанъ — его; знавшіи — ѿа тѣѡ в.м. знавшіи — ѿа; любашіи — ѿа в.м. любашіи ѿа; зълѡбы — хъ в.м. зълѡбы — ѿхъ; грѣхы —

хъ вѣм. грьхъ — нхъ; избъранаго — тѣ люди вѣм. избъранаго — отъ люди
и др. Процесс объединения происходил в образовании и конеч-
ного согласного в сочетании с согласными, которым начиналось
следующее слово: мзѣкомъ — оныѣ вѣм. мзѣкомъ — моиѣ (Син. пс.)
и др., (см. ниже, в отделе о согласных).

§ 203. „Эпентетический“ l' был в языке кирилло-мефодиевских
переводов, — был во всех тех сочетаниях, в которых он возник в до-
историческую эпоху, — в начале слова и не в начале его (см. § 140):

а) бл'уди, бл'удѣтеса, пл'юняти, бл'удѣ — „блюдо“.

в) зѣмл'ы, зѣмл'ѣ, зѣмл'и, корабл'ь, корабл'ицѣ, прѣстѣпл'ь, прѣстѣпл'ѣши,
ѡуслѣв'ѣнѣ, прослав'ѣнѣ.

В Киевских лл. в отношении „эпентетического“ l' не обнару-
жилось никаких изменений: избавлѣнѣ, вѣжливѣнѣ, прѣсмавѣ,
прѣманѣ, зѣмльскѣ и др. подобные написания находятся и в других
старославянских памятниках (XI в.), дойдя до этих рукописей
из более ранних оригиналов, восходящих ко 2-й половине IX в.

На наличие „эпентетического“ l' в начале и не в начале слова
указывают также древнерусские и древнесербские списки со старо-
славянских оригиналов: в них не отразились написания без л':
зѣмьѣ, любьѣ и т. д. Последовательность написаний с л' в этих
рукописях (древнерусских и древнесербских) нельзя объяснить
исключительно тем, что в русском и сербском языках было л'
в начале и не в начале слова: несомненно, если бы в старосла-
вянских рукописях, которыми пользовались русские и сербские
книжные люди, находились слова без л', то некоторое количество
их попало бы и в русские и в сербские списки.

В старославянских памятниках XI в. представлены весьма
часто отступления в отношении передачи таких слов. Эти отступ-
ления не относятся к началу слова: в этом положении в старо-
славянском языке XI в. не отражалось изменений, как не про-
исходило их и в других славянских языках: бл'удѣ, пл'юкати.
Отступления относились не к начальному слогу и отражали зна-
чительное изменение, происшедшее в языке славян болгарских.
Изменение состояло в том, что „эпентетический“ l' не в начальном
слоге был утрачен. Изучение многочисленных передач слов
с прежним l' epentheticum и замен этих слов дает возможность
сделать следующие наблюдения в отношении этих сочетаний
в конце X — в XI в. в говорах славян болгарских.

В ряде памятников (Зограф., Мариин., Клоц., Синайский треб-
ник) отсутствует л' перед ѣ, и; но перед другими гласными „эпен-

тетический“ l' представлен. Несколько примеров из Зографского кодекса: кораб'ь — корабь, оставь, оставьша, прѣстѣнь, прѣстѣньша, зем'и — земн, корзѣн, корзѣнцю;

днѣл'ѣхж — днѣл'ѣхж, корабл'ѣ, любл'ѣше, земл'а, корзѣл'а, прѣмел'а, кѣжл'юблж, славл'ѣ са, земл'ѣж — земл'ѣж, корзѣлю.

В Зограф. и Син. тр. отсутствует л' в формах благословенъ. В этих формах отсутствие л' не представляет собою явления фонетического. Нет основания видеть в этом результат диссимиляции с предшествующим слогом, имеющим л. Формы благословен-представляют новообразование, которое несколько позднее отразится последовательно на образовании причастия прош. врем. страдат. залога глаголов с инфинитивной основой на -i: ловено, любено, просено, градено и т. д.

В Син. тр. нет л' в словах оумръчѣно, оумръчѣветъ. Утрата л' в этом сочетании произошла в зависимости от скопления артикуляции -rʂtʂl'е-. Можно полагать, что в языке писцов этих памятников (Зогр., Мар., Клоц., Син. тр.) или их оригиналов l' epentheticum утрачен был не в одно и то же время во всех положениях: ранее образование этого согласного перестало производиться перед ь, и (i).

Прочие старославянские памятники обнаруживают утрату „эпентетического“ l' не только перед ь, и, но и перед другими гласными. Несколько примеров.

Ассеман.: корабь, прѣломь, прѣстѣньше; корзѣн, възлюбѣнъ, благословѣнъ, любѣзше, маѣзше; земл; възлюбѣж.

Савв. кн.: корабь — корабь, оставьша, прѣстѣнь, корзѣн, възлюбѣнъ, ослѣбѣна, мавѣнне, вънемѣте, земьш, земьа, земьш.

Супр. рук.: корабь, оставьша, прѣстѣньша, докин (вм. дол'ин); възлюбѣнна, ослѣбѣиу, оставѣнна, оуправѣнъ, въскръмѣнъ, добѣю (вм. дол'ю), дрѣвѣю; днѣвѣхж, добѣш, капѣш, корабѣз; корабѣю, добѣюмоу...

§ 204. Теперь обратим внимание на то, каким образом передавались на письме замены прежних сочетаний с l'epentheticum. Перед ь, и нет особых обозначений при губном. Но перед другими гласными в ряде памятников (в Син. пс. и особенно в Савв. кн., в Супр. рук.) пишется ь или ѣ. Син. пс.: зем'ь, земьш. Примеры из Савв. кн. и из Супр. рук. см. выше. Применение знака ь или ѣ указывает на то, что артикуляция губного согласного не находилась непосредственно перед гласным (кроме i): ее отделяло какое-то образование; образование j (i): зем'ь = зем'ja. В Ассеманиевом кодексе отсутствуют ь, ѣ в этих случаях. Если отсут-

ствие этих знаков в таких написаниях не представляет собою неточности в передаче, то надо полагать, что в XI в. были такие болгарские говоры, в которых произошла ассимиляция j (вм. l') с предшествующим мягким губным согласным: земл'а → → зем'ja → зем'а.

Перед ь и i особой артикуляции (j или i) не выделялось. артикуляция замены палатального l' в этом положении ассимилировалась с ь и i и разделила его судьбу (утрата ь в слабом положении): корабь, прѣстѣпѣша.

§ 205. Кроме фонетического процесса изменения l' после губного согласного не в начале слова, появились сочетания без l' морфологического происхождения. Таково происхождение в некоторых случаях формы причастия прош. врем. страд. залога в глаголах с инфинитивной основой на -i с предшествующим губным согласным: -вн-, -бн-, -пн-, -мн: лѣзѣти, възлюбѣти и др. — възлюбѣнъ... В Супрасльской рукописи и в Саввиной книге, в которых пишется ь или ѣ на месте утраченного л', в передаче форм причастия прош. вр. страдат. залога в ряде случаев нет ь (ѣ) — наставѣни, отравѣнѣ, разломѣнѣ (Супр. рук.); възлюбѣнъ, прославѣнъ, благословѣнъ (Савв. кн.). Такие формы представляли собою новообразование, которое последовательно отразится несколько позднее на всех глаголах с инфинитивной основой на -i, — отразится в морфологической системе всех болгарских говоров, — и на востоке и на западе. Это новообразование состояло в том, что перед суффиксом -ен стала применяться глагольная основа с тем согласным, какой был и в других формах: просено, возено, обѣсено, простено.

Процесс утраты l'epentheticum не в начале слова пережит всеми болгарскими говорами. Современные говоры представляют указание на такую же замену сочетаний губного согласного с l', какая обнаружилась уже в XI в., по данным старославянских памятников: губн. согл. +j+ гласный или мягкий губн. согл. +j+ гласный: зем'ja и чаще зем'а. Говоры западной Болгарии и северной Македонии имеют mп', которое указывает на mј предшествующей фонетической стадии: земн'а. Изменение mј разного происхождения в mп' происходило во многих славянских областях: и украинские, и польские, и чешские (в Чехии и в Моравии) говоры знают п'(mп') такого происхождения вместо j после m. В некоторых из этих говоров возникновение п' нормировано было уже условием нахождения mј перед гласным заднего

ряда. Такой же фонетический процесс происходил и в неславянских языках. Напр., в новогреческих говорах (mn'a в м. mía), в румынских (n'edzu в м. mn'edzu, а это восходило к mēdius и др.).

Сохранение сочетания pl', bl' в начальном слого связано было с фонетикой начала слова: в этом положении слог в первой своей части представляет наибольшую высоту шума, которая благоприятствовала удержанию палатальной артикуляции pl', bl'.

§ 206. Наконец, замечание о форме зѣмн, часто встречающейся в старославянских памятниках. Возможно, что зѣмн представляет собою фонетическую замену более раннего зѣмѣн (зѣмѣн — им. ед.). С л (л') эта форма (зѣмѣн) также находится в памятниках, идя от ранних рукописных оригиналов. Но также возможно полагать, что форма зѣмн без л была в языке и в IX в. Эта форма от имени зѣмь с основой на -ї (-ь). При основе на -ї была основа и на -ja: zemja → zeml'a. Такие дублиеты форм этого слова имеются и в русском языке: бросил ná-земь; ударил ó-земь; лежа на земѣ, зем' была сырая (последний пример из Курской области, Белгородский район).

Палатальные согласные.

§ 207. О составе палатальных согласных старославянского языка см. в § 35. О происхождении их см. в соответствующих §§. В дополнение отметим следующее.

ѣ, жд. Это были палатальные št', žd'. Графика для этих согласных ясно указывает на такие элементы в образовании их: глаголич. **Ш** или **Ш** **ѣ**, **Ж** **ѣ**, кирилл. **ѣ** или **шт**, **жд**. Но среди книжных людей X—XI вв. были и такие, в речи которых были $\widehat{št'š}$ или $\widehat{št'š}$ и $\widehat{žd'ž}$ или $\widehat{žd'}$. При наличии $\widehat{štš}$ (шч) могло быть $\widehat{žd'}$, с утраченной фрикацией в конце звонкого образования. Редукция в образовании звонких согласных, как более слабых, чем глухие, выражалась в разное время в разных славянских языках. Такое состояние представляют говоры Македонии и юго-западной Болгарии и в позднейшее время: štš (шч) — ždž или žd. В других болгарских областях была пережита утрата фрикации в конце образования, — утрата и в голосовом и в безголосном образовании: št' — žd'. Такой процесс был пережит восточными группами славян болгарских и некоторыми группами на западе. št' — žd' во 2-й половине IX в. были и в говоре Солунского края. Лица же, в речи которых были $\widehat{štš}$ или $\widehat{št'š}$, $\widehat{ždž}$ или $\widehat{žd'}$ (или $\widehat{žd'ž}$), действовали не только на

Балканском полуострове, но были и в числе учителей восточно-славянских книжников: последние усвоили произношение буквы ψ как $\widehat{st\check{s}}$ (шч) — усвоили по произношению своих учителей. По их произношению русские книжные люди читали буквы τ и ψ как $\diamond$ и ϵ . Это также указывает на македонское происхождение южно-славянских книжных людей, работавших среди восточных славян в конце X — в XI в. У восточных славян $\diamond$ вместо сильного τ , ϵ вместо сильного ψ появились во 2-й половине XII в.

Происхождение старославянских ψ , μ было разное.

1) Вместо ранних доисторических $tj, d\check{j}$; о процессе изменения этих сочетаний см. § 139. В славянских группах, легших в основу болгарских, направление в изменении долгих палатальных $\widehat{t'}$, $\widehat{d'}$ (вм. $tj, d\check{j}$) было такое же, как и в группах, легших в основу других южнославянских (сербо-хорватских и словинских) и восточнославянских групп: $\widehat{t'} \rightarrow \widehat{t's}$, $\widehat{d'} \rightarrow \widehat{d'z}$. Отличие в фонетическом процессе в языке предков славян болгарских было то, что фрикация, как антиципация, появилась и перед затвором $\widehat{st's}$, $\widehat{zd'z}$. В дальнейшем происходило усиление фрикации: $\widehat{st's} \rightarrow \widehat{zd'z}$. Такие образования согласных представляют до сих пор говоры юго-западной Болгарии, Македонии и Албании. Но по этим говорам происходила утрата фрикации в конце голосового (звонкого) образования, при удержании ее в безголосном (глухом) $\widehat{st's} \rightarrow \widehat{zd'}$. В других болгарских группах происходила утрата фрикации не только в голосовом, но и безголосном образовании: $\widehat{st'} \rightarrow \widehat{zd'}$. Так в говорах юго-восточной Македонии и далее на северо-востоке (в восточноболгарских говорах). В этих говорах утрачена была фрикация во второй части $\widehat{st's} \rightarrow \widehat{zd'z}$ всякого происхождения (см. ниже). Итак: *сѣѣшъ, отъѣѣшати, поѣѣшати, люѣши* (ср. степень к лють); *меѣда, меѣдо, прѣѣда, поѣѣдати, постѣѣда сѣ, сѣѣждаѣ, граѣданиѣ, ѣѣжда, дѣѣда* (повелит. накл.); *енѣи ѣ говѣждаѣи жиѣи* (последний пример из Супр. рук.).

2) ψ вместо давних доисторических kt, gt перед гласным переднего ряда. Во всех славянских языках, как отмечено было в § 148, заменой kt (из kt и gt) перед гласным переднего ряда был долгий палатальный t' , который изменялся в доисторическое время так же, как из tj . Поэтому замены kt (gt) перед гласным переднего ряда по славянским языковым группам такие же, что и замены tj . Ст.-сл. *ноѣшь, поѣшь, вѣѣши* (вм. *velkti*), *дѣѣши, поѣѣшь* (вм. *romogtĭ*)...

В Киевских листках, как в памятнике моравском, отразилась в отношении замен tj , kt' и dj тамошняя западнославянская (чешско-моравская) черта — $ц$, $з$: $оѣцѣннѣ$ (ст.-сл. кириллич. $оѣцѣнниѣ$), $просѣцѣ$, $помощѣмъ$; $дазѣ$, $тоуѣзмѣ$ (ст.-сл. $тоужднмѣ$).

3) Вместо более ранних $\dot{s}t\dot{s}$, $\dot{z}d\dot{z}$, получившихся в доисторическое время во всех славянских группах вместо stj , zdj , вместо skj — zgj и вместо sk — zg перед гласным переднего ряда. См. § 141.

stj : $оунѣмъ$ $са$, $оунѣннѣмъ$ (вм. $očistjō$, $očistjen$; ср. $оунѣстѣти$); $тъѣмъ$ (вм. $tъstja$; мужск. р. $tъstь$), $поуѣмѣти$ (ср. $поустѣти$); $мѣѣннѣ$ (вм. $mъstjen$; ср. $мѣстѣти$).

zdj : $пригвождѣнѣ$ (вм. $prigvozden$; ср. $пригвоздѣти$, $гвоздѣ$, $гвоздѣннѣ$); $въгнѣждѣннѣмъ$ $са$ $въ$ $рабѣ$ $тѣмъ$ (Син. тр. $въгнѣждѣннѣса$).

skj , sk' : $нѣѣшѣ$ (ср. $нѣкѣти$); $дѣѣшѣца$ (ср. $дѣсѣна$); $ѣнтѣ$, $ѣѣнтѣннѣ$ (вм. $skejtō$; ср. лит. $skiētas$ — „поперечный шест у бороны“); $ѣадѣти$ — „шадить“, „пошадить“; ср. чередование с $ж$: $сѣмѣдѣ$ — $сѣмѣдѣ$ — „бедный“; $пѣнѣшѣ$ — „рукоплескание“ (Супр. рук.). В Киевских лл. отразилась и в отношении этой замены тамошняя чешско-моравская фонетическая черта $шт$: $зѣштѣти$ в соответствии старославянскому $шт$: $оуштѣннѣ$.

zgj , zg' : $дѣждѣ$ (ср. лит. $dūzgu$, $duzgtėi$ — „издавать глухой звук“), $нѣждѣти$ вм. $iždžiti$, а это появилось вм. $iz-džiti$; gi — $dži$ — $ži$ (см. § 148); $мѣждѣнѣ$ (вм. $mozdžan$ из $mozgēn$); $рѣждѣтѣ$ $сѣ$ $ѣко$ $огнѣ$ (Син. пс. $orz-gegei$ — $orz-džedžeti$ — $raždžezeti$ — ст.-сл. $рѣждѣтѣ$).

4) Вместо t , st , zd перед палатальным $г'$, $в'$, $л'$: $оухѣтрѣнѣ$ (прич. страд. зал. к глаголу $оухѣтрѣти$; ср. прилагат. $хѣтрѣ$): $сѣмѣтрѣ$ 1 л. ед. ч. наст. вр. (инфин. $сѣмѣтрѣти$): $сѣмѣтражѣ$ вм. $сѣмѣтражѣ$ (Супр. рук.), $оѣтрѣ$ ($оѣстрѣти$), $вртѣ$, $изѣмѣтрѣна$ (Син. пс.), $оумѣрѣлѣнѣ$; $оумѣдрѣти$ ($оумѣдрѣти$).

§ 208. * — $з$ ($з$). Аффриката $dž$ появилась вместо g в определенных фонетических условиях в доисторическое время; см. §§ 142—148. Такая аффриката находилась в системе языка кирилло-мефодиевских переводов. Об этом с несомненностью свидетельствует глаголическая графика: для передачи этого согласного в глаголице служил особый знак, отличный от знака для согласного $з$: * (название буквы было „дѣѣлѣ“, позднее „зело“) для $dž$, ѣ для z ($з$). В составе кириллицы, как представляет ее письмо старославянских памятников XI в., не было особого знака для $dž$. Буква $з$ („дѣѣлѣ“ — „дѣѣлѣ“, по позднему произношению название этой буквы „зело“) служила в качестве цифры „6“ и только позднее в среднеболгарских памятниках $з$ или $ѣ$ обозначала и

аффрикату $\widehat{dz}$. В кириллических памятниках XI в. в случае необходимости передать согласный $\widehat{dz}$ пользовались видоизменением буквы z : z . Так в листках Ундольского, Хиландарских, Зографских, Македонском.

Данные старославянских памятников указывают на изменение, пережитое болгарскими говорами в отношении аффрикаты $\widehat{dz}$: по говорам она утратила затвор, — явление, пережитое в разное время славянскими языками в звонких аффрикатах ($d\check{z}$, dz). Болгарские говоры XI в., сохранившие эту аффрикату, отразились в следующих старославянских памятниках: в Синайской пс., в Ассеманиевом кодексе и в названных выше кириллических отрывках с z (в листках Ундольского, Хиландарских, Зографских, в Македонском). Несколько примеров.

Син. пс.: $szlo$, $szvzdy$, $nozz$, $polzz$ в м. $polzz$, $mznoz$, $vrazz$, $vrazn$, $pozoz$, $kznmz$, $stzsm$ (им.-вин. множ.), $gobzjomz$ — „изобилующим“, — перевод греч. $tolz$ $eubh$ $uobz$; прилагат. $gobz$, ср. гот. $gabigs$ — „изобильный, богатый“, $pozmyz$ — „отнима, възвиза“.

Посредством z передано и греческое ζ в заимствованном слове $topanzno$ — греч. $topaziov$: $zazta$ и $topanzny$ (164). Хиланд. лл.: $pol'z$, vz , $mznoz$.

В Синайской пс. находится написание с z вместо s в повелит. накл.: $razdz$, 30, 18 — „разожги“. В этой форме была аффриката dz : $-zdzil$ Вероятно написание Синайской пс. указывает все-таки не на z , а на s (dz); редуцированный y после jd , находясь в слабом положении, был утрачен; оказалось сочетание $jd dz$, которое изменилось в $jd z$, что и передано посредством z со вставочной буквой z : $razdz$ — $razdzi$ ¹.

Зограф. лл. $mnoz$; $polz$, $podz$.

§ 209. В говорах того времени, имевших в своей системе аффрикату dz , такое же образование появилось в некоторых словах и вместо давнего z . Так было в начале слова и реже между гласными — zak — zak и с префиксом pro : $prozak$ в Ассеман., $prozak$ в лл. Ундольского. То же явление представляют среднеболгарские памятники письменности и современные говоры юго-западных болгарских областей (в юго-западной Болгарии и в Македонии). Примеры из области Охрида (в юго-западной Македонии):

¹ Другой пример с z вместо s , находящийся в печатном издании памятника, zaz на 49^{об}, 14, недостоверен: в словарном указателе это слово показано с s .

1) в м. давнѣго s: дзвезда, блаѣзе — „хорошо“, дѣлди — именн. множ.; 2) в м. z: дзѣмнам вместо дзѣбнам — „зябну“ (Велес), дзид — „стена“, сѣлдза — „слеза“, нѣдзот — „назад“ и др.

§ 210. *сѣ* — *ст*, *зл*. Сочетание *сѣ* было в языке кирилло-мефодиевских переводов вместо давнего *sc*, появившегося в доисторическое время в связи с процессом изменения задненебных согласных *k*, *g*, *ch* в *c*, *dž*, *š*: *стѣ* вѣсѣньнѣ сѣго (Син. пс.), *сѣ* оудръжѣньнѣ людѣцѣмь, старѣци юдѣнѣци, *сѣ*троци вѣрѣнѣци (Син. тр.).

Сочетание *sc* представляли и восточнославянские языки.

В западнославянских языках было *šč*, получившееся в давнее время вместо *sc*. Такое изменение *sc* было вызвано следующим: перед палатальным *c* согласный *s* был тоже палатальным (*š*); в группах же, легших в основу западнославянских языков, палатальный *š* изменился в *š*, при шипящем же *š* и аффриката стала образовываться с шипящей фрикацией: *sc* (*šc*) → *šč*. Ср. судьбу *st'*, *zd'* вместо *stj*, *zdj*: *st'* → *št'* → *št'*^š повсюду у славян (§ 139). В отдельных западнославянских группах происходила утрата второго шипящего элемента *šč* → *št'*. Так по говорам чешским, в лужицких языках. Итак: чешск. *v Polšt'e*, старопольск. *v Polšče*. (Совершенно безосновательна попытка объединить процесс изменения *skě* в западнославянских и восточнославянских, в противоположность процессу, отразившемуся в южнославянских языках: „Revue des études slaves“, VI, 216—223).

По болгарским говорам произошла утрата второго фрикативного элемента: *šs*(*sc*) → *st*(*ct*). Результат такого изменения отразился в ряде памятников: *людѣстни*, *земьѣстни*, *фѣрсѣстни*, *морѣстѣ*, *на дѣстѣ* и др. Но были говоры, в которых такое изменение не отразилось. Так в памятниках: Син. тр., Клоц. Сб., Савв. книга, в более архаической части Зографского кодекса (при одном случае с *ct*: *галилѣистѣмь*).

Примеров к *zaz* в старославянских памятниках нет, кроме одного *дразѣ* — местн. ед. (Супр. рук.) к имени *дразга* — „лес“. Ничего определенного нельзя сказать о судьбе *zaz* в разных болгарских группах IX—XI вв.

Особо отметим сочетания суффиксов (префиксов) на *z*(*s*); *iz*, *bez*, *orz* (*raz*), *vъz* — со словом, начинавшимся с *z*, *s*, *š*, *c*, *č*. Перед *s*, *z*, *š* в старославянском языке был представлен результат фонетического изменения: один согласный обычного образования *c*, *z*, *ш* вместо долгих *ss*, *zz*, *šš*, получившихся некогда вследствие объединения артикуляции согласного в предлоге и согласного *s*,

z, š, которым начиналось слово: възълобы, възакѣнени, ншѣдъ вѣм. isšydъ, възнѣти.

Перед ч сочетания с этими предлогами в памятниках старославянского языка представлены не в одинаковом виде во всех случаях.

1) сч: исцѣлѣти — в разных памятниках; вѣсцѣннаго (Супр. рук.).

2) ст: с результатом того же изменения, как и в окончании слова: sc → st: исцѣлѣти в Син. пс., в поздней части Зограф., 1 раз в Супр. рук.

3) и, вѣ-: исцѣлѣти в разных памятниках; и-црѣкъво (Зограф.), и-црѣке (Остром.), ицѣлѣн, ицѣлѣно, вѣсцѣнныа (Син. тр.). Повидимому, такие сочетания возникли под влиянием сочетаний с предлогом (префиксом) нз (нѣ), въз (вѣс) перед з, с, ш под влиянием ншѣдъ, вѣ-зълобы...

1) С результатом фонетического изменения: sč → šč → št' (щ) ипрѣзѣ, ипрѣзати — „исчезать“, ипрѣва — „из чрева“, иштѣсти; ишѣдѣю вѣм. is-šed-; вѣшѣдѣнъ — „бездетный“; вѣшѣслѣнъ — „бесчисленный“.

2) н-ѣ-, вѣ-ѣ-: н-ѣрѣва, нѣвѣзати, вѣ-ѣсти (именит. ѣсть). Эти сочетания возникли так же, как ицѣлѣти, вѣсцѣннѣ.

В Синайском требнике отразилось различие в звуковом виде образований с предлогом (префиксом) нѣ сравнительно с образованиями с предлогом (префиксом) вѣс: -н- ѣ- вместо нѣ-ѣ — вѣшѣ вместо вѣс-ѣ-: иѣрѣва, масть нѣ иѣтѣна. Но иѣвѣзоша, так как префикс нѣ здесь не воспринимался языковым чутьем говорящего: иѣлѣсть вѣшѣслѣнѣ, вѣшѣслѣнѣхѣ.

3) Изредка книжное образование с нѣ-, въз, вѣс: нѣ ѣрѣва (Савв.), възѣ ѣнѣла, вѣсѣѣстѣнѣ, вѣсѣѣудѣнѣ (последние 3 примера из Супр. рук.).

§ 211. л', н', р'. В образовании палатальных л', н' не было пережито изменений, кроме сочетаний с палатальным л' после губного согласного не в начале слова: зѣм'лѣнъ → зем'я → зем'а.

Что касается палатального р', то, может быть, в некоторых болгарских говорах XI в. не было уже палатального р'; произошло отверждение его. Может быть, на такое явление указывают написания рѣ вместо рѣ (рѣ), рѣу вѣм. рѣ, рѣ вѣм. рѣ в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи.

Савв. кн.: расѣрѣлѣ, варѣтѣ — „ожидает“, сѣмѣрѣтѣ сѣ и др. Но имеются обычные написания с рѣ (вѣм. рѣ): морѣ род. ед. сѣмѣрѣлѣ... Супр. рук.: сѣтворѣ, творѣста, ѣузѣрѣ, покарѣмѣ (при покар'ѣмѣ), сѣм'ѣлѣра, сѣм'ѣларѣу, тут же именит. ед. сѣмѣларѣ, сѣм'ѣларѣни, греч. σακελλάριος — „казначей“.

§ 212. ш, ж, ы, ѡ (шт), жд, ц, з — з, с (š: вьса, вьсе). В фонетической системе тех болгарских говоров, которые легли в основу языка кирилло-мефодиевских переводов, эти согласные были палатальными („мягкими“). После этих согласных гласные заднего ряда а, у, о были передвинуты несколько вперед в зависимости от палатальности предшествующего согласного: ǎ (среднего ряда) или ǣ (переднего ряда), ǐ (среднего ряда) или ǫ (переднего ряда), ѡ или ѣ. Написания ǎ (ѣ в кириллических памятниках) вм. а, ю, ѡ могут свидетельствовать о таком произношении гласных и вместе с тем о мягкости предшествующих согласных.

Киев. лл.: нашѣ (= наша), мьшѣ (= мьша — messa), срьдѣцѣ, ѡбѣцѣ... .

Син. пс.: ыша, жѣбы (= жаты), шюмоу, ыюдоу, ыцю, наоуты, прѣтѣты, хѡды, вѣзѣцы, вьса (именит. ед. жен. = вьса), вьсѣ (вин. ед.), вьсѣкъ и др.

Такие написания имеются и в других старославянских памятниках. Но во всех дошедших до нас памятниках находятся и написания с а, ѡу, ж: наша, прѣтѣа, мѣжа... Так и в Киевских лл.: съгрѣшати, папожа, срьдѣцѣ. Так и в других памятниках. При этом написания с ю после ы, ш, ж (ыюта, мѣжю, шюмѣ) встречаются чаще, чем написания с ѣ вм. а: ыасѣ, наша, мѣжа, ѡужасѣ... Но в Супрасльской рукописи обычно ѡу: ыоудо, ыѣшѡу, жоупаны...

В написаниях с а (вм. ѣ — ǎ) после ы, ш, ж и других давних палатальных согласных видят обычно указание на отверждение этих согласных, а более частые написания с ю (мѣжю, шюмѣ) объясняют не тем, что предшествующий согласный был мягким, а тем, что буквою ю писцы передавали здесь гласный ǫ, т. е. в образовании согласного произошло изменение — он отвердел, а следовавший за ним ǫ, ранее зависевший в своем переднем образовании от палатальности согласного, остался без изменения ǫ. С таким объяснением нельзя согласиться. В отношении мягкости судьба палатальных ы, ж, ш была не во всех говорах одинакова с судьбою ц, з — з, с'. Написания с а (ыасѣ, а не ыѣсѣ, наша...) не представляют обязательного указания на отверждение ы, ш, ж. Такое написание могло отражать диссимиляцию, происшедшую в сочетании мягкого (палатального) согласного с гласным переднего или среднего ряда, — процесс, подобный давнему славянскому изменению ě в а после j, č, ž, š: kričati, žagъ, slyšati. После ш, ж в среднеболгарскую эпоху произошло изменение ǎ в ѣ, произошло независимо от твердости этих соглас-

ных. Данные современных болгарских диалектов в отношении шипящих согласных представляют следующее. В одних из них ч, ш, ж, шт (шч), жд (ждж) являются мягкими в той или иной степени. Такими являются эти согласные преимущественно на юго-западе, в говорах Македонии и соседних местностях юго-западной Болгарии. В других говорах шипящие согласные тверды. Как видно, отверждение шипящих согласных не произошло в значительной языковой болгарской области. Мягкими были эти согласные, разумеется, и в IX—XI вв., в говорах, отразившихся в языке старославянских глаголических памятников XI в. Полагаем, что и на востоке Болгарии отверждение ч, ш, ж, шт, жд относится к среднеболгарской эпохе.

§ 213. Что касается ряда ч, з (з), с (сьсч), то можно полагать, что их отверждение произошло гораздо ранее диалектического отверждения шипящих согласных: по болгарским диалектам ч, з (з), с были тверды уже в XI в. В отношении этих согласных обращает на себя внимание обычное написание чѧ, зѧ (зѧ): написания чѧ, зѧ (зѧ) редки. Также обычны -соу (-зоу): кѧнасоу (кѧназоу), пѧнасоу (пѧназоу). Отметим судьбу сочетания чѧ: в XIII в. в говорах западной Болгарии и северо-восточной Македонии было чѧ вм. чѧ (чѧнѧ), изменения же ѧ после других согласных еще не обнаруживалось. Более раннее изменение ѧ (ѧ) в ѧ в этом положении находилось в связи с отверждением согласного ч. Параллельно с отверждением ч происходило отверждение з (з): полѧса — полѧза. Кроме написаний -за (-за) старославянских памятников, о твердости з (вм. з) может косвенно указывать и книжное русское пол'за с твердым з вместо русского пол'з'а с мягким з', как это представлено и доныне в севернорусских говорах.

Был твердым с в местоимениях всѧ, всѧ по болгарским диалектам XI в. Несомненно, таким он был в говорах, отразившихся в языке Супрасльской рукописи, Саввиной книги. С таким с были эти местоимения и в восточноболгарском оригинале Остромирова евангелия.

Согласные перед гласными переднего ряда.

§ 214. В фонетической системе всех славянских языков некогда согласные перед гласными переднего ряда были мягки. Имеются следы такого образования согласных и в системе давнего,

доисторического времени. Но степень палатализации согласных перед гласными переднего ряда была не такой высокой, с какой артикулировались палатальные *j*, *r'*, *l'*, *n'*: перед гласным переднего ряда мягкость согласных была средней; см. § 148. Такими были согласные в этом положении в старославянском языке. На мягкость их может указывать такая деталь письма. В Мариинском и Зографском кодексах имеются написания модифицированного юса малого, с хвостиком с левой стороны **ѣ**. Такой знак употреблялся в передаче формы именит. ед. мужск. и средн. рода причастия наст. вр. в основах на *e/o* и для глаголов *быти*, *ѣсти* (*ѣсти*): *градѣ*, *сѣ*, *ѣдѣ*. Традиционным окончанием формы причастия наст. вр. именит. ед. в этих основах было *-ы(у)*: *грады*, *сы*, *ѣды*. В разных славянских языках пережито было объединение в окончании этих форм с формами основ на *-i*, где окончанием был гласный *-a* или его замена: *pose* (*носа*), *vide* (*вида*). При этом объединении сохранилась твердость согласного, с какой он произносился перед *ы*: *vedy* (*вѣды*), *grědy* (*грады*): *vede*, *grěde*; ср. в истории русского языка наличие форм этого причастия с *a* с заменой более раннего *ę* и с твердостью предшествующего согласного: *веда*, *неса*, *мога*; ср. в чешском языке ту же форму на *a* после твердого согласного: *veda*, *pleta*... То же происходило и в болгарском языке: объединение в окончании *-a*, но с сохранением твердости предшествующего согласного. Чтобы отметить такое произношение *-da*, *-sa* и др. в *града*, *са*, *ѣда*, писцы изменили знак **а** (**ѣ**): **ѣ**. Такая отметка понадобилась потому, что ею хотели отличить эти *-da* (*-dѣ*), *-sa* (*-сѣ*) от основ на *-i*: *вида*, *проса*: последние отличались от *градаѣ* не гласным, а согласным: в *градаѣ* он был твердым, а в *вида* не твердым, мягким в той или иной степени. В Мариинском кодексе встретилось дважды *горѣ* с **ѣ** и в основах на *-i*: традиционным было *гора*. Возможно, что и в данном случае отмечалась твердость согласного, твердость *р*: его отверждение произошло уже по болгарским диалектам того времени.

В таком же направлении изменялась эта форма в других болгарских говорах XI в., отразившихся в прочих старославянских памятниках. В этих памятниках нет особого значка, который указывал бы на твердость предшествующего согласного в этих случаях: пользуются знаком **а** (**ѣ**) — *градан* (сложная форма *града-* и в Мариин.), *жида* в Син. тр., *градан*, *са* (вместо *сы*) в Сб. Клоца, *грама* в Ассеман. ев., *жѣра*, *ѣда* в Супр. рук., *жида*, *са* в Савв. кн.

Фонетико-морфологическое значение этого окончания было то же, что и окончания с гласным, переданным в Зографском и Маринском ев. посредством ѣ.

Отвердения согласных перед гласными переднего ряда не было в XI—XII вв. по болгарским говорам (кроме отвердения р'; процесс отвердения был иного содержания и не зависел от следующего гласного). Если бы согласные перед гласными переднего ряда отвердели, то неизбежно изменился бы гласный *ā* (*a*) из *ĕ* (*lĕto*). Полагаем, что он изменился бы при отвердении предшествующего согласного в *e*: произошло бы взаимное сближение артикуляции согласного и гласного, — процесс, противоположный более раннему процессу изменения *чъ* в *ча*: *ч* отвердевал, а следовавший за ним *ъ*, имевший более открытое образование, чем он имел позднее по болгарским диалектам на западе, изменился в *a*. Процесс изменения *t'ā* в *te* (*t* какой-нибудь согласный) происходил в среднеболгарский и новоболгарский периоды на юго-западе болгарской области (процесс этот проходит в разное время по западноболгарским группам). Далее держалось более открытое образование *ъ* (*ā*) на востоке Болгарии. Там и больше следов мягкости согласного перед гласным переднего ряда, в том числе перед *ā*, а также перед *a* из *ā*: *л'ато* в Родопах и на северо-востоке; *л'ато*, но *летен* в Прибалканье.

Группы согласных. Конец слова.

§ 215. Вследствие утраты слабых *ъ*, *ь* оказались сочетания согласных, в том числе такие сочетания, которые раньше были не свойственны фонетической системе: *та*, *да*, *ти*, *ди*, *пѣ*, *пи*, *ли* и др.: *сѣт[ъ]лост[ъ]*, *д[ъ]ни*, *п[ъ]тица*, *сгнѣта*, *п[ъ]си* и др.

В это время, в XI в., появились подобные сочетания и иного происхождения, — сочетания, оказавшиеся при новом образовании основы. В языке старославянских памятников находятся слова с *пи*, *ви*, возникшими вследствие нового присоединения суффиксов *-нж-* (в инфинитивной основе), *-нв-* (в наст. времени) к корню на *-н*, *-в*, т. е. к корню в том звуковом виде, в каком он находился перед гласным в других образованиях: *въ доунаѣ истопниѣша*, *ослыпниѣша* (Супр. рук.) с *-н* как *слѣп-*; *погыбнѣти* (Марин., Син. пс.) — с *гыб-* как *погыбати*; *прозѣбнѣти* (Марин., Син. пс.), — с *зѣб-* как *прозѣбати* и т. п.

стр.: появился вторичный согласный *т* между *с* — *р* взамен давнего сочетания *sor-* (*ser-*) перед согласным: *страм[ъ]* вместо более

раннего срамъ (из согшъ). Так в Синайской псалтыри: *страмомъ* срамить см. Такое явление (str-), со вторичным t, было пережито почти всеми говорами Македонии и юго-западной Болгарии: *страм*, *страмота*, *страчка* („сорока“), *стреда*, *стред* („среди“). Там же находится и сочетание *zdr* со вторичным d: *здрее(т)*, *здрав*.

жств → ств: *жство* вместо *въжство* (Маринин. и др.);

сд → зд: *здо* вместо *съдо* (Зограф.);

кд → гд: *гдо*, *гда* вместо *къдо*, *къда* (Маринин.).

гк: по утрате редуцированного гласного оказалась группа согласных гк в прилагательном *лгъга*, *лгъко*. Эта группа в одних славянских языках подверглась диссимилиации: гк → кк (ср. в русском *лехка*). В других языках сочетание гк ассимилировалось в долгий к(кк). Так было в южнославянских языках. Такое изменение отразилось в Син. тр.: *лэкъков*, *болъзнь*, *лэкъка*.

кч → хч. Любопытное указание представляет Супрасльская рукопись в отношении судьбы сочетания согласных кч, оказавшихся рядом после утраты ъ: кч → хч — *кн'ихуни* (69).

§ 216. С утратой слабых ъ, ь изменился весьма значительно конец слова: раньше слова оканчивались только на гласный, теперь же много слов получило иное звуковое оформление: они стали оканчиваться на согласные: *бъзд*, *друг*, *сын*, *мѣт'*, *нескѣт...*

Вследствие тесного объединения слов во фразе произошла в ряде сочетаний ассимиляция конечного согласного одного слова с начальным согласным следующего слова, — явление, отмеченное выше и в отношении гласных. Многочисленные примеры такой ассимиляции находятся в Син. пс.: *на-дѣлы* *вм*, *над-дѣлы*; *бѣ-зѣла* *вм*. *бѣз-зѣла*, *памѣ-тѣѣ* *вм*. *память-тѣѣ*, *оудобѣлѣж-тѣгда* *вм*. *оудобѣлѣжѣ-тѣгда*, *подѣ мѣзыкамонѣ* *вм*. *подѣ мѣзыкамѣ-монѣ*. Из Супр. рук. *мѣзда* — *многѣмѣ*.

По говорам согласные губные в конце слова, по утрате конечного ь отвердели: *въмѣ* 1 л. ед. → *въм*; *прѣдѣмѣ* → *прѣдѣм*.

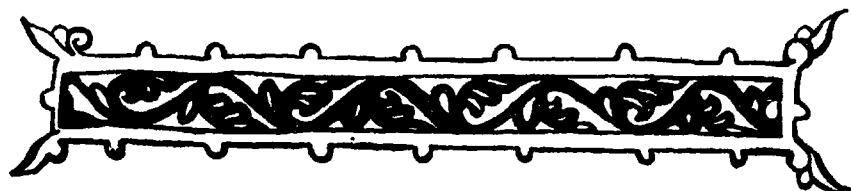
§ 217. О сочетаниях, в которые входили предлоги (префиксы) *вън-*, *сън-*, *кън-*, см. замечания выше, § 150: *вънѣдрѣ*, *вънѣтрѣ*, *вънѣти*, *въноушѣти*, *кънѣмати*, *кънѣмѣнѣ*, *сънѣти*, *сънѣмѣ*, *сънѣмѣнѣ*, *вънѣ*, *кънѣмоу*, *сънѣмѣ...*

В сочетаниях предлогов с именами, начинавшимися с гласного звука, в старославянских памятниках нет *въ*, *съ*, *къ*: уже задолго до IX в. произошло в славянских языковых группах обобщение этих предлогов в виде *въ*, *къ*, *съ*: *въ оустѣхѣ*, *къ отѣ*

цоу, съ отьцсмь. Редким реликтом было сочетание с вън: *вонль мой прѣдъ нмъ выидеть вън оушн его* (Син. пс.)

Что касается образований с префиксом *въп-*, *зъп-*, то утвердились сочетания в древнем звуковом виде: *въпнѣ*, *въпнѣжъ*, *въплѣти*, *въплѣши*, *съпнѣти* („сойти“), *съпнѣнѣти се* („собираться“), *съпнѣмъ*, *съпнѣмъце*, *съпнѣдъ*, *съпнѣдѣти*, *съпнѣсти*, *въноушнѣти*, *вънѣжъ*. Но в отношении глагола *въноушнѣти* и наречия *вънѣжъ* отражается в старославянском языке новшество: при традиционных сочетаниях *въноушнѣти*, *вънѣжъ* применяются и новообразования с префиксом *въ*: *вънѣжъ* (Син. тр.), *въноушнѣти* (Син. пс.): *въноушнѣ моленъе мое*; *оуслъ[и]шите се вси языци: въноушите вси живущи по вселенны*; в Синайском требнике: *въноушнѣ глы оустъ монахъ* — в псалме 67-м, — так же как и в Син. псалтыри.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Введение. Фонетика

ВВЕДЕНИЕ

Начало славянской письменности

§ 1. Старославянский язык	7
§ 2. Источники по истории возникновения древнейшей славянской письменности: славянские, греческие, латинские	—
§ 3. Главнейшие факты из истории славянской письменности	9
§ 4. Деятельность учеников Мефодия у хорватов и в Болгарии	14
§ 5. Судьба старославянской письменности в Моравии и в Чехии	—
§ 6. Элементы языка кирилло-мефодиевских переводов. Исторические и лингвистические (словарные и синтаксические) указания, свидетельствующие о славяно-болгарской основе языка старославянских переводов	15
§ 7. Фонетические и морфологические черты языка кирилло-мефодиевских переводов, указывающие на язык болгарских славян как на основу языка старославянского	20
§ 8. Паннонская теория. Слова латинские и немецкие в языке старославянских памятников	23
§ 9. Элементы языка славянского городского населения, отразившиеся в старославянском языке. Книжные, литературные элементы старославянского языка	25
§ 10. Переводческая техника Константина и его учеников	28
§ 11. Переводы более поздние, X—XI вв.	31
§ 12. Тюркские слова в старославянских памятниках	33
§ 13. Термины по отношению к языку древнейших славянских переводов: древнецерковнославянский, древнеболгарский, старославянский	34
§ 14. Значение изучения старославянского языка	—
§ 15. Славянские азбуки. Глаголица и кириллица. Анализ некоторых бунв Киевских листов по сравнению с буквами других глаголических рукописей. Моравское происхождение писца Киевских листов. Писцы других глаголических памятников	35

§ 16. Памятники, писанные кириллицей. Их писцы. Черты языка этих памятников по сравнению с языком памятников глаголических	38
§ 17. Источники кириллицы	39
§ 18. Источники глаголицы	43
§ 19. Числовое значение букв кириллицы и глаголицы	53
§ 20. Надписные знаки. Знаки препинания	—
§ 21. Взаимоотношения между кириллицей и глаголицей	55
§ 22. Возникновение кириллицы	59
§ 23. Применение глаголицы на востоке Болгарии	60
§ 24. Палимпсесты	61
§ 25. Названия „кириллица“ и „глаголица“	62
§ 26. Порядок букв в славянских азбуках	63
§ 27. Анализ статьи Храбра о письменах	64

Старославянские памятники

§ 28. Памятники глаголические	67
§ 29. Памятники кириллические	74
§ 30. Памятники, написанные на основе старославянских рукописей у восточных славян, у хорватов, у сербов, у чехов	78
§ 31. Памятники с чертами чешского языка	79
§ 32. Памятники с чертами сербо-хорватского языка	80
§ 33. Словинские (Фрейзингенские) тексты	81
§ 34. Памятники с чертами русского языка	82
§ 35. Среднеболгарские памятники	92

Звуковой состав старославянского языка

§ 36. Гласные и согласные звуки и их обозначения	94
§ 37. Актуальность некоторых фонетических тенденций, отразившихся на передаче заимствованных слов	99
§§ 38—40. Отношение старославянского языка к другим славянским языкам	100—103

ФОНЕТИКА

Общественное и языковое состояние славян доисторической эпохи

§ 41. Ранние исторические упоминания о славянах. Область ранних славянских поселений. Общественный строй славян и их занятия. Свидетельство лексики	107
§ 42. Языковое состояние славянских родовых групп доисторической эпохи	109
§ 43. Анализ языковых процессов доисторической эпохи	—

а

§§ 44—47. Гласный а. Его долгота. Происхождение	112—114
---	---------

о

§§ 48—51. Гласный о. Его краткость. Происхождение. Изменение о у славян	114—116
---	---------

и

§§ 52—55. Гласный и. Его долгота. Фонетическое положение. Происхождение. Разная интонация на и	117—119
--	---------

у (ы)

- §§ 56—61. Гласный у (ы). Долгота. Происхождение. Дислабиализация гласных ъ и ѣ. і вместо и после палатального согласного 120—123

е

- §§ 62—63. Гласный е. Краткость гласного е. Его положение после непалатальных и палатальных согласных. Изменение гласного е. 123—125

ѣ, ѡ

- §§ 64—66. Гласный ѣ. Долгота ѣ. Фонетическое положение. Происхождение. Разная интонация на ѣ 125—127

- § 67. Образование ѣ 129

і

- § 68. Долгота гласного і . . . 133

- §§ 69—74. Происхождение гласного і 133—138

ѡ, ѣ

- §§ 75—76. Носовые гласные ѡ, ѣ. Их образование по славянским группам 139—142

- § 77. Гласные в сочетании с носовыми п, т по славянским группам 142

- § 78. Долгота ѡ, ѣ —

- §§ 79—84. Происхождение ѡ, ѣ не в конце слова. Разная интонация на ѡ, ѣ 142—148

- § 85. Носовые гласные в конце слова . . . 148

- § 86. Носовые гласные позднейшего происхождения 152

ѡ, ѡ

- § 87. Редуцированные гласные ѡ, ѡ. Их образование . . . 152

- §§ 88—90. Происхождение ѡ, ѡ . . . 153—155

- § 91. Ослабленная ступень в давнем чередовании о—е . . . 155

- § 92. Редукция слова в зависимости от значения его и от способа произношения . . . —

ѣ, і

- § 93. Редуцированные ѣ, і. Их происхождение . . . 159

тѣрт, тѣрт, тѣлт, тѣлт

- § 94. Слоговая функция плавных и ее судьба в славянских языковых группах . . . 160

- § 95. Палатализация т в сочетании тѣрт. Лабиовеляризация і перед согласным в языке предков восточных, поморских и полабских славян 162

- § 96. Долгота слога с тѣг, тѣг, тѣт, тѣт перед согласным —

- § 97. Интонация этих слогов . . . 163

тѣрт, тѣрт, тѣт, тѣт

- §§ 98—99. Сочетания тѣрт, тѣрт, тѣт, тѣт . . . 164—165

- § 100. Их судьба в славянских языках 165

ог, ег, ол, ел перед согласными

- § 101. Сочетания ог, ег, ол, ел . . . 166

- § 102. Долгота и интонация ог, ег, ол, ел перед согласным 167

- § 103. Изменения ог, ег, ол, ел . . . 168

- § 104. čelt, želt и их изменения . . . 172

- §§ 105—107. ort, olt в начале слова . . . 173—175

Положение славянских языковых групп среди других индоевропейских языков в отношении согласных

§ 108. Согласные s, z в соответствии согласным k, g некоторых других языков .	176
§§ 109—111. Славянские k, g и соответствующие им согласные в других индоевропейских языках	178—179
§ 112. Славянские соответствия придыхательным согласным других индоевропейских языков	180

Небно-зубные t, d, n, s, z

§ 113. Согласные t, d	182
§ 114. Согласный n	—
§ 115. Согласные s, z	183

s—ch

§§ 116—123. Согласный ch у славян и его происхождение	184—185
§ 124. Вопрос о согласном h	190

Плавные r, l, I, l'

§ 125. Плавный r . . .	194
§ 126. Плавные l, l, l'	—

m, p, b, v

§ 127. Губные m, p, b, v	195
--------------------------	-----

u, w, v

§§ 128—130. Губно-зубной v, билабиальный w, неслоговой u .	195—196
§ 131. ur, ul в начале слова	197

i, j

§§ 132—133. Неслоговой i и согласный j	197—198
--	---------

k, g, ch

§ 134. Изменение k, g, ch в ċ, ž, š	199
§ 135. Изменение k, g, ch в c, dz, ś перед заменой дифтонга oi, т. е. перед é, i	200—201
§ 136. kvě-, gvě- в славянских языковых группах	201
§ 137. Передача заимствованных слов с k, g перед гласными переднего ряда	204
§ 138. c', dz', s' вместо k, g, ch после i, ě, ь	205

Сочетания согласных с j

§ 139. Сочетания kj, gj, chj, nj, rj, lj, sj, zj, tj, dj	208
§ 140. Сочетания губных согласных с j	—
§ 141. Сочетания skj, zgj. Сочетания stj, zdj	209
§ 142. Происхождение š, ž, ċ	210
§ 142a. Сочетание sk' в начале слова	—

Группы согласных

§§ 142б—147. Группы согласных	210—217
---	---------

Согласные перед гласными переднего ряда

§ 148. Согласные перед гласными переднего ряда	218
--	-----

Начало и конец слова

§§ 149—151. Начало слова	219—224
§§ 152—153. Конец слова. Фонетика конца слова.	224—226

Количество слога

§ 154. Количество слога. Сокращение долгот в давнее время	233
§ 155. Позднейшие долготы	234

Интонация. Акцент

§§ 156—157. Интонация. Акцент	235—236
§ 158. Метатония	236
§ 159. Интонация на кратком слоге	239
§ 160. Изменения в месте ударения	240

Чередование гласных

§ 161. Чередование гласных. Фонетико-морфологическое значение чередования	242
§ 162. Двухслововые базы и их редукция	245
§ 163. Чередование долгих $\bar{e}$, $\bar{o}$, $\bar{a}$ со ступенью редукции $\bar{e}$ — у славян $\bar{e}$, $\bar{a}$, $\bar{a}$, $\bar{y}$, $\bar{y}$	246
§ 164. Морфологическое значение чередования гласных в языке славян	—
§ 165. Чередование e — o	247
§ 166. Чередование em (en) — om (on)	248
§ 167. Чередование eg (el) — og (ol)	250
§ 168. Чередование eu — ou	253
§ 169. Чередование $\bar{e}i$ — $\bar{o}i$ . . .	256
§ 170. Чередование долгих $\bar{e}$, $\bar{o}$, $\bar{a}$. Чередование с $\bar{a}$	257

Фонетические черты языка старославянских памятников

§ 171. Фонетические черты памятников старославянского языка . .	259
§§ 172—176. $\bar{z}$ в старославянском языке . . .	259—268
§§ 177—179. $\bar{z}$, $\bar{a}$ в старославянском языке. Образование этих гласных	268—271
§§ 180—181. $\bar{z}$, $\bar{a}$ в Синайской псалгыри и в Маринском кодексе	272—277
§ 182. Дублиеты с $\bar{z}$ и $\bar{o}$	277
§ 183. Дублиеты с $\bar{z}$ и $\bar{z}$ . . .	278
§ 184. $\bar{z}$, $\bar{a}$ в старославянском языке. Позднейшие $\bar{z}$, $\bar{a}$ в передаче заимствованных слов	279
§ 185. Изменения $\bar{z}$, $\bar{a}$, отразившиеся в языке старославянских памятников. Утрата $\bar{z}$, $\bar{a}$	281
§ 186. $\bar{z}$ вместо $\bar{z}$, $\bar{a}$ в начале слова	285
§ 187. Смещение $\bar{z}$, $\bar{a}$ . . .	—
§§ 188—189. $\bar{z}$, $\bar{a}$ в сильном положении. Показания старославянских и среднеболгарских памятников, с одной стороны, и современных болгарских диалектов — с другой	290—293
§ 190. Редуцированные $\bar{z}$, $\bar{a}$ перед i , u (перед j и перед i). Их судьба в слабом положении	294

§ 191. Редуцированные <i>ы, и</i> в сильном положении. Условия такого положения	295
§ 192. <i>ъ, ѧ</i> перед <i>и</i> : <i>вольи, люди</i>	297
§ 193. <i>ъ, ѧ</i> в конце слова перед <i>и</i> следующего слова . . .	299
§ 194. <i>ръ, рь, лъ, ль</i> перед согласным вместо давних <i>ьгъ, ьгь, ѡгъ, ѡгь</i> : <i>грьдъ, зрько</i> .	301
§ 195. Их изменение.	302
§§ 196—197. <i>ръ, рь, лъ, ль</i> перед согласным вместо давних <i>гъ, гь, ѡгъ, ѡгь</i> : <i>крьвъ, сьльзъ</i> .	303—306
§ 197а. Группа <i>-tvy-</i>	306
§ 198. <i>ы</i> . Написания с <i>и</i> вместо <i>ы</i> и с <i>ы</i> вместо <i>и</i>	307
§ 199. <i>е</i>	308
§ 200. <i>і</i> после гласного	309
§ 200а. <i>ј</i> в начале слова	—
§§ 201—202. <i>ј</i> в середине слова .	314
§§ 203—204. <i>l'epentheticum</i> в старославянском языке. Его изменение не в начале слова, отражающееся в старославянских памятниках. Значение способа образования следующего гласного	316—317
§ 205. Формы без <i>а'</i> морфологического происхождения	318
§ 206. <i>земь, zeml'a</i>	319
§ 207. Палатальные согласные <i>ѣ, ѡ</i> . Их происхождение.	—
§§ 208—209. <i>з (dz)</i> . Показания старославянских памятников в отношении судьбы аффрикаты <i>з</i> .	321—322
§ 210. <i>сѣ — ст, зда</i> в языке старославянских памятников. Сочетание <i>сѣ</i> в славянских языках	323
§ 211. <i>а', и', ѣ'</i> в старославянском языке . . .	324
§§ 212—213. <i>ш, ж, ч, ѡ, ѡд, ѡз, ѡ (ѡ)</i> , <i>ѣ (ѣш)</i> в отношении палатальности	325—326
§ 214. Согласные перед гласными переднего ряда в старославянском языке .	326
§ 215. Группы согласных.	328
§ 216. Конец слова.	329
§ 217. <i>къ-и-, съ-и-, нъ-и</i> . . .	—